РОБИН МУР

ФРАНЦУЗСКИЙ СВЯЗНОЙ

БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

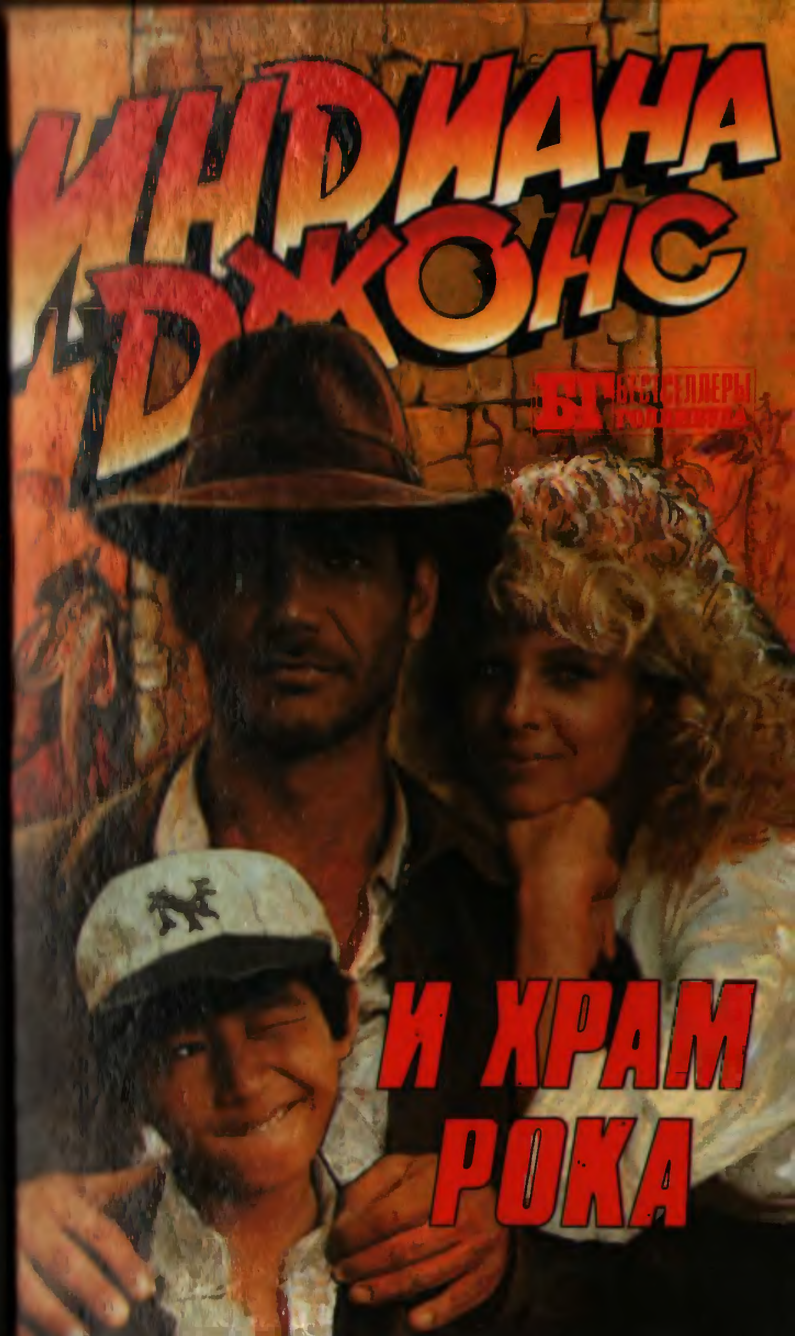
ФРАНЦУЗСКИЙ СВЯЗНОЙ

ИНДИАНА ДЖОНС И ХРАМ РОКА

БГ

ИНДИАНА ДЖОНС

БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

И ХРАМ РОКА

БС БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

В книге два романа:

«ИНДИАНА ДЖОНС И ХРАМ РОКА» Джеймса Кана;

«ФРАНЦУЗСКИЙ СВЯЗНОЙ» Робина Мура.

Главный герой должен спасти пропавших детей, похищенных на Востоке террористами-фанатиками. Постоянно находясь на волосок от гибели, Индиана Джонс вместе со своей девушкой и юным другом одновременно охотятся и за похищенным алмазом, который им предстоит выкрасть из храма Рока (Судьбы)...

В день выхода на экран одноименный фильм установил своеобразный рекорд и вошел в книгу рекордов Гиннеса: кассовые сборы за один день проката составили почти девять с половиной миллионов долларов.

...Эта операция началась со случайного взгляда, брошенного пытливым детективом на шумного посетителя ночного клуба и... нанесла страшный удар по международной сети наркобаронов.

«Французский связной» подкупает тем, что роман написан словно бы «изнутри» расследования; вместе с Эдди Итаном и Сонни Гроссо вы скитастесь по Манхэттену, вися на «хвосте» изворотливого Пэтси; как и детективов, вас охватывает облегчение, когда из тайника извлечен героин...

Напряженность и достоверность сюжета и привлекли кинематографистов, создавших фильм, ставший классикой мирового кино. Он удостоен пяти «Оскаров», включая награды за лучший фильм года, режессуру, лучшую мужскую роль (Джин Хекман) и сценарий.

ДЖЕЙМС КАН

ИНДИАНА ДЖОНС И ХРАМ РОКА

☆☆☆

РОБИН МУР

ФРАНЦУЗСКИЙ СВЯЗНОЙ

☆☆

БТ

«ЭРИКА»
«ДРОФА»
МОСКВА
1994

Эта книга из серии «БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА», в которую вошли получившие мировую известность лучшие произведения в жанрах детектив, фантастика, мистика, приключения, авантюрный и любовный роман, одновременно ставшие литературной основой либо созданные на основе самых популярных кино- и видеофильмов.

По вопросам приобретения книг серии оптовых покупателей просим обращаться по адресу:
129090, г. Москва, ул. Гиляровского, 29
(проезд — метро «Проспект Мира»).
Тел. (095) 288-39-77, 342-61-61.

Перепечатка входящих в данную книгу произведений, полная или частичная, ЗАПРЕЩЕНА.
Всякое коммерческое использование может быть осуществлено исключительно с разрешения издателя

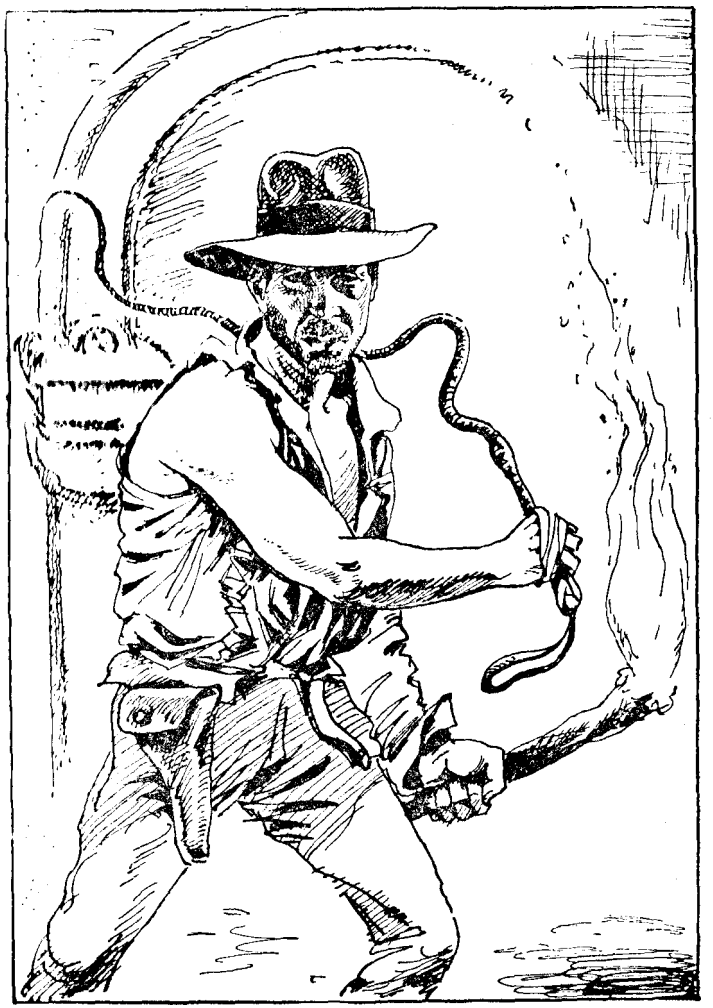
Знак серии защищен и охраняется авторским правом.
Использование данного знака без согласования с издательством преследуется по закону.

ISBN 5-85775-029-6

© «ЭРИКА», составление, 1993
© «ЭРИКА», знак серии, 1993
© Lucasfilm, Ltd. (LFL) «Indiana Jones and the Temple of Doom», 1981, 1984
© Robin Moor, «The French Connection», 1969
© «ЭРИКА», «Французский связной», перевод с английского, 1993
© П. Зарифова, «Индиана Джонс и храм Рока», перевод с английского, 1993
© «ДРОФА», «Индиана Джонс и храм Рока», издание на русском языке, 1993

ДЖЕЙМС КАН

ИНДИАНА ДЖОНС И ХРАМ РОКА

James Kahn

«TEMPLE OF DOOM»

A novel based on the screenplay by Gloria Katz & Willard Huyck
and story by George Lucas

Перевод с английского *П. Зарифовой*

Джеймс Кан

«ИНДИАНА ДЖОНС И ХРАМ РОКА»

Роман по сценарию Уилларда Хайка и Глории Катц,
основанному на сюжете Джорджа Лукаса

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С РАСКАЛЕННОЙ СКОВОРОДЫ...

Шанхай, 1935 год

В ночном клубе воздух был пропитан буйным весельем и табачным дымом. Дамы, господа, личности не самого респектабельного вида и всех национальностей, а также те, кого не пожелала бы признать своими ни одна наци, в строгих костюмах, занимали столики, расставленные вокруг танцевальной площадки. Длинноногие девицы с сигаретами в руках и длиннолицые вышибалы, экзотические блюда и официанты в смокингах, смех — то тихий, то громкий — и шампанское, нарушенные клятвы и запах опиума, примешивающийся к табачному дыму — все это витало в воздухе заведения. Декадентского заведения эпохи глубокого упадка. И все же весьма веселого, напоминавшего прощальное пиршество накануне конца света. Несколько лет спустя должна была разразиться Мировая война.

Вдоль наружной стены, в декоративных нишах и за арками в восточном стиле то тут, то там открывались подобия балкончиков и отдельные кабинеты. Бар размещался в глубине зала. Сбоку от него, возле дверей, ведущих на кухню, сидели музыканты, а еще дальше, прямо перед танцевальной площадкой, располагалась небольшая сцена.

По обеим сторонам сцены восседали на тронах два деревянных изваяния — китайские боги войны — с обнаженными мечами и холодными улыбками на устах, словно председательствующие на этом празднестве.

Рядом с изваянием, стоящим слева от сцены, мерцал огромный гонг, подвешенный к потолку на двух толстых тросах. Барельеф на нем изображал разъяренного дракона над вершиной горы. Тут же стоял мускулистый служитель в шароварах и с деревянным молотком, висящим поперек его обнаженного торса.

По центру сцены, прямо в зал смотрела огромная распахнутая пасть дракона. Над нею выдавались свирепо косящие в разные стороны газа. Усы из папье-маше шевелились в унисон с наполняющим зал шумом, а образующие чешую бумажные фонарики убегали назад, к занавесу.

Вдруг из пасти дракона заструился дым. Служитель с обнаженным торсом торжественно ударил молотком по гонгу.

Клубы дыма, заполнившие пасть дракона, пронизали лучи огненно-красного света, который, казалось, стекал по ступенькам со сцены вниз, на танцевальную площадку. Заиграла музыка, и из багрового оскала чудовища медленно появилась женская фигура.

На вид женщине было лет двадцать — двадцать пять. Зеленовато-голубые глаза, темно-русые волосы. На ней было золотисто-красное платье с высоким воротом, перчатки в тон, туфли на шпильке, в ушах — серьги в форме бабочек. Девушка постояла мгновение на нижней челюсти дракона, игриво дергая его за верхние зубы, затем с томным вздохом ступила на сцену. Ее звали Уилли Скотт. Она была сногсшибательна.

С десяток девушек из кордебалета, высыпав на сцену, принялись танцевать на ступеньках, расходившихся в обе стороны от головы дракона. Они помахивали веерами, прикрывая изысканно подкрашенные лица. На них были укороченные золотистые кимоно, открывавшие взгляду изрядную часть обтянутых шелковыми чулками ног.

Уилли запела.

Мало кто из присутствующих в зале слушал ее пение, но Уилли это мало заботило. Она заученно, как профессиональная актриса, двигалась вниз и вверх по ступенькам, продолжая петь, между тем как мысли ее блуждали в клубах дыма, сгустившегося над сценой, точно сны бутафорского дракона. Вместо этого злачного шанхайского ночного заведения ее воображение рисовало большую сцену, а вместо горстки дешевых танцовщиц, отплясывавших за ее спиной, — шеренгу блестящего кордебалета. Уилли была снова в Штатах, но уже признанной звездой, богатой, обожаемой, ослепительной, независимой...

Дым немного рассеялся, и Уилли вновь вернулась к действительности. «Тем хуже для этой толпы, — подумала она. — Они слишком низменны, чтобы оценить высококлассное исполнение, даже если все происходит у них на глазах, перед их столиками».

Дирижер дал ей знак — и она, сняв с себя алый шарф и с насмешкой разглядывая сквозь него публику, затянула финальный припев. Когда голос ее смолк, музыканты отыграли концовку и замерли. Публика зааплодировала. Уилли поклонилась. Трое мужчин за ближним к сцене столиком вежливо хлопали, ухитряясь улыбаться одними уголками рта. Это были король гангстеров Лао Че и его два сына. Отпетые негодяи, умело скрывавшие свою истинную сущность под слоем утонченной светскости.

Уилли подмигнула им со сцены. Точнее, одному из троих, Лао Че, у которого она находилась на содержании.

Он кивнул ей в ответ. Но тут внимание его привлекло нечто другое, и на лицо гангстера легла тень беспокойства. Взбегая обратно по ступенькам в пасть дракона, Уилли обернулась, чтобы разглядеть, что послужило причиной внезапной перемены в настроении ее покровителя.

Оказалось, что причиной тому — появление нового посетителя на лестнице, ведущей в зал. На нем был белый смокинг с красной гвоздикой в петлице, черные брюки, жилет и бабочка. Больше Уилли рассмотреть не удалось. Она лишь успела заметить, что вошедший хорошо держится. И ощутила при этом дурное предчувствие. «Уж не переодетый ли это полицейский», — промелькнуло у нее в голове.

Вошедший спустился в зал, и ему навстречу поспешил

официант. Выпархивая со сцены за кулисы, Уилли успела подумать: «Он ничего... Но от такого жди беды».

Индиана Джонс, выйдя из лифта, начал спускаться по лестнице в зал ночного клуба «Оби Уан» как раз в тот момент, когда кончится очередной номер, и дюжина танцовщиц в золотистом кимоно под аплодисменты публики упорхнула прочь со сцены. Он улыбнулся про себя: «Эй, куда же вы, девушки, я ведь только пришел!»

«Небрежной походкой Инди продолжал спускаться, обводя в то же время настороженным, как у кота, взглядом зал.

Все это было ему хорошо знакомо: разгулявшаяся толпа, буйное пиршество. Люди, собравшиеся в зале, принадлежали к вымирающему племени. Если столь любимые ими побрякушки сохранятся, драгоценности, представить себе, что творилось в этом помещении? «Эту низменную жизнь...» — подумал Индиана, остановившись взглядом на столике Лао Че.

Когда он достиг подножия лестницы, к нему подошел официант: молодой, но уже начинающий лысеть человек, субтильный, однако оставляющий впечатление некой опасности, полукитаец-полуголландец, по имени Ву Хан. Он слегка поклонился Индиане, с ничего не выражающей приветственной улыбкой, сказав при этом так тихо, чтобы услышал только Джонс:

— Будь осторожен.

Индиана с отсутствующим видом кивнул ему и направился к столику Лао Че и его сыновей, которые при его приближении перегруппировались. Аплодисменты смолкли.

— Доктор Джонс, — поприветствовал король гангстеров.

— Лао Не, — ответит Индиана.

Лао было под пятьдесят. Несколько слоев роскошной жизни отложились в его щеках и брюшке, но внутри, под этими округлостями, скрывался монолит. Одет он был в вечерний костюм из черного шелка, черную рубашку и белый галстук. Блестящая материя напоминала шкурку ящерицы — впечатление, довершавшееся тяжелыми, как у рептилии, веками, которые оставляли газа гангстера полуприкрытыми. На левом мизинце короля преступного мира красовался золотой перстень-печатка

императорской династии Чанг — Индиана это тут же отметил профессиональным восхищением.

Слева от Лао сидел его сын Као Кан, более молодая копия отца: коренастый, бесстрастный, жестокий. Справа — второй из сыновей, Чен — высокий, прозрачный, как привидение, юноша. Белый шарф, свободно обмотанный вокруг его шеи, наводит на мысли о бинтах, какими обматывают мумии при бальзамировании.

— Ни чин ли хау ма — ухмыльнулся Лао, несводя глаз с Индианы.

Оба сына зловеще рассмеялись.

— Ва джунг хау, ни нар — улыбнулся в ответ Индиана. — Ва хвей ханг джунг чи джа луни као су ва шу шу.

Шутка обернулась против самого шутника. Трое сидящих за столиком не произнесли ни слова. Лао сверлил Индиану ядовитым взором.

— Вы никогда не говорили, что умеете разговаривать по-китайски, — произнес он наконец.

— Не люблю хвалиться, — парировал Индиана.

Вынырнувшие невесть откуда телохранители молниеносно обыскали Джонса и вновь исчезли. Индиане это пришлось не слишком по душе, но чего-то в этом роде он и ожидал. Он опустился на свободное место напротив Лао.

Официант, подойдя к столику, поставил рядом с Лао большое блюдо с икрой и ведерко с охлажденной бутылкой шампанского. На лицо гангстера вернулась улыбка.

— Ради такого случая я заказал шампанское и икру, — проговорил он и другим, напряженным, тоном добавил: — Так, значит, это правда, доктор Джонс: вы нашли Нурхачи?

— Вам прекрасно *известно*, что я его нашел, — отрезал Индиана, слегка подавшись вперед. — Минувшей ночью один из ваших парней пытался завладеть им, не заплатив.

При этих словах Као Кан выпростал и положил на столик левую руку — свежезабинтованную там, где еще недавно был отсутствующий теперь указательный палец.

— Вы оскорбили моего сына, — скрывая раздражение, кивнул Лао.

— Нет, это вы меня оскорбили, — произнес Индиана,

вновь откидываясь на спинку стула. — Но я пощадил его.

— Доктор Джонс, мне нужен Нурхачи, — процедит гангстер, глядя на Индиану, словно кобра на мангуста.

Положив пачку денег в одну из секций вертящейся менажницы, занимающей середину стола, он толкнул ее так, что деньги, описав полукруг, остановились перед его визави.

Индиана положил ладонь на пачку, оценил ее толщину, мысленно перевел сумму в доллары и решил, что этого мало. Явно недостаточно. Он крутанул менажницу с деньгами назад, к Лао, и помотал головой:

— Тут недостаточно даже для того, чтобы покрыть мои расходы. Я полагал, что имею дело с честным жуликом.

Као Кан и Чен гневно принялись выкрикивать оскорбления по-китайски. Последний даже привстал из-за стола.

Внезапно на плечо Лао легла изящная рука в перчатке. Скользнув взглядом по этой тонкой руке вверх, Индиана уперся в лицо женщины, стоящей у Лао за спиной. Та смотрела ему прямо в глаза.

— Ты не представишь нас? — мягко обратилась она к своему покровителю.

— Доктор Джонс, позвольте представить вам Уилли Скотт, — отозвался Лао, жестом усаживая на место еще не остывшего Чена. — Уилли, это Индиана Джонс, известный археолог.

Уилли обошла вокруг стола, и Индиана поднялся, чтобы поздороваться с ней. Вместе с рукопожатием они обменялись оценивающими взглядами.

Ему понравилось ее лицо, которое отличала природная красота, не пострадавшая от неблагоприятных условий. Уилли напоминала необработанный алмаз, обмытый и нуждающийся в достойной оправе. Прозрачный берет в форме бабочки, украшающий ее голову и являющийся продолжением ее волос, Индиана счел признаком присущей ее характеру экстравагантности, если не легкомыслия. Перчатки на ее руках словно говорили ему: «Мне приходится соприкасаться со многим, но рук при этом я не пачкаю». Она благоухала дорогими духами и была одета в блестящее платье, закрытое спереди и с низким, очень низким вырезом сзади. Покрой этот навевал мысль о том, что обладательница такого платья должна обдавать холодом поначалу и оставлять жгучие воспоминания о себе в конце. Но она была женщиной Лао Че. Для Индианы это был сигнал тревоги.

Уилли же тотчас узнала в нем посетителя, спускавшегося по лестнице, когда она заканчивала свой номер. Первое ее впечатление при более близком знакомстве еще более усилилось: приятный мужчина, но настолько из другого мира, что атмосфера за столиком грозила взорваться от его присутствия. Однако подходящего места для него она не могла подыскать даже в воображении. Археолог?.. Что-то не вяжется с внешностью. Его подбородок пересекал бросающийся в глаза шрам — интересно, где он его заработал? Уилли считала себя знатоком по части любопытных шрамов. И еще у него были очень красивые глаза, хотя она никак не могла определить их цвет: зелено-карие-серо-небесные в золотистую крапинку. Ясный, жесткий взгляд, не дающий проникнуть в мысли. Как жаль... С какой стороны ни возьми — ей было до него семь верст до небес и все лесом.

Она оторвала взгляд от шрама на его подбородке, взглянула ему в глаза и дразнящим тоном произнесла:

— Я представляла себе археологов маленькими человечками, вечно ищущими какие-нибудь мумие...

— Мумии, — поправил Инди.

Они сели.

— Доктор Джонс нашел для меня Нурхачи и собирается доставить его мне... — прервал их Лао. — Немедленно.

Индиана собирался ответить, как вдруг почувствовал, а затем и увидел направленное на него дуло пистолета в руке Као Кана. Он решил не дожидаться, пока из этого дула что-нибудь вылетит, и схватил со стоящей возле их стола тележки разделочную вилку, в то время как Уилли, еще не чуя надвигающейся грозы, простодушно спросила:

— А кто такой этот Нурхачи?

В следующее мгновение, однако, она поняла: началось. Ибо Индиана резким движением привлек ее к себе, уперев острие вилки ей в бок. На какой-то миг у Уилли перехватило дыхание. «Я так и знала! Я так и знала!» — стучало у нее в голове. Вслух же она произнесла, обращаясь к Лао:

— Лао, он хочет проткнуть меня вилкой.

— Убери пушку, сынок, — бесстрастным голосом приказал Индиана сыну Лао и надавил вилкой.

Уилли почувствовала, как зубья впились ей в кожу сквозь платье. Она не думала, что археолог действительно способен продырявить ее — но кто знает этих мужчин с их игрушками. И, стараясь подавить страх, Уилли снова произнесла:

— Лао, он меня уже почти проткнул.

Лао Че бросил взгляд на сына. Тот спрятал пистолет.

— А теперь прошу расплатиться со мной, как условлено. А не то... «все уйдет», — потребовал Индиана и, обратившись за поддержкой к Уилли, спросил: — Вы согласны?

— Да, — прошептала она.

— Скажите *ему*, — предложил Индиана.

— Заплати этому человеку, — велела она Лао.

Гангстер, не говоря ни слова, вынул из кармана мешочек, положил его на менажницу и движением руки отправил в сторону Индианы и Уилли. Джонс дал ей знак головой. Девушка взяла мешочек -и высыпала из него на стол горсть золотых монет. Лицо Инди окаменело:

— Алмаз, Лао. Мы договаривались на алмаз.

Лао, скривив губы и пожав плечами в знак капитуляции, извлек из кармашка жилета плоскую серебряную коробочку и положил ее на менажницу.

Пока взгляд Индианы был прикован к движениям Лао и серебряной коробочке, Као Кан незаметно высыпал в стоящий возле него бокал с шампанским содержимое какого-то миниатюрного флакона и поставил бокал на менажницу, рядом с проезжавшими мимо монетами и коробочкой.

Секция менажницы, где лежала коробочка, замерла перед Уилли и Инди. Девушка открыла серебряную крышку. Внутри лежал крупный, прекрасно обработанный бриллиант.

— О, Лао... — выдохнула она.

Бриллианты были ее любовью и дьявольским наваждением — такие твердые, но нежные в своем блеске. Они были чисты и служили вместилищем всех цветов и оттенков. В них, магически преломляясь, отражалось ее собственное «я». К тому же бриллианты были вещью

невероятно практичной: одного такого камня ей хватило бы, чтобы стать богатой и не зависеть от разных типов вроде тех, что собрались за этим столом.

Индиана вонзил вилку в крышку стола, отпихнул Уилли на ее прежнее место и взял камень. Девушка, наконец, поняла, что напоминают ей его глаза.

— Змея... — холодно произнесла она.

Однако Инди был слишком занят алмазом, чтобы обращать внимание на подобные реплики. Прекрасная огранка. Каждая грань бриллианта представляла собой новую плоскость мироздания: безупречную, незапятнанную, незамутненную. Он давно охотился за этой безделушкой.

— А теперь... — прошипел Лао Че. — Давайте сюда Нурхачи!

Индиана сделал знак Ву Хану, официанту, который встретил его при входе в зал. Тот подошел, с полотенцем, перекинутым через левую руку и с подносом в правой. В центре подноса стояла небольшая нефритовая шкатулка.

Любопытство в душе Уилли взяло верх над гневом. Деньги, золото, алмаз, угрозы, а теперь в придачу эта изысканная вещица...

— Да кто такой в конце концов этот Нурхачи? — не выдержала она.

Индиана взял с подноса шкатулку, поставил ее на ту же менажницу и отправил, улыбнувшись, к Лао Че со словами:

— Прошу. Вот он.

— Мужичок, похоже, небольшой, — пробормотала Уилли, провожая проезжающую мимо шкатулку глазами.

Лао обеими руками коснулся переданной ему вещи. Оба его сына склонились над нею, а их отец тихо, торжественно, словно разговаривая сам с собою, произнес:

— Под крышкой этой священной урны заключены останки Нурхачи, первого императора династии Манчу.

— Добро пожаловать домой, старче, — подняв бокал с шампанским, благодушно поприветствовал Индиана и выпил.

«Останки? Прах? — подумала Уилли. — Так вся эта суета из-за какой-то горстки пепла?» Лично она не видела никакого проку в прошлом. Существенными време-

нами для нее были лишь настоящее и будущее. Остальное в лучшем случае навевало скуку. Девушка занялась своим макияжем.

— А теперь вы вернете мне алмаз, — усмехнулся Лао, глядя в глаза Инди.

Последнему стало вдруг что-то жарко в этом душном зале. Он расстегнул ворот рубашки:

— У вас странное чувство юмора — или мне послышалось?

Вместо ответа Лао извлек голубой пузырек. Джонс с любопытством взглянул на него. Неужели еще сокровища?

— Что это? — поинтересовался он.

— Антидот, — отрезал Лао.

— Против чего? — настороженно спросил Инди, охваченный внезапным подозрением.

— Против яда, который вы только что выпили, — расплылся в ухмылке гангстер.

— Яд! — воскликнула Уилли, и внутри у нее похолодело, словно от предчувствия конца света. — Лао, что ты натворил? Я ведь тут *работаю!*

(«Впрочем, работа эта, видимо, продлится теперь недолго», — подсказало ей все то же чувство.)

Индиана опустил палец в остатки шампанского и нащупал на дне порошок, напоминающий песок.

— Этот яд действует быстро, доктор Джонс, — хихикнул Лао.

Археолог положил бриллиант на стол и протянул ладонь:

— Давайте же. Ну!

Чен взял камень, посмотрел на свет и довольно улыбнулся. Затем положит его на стоящую в центре стола вертушку и запустит к отцу. По дороге бриллиант взяла Уилли, чтобы полюбоваться. Ей никогда не приходилось держать в руках столь крупного. И столь совершенного. Казалось, он пел.

Между тем Лао утратил к камню какой-либо интерес, разглядывая стоящий перед ним ларец со словами:

— Наконец-то у меня в руках прах моего великого предка.

Индиана чувствовал себя все больше не в своей тарелке. Перед глазами у него плясали желтые пятна.

— Антидот, Лао! — потребовал он.

Но тот и бровью не повел. Все было как нельзя хуже. Джонс ощутил, как почва уходит у него из-под ног и шансы его тают на глазах. Снова стремительным движением схватив разделочную вилку, он приставил ее к ребрам Уилли и прорычал:

— Лао!

— Лао... — эхом откликнулась она.

Старый гангстер, Као Кан и Чен лишь рассмеялись в ответ.

— Можешь оставить ее себе, — проговорит Лао. — Я найду другую.

— Ах ты, мелкий паршивец... — процедила Уилли, глядя на него так, словно только сейчас осознала нечто, давно ей известное.

— Ну пожалуйста! — произнес, шагнув вперед, стоявший возле столика Ву Кан.

Все обернулись к нему и увидели у него в руке, скрытой подносом от остальной публики в зале, пистолет, нацеленный прямо на Лао Че.

— Отличное обслуживание у вас тут, — проронил Индиана.

— Это не официант, — высказала догадку Уилли.

Вилка все еще упиралась острием ей в бок. Обстановка накалилась до предела, и она не знала, к кому примкнуть.

— Ву Хан — мой старый друг, — проронил Инди. — Игра еще не кончена, Лао. Антидот!

Археолог протянул руку. В это время за соседним столиком раздался громкий хлопок. Все обернулись, чтобы узнать, в чем дело. Оказалось, что это подвыпивший американец только что открыл бутылку шампанского и теперь держал ее, поливая пеной двух своих хихикающих спутниц. Официанты поспешно вскрывали все новые бутылки, раздалась уже целая канонада пробочных хлопков. Брызги, визг, смех...

Индиана вновь обернулся к своему столику. Дышать ему становилось все труднее. Стоявший поблизости Ву Хан, как успел заметить Джонс, был и вовсе бледнее смерти.

— Ву Хан, дружище, что... — начал было он, но не успел докончить, так как тот рухнул ничком на стол. Лишь теперь археолог заметил дымящееся дуло пистолета, который держал в руке, прикрыв салфеткой, Чен.

— Инди... — выдохнул Ву Хан.

Джонс вскочил, взял раненого друга за плечи и усадил на свое место.

— Не беспокойся, Ву Хан, — прошептал он. — Я тебя отсюда вызволю.

— На этот раз вряд ли, — прохрипел умирающий. — Я был с тобой во многих переделках. Но в эти неизвестные края я уйду один.

И с этими словами несчастный испустил дух. Инди уложил друга головой на стол. Его собственная голова горела огнем, тело покрыл липкий пот.

— Не печальтесь, доктор Джонс, — процедил старый гангстер с едва скрытым торжеством. — Скоро вы свидитесь со своим приятелем.

Ноги у Инди сделались как ватные, и он пошатнулся.

— Слегка перепили, доктор Джонс? — хохотнул Као Кан.

Индиана, потеряв равновесие и спотыкаясь, сделал несколько шагов назад и опрокинулся на пьяного мужчину, сидевшего за столиком неподалеку от них. При виде того, как эти двое тупо уставились друг на друга, даже мрачный Чен не смог сдержать улыбки. Наконец, Джонс в ярости отпрянул от пьяницы — и врезался в официанта, который привез на тележке фирменное блюдо — проспиртованных горящих голубей на вертеле. «По крайней мере, перед смертью я хотя бы сотру эту гнусную улыбку с лица Чена», — подумал Инди и, молниеносно схватив вертел, с разворота запустил им в неприятеля. Вертел глубоко вонзился в грудь Чена.

На долгое, невыносимо затянувшееся мгновение, все замерло. Весь зал затих в предчувствии чего-то ужасного. Все посетители, как один, затаив дыхание, устремили взоры на фантомоподобного молодого китайца в парадном костюме, который стоял, пронзенный насквозь необычным копьем, и на изумленном лице его вспыхивали зловещие блики, отбрасываемые горящими голубями.

В следующий миг вокруг все словно взорвалось. Уилли завизжала. Женщина за соседним столиком, глядя на второй вертел, еще оставшийся на тележке, и, боясь, что следующей жертвой суждено стать ей, тоже зашлась в крике. В зале начался настоящий хаос: крики, звон бьющегося стекла, топот ног, паника...

Индиана прыгнул, вытянув руки, через стол, чтобы

схватить пузырек с антидотом, но тот, скользнув по гладкой поверхности, упал на пол, и Джонс оказался нос к носу с Лао Че. Схватив гангстера за лацканы смокинга, Инди прокричал по-китайски:

— Гнусный преступник!

— Нищий иностранишка! — взвизгнул в ответ, тоже по-китайски, Лао.

Као Кан обхватил было Джонса за шею, но получил мощный удар левой, так что оказался в нокдауне, уронив под стол пистолет. Один из телохранителей Лао, поспешив на подмогу сыну хозяина, набросился на Инди сзади, едва не наступив на голубой пузырек, который отлетел куда-то под соседние столики.

В это время в голове Уилли одна за другой проносились мысли: Лао оказался полным подонком, и она рада будет от него отделаться; о дальнейшей работе в этом ресторане после всего — забыть; этого Джонса она с самого начала раскусила; если действовать хладнокровно, то ей, глядишь, удастся выйти из этой заварухи, да еще и с алмазом в придачу... Она под шумок протянула руку к менажнице и схватила алмаз, но в этот момент Инди и сцепившийся с ним телохранитель обрушились на нее, выбив камень из рук. Тот, отскочив, укатится на танцплощадку.

— Сволочь! — ругнулась Уилли сквозь зубы, непонятно кого имея в виду, и нырнула вслед за своим сокровищем, улизнувшим у нее из-под носа.

Оркестр грянул музыку, словно решив, что началось самое веселье.

Инди, сцепившись с громилой, катался по полу. Получив оглушительный удар в челюсть, он вслепую отвесил обидчику ответного тумака, но угодил по ногам девушке-разносчице сигарет, которая рухнула на них. Телохранитель, высвободившись, приподнял Инди и ударил еще раз, так, что тот опрокинулся на тележку официанта и стремительно покатился в направлении оркестра, словно летающее привидение. Человеческие лица проносились мимо Инди неясными, размытыми пятнами. По пути он, как ему показалось, заметил желанный голубой пузырек где-то на полу, но тележка продолжала нестись вперед — покуда с размаха не врезалась в подиум, где сидели музыканты. Приподнявшись, Инди заметил при-

ближающегося громилу — и, вовремя успев схватить за гриф контрабас, обрушил его на врага.

Постояв один миг, собираясь с мыслями, Индиана вдруг заметил в самой гуще свалки лежащий на полу пузырек и прыгнул за ним. Но не успел он схватить желанную вещицу, как ее вновь пнули куда-то в сторону. Приземлившись на четвереньки, Инди оказался нос к носу со стоящей также на четвереньках Уилли.

— Антидот! — выпалил Индиана.

— Алмаз! — в тон ему ответила девушка.

Джонс пошарил взглядом и обнаружил камень возле собственной руки. Но в следующую секунду тот, задетый чьей-то ногой, покатился прочь, сквозь десятки ботинок и туфель.

— Черт! — проронила Уилли и ползком отправилась вслед за сокровищем, в то время как Джонс устремился в противоположном направлении.

Лао Че между тем кое-как пробрался сквозь обезумевшую толпу к входным дверям и закричал. На крик его почти мгновенно явилась команда головорезов и замерла в ожидании дальнейших приказаний.

Оркестр продолжал играть как ни в чем не бывало, несмотря на отсутствие контрабаса. Под веселые аккорды дюжина танцовщиц выпорхнула из пасти бутафорского дракона на танцплощадку. Веселье было в самом разгаре.

Инди, также в такт музыке, рывком поднялся с пола и очутился посреди танцующего кордебалета. Ему стало уже совсем худо, однако при виде явившихся на зов Лао громил с ножами, он почувствовал свежий приток сил и, спотыкаясь, устремился назад, к подиуму с оркестром.

Трое гангстеров одновременно метнули в него ножи, но Инди вовремя нырнул за спину деревянной статуи возле сцены. Заметив, что четвертый головорез тоже собирается метнуть оружие, Джонс схватил у барабанщика медную тарелку и запустил ею в противника. Тот рухнул без сознания, пораженный прямо в голову, по пути опрокинув ведерко со льдом. Ледяные кубики запрыгали по полу вокруг алмаза, так что он стал неразличим среди них.

Уилли с отчаянным стоном принялась разгребать льдинки руками и ощупывать их, пытаясь отыскать утерянное сокровище. Вместо него под руку ей попался

голубой пузырек. Инди со сцены, увидя в ее руках драгоценную находку, закричал:

— Стой там! Пожалуйста!

Она обернулась на крик, и глаза их встретились. Момент был решающим. Кто этот тип? Он вторгся в ее жизнь всего несколько минут назад, был ей представлен, затем угрожал ей (она до сих пор ощущала кожей упершееся ей в бок острие вилки), дал ей впервые в жизни прикоснуться к никогда не виданному сокровищу, стоил ей ее покровителя (невелика потеря) и работы (тоже не беда), и вот теперь его жизнь была в ее руках. Но у него такие глаза...

Поразмыслив, она сунула пузырек для надежности за лиф платья. Но поисков алмаза прекращать не собиралась. С новым упорством Уилли принялась перебирать усеивающие пол льдинки.

Као Кан пришел в себя, поднял валяющийся рядом на полу пистолет, обернулся и, увидев Инди, непослушной рукой стал целиться. Однако Джонс успел это заметить, попятился, присев, за сцену и дернул за какую-то веревку. И тут, словно в фантастическом сне, с потолка посыпались нескончаемым потоком сотни цветных воздушных шаров. За их мельтешением Као Кан потерял из виду свою живую мишень.

Под прикрытием этого непроглядного занавеса из шаров Инди кинулся туда, где в последний раз видел Уилли. Но девушки там не оказалось. Вместо нее он наткнулся на двух гангстеров. Один из них попытался применить к Инди прием каратэ, но получил удар в солнечное сплетение. Второго Инди опрокинул на разъяренного официанта, а сам, обессилев, прислонился к стене.

Действие яда начинало сказываться все сильнее. Лицо Джонса было бледнее смерти, он весь дрожал. Желудок его пронизывала такая сильная боль, что он боялся потерять сознание. Нет, нет, только не это! Он должен отыскать Уилли. Забрать у нее пузырек. Чтобы хоть немного прийти в себя, он плеснул в лицо водой из попавшегося под руку стакана. Это помогло. Все вокруг снова обрело в его глазах реальные очертания. Взору Инди предстали еще четверо гангстеров, вбегающих в зал.

Као Кан метался в бессильной ярости. Трясущаяся

рука не позволяла ему хорошенько прицелиться, чтобы отомстить убийце брата. К своей радости, он заметил, что один из головорезов вооружен ручным пулеметом. Одержимый жаждой мести, Као Кан устремился к нему, вырвал оружие и ринулся в самую сутолоку с криком:

— Где он? Я убью его!

При виде пулемета присутствующие разбежались. Низвергающийся с потолка поток воздушных шаров тоже начал редеть, и через несколько секунд Као Кан и Индиана увидели друг друга. Не дожидаясь, пока противник нажмет на курок, Джонс нырнул под лестницу, ведущую в ложу. Пулеметная очередь прошила ложу насквозь. Инди перебежал за висящий поблизости громадный гонг. Люди вокруг голосили, падали в ужасе на пол и пытались найти хоть какое-нибудь укрытие.

Когда очередь отгремела, Индиана метнулся еще дальше, за деревянную статую бога войны, вырвал у него из рук позолоченный меч и двумя мощными взмахами перерубил трос, на котором гигантский гонг был подвешен к потолку. Гонг с гулким звоном рухнул на пол. Инди укрылся за ним, словно за огромным медным щитом, о который тут же загремели пули. Поддерживая свой щит, Инди покатил его в направлении Уилли, продолжавшей судорожно перебирать груду льда в поисках алмаза. Пулеметная очередь отбивала оглушительный ритм на медной поверхности. Гонг, катясь, набирал скорость, и теперь Инди, чтобы оставаться под его прикрытием, приходилось бежать. Шум стоял невообразимый.

Даже Уилли услышала его и, оторвавшись от своего занятия, увидела стремительно катящийся на нее исполинский диск. «Это конец, — промелькнуло у нее в голове. — Надо же угодить под сорвавшийся с цепи гонг во время потасовки в ресторане!»

В последнюю секунду Инди успел схватить ее за руку и втащить за гонг. Люди Лао, перескакивая через перевернутую мебель, палили из всех стволов. Пули градом осыпали медный щит, рикошетом отлетая от него. Уилли взвизгнула, и Джонс, бросив взгляд вперед, увидел, что диск катится прямиком в направлении огромного, во всю стену, окна с матовыми стеклами.

— Я не хочу!.. — вскрикнула Уилли.

Но времени на споры уже не оставалось. Гонг с грохотом врезался в окно, и в следующее мгновение Индиана, обхватив девушку за талию, ринулся в образовавшуюся брешь. После трехметрового свободного падения они приземлились на скат крыши и, съехав по ней, полетели дальше вниз. Пролетев еще два этажа, их переплетенные тела пробили навес, бамбуковый балкон и, наконец, рухнули на заднее сиденье открытого «дуйсенберга», который был припаркован перед входом в ночной клуб.

Уилли первая приняла вертикальное положение, еще не веря, что ей удалось уцелеть, и оказалась лицом к лицу с двенадцатилетним мальчиком-китайцем в бейсбольной шапочке «Нью-Йорк янкиз». Открыв рот, он глазе на нее с переднего сиденья.

— Вот это да!.. Ничего себе, мягкая посадка! — произнес, наконец, паренек.

— Жми, Коротышка! — приказал Индиана.

— Ладно, док Инди, держись! — ответил тот и с ухмылкой, повернув бейсбольную кепку козырьком назад, нажал на газ.

Взвизгнули тормоза, и машина рванулась в шанхайскую ночь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СУДЬБА МАЛЬЧИШКИ

Для Коротышки это был самый обычный день.

Он поднялся рано — около полудня — и отправился на работу. Работал Коротышка в притоне курильщиков опиума на улице Лиу. Собственно, особых дел днем у него там не было. В это время посетителей бывало немного — не считая тех, что отсыпались после минувшей ночи. Коротышка подносил им чай, провожая их до рикш или приглядывал за их одеждой, сложенной в соседней комнате, за небольшие чаевые. Исключение составляли лишь отдельные случаи, когда он позволял себе поживиться кое-чем из обнаруженного среди оставленных ему на сохранение вещей. Ибо, помимо всего прочего, Коротышка был вор.

Разумеется, он не был жуликом в прямом смысле слова. Сам он охотнее сравнивал себя с Робином Гудом, героем фильма, который он уже раз восемь видел в кинотеатре «Тайфун». С тем отличием, что бедняком, которому он отдавал награбленную добычу, являлся он сам.

Именно об этом размышлял Коротышка в тот день в полупустом притоне на улице Лиу. Сладкий дым густыми клубами окутывал двух клиентов, лежащих на голых дощатых лежаках. Один из них был старый китаец, второй — молодой бельгиец. Сидя на их пожитках, Коротышка почувствовал, что недурственно было бы позавтракать, и ему пришло в голову, что в сумке бельгийца он может найти какую-нибудь снедь. Коротышка принялся рыться в ней, как вдруг в дверях показался сам владелец, которого зрелище это не слишком обрадовало.

Бельгиец выглядел нисколько не одурманенным, а, напротив, весьма бодрым и грозным. Коротышка слишком хорошо знал, что в подобных случаях всякие объяснения бесполезны, поэтому он не стал дожидаться продолжения, а мигом нырнул в распахнутое окно, по чистой случайности прихватив с собой паспорт чужестранца. Тот кинулся за ним в погоню.

Коротышка обожал погони. Они порождали в нем ощущение нужности людям. Преследуемый бельгийцем, он промчался через задний двор, перемахнул через ограду, пронесся вверх по проулку, свернул на другой... Иностранец все не отставал. Парнишка подбежал к пожарной лестнице, укрепленной на стене старинного деревянного дома, и быстро полез наверх, на крышу. Преследователь за ним. Коротышка по-обезьяньи начал продвигаться по остроконечным, покатым, с выступами, крышам: где ползком, где прыжками, где скользя... Крыши были его коньком.

Преследователь начал отставать, но и не думал сдаваться. Коротышка подбежал к краю последней крыши, и перед ним открылась пропасть глубиной в четыре этажа. Бельгиец сокращал расстояние. Паренек поспешно взобрался на самый верх и взглянул на ту сторону крыши — то же самое, четырехэтажный обрыв.

В двух метрах под ним из верхнего окна через пропасть, к окну в доме напротив, протянулась бельевая веревка. Ну в точности как у Робина Гуда! Вот это да! Эх, была не была! Коротышка прыгнул вниз, ухватился за веревку и, перехватывая руками, начал перемещаться вдоль развевающихся пижам и шелкового белья к окну на противоположной стороне. Преследователь за его спиной разразился беспомощной бранью на фламандском языке.

Благополучно перебравшись на ту сторону, мальчишка пролез в окно, Обернулся и наградил разъяренного европейца улыбкой на миллион долларов, в качестве компенсации за заимствованный у того паспорт:

— Вот потеха! Здорово повеселились!

Однако бельгиец, судя по всему, не разделял его радости. Что ж, не у всех хорошо с чувством юмора. Коротышка вежливо извинился за причиненное беспокойство перед изумленными хозяевами квартиры, куда он вторгся столь бесцеремонно. Затем с поклоном, чего трудно было ожидать после такого начала, удалился через входную дверь.

На улице уже начинало вечереть. Рыботорговцы сворачивали свои лотки, да и товар их уже попахивал. Однако вечерняя толпа еще не заполнила улицы. Это было любимое время Коротышки. Час голубей.

Приблизительно в это же время на площадь перед монастырем, что возле бара «Гунг Хо», слетались сотни голубей и принимались издавать звуки, походившие на мурлыканье сразу тысячи блаженствующих персидских кошек. Звук этот почему-то (Коротышка сам не знал, почему) ассоциировался в его сознании с воспоминанием о том, как мать качала его в колыбели.

На самом деле семьи у него давно не было. Не считая, конечно, доктора Джонса, который теперь заменял ему всех родных. Коротышка подозревал, что Инди — воплощение одного из богов Чао-пао (Открывателя сокровищ). Паренек считал, что сам происходит от этого божества, таким образом, в любом случае они с Джонсом оказывались родней.

Коротышка пересек Голубиную площадь и подошел бару «Гунг Хо». Именно там он впервые встретил Индиану. Паренек вошел внутрь. В глубине, в отдельной кабинке, Инди потягивал женьшеневый чай. Заметив друга, Коротышка подбежал к нему и, расплывшись в улыбке, плюхнулся на стул напротив.

— Инди, я раздобыл паспорт для Ву Хана! — возбужденно прошептал он и протянул паспорт бельгийца.

При виде документа брови Джонса поползли вверх:

— Где ты это взял? Я же, кажется, сказал, чтобы ты больше не воровал?

— Я и не ворвал, — оскорбился тот. — Он сам дал. Ему не нужен больше.

Паренек так искренне изобразил оскорбленную невинность, что Индиана почти поверил ему. Во всяком случае, спрятал принесенный для Ву Хана паспорт себе в карман. Коротышка просиял. Именно за это он и любил Инди. Они были под стать друг друг: оба увлекались

подыскиванием новых владельцев, новых рук для ценностей и вещей, слишком залежавшихся на одном месте. К примеру, Индиана собирался найти новое пристанище и для самого Коротышки: взять его с собой в Америку.

Инди покосился на паренька и протянул ему деньги:

— Ладно, парень. Я могу положиться на тебя в отношении билетов на самолет?

— Проще пареной репы. Возьму машину у своего дяди Вонга, съезжу поговорю с продавцом билетов и буду ждать тебя у клуба.

— У самого входа, — кивнул Индиана. — За час до рассвета. Часы есть?

— Будь спок.

— Хорошо. И передай спасибо своему дяде зато, что он разрешает тебе пользоваться его машиной.

— Он не против. А мы скоро улетаем в Америку?

— Да, скоро. Сначала в Дели. А теперь дуй. Мне надо еще увидеться с одним человеком.

Коротышка оставил Индиану и вышел из бара. И прямиком бросился к дому немецкого дипломата, с которым у него было шапочное знакомство. Просто он чистил ему ботинки в одном роскошном борделе и услышал краем уха, как тот сказал своей спутнице, что уезжает на неделю проведать родственников в Эльзас.

Добежав до дома дипломата, Коротышка обошел его сзади и пробрался в гараж через узкую дверцу, вырезанную для кошки в нижней части ворот. Очутившись внутри, он минут десять поиграл с молодым котом, дразня его сооруженной из мотка шерсти мышью, пока тот не завладел добычей и не скрылся с нею в углу под лестницей. Тогда паренек широко отворил ворота гаража и сел в машину — открытую модель «дуйсенберг-аубурн» кремового цвета, которую легко можно было завести и без ключа. Во всяком случае, Коротышка уже несколько раз на этой неделе проделывал подобную операцию, справляясь с Инди в различные поездки. Вот и теперь он нащупал под панелью два проводка, соединил их, так что между концами проскочила искра, и мотор взревел. Коротышка на секунду почувствовал себя героем сказки, попавшим в утробу дракона. Для полноты ощущения он даже зажмурился, прислушиваясь к рокоту машины, вдыхая дым короткого замыкания и почти ощущая ок-

ружающие его стены, потолок и пол гаража, точно желудок чудовища.

Вздрогнув от этой пугающей фантазии, он открыл глаза и задом вывел автомобиль из гаража. Затем вышел, закрыл ворота, снова сел за руль и тронулся в объезд дома в сторону дороги. Сидя на месте водителя, Коротышка едва видел из-за руля дорогу и с трудом доставал ногами до педалей. Однако и этого ему было достаточно, чтобы справиться с управлением. Городские улицы сменились сельской дорогой. День догорал. Наступил излюбленный час Коротышки: когда солнце, оранжевое, как апельсин, и раскаленное, как уголь, висело над краем земли, готовое вот-вот кануть в ночи.

Рано вечером он уже стоял в небольшой конторе при английском аэропорте, пытаясь договориться о билетах на самолет с чиновником по фамилии Вебер.

— Вряд ли я смогу найти место для *вас*, — говорил чопорный англичанин.

— Это не для меня. Для доктора Джонса, знаменитого профессора, — не сдавался мальчик, протягивая чиновнику большую часть денег, данных Индианой. — Важное государственное дело. Я его помощник.

— Что ж, посмотрю, сумею ли что-нибудь сделать для вас, — скептически промолвил англичанин, но деньги взял.

— Сделайте, а... — подмигнул Коротышка. — А доктор Джонс включит вас в свою книг. Может, вам дадут медаль.

— Я сделаю все, что в моих силах, — заверил чиновник, несколько сбитый с толку странным просителем. — Однако не уверен, что смогу найти три места на один самолет, учитывая, что до вылета остается совсем немного...

Коротышка, вновь подмигнув, сунул ему в виде взятки остальные выданные Индианой банкноты и как бы невзначай приоткрыл спрятанный у него за поясом нож. Вебер явно почувствовал себя не в своей тарелке, принимая подачку от малолетнего гангстера, но отказаться не решился.

— Да, я уверен, что сумею вас посадить, — натянуто улыбнулся он, от всей души желая, чтобы головная контора в Лондоне поскорее отозвала его от сюда, вернув к цивилизации.

Коротышка отвесил Веберу изысканный поклон, затем пожал руку и под конец откозырял, поднеся ладонь к своей бейсбольной кепочке. После чего кинулся обратно к машине и помчался в город. Вернувшись, он оставил автомобиль в сарае у приятеля, который был у него в долгу. Ночь уже открывала свои глаза. Она представлялась пареньку хищником, который, проспав весь день, с темнотой поднимался, чтобы утолить голод. Еще одним любимым временем суток Коротышки была вся ночь напролет.

Он зашагал в направлении пристани. Следовало соблюдать осторожность в подобных местах, где на парней его возраста был большой спрос. Его могли насильно увезти юнгой на корабле или, хуже того, принудить к каким-либо более позорным занятиям. Однако столь пронырливого паренька, как он, это не пугало. Зато Коротышка знал наверняка, что нигде больше ему не удалось бы бесплатно поужинать. Ибо, как и проснувшаяся ночь, Коротышка чувствовал, что проголодался.

Из груды мусора, скопившегося на задворках одного из портовых кабаков, паренек извлек гладкую дощечку и отправился, вооруженный ею, вниз, к плещущимся о сваи маслянистым водам. Зайдя в море по щиколотку, он присел на корточки и приготовился ждать. Пять минут просидев в полной неподвижности и молясь про себя Наге, дракону-повелителю этого моря, Коротышка вдруг несколько раз подряд с размаху что было сил хлопнул доской по поверхности моря. Через мгновение оттуда всплыла вверх брюхом аппетитная рыба-луна. Схватив добычу за хвост, Коротышка для верности еще раз ударил ее головой о доску. Затем выбрался из воды на прибрежный песок, разделал рыбину ножом и принялся за нежное сырое мясо, гадая, водится ли рыба-луна в Америке.

Затем мысли его перескочили на американское кино. До назначенного ему Инди часа времени оставалось еще порядочно, поэтому Коротышка решил пройтись до кинотеатра «Тайфун» и посмотреть, что нового там показывают. В этом кинотеатре крутили преимущественно американские ленты — специально для разношерстной толпы, заполнявшей банковский и дипломатический районы города. Именно на сеансах в «Тайфуне» Коротышка и выучился кое-как объясняться по-английски.

Прочитать афишу ему оказалось не под силу — собственно, читать он вовсе не умел, не считая нескольких слов, которым научил его Инди, — но буквы на ней явно выглядели иначе, чем в прошлый раз. Коротышка решил проверить. Забравшись на два прислоненных к задней стене кинотеатра мусорных бака, парнишка юркнул в открытую форточку туалета, встал ногами на бачок и спрыгнул на пол, до смерти напугав расположившегося в кабинке господина. На предложение Коротышки почистить ботинки тот ответил вежливым отказом. Тогда парнишка проскользнул в достаточно широкий зазор под дверцей кабинки и устремился в зрительный зал.

Расположившись у самого прохода — на тот случай, если потребуется быстро ретироваться, — он опустился пониже, чтобы контролеры, знавшие Коротышку в лицо, не сразу заметили его присутствие. Все сошло как нельзя лучше. Коротышка сунул в рот жвачку и устроился поудобнее, чтобы насладиться картиной.

Показывали забавную комедию. Частный детектив по имени Ник откалывал номера, разыгрывая свою жену Нору, весьма миловидную даму. И еще у них был ужасно глупый пес по кличке Аста. Ник как раз потягивал очередную порцию мартини в притоне, где собрались злодеи, когда запоздало прокравшаяся в зал парочка влюбленных уселась прямо перед Коротышкой, загородив ему экран. Он уже собирался пересесть на другое место, как вдруг заметил в просвет между креслами, что женщина кладет свою сумочку между собой и своим спутником. Такую возможность упустить было нельзя. Парнишка выждал минут десять и, убедившись, что парочка всецело погрузилась в созерцание фильма, протянул руку и переложил плохо лежащую вещь себе на колени.

Это была серебристая матерчатая сумочка с перламутровой застежкой. Коротышка расстегнул ее и быстро перерыл содержимое. Ух ты! Вот удача: внутри, среди прочего, оказалась отделанная камнями косметичка, а в ней — миниатюрные часики. Именно то, что ему было необходимо, чтобы не опоздать на встречу с Инди, когда короткая стрелка будет стоять на цифре четыре, а длинная — на двенадцати (Инди обучал его еще и счету; это Коротышке давалось легче.) Добрый знак, предвещавший удачу на весь остаток ночи. Паренек мысленно поблагодарил своего покровителя Чао-пао, сунул часики

в карман, застегнул сумочку, выбрался со своего места и, задыхаясь, словно после долгого бега, рухнул в проходе к ногам сидевшей впереди дамы.

— О, Боже! — вскрикнула та.

— Леди, вор украл вашу сумочку... — затараторил Коротышка, протягивая вещь владелице. — Я догнал и отнял. Он хотел меня убить, но я сбежал. Вот, возьмите.

— Бедняжка! — откликнулась дама, поспешно проверяя, целы ли деньги в кошельке, и, удостоверившись, что все в порядке, облегченно вздохнула.

— Тс-с-с!.. — вмешался ее спутник, по опыту предпочитающий не вступать ни в какие контакты с уличными пройдохами.

Дама непонимающе вскинула брови. Коротышка изобразил страшную боль от побоев.

— Вот тебе, милый, — дама протянула ему два доллара. — За то, что ты такой смелый и честный мальчик.

— Спасибо, леди! — Коротышка с благодарностью сунул деньги в карман и, позабыв про мифические побои, вскочил и выбежал из зала, провожаемый изумленным взглядом дамы.

На улице бурлил вечерний Шанхай: бумажные фонарики, жонглеры, проститутки, торговцы — дым столбом... Коротышка, чувствуя себя Ником Чарльзом, приблизился к одной из прогуливающихся поблизости проституток, с разрезом на боку по всей длине платья и еще одним на щеке, и подмигнул ей:

— Эй, милашка, сигареты не найдется?

Та собралась было ответить что-то резкое, но передумала и, порывшись в сумке, протянула мальчишке жвачку

— Ух ты! — воскликнул тот, пряча в карман и этот трофей. — Спасибо, леди!

«Ну и вечер!» — дума он, спеша бегом навстречу новым сюрпризам.

На один доллар, полученный в кинотеатре, Коротышка купил музыкальный волчок, который еще и сверкал в придачу. Трое парней пристали к нему, намереваясь отнять игрушку. Пришлось огреть ею по голове одного из них, одновременно перемахивая через забор. В результате ни погони, ни волчка... Оставшись с одной ручкой от игрушки, Коротышка изо всей силы запустил ею в направлении преследователей. Когда-нибудь он ста-

нет таким же великим питчером, как Левша Гроув. Он тоже левша — и кидает вон как далеко.

Второй доллар он отдал старушке, просившей милостыню на крыльце, мимо которого он проходил. Видеть побирающихся пожилых людей для него было невыносимо. Собственная его бабка уже умерла, но ему всякий раз представлялось, будто это она стоит на приступке с протянутой рукой. Эта мысль не шла у него из головы.

Старушка поклонилась ему. Коротышка в ответ поблагодарил за то, что та позволила ему помочь ей.

Пошел сильный дождь. Паренек поспешил вернуться в сарай к своему приятелю и застал там группу мужчин, окруживших одного типа, который гадал им. Около часа Коротышка провел, наблюдая за этим занятием. Но когда он попросит гадальщика, чтобы тот кинул стебли тысячелистника и на его будущее, тот отказался.

Тогда Коротышка отошел прочь и пристроился отдохнуть за сваленными в сарае мешками чая и вскоре задремал, усыпленный голосами матросов, игравших неподалеку в кости. Кости, гаданье — все одно, никакого проку... Проснувшись, он обнаружил влюбленную парочку, целующуюся за грудой мешков напротив, и несколько минут наблюдал за нею. Они казались удивительно счастливыми. «Интересно, у них есть дети?» — подумал паренек.

Заслышав доносящиеся из соседнего помещения звуки радио, Коротышка встал и направился туда. Приемник стоя на полу, а возле него на корточках сидел пьяный матрос, пытаясь поймать станцию, транслирующую контрабандные американские записи. Музыка то и дело прерывалась другой программой, по которой передавали очередную часть радиоспектакля о Тени, чувствовавшей зло в сердцах людей и умевшей омрачать их разум. Парнишка любил этот спектакль и старался не пропускать ни одной трансляции. Однако матрос отшвырнул Коротышку от приемника, как котенка — видимо, это развлечение предназначалось для индивидуального пользования.

Но Коротышка не слишком опечалился. Все равно ему уже скоро пора выезжать. Он бросил взгляд на добытые в кинотеатре часы. Самое время. Коротышка направился к машине, сел, завел ее и выехал на улицу. Дождь утих.

К клубу Коротышка прибыл ровнехонько в назначенный час, однако Инди у входа не оказалось. Швейцар попытался было прогнать его, крикнув, что ставить машины у подъезда запрещено, но паренек сунул ему в руку изящные дамские часики, и тот разрешил постоять еще, только чтобы не мешать подъезду других автомобилей.

Не прошло и минуты, как с неба низвергся Индиана. Да не один, а с дамой.

— Вот это да!.. Ничего себе, мягкая посадка! — произнес, опомнившись, паренек.

— Жми, Коротышка! — откликнулся Инди.

Под визг тормозов они сорвались с места и устремились в шанхайскую ночь.

— Это еще что такое: *молокосос* за рулем?! — неповерила своим глазам Уилли.

— Успокойтесь, я сам учил его вождению, — невозмутимо отозвался Индиана.

— А, ну тогда другое дело! У меня на душе сразу стало гораздо спокойнее! — съязвила она.

На повороте Уилли швырнуло на Инди. Тот уверенным движением протянул руку к корсажу ее платья.

— Слушайте, мы же с вами едва знакомы! — возмутилась девушка. — Некоторые мужчины бог весть что себе...

— Не обольщайтесь, — парировал Инди. — Где антидот?

Самочувствие его совсем ухудшилось. Он нащупал пузырек за ее корсажем, извлек его оттуда, непослушными от яда пальцами открутил крышку, поднес горлышко к губам и, поморщившись, выпил.

— Вид у вас неважный, — заметила Уилли.

— Я всегда плохо переношу яд, — проронил тот, вытирая губы рукавом. — Коротышка, сверни направо, к мосту Ванг Пу.

— Понял, шеф! — прокричал паренек (ведя машину, да еще на такой скорости, он старался походить на Джеймса Кэгни).

Оглянувшись, Инди заметил висящий у них на хвосте внушительных размеров черный седан и сообщил:

— Похоже, у нас попутчики...

Уилли совершенно упала духом. Если Лао поймает ее теперь — ей *действительно* конец. С работой в клубе можно распрощаться, алмаз она потеряла, этот сума-

сшедший пацан в любую минуту, того и гляди, врежется во что-нибудь вместе сними, два ногтя на руке сломано... А теперь еще и это. Последняя капля. Ну хорошо, с остальным она еще готова смириться, но как ей дальше выступать на сцене, если она выглядит, как... Она взглянула на свое отражение в зеркале, укрепленном на борту машины: все оказалось еще ужаснее, чем она думала. На глаза Уилли навернулись злые слезы.

— Посмотрите только, что вы со мной сделали! — накинулась она на Индиану. — Помада размазана, два ногтя сломаны, на чулке затяжка...

Докончить обличительную тираду ей не удалось. Пуля, пущенная из преследующего их седана вдребезги разнесла зеркало, обдав их стеклянными брызгами. Инди и Уилли нагнулись, сжавшись на заднем сиденье. Коротышка же и без того сидел так низко, что голова его едва возвышалась над баранкой.

— Мои неприятности, похоже, все-таки пострашнее ваших, — пробормотал Джонс, вынимая пистолет из кобуры у себя под мышкой. Он выстрелил по преследователям, после чего рявкнул: — Вон туда, Коротышка! В туннель!

Они нырнули в туннель, все так же преследуемые седаном, фары которого горели подобно глазам хищника.

— Что же делать?! —в отчаянии прокричала Уилли, осознавая всю непоправимость происходящего. — Куда мы едем?

— В аэропорт, — отрезал Инди и вдруг, перегнувшись через переднее сиденье, схватился за руль и принялся помогать Коротышке. — Нет, налево! *Налево*!.. Так, парень, теперь хорошо.

Уилли сползла еще ниже. Их «дуйсенберг» вырулил на людную площадь, где толпилось тысяч десять торговцев, нищих, проституток, матросов, воров, зевак, кули и рикш в окружении бумажных фонариков, флагов, вывесок, витрин и лотков. При виде приближающейся с ревом машины толпа рассеялась. Часть ее устремилась вслед за промчавшимся автомобилем, так что к моменту появления черного седана проезд оказался закупорен. Преследователи протаранили лоток с овощами, со скрежетом въехали на тротуар и затормозили в самой гуще народа.

— Похоже на китайское рагу, — прокомментировал, обернувшись, Индиана.

Уилли оглянуться не отважилась. Наконец-то они оторвались от погони — «дуйсенберг» устремился на шоссе, ведущее за город.

— Коротышка, ты был в аэропорту? — спросил Джонс.

— Само собой. Мистер Вебер обещал найти места для тебя, меня и Ву Хана.

— Ву Хан с нами не полетит.

Коротышка поразмыслил над этим последним известием. Бросить их Ву Хан не мог: он был слишком верен Инди. Значит, тот либо мертв, либо схвачен, либо прикрывает их отход. Любая из этих трех версий представлялась вполне вероятной. Во всяком случае, теперь вся забота о безопасности их брата по духу и покровителя ложилась целиком на его, Коротышки, плечи.

— Не беспокойся, Инди, — заверил паренек. — Теперь твой телохранитель — Коротышка.

Уилли отважилась обернуться и кинуть взгляд назад. Далеко позади на повороте сверкнули фары преследователей.

— Лишнее место в самолете займу я, — сухо заявила она. — Кстати, куда мы летим?

— В Сиам, — отозвался Индиана, перезаряжая пистолет.

— Сиам?.. — вздрогнув, переспросила Уилли. — Но я для этого я неподходяще одета...

Ей хотелось жаловаться, спорить, но, похоже, ни одно божество и ни один судья в этом языческом мире не желали смилостивиться над ней. И меньше всех — этот неотесанный чурбан, восседавший рядом. Она с горечью взглянула на него. А может быть, все не так уж и плохо? Как-никак в Сиаме ей еще бывать не приходилось.

Мимо промчался установленный на обочине указатель «АЭРОПОРТ НАНГ ТАО». Преследователи, казалось, вновь стали нагонять их. Коротышка свернул на гравиевую дорожку, ведущую к взлетной полосе, где разогревал двигатели трехмоторный самолет. «Дуйсенберг» со скрежетом затормозил на площадке перед ангаром, и все трое выскочили. Коротышка тащил на плече сумку Джонса.

В проходе для пассажиров их встретил английский чиновник:

— Доктор Джонс, моя фамилия Вебер. Со мной беседовал ваш... помощник, — стрельнув глазами в сторону Коротышки, сообщил англичанин. — Мне удалось отыскать для вас три места. К сожалению, только в грузовом самолете, полном домашней птицы...

— Он что, издевается? — возмутилась Уилли.

— Мадам, — официально обратился к ней Вебер, — это лучшее, что мне удалось раздобыть для вас за столь короткое... Боже мой! Вы ведь Уилли Скотт, знаменитая певица?

Уилли не знала, куда глаза девать при виде глупой улыбки, в которой расплылся англичанин. Но затем вдруг почувствовала себя польщенной: это же надо, чтобы в такой дыре, в худший день своей жизни встретить поклонника!

— Да, вы угадали, — зарделась она горделивым румянцем.

— О, мисс Скотт! — залепетал чиновник. — Я столько раз имел счастье наслаждаться вашими выступлениями... Скажу больше...

Уилли уже начала было подумывать, что день в конечном счете выдался не такой уж ужасный, как вдруг Джонс опять все испортил, рубанув:

— Можешь оставаться тут сколько угодно и раздавать автографы, детка, а нам с Коротышкой пора... — с этими словами он и мальчуган ринулись к самолету. Уилли заколебалась, но появление на летном поле черного седана послужило для нее достаточно веским доводом. Сладчайшим голосом, обласкав Вебера взглядом усталой королевы, она пропела:

— Так приятно встретить здесь своего почитателя, мистер Вебер, но, к сожалению, мне нужно спешить... — и, обернувшись, хрипло заорала вслед Индиане и Коротышке. — Черт побери, подождите меня!

Провожаемая взглядом ошеломленно машущего ей на прощание Вебера, Уилли пустилась вдогонку за двумя своими спутниками и едва успела запрыгнуть в самолет.

Черный седан затормозил перед оградой. Из него выпрыгнули Лао Че и несколько его приспешников с пистолетами. Встревоженные шумом и появлением вооруженных людей, к машине медленно приблизились двое полицейских. Устремив взор на набирающий разбег самолет, Лао заметил Индиану, который, приветственно взмахнув рукой, захлопнул грузовой люк.

Громилы повернулись к своему повелителю, ожидая приказаний. Однако старый гангстер лишь ухмыльнулся. Ибо на борту самолета, который как раз в этот момент пробегал мимо них по взлетной полосе, виднелась надпись: «ГРУЗОВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ ЛАО ЧЕ». Пилот при виде Лао поприветствовал хозяина. Тот со смехом отсалютовал в ответ. Самолет с ревом оторвался от земли, и силуэт его стал удаляться на фоне занимающегося оранжевого рассвета.

Самолет держал курс на запад. Уилли в блестящем платье, скорчившись на полу грузового отсека, пыталась согреться и одновременно была вынуждена отгонять десятки осаживающих ее растревоженных цыплят. Это было уже слишком.

— Хватит меня клевать, тупые клуши! А не то окажетесь на сковородке! — огрызнулась она.

Самое худшее заключалось в том, что обстановка, в которую попала Уилли, возвращала ее к истокам: на птицеферму отца, в Миссури, с бесчисленными грязными курами. Мама без конца твердила, что там ей и суждено провести жизнь. Что сколько бы Уилли не мечтала и не рвалась прочь, ей никогда не вырваться с птицефермы. Если только не случится чудо — а чудес на свете не бывает, говорила мать.

Однако подвернувшийся счастливый случай вовсе и не был чудом. В восемнадцать лет Уилли избрали королевой красоты в их округе. Просто потому, что она оказалась самой красивой среди местных девушек. На деньги, полученные в качестве приза, она отправилась в Нью-Йорк, чтобы стать актрисой и танцовщицей. Там тоже обошлось без чудес, которых там действительно не было и которых все в этом городе постоянно ждали. Поэтому Уилли решила отправиться дальше на запад.

В Чикаго она связалась с опасной компанией, и ей пришлось довольно поспешно оттуда уехать. Так что в Голливуд она прибыла не в лучшей форме, а если ты хочешь стать танцовщицей, в такой форме там появляться нельзя. В результате Уилли оказалась перед выбором: либо вернуться назад, в Миссури, либо двигаться дальше на запад. А уж если Уилли в чем-то и была уверена, так

это в том, что из всех мест, где чудес не существует, Миссури самое безнадежное.

Странствуя автостопом, девушка познакомилась с одним стильно одетым типом, который уверил ее, что Восток открыт для нее. Что ж, тут он не соврал. Уилли сама убедилась: Восток оказался действительно открытым — но скорее на манер бездонной ямы. В Шанхае чуда с нею тоже не произошло, и тем не менее карьера ее начала мало-помалу складываться. Она стала местной знаменитостью, обзавелась подражателями и ухажерами. Перед ней открывались некоторые перспективы... Теперь, однако, все это осталось в прошлом. Перспективы обратились в ретроспективы. В рот ей то и дело попадали птичьи перья. На вкус настоящее ничем не отличалось от забытого Миссури.

Дверца в хвосте самолета открылась, и в проеме возник Индиана Джонс. Он уже успел переодеться. Теперь на нем были рубашка цвета хаки, поверх нее — кожаная куртка, а также грубые штаны и ботинки, шляпа с закатанными полями, кожаная сумка через плечо и потертая кобура на поясе. В одной руке он держа свернутый смокинг, а в другой скрученный в кольцо бычий хлыст.

Индиана подошел и сел между Уилли и Коротышкой, предварительно повесив хлыст на привинченную к стенке салона вешалку, а парадную одежду положив прямо на пол.

— Укротитель львов? — поинтересовалась Уилли, думая о том, какие же все-таки эти мужчины в душе мальчишки.

— Коль уж я по дороге своей позволил тебе прилепиться к нам, то дай своему ротику немного отдохнуть. Хорошо, детка? — Инди снисходительно похлопал ее по бедру, чувствуя, что эта непредвиденная спутница все больше начинает действовать ему на нервы.

Уилли спокойно убрала его руку со своего бедра. У этого парня, похоже, лишь одно на уме — а сейчас не время и не место. Да и парень не тот.

— Я замерзла, — произнесла она, поднимаясь, и, накинув на плечи смокинг Индианы, направилась в хвост самолета. — И что значит «прилепиться»? С той самой минуты, как ты переступил порог ночного клуба, ты глаз не мог от меня оторвать...

— Неужели? — состроил удивленную гримасу Джонс,

откинулся, опершись спиной о клетки с цыплятами, надвинул шляпу на глаза и тут же погрузился в сон.

Дверца кабины приоткрылась. Сквозь щель помощник пилота внимательно изучил обстановку. Взгляду его предстали Уилли, которая уже успела влезть в рубашку, брюки и смокинг Инди и спала на превращенном в подушку блестящем платье, затем сам Индиана, по-прежнему крепко спавший, прислонившись к клеткам с курами, и рядом с ним — столь же сладко спящий Коротышка в кроссовках, бейсбольной шапочке, стеганых штанах, потертой хлопчатобумажной куртке. Голова паренька покоилась на плече у археолога.

Помощник обернулся к пилоту, который в этот момент получил по рации указания от хозяина. Встретившись глазами с помощником, пилот кивнул. Помощник взял и взвесил в руке большой гаечный ключ. Затем вновь перевел взгляд на Индиану. Однако через мгновение он передумал, положил ключ на место и вытащил из-за пояса нож. Но едва он выше из кабины в грузовой отсек, как Индиана зашевелился. Помощник поспешно ретировался.

Пилот выругался по-китайски и протянул помощнику пистолет 45-го калибра. Тот внимательно осмотрел оружие и тихо спросил, нужно ли убрать вместе с мужчиной женщину и мальчишку. Пилот кивнул. Помощник заколебался и несмело возразил, что это повредит его карме. Пилот в сердцах набросился на него. Завязалась перепалка, во время которой то и дело поминались предки того и другого. В конце концов пилот отнял у помощника пистолет, приказал подменить его за штурвалом и отправился сам выполнять грязную работу.

Индиана продолжал спать как ни в чем не бывало. Но стоило пилоту шагнуть к нему, как произошло любопытное событие. Откуда-то из стоящей на самом верху клетки выпало яйцо, скользнуло по подстилке, покатилось по наклонной планке, затем ярусом ниже в мягкую подстилку, снова скатилось с нее, замерло у края и, наконец, полетело вниз... Не просыпаясь и не сделав ни единого лишнего движения, Инди протянул руку и поймал яйцо на лету, не дав ему разбиться. Джонс не был непогрешимым, всевидящим чародеем, просто у него было чутье на падающие яйца.

Увиденное заставило пилота остановиться и сильно

призадуматься. Изумленный и напуганный, он попятился, на ходу посрамленно улыбаясь своему помощнику. Они вновь тихо принялись обсуждать создавшееся положение. Им нужно было выполнить приказание. Однако по зрелом размышлении они решили предоставить это богам. Пилот щелкнул тумблером, сливая горючее из бака. Помощник приладил ему и себе парашюты.

Слабый шорох вовремя разбудил Уилли, и она успела заметить, как помощник пилота, стоя перед открытым люком, задернул за собой занавеску. Она перевернулась на другой бок, намереваясь снова уснуть. Но в этот момент мимо прошел первый пилот и скрылся за той же занавеской в хвосте самолета. Это ее насторожило. Судя по размерам самолета, вряд ли им управляет многочисленный экипаж. Хм... «Интересно, кто же тогда там остался?» — подумала она, поднялась, прошла вперед и просунула голову в дверцу кабины. Никого. Уилли с грохотом закрыла дверцу и завопила:

— В кабине никого нет!

Коротышка, привыкший быть всегда начеку, тут же пробудился от сна. Инди же, еще не отойдя хорошенько от действия яда, продолжал спать мертвым сном. Уилли кинулась в хвост самолета, рванула занавеску, и ее глазам предстали два единственных члена команды с парашютами за спиной, приготовившиеся к прыжку.

— О, Господи! Нет! Индиана, на помощь! Проснись же! Пилоты хотят выпрыгнуть! — вновь завопила она.

Коротышка, подбежав на зов Уилли, застыл с открытым ртом. Ну и ну! Это была не шутка — пилоты и впрямь их бросают!

— Уже прилетели? — запинаясь, пробормотал Инди, с трудом открывая глаза.

Уилли с быстротой молнии подлетела к нему и стала тормошить его. Кожаная куртка на нем походила на пилотскую. Наверняка он знает, как управлять этой летающей колымагой.

— В кабине никого... они выпрыгнули с парашютом... Сделай же что-нибудь! — кричала девушка, расталкивая Джонса.

Тот, наконец, пришел в себя, вскочил и кинулся в хвост самолета. Возле открытого люка уже никого не было. Лишь внизу, в воздухе, словно распустившиеся цветы, белели два парашюта. Инди поспешил в кабину,

мгновенно оценил ситуацию, уверенно занял место пилота и взялся за штурвал.

На глаза Уилли навернулись слезы благодарности. Она радостно засмеялась, решив, что в конечном счете этот странный археолог живет не зря. Облегченно вздохнув, она, больше для проформы, спросила:

— Ты умеешь управлять самолетом?

Инди деловито осмотрел панель управления, нажал пару кнопок, переключил какой-то тумблер, затем взял в руки штурвал.

— Нет, — ответил он и наивно спросил в свою очередь: — А ты? Уилли внезапно побледнела.

— Я пошутил, дорогуша, — Инди улыбнулся во весь рот. — Я умею, все в порядке. Вот смотри. Альтиметр — нормально. Стабилизатор — есть. Скорость — в норме. Горючее...

Наступила долгая пауза. Уилли еще не отошла от его последней шутки и потому была не слишком расположена шутить дальше. Однако молчание Инди и выражение его лица не предвещали ничего хорошего.

— Горючее... — напомнила ему Уилли. — Что горючее? Что там?

Вместо ответа Индиана медленно поднялся из-за штурвала. Проследив за его взглядом, Уилли увидела, как последний из еще крутившихся винтов замер. Самолет устремился носом вниз.

— У нас неприятность... — выдавил из себя Инди и, пройдя мимо стоящей возле дверцы Уилли, крикнул: — Коротышка!

— Я уже проверил. Больше парашютов нет, — выпалил, подбежав, запыхавшийся паренек и подумал про себя: «Может быть, у них могут вырасти крылья, как у шелковичных червей, которых бог Обезьян Во-Май превратил в мотыльков, чтобы те спаслись из неволи?»

Инди принялся лихорадочно перерывать все ящики. Уилли же, остававшуюся в кабине, вдруг вывело из забытья внушительное зрелище: прямо на них надвигалась сияющая вершина горы.

— Индиана! — пронзительно вскрикнула она, не столько призывая его на помощь, сколько испытывая потребность в утешающем прикосновении другого человеческого существа перед неотвратимой гибелью.

Однако боги смилостивились над ними. Самолет про-

шел в нескольких дюймах над пиком, сметя с него снежную шапку. Сердце в груди у девушки остановилось, но ноги сами собой вынеси ее в грузовой отсек, где глазам предстал Индиана, выволакивающий из ниши скатанное в огромный тюк желтое полотнище. На тюке виднелась надпись: «СПАСАТЕЛЬНЫЙ ПЛОТ».

— Ты спятил?! — взвизгнула она.

— Помоги мне, Коротышка, — скомандовал Инди, не обращая на ее визг ни малейшего внимания.

Вдвоем они принялись расстилать плот поверх открытого грузового люка, в то время как Уилли продолжала визжать:

— Вы психи! Это же плот! Мы ведь не *тонем*, а падаем!

— Хватит орать, лучше иди сюда, черт подери! — осадил ее Джонс, после чего обратился к пареньку: — Коротышка, подойди и обхвати меня покрепче.

Тот цепко обвил старшего товарища руками, предвкушая крушение, которое превзойдет самые гловокружительные сцены из «Крыльев» (а их он смотрел четыре раза). Уилли секунду поколебалась, но потом решила, что гибнуть в одиночку еще хуже и по-девчоночьи крикнула:

— Возьмите меня с собой!

Она схватила свое блестящее платье (так, на всякий случай, чтобы было что надеть, если они чудом все-таки уцелеют), подбежала и, не выпуская платья из рук, обхватила Индиану сзади за шею. Так что теперь они с Коротышкой вдвоем должны были висеть у того за спиной.

Индиана вцепился в плот, не отрывая глаз от проносящегося совсем близко под ними склона горы. Высота пять метров. Три... Два! Он изо всех сит оттолкнулся и прыгнул в люк, дернув одновременно за шнур экстренного надувания плота. Коротышка зажмурится, приготовясь к полету...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СВЯЩЕННЫЙ КАМЕНЬ

Они вывалились из люка, а самолет продолжал лететь без управления и вскоре скрылся за горным склоном. Плот наполнился воздухом и принял нужную форму, неожиданно замедлив их падение. Словно внушительный воздушный змей, он планировал в потоке воздуха, неся над небытием три пораженные ужасом человеческие души. Коротышка мысленно молился покровительнице ветра Феног-по, богине, во власти которой было удерживать их в воздушных потоках.

Метрах в ста в стороне раздался оглушительный взрыв: самолет вонзился в землю, взметнув тучу стальных обломков, ошметков стали и жареных кур. Спустя мгновение их плот тоже коснулся заснеженной поверхности, но тут же подпрыгнул, пролетел еще немного, снова приземлился и с головокружительной быстротой заскользил вниз по крутому склону.

Индиана упирался в нос плота, а Уилли и Коротышка держали в обеих руках по целой связке прикрепленных к корпусу шнуров. Несколько минут плот стремительно несся, точно сани в бобслее, по голому склону. Затем они въехали в лесную полосу. Одной секунды сумасшедшего мелькания деревьев Уилли хватило, чтобы в ужасе закрыть глаза и больше не открывать их. Коротышка же был одновременно напуган и приятно взбудоражен. Все

происходило один к одному как в «Снежных людях с Венеры». Только здесь Инди наверняка сможет вывести их сухими из воды. Коротышка в этом ни секунды не сомневался. Ведь у того просто талант выбираться из самых трудных положений — может быть, даже больший, чем у Лу Герига.

Плот взмыл в воздух, натолкнувшись на лежащий под снегом поваленный ствол и опустился прямо в крону раскидистого дерева. Индиана перекатился к краю и что было сил принялся тянуть за веревку, перетянутую по периметру плота, что дало ему возможность снять их с дерева. Они снова рухнули на землю, и безумная гонка продолжилась. Вскоре скорость спуска уменьшилась — благодаря тому, что всех троих сначала протащило через неширокую речушку, а затем по незаснеженному участку слегка присыпанной листьями земли. Наконец, уже значительно медленнее, плот выехал на свободное от леса пространство, и Инди, решив, что их крестный путь пройден до конца, улыбнулся с облегчением.

— Инди, ты самый великий из людей! — восхитился Коротышка. — Лучше, чем Робин Гуд!

— Порою я сам собой восхищаюсь, — просиял тот, обращаясь к Уилли.

— Я и не сомневалась, — слабо откликнулась девушка.

— Инди!!! — раздался вдруг леденящий кровь крик паренька.

Джонс обернулся, чтобы взглянуть вперед, и в тот самый миг их плот, проломившись через густую стену зарослей, еще раз взмыл в воздух — на сей раз с трамплина, образуемого выступающим над пропастью утесом. Посмотреть вниз ни один из них не отваживался. Описав изящную параболу — что длилось вовсе не так долго, каким показалось, — они с плеском опустились на широкую водную гладь. В пенящуюся воду. В сущий ад. Подхваченный бешеным течением, плот понесся, подпрыгивая на ревущих волнах, налетая на торчащие из воды камни, продираясь между ними.

Все трое судорожно вцепились в страховочные шнуры, хватая ртом воздух и отплевываясь. Поток нес их через пороги, бросал с размаху на утесы, скидывал в водопады... Все силы их были направлены лишь на то, чтобы удержаться и не выпасть за борт, а чтобы попытаться

управлять плотом, с трудом перемещаться идти даже молиться и корить себя, времени не было. Все их существо сосредоточилось в пальцах, мертвой хваткой вцепившихся в веревки.

И вдруг, после очередного толчка, от которого у всех троих перехватило дыхание и замерло сердце, плот вновь опустился и поплыл уже медленнее. Течение вытолкнуло его с середины реки и отнесло к берегу, в некое подобие бухты. Не в силах пошевельнуться, все трое лежали на дне надувной посудины. Первым пришел в себя Коротышка и, приподняв голову, слабо позвал:

— Инди?..

— Нормально, Коротышка. Я в порядке, — кашлянув, отозвался тот.

Рядом застонала Уилли. Она промокла до костей и чувствовала себя совершенно разбитой.

— Ты жива? — спросил ее Индиана.

— Нет, — ответила она, а про себя подумала: «Как мило, что ты догадался об этом спросить». — Я не создана для таких приключений... Где мы теперь?

Плот мягко уткнулся в берег. Точнее, в пару смуглых ног, стоящих на берегу. Индиана, жмурясь от бьющего в лицо солнечного света, взглянул, что же там, над этими ногами, и прошептал:

— В Индии...

— Черт возьми! — воскликнула девушка. — В Индии! А откуда ты знаешь, что именно в...

Уилли не договорила, так как, обернувшись, встретилась взглядом с худым стариком, при виде которого она пришла в изумление. На старике были какие-то лохмотья, а на шее висели странные бусы. Кожа его была невероятно смуглой, древней, как само время. Больше всего он походил на колдуна.

Вокруг поднялся и завыл невесть откуда налетевший ветер. Таинственный старик сложил ладони вместе и поднес их ко лбу.

Заинтригованные Уилли и Коротышка увидели, что Индиана в точности повторил молчаливое приветствие шамана.

Они шли вслед за шаманом и четырьмя крестьянами в тюрбанах: Инди с хлыстом, Коротышка с его сумкой и Уилли со свернутым платьем и туфлях на шпильке. Время от времени пустынный ландшафт разнообразили

клочок кустарника или полузасохшее дерево. Воздух был насыщен пылью.

Коротышка приноровился к быстрой ходьбе, делая три шага на каждую пару шагов Индианы. Поспевать за таким ходоком было нелегко, но паренек с этим справился, так как любил Джонса. Тот подружился с ним, когда у Коротышки не было ни единого друга, и доверился ему, не вызывавшему доверия ни у кого. Наконец, Инди собирался взять его с собой в Америку!

И вот они уже в пути. Коротышка с трудом верил, что все это происходит на самом деле. Америка! Страна, где у каждого есть ботинки и шляпа, где все ездят в машинах, умеют танцевать, стрелять, шутят, играют по крупному, держат слово, выглядят неотразимо, говорят остроумно, едят от пуза и никогда не упускают своего шанса... Вот куда он теперь держит путь!

Он дал себе слово охранять Джонса до тех самых пор, пока они не доберутся до Америки. А когда надобность в телохранителе отпадет, Коротышка надеялся стать ему просто сыном: так он сможет продолжать заботиться об Инди и не ездить каждый день на работу. Единственное осложнение с этим планом заключалось в том, что если Инди согласится стать ему отцом, им потребуется мать... жена. Как мужскому началу, инь, необходимо женское, ян. Как частному детективу из кино, Нику Чарльзу, необходима была Нора, а Фреду Эстейру — Джинджер Роджерс. Как Робину Гуду — Мариана. Как Гейблу — Харлоу. Как Хсьенпо — Йинг-тай... Под воздействием этих размышлений о неизменной парности в жизни Коротышка новыми глазами взглянул на Уилли.

Может быть, она — именно то, что нужно? Довольно красивая. И покуда терпеливо следующая за ними. Может, из нее вышла бы хорошая мать. Она и Инди могли бы усыновить Коротышку. Они втроем жили бы где-нибудь в Голливуде и разъезжали бы себе на поезде в Нью-Йорк и обратно. Отличная началась бы жизнь!.. Коротышка решил серьезно взвесить ее кандидатуру на этот пост. Над этим стоило поразмыслить.

Между тем Уилли была невероятно счастлива, что уцелела — пусть даже оказавшись заброшенной неведомо куда. Несколько раз за минувшую ночь она находилась на волосок от смерти, и чувствовать себя еще живой было для нее огромной радостью. Уилли с восторгом

ощущала теплые камни под босыми ногами, солнце, бьющее ей в лицо, — словом, абсолютное, глубинное слияние с жизнью. И еще она испытывала голод. «Интересно, захватил ли Индиана с собой какую-нибудь провизию?» — подумала она, прибавила шагу и хотела было спросить его об этом, но услышала, что тот разговаривает с шаманом. В данную минуту шаман обращался к Джонсу:

— Мама оки энакан бала, гена хитией.

Индиана не слишком хорошо знал местный диалект, но общий смысл сказанного понял. Шаман говорил, что ждал их: он видел вещий сон, в котором на берег реки с неба упал самолет.

Шаман все продолжал лопотать по-своему. Уилли, догнавшая их, некоторое время прислушивалась, пытаясь угадать, о чем идет речь, затем спросила:

— Что он говорит?

— Они, оказывается, ждали нас... точнее, меня... — Инди выглядел несколько озадаченным.

— То есть как?.. Откуда они могли знать?

— Этот старик видел вещий сон.

— Сон! — фыркнула она в ответ. — Тогда уж кошмар!

— Они ждали у реки, когда упадет самолет, — покосился на нее Инди.

Это известие заставило призадуматься и Уилли. Тряхнув головой, она спросила:

— Так где же я была все это время? Во сне?

Индиана лишь усмехнулся в ответ и подумал: «Ах уж эти *актрисы*!» Однако, поскольку Уилли он знал слишком плохо, Джонс решил не развивать эту мысль, а сосредоточиться на ходьбе.

Девушка, стремясь избавиться от растущего чувства раздражения, не унималась:

— Ну и?.. Чем кончился этот сон? Как мы отсюда выберемся7 Когда мы будем есть? Я умираю от голода. Что мне делать?

Каменистая поверхность под их ногами сменилась глиной и, наконец, растрескавшейся землей, покрытой слоем пыли. Холмы кончились, и у подножия последнего из них показалась деревня — такая же иссушенная и растрескавшаяся, как и почва.

По пыльной дороге они прошли сквозь селение. Всюду царило запустение. Изможденные селяне стояли группами по трое-четверо, наблюдая за пришельцами. Во взо-

рах их читалась безнадежность. Кое-где женщины доставали из пересохших колодцев ведра, полные песка. Вдоль облупившихся стен, сплетенных из веток и обмазанных известью, крались отощавшие псы. На торчащих в некоторых местах скелетах деревьев неподвижно застыли стервятники. Это означало нечто худшее, чем засуха. Смерть начала здесь свой отсчет.

Индиана заметил, что селяне провожают Коротышку странными взглядами, а некоторые указывают на него пальцем. Измученные женщины при виде парнишки, казалось, готовы были разрыдаться, но глаза их оставались сухими — организм не желал расставаться с последними запасами драгоценной влаги. Все это обеспокоило Джонса, и он притянул Коротышку к себе поближе.

И вдруг Инди понял причину: во всей деревне не было видно ни единого ребенка. Коротышка тоже обратил на это внимание. Напуганный столь пристальным вниманием к собственной персоне, парнишка, в свою очередь, забеспокоился о безопасности Инди. Ведь теперь он, Коротышка, его телохранитель. Он дал себе слово быть начеку и не спускать с Джонса глаз — как не спускало их с него самого население этого зловещего поселка.

Их провели к каменной лачуге, на полу которой было устроено три жестких ложа. Окон в домишке не было, так что воздух внутри был несколько прохладнее, чем снаружи.

— Выспитесь. Путешествие утомило вас. Еда, разговор — все позже. Теперь поспите, — велел им шаман и вышел.

Инди перевел его слова своим спутникам.

— Но я так хочу есть! — захныкала Уилли.

— Тогда считай про себя бараньи отбивные, — предложил ей Индиана, располагаясь на подстилке.

Должно быть, способ этот оказался действенным, так как вскоре все трое уже спали.

Черные тучи застигли кроваво-красный закат. Индиана, Уилли и Коротышка напряженно сидели на сломанных табуретах в другом доме, с соломенной крышей, но без стен. Крыша его опиралась на каменные арки, позволявшие вечернему ветру охлаждать тела присутствующих. Помимо них в доме находилось около дюжины селян — мужчин и женщин, рассевшихся на земляном

полу. Главным среди них был старый седой вождь, на лице которого отражалась скорбь всех его соплеменников.

Вождь отдал какое-то распоряжение и в помещение вошли еще три туземки. Они поставили на землю перед чужестранцами деревянные сосуды, в которых, вероятно, была пища.

— Наконец-то, похоже, ужин, — пробормотала Уилли.

— Эстудей, эстудей, — обратился Инди к туземцам. — Спасибо.

Тем временем женщины-прислужницы уже принялись накладывать пищу. Но только гостям. При виде сероватой кашицы с горсткой риса и неприятной кожурой Уилли в отчаянии прошептала:

— Я не смогу *это* есть!..

— Это больше, чем они позволяют себе съесть за неделю, — ответил ей Инди. — В деревне голод.

— Я догадываюсь, — парировала она. — Не пойму только, чем я помогу их беде, если выну у них изо рта эту порцию. Тем более, что меня при одном виде этой бурды тошнит.

Обстановка совершенно лишила ее аппетита. В самом деле, разве она может принять от этих людей такую жертву. Даже на родной ферме в Миссури она не знала таких лишений. При виде этих измученных лиц, навевавших на нее воспоминания о ее жалком детстве, Уилли захотелось унестись отсюда за тридевять земель.

— Ешь! — приказал Инди.

— У меня пропал аппетит, — огрызнулась девушка.

Старейшины с каменными лицами несводили с них глаз.

— Ты оскорбляешь их и выводишь из терпения меня, — процедил Джонс, слащаво улыбаясь индийцам. — А ну ешь!

Терпение Инди ее мало беспокоило, но бросать вызов дошедшим до предела страданий местным жителям она не хотела. И потому, последовав примеру своих спутников, принялась за еду. Вождь удовлетворенно улыбнулся и произнес по-английски:

— Отдохните у нас перед тем, как продолжить путь.

— Мы были бы очень признательны, — кивнул Ин-

диана, подумав про себя, что раз вождь говорит по-английски, значит когда-то тут бывали англичане.

— Не будем отдыхать! — вмешался вдруг Коротышка. — Инди везет меня на Америку. Нам нужно трогаться в путь. На Америку!

— *В* Америку... — поправила его Уилли. Прежде ей не приходила в голову эта мысль. Сейчас же она сочла ее как нельзя более удачной. В Америку. Быть может, на Манхэттен...

— Америка, Америка... — закивал вождь, смутно понимая, о чем идет речь.

— Успокойся, парень, — урезонил Джонс Коротышку, нахлобучив ему на голову свою шляпу, после чего обратился к вождю. — Можете ли вы дать нам проводника, который бы довел нас до Дели? Я профессор, и мне нужно вернуться в университет.

— Да. Саджну поведет вас, — ответил тот.

— Спасибо.

— По дороге к Дели вы остановитесь в Панкоте, — это было сказано как нечто само собой разумеющееся, словно бы просто для информации.

Однако Индиана уловил в словах вождя подвох и осторожно возразил:

— Но ведь Панкот совсем не по дороге...

— Там вы пойдете во дворец, — продолжал вождь как ни в чем не бывало, точно не расслышав, что сказал Джонс.

— Я думал, что дворец опустел еще в 1857 году, — снова попытался прощупать почву Инди.

— Нет, — заверил его вождь. — Там теперь новый махараджа. И оттуда исходит темный свет. Как сто лет назад. Оттуда веет смертью на мое селение.

— Не понял... Что там произошло? — переспросил Индиана, не уловив смысла сказанного.

— Зло берет начало в Панкоте, — терпеливо, как маленькому, принялся объяснять ему-старик. — А затем, подобно муссону, разносится и ложится тьмою на всю страну.

— Зло?.. Какое зло? — недоуменно поинтересовался Индиана.

Шаман говорил, казалось на двух разных уровнях, которые постоянно менялись местами, и у Инди создавалось впечатление, что его вынуждают смотреть сквозь потрескавшиеся очки.

Коротышке совершенно не нравился тот оборот, который принял разговор. И в особенности интерес, проявленный к рассказу вождя Индианой. Лично он твердо знал, что со Злом шутки плохи: оно не станет смотреть, метко ли ты стреляешь и быстро ли умеешь бегать.

— Дело дрянь, — произнес он. — Послушай Коротышку и будешь жить долго...

— Они пришли из дворца и забрали из нашей деревни Сивалингу, — вновь заговорил шаман, не дав тому докончить.

— Что забрали? — не поняла Уилли, которую тоже заинтересовала эта развернувшаяся прямо перед ними драма, где и ей, возможно, была отведена определенная роль.

— Камень, — пояснил Инди. — Священный камень из усыпальницы, оберегавший селение.

— Потому-то Кришна и привел вас к нам... — продолжал шаман.

— Да нет же, он нас сюда не приводил. Просто самолет потерпел аварию, — поспешил внести ясность Джонс.

— Бум! — подтвердил Коротышка, энергично кивая головой, и для наглядности ударил пальцами одной руки по раскрытой ладони другой.

— А все из-за того, что это подстроили... — пустился было в дальнейшие объяснения Инди.

— Нет, — спокойно, как терпеливый учитель непонятливому ученику ответил шаман. — Мы молились Кришне, чтобы он помог нам вернуть священный камень. И он сделал так, что вы упали на землю. Поэтому вы *отправитесь* во дворец в Панкот, отыщете Сивалингу и принесете ее нам.

Индиана хотел еще что-то возразить, но при взгляде на умоляющее лицо вождя, изможденных крестьян и старейшин слова застряли у него в горле. Он молча посмотрел в глубокие, немигающие глаза шамана.

Стемнело. Все поднялись с мест. Вождь, в сопровождении старейшин, крестьян и гостей, направился к окраине деревни. Факелы пылали, точно разгневанные духи. Тоскливо подвывали собаки. В вышине слабо мерцали недосягаемые звезды. Процессия приблизилась к гро-

мадному, размером с дом, валуну, в котором была вырублена сводчатая ниша с алтарем. Коротышка в замешательстве повернулся к Джонсу и спросил:

— Так это они подстроили так, что самолет рухнул? Чтобы заполучить тебя?..

— Ерунда, Коротышка. Сказка про привидения. Не бери в голову, — шепотом успокоил паренька Инди.

Однако тот не успокоился. За его короткий век ему довелось слышать немало подобных историй: о горных демонах и скитающихся духах предков. Их рассказывали ему братья — покуда не пропали без вести, — их рассказывали на улицах, после того как его собственную семью унесли духи грома, их рассказывали на задворках и в трактирах. То были ночные истории, оживавшие вместе с самими духами... Поэтому Коротышка мысленно вознес молитву Стражу Двери духов — божеству, во власти которого было преградить духам вход в мир людей или пропустить их.

Процессия остановилась перед вырубленной в камне нишей, и шаман указал на нее благоговейным жестом. Коротышка тут же попытался вскарабкаться по каменной стенке, чтобы проверить, не притаились ли в нише духи, могущие представлять опасность для Инди. Однако тот вовремя сдернул паренька обратно на землю и предупредил многозначительным взглядом.

— Так значит, отсюда они забрали Сивалингу? — обратился Инди к вождю.

— Да.

Индиана приподнялся и обследовал нишу. Она была пуста, но углубление на дне ее свидетельствовало о том, что раньше там лежал камень конической формы. Очертания показались Джонсу знакомыми, и он спросил:

— А что, камень был очень гладким?

— Да, — отвечал шаман.

— Его принесли со Священной реки?

— Да, давно, еще до рождения отца моего отца.

— На нем три поперечные линии, символизирующие три уровня бытия... — продолжал Индиана.

— Верно.

Да, три уровня: иллюзорность земной материи, реальность всепроникающего духа, единство пространства, времени и вещества. Могучая мифология, породившая

могущественные талисманы. Индиана почти зримо представлял его...

— Мне приходилось видеть камни, похожие на тот, что у вас унесли, — сказал он. — Но для чего было махарадже забирать отсюда Священный камень?

Уилли, привстав на цыпочках, силилась заглянуть через плечо Джонса в нишу. Коротышка стоял рядом, держа ее за руку.

— Они хотели заставить нас молиться их злым богам. Мы сказали, что не станем, — гневно произнес шаман, и отблеск факелов заплясал в его повлажневших зрачках.

— И все-таки я не пойму, как потеря этого камня могла привести к упадку вашей деревни, — вмешалась Уилли.

Шаман, переполненный эмоциями, хотел ответить ей по-английски, но не сумел подыскать нужные слова и, чтобы облегчить свою душу, принялся медленно объяснять на родном наречии. Инди стал переводить:

— Когда Священный камень у нас забрали, стали высыхать колодцы. Река превратилась в песок... — Он обернулся к шаману, чтобы переспросить. — Засуха?

— Нет, — помотал головой тот и продолжал.

— Наш урожай пожрала земля, а животные легли и обратились во прах, — переводил археолог. — Однажды ночью в полях начался пожар. Мужчины бросились тушить его. А когда вернулись, услышали безутешный плач женщин. Дети...

— Дети... — словно эхо, отозвалась Уилли, не отрывавшая взора от губ Инди.

— Он говорит, их детей украли... — прошептал Джонс.

Шаман умолк, подошел к границе участка, освещенного факелами, и устремил взгляд в темноту. Уилли еле сдерживала слезы. Коротышка почувствовал холод в груди и теснее прижался к Инди. У того перехватило горло. Шаман тяжело вздохнул, затем вернулся в круг света и взглянул Индиане прямо в глаза:

— Найдя Сивалингу, вы отыщите и наших детей.

— Извините... — выдавил археолог. — Но я не знаю, чем могу вам помочь.

Он и не хотел знать. Во всем чувствовалось нечто роковое. Его словно засасывало в какой-то водоворот.

Шаман и вождь не сводили с него глаз, не желая смириться с его отказом. Их глазами на него смотрели с укором все жители гибнущего поселка.

— Британские власти, управляющие этой территорией — только они в силах вам помочь, — продолжал отнекиваться Инди.

— Они не пожелали выслушать нас, — безжизненным голосом произнес вождь.

— У меня есть связи в Дели. Я позабочусь о том, чтобы это дело было расследовано...

— Нет. Ты *сам* должен отправиться в Панкот, — отрезал старый шаман и несколько раз повторил это на своем языке.

С каждым очередным повтором Инди чувствовал, как решимость его слабеет и воля, подобно руслу реки под влиянием муссонов, меняет направление. А шаман все продолжал говорить.

— О чем он теперь?.. — спросила Уилли.

— Он говорит, что мне было предначертано судьбой явиться сюда. Я распознаю зло. Злые силы уже заметили меня и знают, что я иду. Это моя судьба, и ее изменить нельзя, — хрипло объяснил Индиана. — Но он не может прозреть будущее. В этот путь я должен отправиться сам.

Коротышка и Уилли зачарованно смотрели в рот Джонсу. Тот умолк и в замешательстве уставился на шамана, в глазах которого танцевало его отражение.

Трое путешественников лежали в отведенной им хижине, пытаясь уснуть, но не моги сомкнуть глаз. Воображение не давало им покоя, рисуя все новые и новые картины: исчезновение детей; обращающихся в прах животных; воцаряющееся запустение; огонь пожара; непроглядную тьму, окутывающую души людей...

Инди исколесил немало самых необследованных уголков планеты и знал, что каждая вера имеет свою сферу влияния. Магическая сила поверий действовала в местах, где они зародились. И в данном случае действие это было налицо, хотя он еще и не мог в точности его определить. Но и избавиться от него он тоже не мог, разве что в полузабытьи.

Уилли хотелось лишь одного: немедленно покинуть это место. Оно было ей ненавистно — с этой грязью, голодными крестьянами. В воздухе витало предвестие

грозы, от которого хотелось бегом броситься домой. Ощущение было такое, что вот-вот на них что-то обрушится. Ах, если бы можно было поймать такси и умчаться прочь!

Коротышку тоже мучили дурные предчувствия. Очень дурные. Местные жители стремились подчинить Инди своим чарам, усмирить его дух, чтобы тело послушно влеклось, куда ему прикажут. Мальчику доводилось слышать похожие истории от моряков, побывавших на Филиппинах или Гаити. Подобные приключения редко заканчивались хорошо. Теперь ему необходимо удвоить бдительность, чтобы оградить Инди не только от внешней, но и от внутренней опасности. Придется взять на себя роль как телохранителя, так и «душехранителя» Джонса.

Да и девушке грозит опасность. Коротышка чувствовал это. Духи обгрызали потихоньку ее тень. Он видел их краем глаза, но стоило ему в упор взглянуть на них, как те исчезали. Значит, нужно последить и за нею. Иначе где найти для Инди жену в Америке, после того, как они, наконец, выберутся из этого зачумленного, бесплодного края?

Коротышка мысленно обратился к Хуан-тьену, Повелителю Темного неба, который в силах отгонять злых духов. И лишь после этого он заснул. Индиана тоже погрузился в сон. И ему привиделось что-то...

Оно появилось из темноты. Оно несло в себе ужас и тяжело дышало под полной луной, летя под свист ветра из черного небытия прямо в сонное, парализованное сознание Индианы...

Инди открыл глаза. Что это? Он что-то слышал, это несомненно. Кто-то бежал, продираясь сквозь кусты. Джонс медленно сел на своем ложе и прислушался. Коротышка и Уилли спокойно спали рядом. Но что-то непонятное все же творилось вокруг. Инди это чувствовал. Он встал, направился к двери и вышел.

На улице усиливался ветер. Луна сверкала в небе, как золотая монета. Вдруг слева от него в кустах что-то хрустнуло!.. Инди обернулся в ту сторону. Снова послышался хруст веток. Неожиданно из кустов пулей вылетел ребенок и кинулся прямиком к нему. Инди присел на корточки, и малыш с разбега упал в его объятия, лишившись чувств. Это был мальчик семи-восьми лет,

ужасно исхудавший и едва прикрытый какими-то лохмотьями. В прорехе на спине отчетливо были видны следы плети.

Индиана позвал на помощь, подхватил мальчика, отнес его к себе в лачугу и уложил на одеяло. Спустя несколько минут вокруг ребенка сгрудились явившиеся на зов старейшины. Да, подтвердили они, этот мальчик из их селения.

Шаман положил влажную тряпку на лоб ребенка, смочил ему губы и произнес несколько целительных заклинаний. Глаза малыша распахнулись. Он растерянно принялся осматриваться, переводя взгляд с одного знакомого лица на друге — покуда не дошел до Индианы. Мальчик слабо шевельнул рукой. Жест этот явно был адресован Джонсу и никому другому. Инди взял смуглую ручонку в свои ладони. Тонкие пальцы мальчика были все в порезах и ссадинах и что-то крепко сжимали. Постепенно их судорожная хватка ослабла, и из детского кулачка на ладонь Джонса выпала какая-то вещь.

Ребенок попытался что-то шепнуть. Индиана нагнулся, чтобы лучше расслышать и уловил лишь одно слово:

— Санкара...

В хижину вбежала мать мальчика — ее уже успели оповестить. Она встала на колени, приподняла сына и крепко прижала к себе, подавляя рыдания. Уилли и Коротышка следили за происходящим, широко открыв глаза и потеряв дар речи.

Инди встал и взглянул на вещь, которую передал ему малыш. Это оказался небольшой потрепанный клочок ткани: обрывок старинной рисованной миниатюры. Джонс без труда узнал ее.

— Санкара... — повторил он слова мальчугана.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДВОРЕЦ В ПАНКОТЕ

Рассвело рано.

Индиана торопливо шагал через деревню, слушая прощальные наставления и просьбы едва поспевающих за ним крестьян. За околицей их ожидали два могучих слона. Саджну, проводник, вежливо пытался подвести Уилли к одному из них. Та еще вежливее отказывалась.

— Черт! Уилли, да садись же, в самом деле! Пора двигаться в путь! — бросил на ходу Инди.

«Ладно, он прав, это и впрямь глупо, — подумала Уилли. — Все равно ведь надо как-то выбираться отсюда. А это всего лишь домашнее животное. Огромное, непредсказуемое, порой впадающее в ярость, но все же... домашнее животное. Другого транспорта у них тут просто нет. Только спокойно...». Ей бы не видать того, чего она сумела добиться, если бы она все время вела себя как нежное растение. Но чего же такого замечательного ей на самом деле удалось добиться? Оказаться заброшенной в эту индийскую дыру?.. Дальше размышлять об этом ей не хотелось. Уилли глубоко вздохнула и разрешила, наконец, Саджну подсадить себя на спину одного из слонов.

— Тпру... Тихо, слоник, — внушала она толстокожему созданию, сидя неподвижнее скалы у него на загривке с выражением, средним между полным самообладанием

и надвигающимся ужасом, по-прежнему сжимая в руках свое золотое платье.

Коротышка, поджидавший Индиану рядом со вторым слоном, при появлении старшего друга, улыбаясь, подбежал к нему и спросил:

— Инди, я сяду с тобой?

— Нет, Коротышка, тебя ждет приятный сюрприз, — отвечал тот.

Коротышка обежал вокруг большого слона, и его глазам предстал слоненок, приведенный специально для него. Как по заказу! Он не мог поверить, что ему выпало такое счастье. Вот это приключение! Ах, какой красавец!..

— Ух ты! — крикнул он и вскочил слоненку на спину.

Насмотревшись «Тарзана», он прекрасно знал, как управляться с этими зверями. Слоны были друзья Тарзана — значит, и с Коротышкой они поладят... А еще у Тарзана была Джейн. Паренек несколько мгновений поразмышлял над тем, похожа ли Уилли на Джейн в смысле общения с мужчинами. Он от души желал, чтобы отношения с Инди у нее сложились удачнее, чем со слонами.

Как раз в этот момент Саджну подвел слона Уилли к слоненку Коротышки. Девушка уже успела побороть свои страхи, но никак не могла найти удобную позу, ерзая на спине животного. Наконец, она кое-как устроилась, и двое погонщиков вывели небольшой караван за околицу. Успокоенная, Уилли окинула прощальным взглядом лица провожающих их туземцев и увидела в них выражение неподдельной грусти. Некоторые даже плакали. От этого у нее тоже перехватило дыхание, и она сдавленным голосом поделилась своими чувствами с Коротышкой:

— Впервые при расставании со мной кто-то плачет.

— Они плачут не от прощания с тобой, а из-за слонов, — разочаровал ее тот. — Они расстаются с такими отличными зверями!

— Туши что надо, — мрачно подтвердила Уилли.

— Им нечем больше кормить слонов. Поэтому они решили их продать. Так сказал Инди.

Только теперь Уилли заинтересовалась, где же Джонс и, услышав тяжелую поступь третьего слона у себя за спиной, обернулась.

— Уилли, не вертись на животном! — осадил ее Джонс, восседающий точно на таком же экземпляре.

— Леди, вы ошиблись, — хихикнул Коротышка. — Там Китай. А Панкот впереди.

«Панкот?..» — подумала Уилли.

В это время Индиана крикнул что-то их проводнику. Тот, в свою очередь, начал понукать слона. Пора было трогаться...

— Эй, постойте, я неудобно устроилась! — крикнула девушка. — Индиана! Я так не смогу доехать до Дели!

— Мы в Дели и не едем, — спокойно отозвался тот.

— Не едем?! — Ею овладел страх, и она умоляюще обвела взглядом присутствующих. — Стойте!.. Кто-нибудь может отвезти меня в Дели?.. Я не хочу ни в какой Панкот!

— Ладно, едем! — распорядился Индиана. — Я хочу попасть в Панкот завтра еще засветло.

Саджну тронул слона, на котором сидела Уилли. Животное двинулось в путь. Жители деревни махали ей вслед и кричали, желая успеха и благословляя ее за смелость.

— Индиана! — накинулась несчастная на главного виновника своих неприятностей. — Черт возьми, почему ты передумал? Что сказал тебе этот мальчишка?!

Однако тот не обратил на ее беспомощные крики ни малейшего внимания. Слон его тронулся последним и, бросив прощальный взгляд на провожающих, Индиана встретился глазами со старым шаманом, который, как и при их встрече, поднес в знак приветствия сложенные вместе ладони ко лбу.

Небольшой караван продвигался медленно, но точно по заданному маршруту. С каждым часом маячившие на горизонте холмы становились ближе. Местность по-прежнему была бедна растительностью, хотя выглядела уже не так пустынно, как окрестности покинутого ими поселка. Здесь преобладали высокие травы и низкие сухие деревца. Время от времени какой-нибудь мелкий зверек порскал прочь при вне приближающейся опасности.

Коротышка открывал все новые особенности своего слоненка. Тонкая, пушистая на вид шерстка, покрывающая голову животного, оказалась на самом деле колючей, точно морской еж. Шкура его была шероховатой

везде, кроме нижней стороны хобота, где она оставалась нежнее коровьего вымени. И стоило почесать ему шишки над глазами, там, где у людей брови, как слоненок издавал потешный, исполненный блаженства звук. Звали его, как конфиденциально поведал он мальчику, Большим Коротышкой.

Уилли кое-как нашла общий язык со своим животным, хотя язык этот трудно было назвать благородным английским, каким пользуются особы королевского рода. Тем не менее, они пришли к вынужденному компромиссу, при котором слон шел, как ему хотелось, а Уилли перебирала в уме все возможные способы применения слоновой кости.

После полудня солнце стало палить немилосердно. Растительности по сторонам все прибавлялось: банановые деревья, фиг, зеленый покров под ногами. На пути тёперь то и дело попадались теплые речушки. Надо сказать, изобилующие крокодилами.

Уилли с отвращением глядела на себя со стороны. На ней все еще оставались мешковатые брюки от костюма Инди, его рубашка, теперь совершенно мокрая от пота и пропыленная, и белый пиджак, обвязанный вокруг пояса. Как она могла опуститься до такого?.. Что она им всем сделала?! Уилли с сожалением взглянула на свое платье в блестках, с которым по-прежнему не расстава лáсь. Лишь вчера она выглядела в нем как истинная леди...

«Все! Хватит ныть! — дернула она себя. — Истинная леди — это состояние души. И ничто не может помешать мне быть ею, даже трясясь на этой проклятой туше!»

Она извлекла из потайного кармашка своего блестящего платья пузырек с дорогими французскими духами и с невероятным апломбом принялась душиться. Вскоре, однако, ей стало ясно, что не она одна страдает от жары.

— Тебе это, похоже, еще нужнее, чем мне, — пробормотала она и великодушно наклонилась, намереваясь помазать за ушами слона.

Чтобы дотянуться, ей пришлось припасть к шкуре животного. Звериный дух столь резко ударил ей в нос, что Уилли с гримасой отвращения распрямилась и в сердцах вылила на загривок толстокожего сразу половину драгоценного пузырька. Слон пришел в бешенство.

Закинув хобот назад, он втянул в себя одуряющий чужой запах и в омерзении затрубил.

— Чем ты недоволен? — оскорбилась Уилли. — Это же роскошная вещь!

Слон со страдальческим стоном продолжал идти вперед.

Инди несколько раз за время их путешествия успел вздремнуть. Коротышка же вел нескончаемые беседы со своим новым ушастым товарищем.

К вечеру местность вокруг вновь преобразилась. Они вступили на окраину джунглей. По мере их продвижения вглубь вокруг становилось все зеленее и все больше жаркой влаги скапливалось в воздухе. Лиственный полог метрах в тридцати у них над головами стал столь плотным, что солнце едва пробивалось сквозь него. Внизу царил зелено-золотистый полумрак. Толстенные каучуковые деревья, с ветвей которых свисали лианы и мох, перемежались экзотическими фруктовыми деревьями, пальмами и гигантскими папортниками. Дорога, ведшая через этот лес, порою прерывалась — тогда проводникам приходилось разбирать завал или прорубать проход в разросшемся подлеске.

Воздух наполняли всевозможные звуки. Никогда еще Уилли не доводилось слышать столько неведомых криков, завываний, чириканья и прочих шумов. От некоторых из них у нее начинали бегать мурашки по коже. А один из услышанных ею воплей могло издавать только смертельно раненое, погибающее существо. Чуть дыша, она крепче вцепилась в поводья своего слона. В некоторых ситуациях оставаться истинной леди достаточно трудно.

Гораздо проще было оставаться жизнерадостным мальчишкой. Коротышка жадно впитывал окружающие картины и звуки, точно составную часть новой, специально для него выдуманной игры. Он чувствовал себя то властелином, то щенком, не забывая при этом периодически оглядываться, чтобы проверить, где Инди и все ли с ним в порядке. Парнишка помнил, что его главная обязанность — охранять Джонса.

Однажды у них над головами прогрохотал гром и сверкнула молния, но дождя не последовало. Для Коротышки это было дурное предзнаменование: это означало, что Лей Кунг (Повелитель грома) и Тьен Му (Мать

молний) сошлись в беспричинной схватке. Ничего хорошего из подобной схватки выйти не могло. Лей Кунг, с головой и когтями совы на человеческом теле, но синего цвета, прятался обычно в облаках и ударял деревянной палкой в свой барабан, когда кто-то к нему приближался. Тьен Му с помощью двух зеркал порождала молнию, но иногда, будучи в плохом настроении, направляла зеркало на Лей Кунга, чтобы тот ужаснулся при виде собственного отражения. В такие моменты тот принимался громче колотить в свой барабан. Дождем эта ссора никогда не кончалась: то был сухой гнев двух могущественных божеств. Коротышка обратился мысленно к Верховному божеству громов и ветров, прося о вмешательстве в это противостояние, какова бы ни была его причина. В конце концов небесная ссора затихла. Однако Коротышка оставался начеку.

Заметив что-то свисающее впереди с ветки, он предусмотрительно встал на спину слоненка, протянул руку и схватил неизвестный предмет. В руке у него оказался круглый плод. Коротышка плюхнулся обратно, зажал это подобие мячика между указательным, средним и большим пальцем левой руки и сделал несколько ловких вращательных движений. Как Левша Гроув.

— Ты отправишься со мной в Америку, и мы будем работать в цирке, — Обратился парнишка к своему новому другу. — Согласен?

Коротышке очень хотелось стать циркачом — после того, как он впервые посмотрел фильм Чарли Чаплина. На его предложение слоненок закинул хобот назад, взял из рук паренька круглый плод и с довольным восклицанием сунул себе в рот. Из этого Коротышка заключил, что тот тоже виде это кино.

Они подошли к неглубокой реке. Саджну что-то крикнул Индиане. Тот кивнул. Проводник повернулся и повел их небольшой караван вверх по течению. Теперь впереди шел слоненок Коротышки, за ним ехал Индиана, и замыкала процессию Уилли. Метров через тридцать Коротышка услышал странный шум, поднял голову, пытаясь обнаружить его источник, и воскликнул:

— Инди, смотри!

Все обратили взгляды в ту сторону, куда указывал паренек. Там на темнеющем небе различались силуэты внушительных крылатых существ...

— Какие крупные птицы... — заинтригованно произнесла Уилли.

Саджну что-то сказа Инди, и тот объяснил:

— Это не птицы. Это гигантские летучие мыши.

Коротышка съежился от страха. Он дважды смотре «Дракулу» и кое-что знал о летучих мышах. Уилли тоже непроизвольно содрогнулась и пригнулась к спине своего слона. К несчастью, это движение вновь приблизило ее деликатный нос к пахучей шкуре животного.

— О, Господи! Эта жара такая гадость! — с этими словами она вылила остаток духов из флакона на загривок зверя.

Эффект на сей раз оказался неожиданным. В воздухе разлился аромат цивилизации, порождавший воспоминания о кабаре и богатых поклонниках, шикарной одежде и мягких подушках. Уилли испытала прилив счастья от того, что она еще жива. И плевать ей на всяких там гигантских летучих мышей! От полноты чувств она, позабыв обо всех неприятностях, громко запела:

— В былые дни нога девичья казалась верхом неприличия. Теперь же это, право, лишь детские забавы...

Индиана опешил, не веря своим ушам, а затем рассмеялся над несоответствием обстановки этому пению. И вдруг ему самому захотелось запеть — хотя песен он почти не знал и голосом обладал далеко не мелодичным. Он не удержался и затянул:

— Дайте мне дом в месте таком, где играет с косулей олень...

Коротышка сначала решил, что друзья его впали в истерику. Однако тут же догадался, что это игра, в которой каждый старается перепеть другого, как можно громче выводя свою любимую песню. И тоже включился:

— Солнце поднимается над лесом над зеленым и освещает город мой Шанхай!..

Уилли продолжала петь еще громче:

— И авторы, свои кропая вещи, теперь усердно лепят что похлеще. Забыт прежний изыск, стал заборист язык...

— Где грусть и беда не гостят никогда и где солнце сияет весь день... — не отставал Индиана.

— Ах, город мой Шанхай, люблю тебя я! Тебя и солнце люблю твое... — истошно вторил им Коротышка.

— Все нынче вверх дном. Ночь сделалась днем. Белое

стало черным. Правильное — вздорным... — не сдавалась Уилли.

— Дом, дом на лугу... — завывал Инди, и Коротышка, которому тоже нравилась эта песня, подхватил (только по-китайски):

— ...где играет с косулей олень!

Теперь все трое распевали во всю глотку, создавая невероятную какофонию, стараясь перекричать друг друга в упоении от того, что они живы — сейчас и здесь. Между тем эти завывания переполнили чашу терпения слона, на котором восседала Уилли. Омерзительный чужой запах, а теперь еще и это невыносимое карканье! Зверь внезапно остановился, опустил хобот в поток, вверх по которому они продвигались, набрал литров сто воды, закинул хобот за спину и мощной, как из брандспойта, струей, окатил Уилли. Девушка слетела с его спины и с громким всплеском рухнула в реку. Коротышка зашелся в хохоте, указывая на нее пальцем:

— Ох, умора!.. Вся мокрая!.. — выдавил он сквозь смех.

Теперь уже пришел конец терпению Уилли. Как ребенка, отшлепанного за то, что он, утомившись, раскапризничался, ее переполняли одновременно гнев и слезы. Она была насквозь мокрая, грязная, голодная и доведенная до предела. И теперь ее прорвало:

— Мне прекрасно жилось в Шанхае! — визжала она, дав, наконец, волю своим чувствам. — У меня был свой домик с садом! Богатые друзья! Я ездила на приемы в роскошном лимузине! Я ненавижу все вокруг! Я певица, а не бродяга! Я могу потерять голос!..

— Она тронулась... — констатировал Коротышка, глядя на беснующуюся певицу расширенными глазами.

Индиана огляделся, прикинул скорость захода солнца, заметил сгущающиеся сумерки и подытожил:

— Пожалуй, здесь мы и остановимся на ночь.

Ибо похоже было, что все они немного устали.

Солнце скрылось окончательно.

Три слона стояли посреди реки, погрузившись по грудь, а Инди и Саджну поливали усталых животных сверху. Коротышка играл со слоненком. Тот хватал его хоботом и забрасывал себе на спину, откуда парнишка нырял в воду, а когда выныривал — лопоухий приятель

обдавал его водой. Затем все повторялось. Эти двое замечательно находили общий язык.

Метрах в тридцати выше по течению, в тенистой укромной заводи плескалась Уилли. Она ныряла, достигая прохладного дна, затем медленно всплывала, откидывала волосы с лица, ложилась на спину, удовлетворенно набирала полные легкие воздуха, разглядывала игру света и тени в кронах деревьев и что-то напевала. Этот отдых ей был необходим. За последние пару дней вся жизнь ее перевернулась вверх дном. Все было прекрасно — до того момента, как этот тип в тот вечер вошел в ночной клуб... В сущности, он был не так уж плох — для тех, в чьем вкусе такие мужчины, — но она была далека от того, чтобы причислять его даже к минутным увлечениям.

Ибо, с одной стороны, он был ученый, то есть каковы бы ни были его намерения и цели, — неудачник. С другой стороны, хотя он явно положил на нее глаз, Индиана ни разу не сказал ей комплимента, не затруднился хоть раз оказать ей какую-нибудь любезность или выразить свою симпатию. Словом, вел себя отнюдь не как джентльмен, а как себялюбивый, самонадеянный чурбан. «Есть ли у него хоть одна приятная черта?» — задумалась Уилли. Ну... он хорошо относится к этому мальчишке. Это бесспорно. Она сама, будучи ребенком, не знала столь хорошего к себе отношения, и радовалась теперь за маленького китайчонка. И тот, чуть живой мальчонка, оставшийся в деревне, — он тоже вызвал в душе Инди глубокий отклик. Она это заметила.

Итак, он хорошо обращается с детьми. Что еще? Ну, еще он спас ее дважды: в ночном клубе и затем в самолете, во время крушения. В то же время, не появись он, ничего такого вообще, вероятно, с нею не произошло бы. А может, и произошло... Именно это и называют кармой все эти индийцы и китайцы, которые несколько раз чуть не заговорили ее до смерти, разглагольствуя на эту тему на разных званых вечерах... Ах, эти вечера! «Где те, кому развеять скуку нечем, решают учинить нудистский вечер. В богемной мастерской. Как средство для борьбы с тоской...» Да! И, конечно, глаза: это главное достоинство его внешности. «Интересно, как они выглядят вблизи?» — подумалось ей.

Уилли снова нырнула, позволяя прохладной воде ус-

покоить ее и снять остатки напряжения. Как бы то ни было, все обернется к лучшему. Она в этом твердо уверена. И все-таки с ума можно сойти: оказаться за тысячи километров от ближайшего званого вечера и приличной пары чулок!

Индиана вылез на берег и, не отжимая брюк, с которых сочилась вода, отправился вверх по течению — проверить, все ли в порядке с Уилли. Не то чтобы он всерьез опасался за нее. Он уже успел убедиться, что выносливости ей не занимать. Она успела, видимо, побывать в разных переделках. И хотя после очередных приключений вид у нее бывал не самый свежий, она неизменно оказывалась на коне. Просто здесь Уилли оказалась не в своей тарелке. Ее родной средой был город. Он не стал бы подвергать ее таким испытаниям, если бы не был уверен, что она их выдержит. С другой стороны, Инди чувствовал, что просто обязан преподать ей хороший урок: эта девушка порой умела быть изрядным бельмом на глазу. Конечно, нельзя винить человека в надоедливости, если ему действительно плохо, но она могла бы страдать как-нибудь потише. Должно быть, все из-за того, что она певица... Как бы то ни было, ясно, что в столь непривычной обстановке ей нужна забота. К тому же бедняжка, похоже, втрескалась в него по уши. Так что Инди счел уместным пойти и удостовериться, не унесли ли ее комары.

Первое, что ему повстречалось на пути, была одежда Уилли, развешанная для просушки на длинной, нависшей над водой ветке. В следующее мгновение его взору предстала и сама девушка. Совершенно неприкрытая, она плескалась сразу за этой импровизированной завесой. От этого зрелища во рту у Джонса слегка пересохло.

— Эй, Уилли! — позвал он. — Думаю, пора выходить.

Его внезапное появление застало ее врасплох. Однако самообладание быстро вернулось к Уилли. Такой поворот событий не был для нее новостью.

— Что, прямо вот так, голышом? — поинтересовалась она. — Вам бы, конечно, очень этого хотелось...

— Ну, хватит! Пора сохнуть...

— Вытираться, — поправила она. — А если вы, доктор Джонс, изволите сохнуть, то избранный вами способ соблазнения, осмелюсь заметить, слишком примитивен.

«Спокойно, только спокойно», — урезонивал себя

мысленно Индиана. Вслух же, пожав плечами с выражением полного отсутствия интереса, произнес:

— Это *я* соблазняю *тебя*? Ты же сама, детка, изволила раздеться. Я просто подошел напомнить, что в этой незнакомой реке могут обитать бог весть какие зверюшки.

Однако Уилли, несмотря на то, что они находились в неведомой глуши, все казалось очень знакомым. Поэтому она с улыбкой ответила:

— Мне в воде как-то спокойнее.

— Как знаешь... — он с безразличным видом развернулся и направился обратно, к месту стоянки, лишь чуточку раздраженный этим обменом любезностями.

Уилли же, вопреки всему своему городскому скептицизму, почему-то почувствовала себя уязвленной тем, что он не остался дольше.

На лес быстро опустилась ночь. Костер освещал их лагерь теплым оранжевым светом, однако за чертой этого дружелюбного света роились черные, бесформенные, враждебные тени.

Саджну кормил слонов. Двое других проводников тихо беседовали. Уилли, завернувшись в одеяло, сушила у костра одежду — однако в этих влажных джунглях та высыхать не спешила. Девушка поднялась и словно бы невзначай отжала воду на спину сидящего Индианы, после чего принялась развешивать одежду на ночь на нижней ветке ближайшего дерева, Индиана, игравший в карты с Коротышкой, искоса взглянул на нее, но не произнес ни слова.

— Что у тебя? — с серьезным видом спросил его Коротышка.

— Две шестерки.

— А у меня три туза, — ухмыльнулся парнишка. — Еще две игры, и все твои деньги станут моими.

Коротышка бросил карты, Индиана принялся сдавать заново.

— Где ты отыскал себе такого телохранителя? — поинтересовалась Уилли, которая искоса наблюдала за ними, развешивая одежду.

— Я его не отыскивал, а поймал, — ответил Джонс, поднимая карты.

— Как это? — не поняла она.

— Его родители погибли во время бомбардировки

Шанхая, и Коротышка с четырех лет обретался на улице. Я поймал его, когда он пытался меня обчистить.

В этот момент Уилли взяла с ветки последнюю из своих вещей и приготовилась вешать ее, но, развернув, обнаружила, что держит в руках гигантскую летучую мышь. Она издала душераздирающий крик, от которого повскакивали на ноги все, кроме Инди, и выпустила отвратительную тварь. Та зашипела. Девушка отпрянула и наткнулась на бабуина, сидевшего, как оказалось, в укрытии за развесистым папоротником. Обезьяна, недовольная вторжением, оскалила свою розово-лиловую морду и закричала. Уилли взвизгнула еще пронзительнее и метнулась в другую сторону, к большому темному камню, на котором притаилась крупная игуана. Ящерица не замедлила щелкнуть пастью...

Коротышка не слишком испугался, однако вознес хвалу и пообещал пожертвовать доллар (со своего будущего счета) Стражу Двери духов, а также доктору ван Хельсингу и другим защитникам от Дракулы, когда летучая мышь унеслась прочь. У несчастной девушки, к сожалению, не было подобных могущественных защитников, и она лишний раз убедилась в справедливости своих опасений относительно сюрпризов внешнего мира. Однако она набралась смелости и принялась обследовать окрестности их лагеря с лихорадочным упорством. Занятие это то и дело прерывалось новыми всплесками криков, визга и прочих громких звуков, нарушавших тишину ночи.

— Вся беда в том, что от нее слишком много шума, — стоически заметил Джонс и попытался сосредоточиться на картах.

Однако, сам того не заметив за всем этим шумом и гамом, он взял себе четыре карты вместо трех. Коротышка обратил на это внимание и начал медленно распаляться, заподозрив патрона в жульничестве.

— Мне две, — осторожно произнес он.

— А я взял три, — отозвался Инди.

— Нет, четыре! — запротестовал Коротышка.

— Нет, три! — возмутился, в свою очередь, Джонс.

— Доктор Джонс жульничает! — заявил парнишка.

— Я-то нет, а вот ты, я уверен, стянул лишнюю карту! — парировал тот.

Уилли между тем продолжала пинать опустевшие кусты.

— Ты мне должен десять центов! — громко потребовал Коротышка. — Плати. Сейчас же!

— Я больше не играю, — презрительно швырнул карты Инди.

— И я тоже!

— И больше не буду тебя ничему учить.

— А мне все равно. Ты обманщик. Я не хочу с тобой оставаться!

— Паренек собрал карты, гордо поднялся и зашагал прочь, бормоча что-то по-китайски.

Уилли, дико озираясь по сторонам, начала пятиться к огню, где остался теперь один Индиана.

— Мы окружены! — еле выговорила она. — Тут все кишит разными тварями!

— Потому-то это место и зовется джунглями, — иронично отозвался тот.

— И что же в них еще водится? — прошептала она в ужасе.

Джонс взглянул на нее и улыбнулся. *Уилли...* Какое странное имя. Он покатал его на языке:

— Уилли, Уилли, Уилли... Это уменьшительное от какого-то другого имени?

Она напряглась, решив, что не позволит насмехаться над собой и произнесла:

— Это мое сценическое имя, *Индиана...*

— Эй, леди, зовите его *доктор Джонс*! — забыв обиду, из темноты пришел на помощь другу Коротышка, который не мог позволить, чтобы эта певичка, еще не утвержденная им в качестве объекта для ухаживаний Инди, вела себя с доктором слишком фамильярно.

Уилли и Инди дружно улыбнулись. Джонс в знак примирения показал Коротышке десятицентовую монету и вновь обратился к девушке:

— А Индиана — мой профессиональный псевдоним... Так как же тебя занесло в Шанхай?

— Моей карьере в Штатах положила конец Великая депрессия, — ответила она. — И один умник посоветовал мне поискать счастья на Востоке.

— Значит, шоу-бизнес? — констатировал он, укладываясь на расстеленное возле огня одеяло. — А более честолюбивые планы?

Джунгли прорезал душераздирающий животный вопль. Звук смерти. Уилли окаменела, придвинувшись еще ближе к огню, и выдавила:

— Дожить до рассвета.

— А потом?

— Подцепить красивого и страшно богатого принца, — улыбнулась она.

— Я бы и сам такого не прочь найти, — кивнул Джонс. — Тут мы сходимся.

— Как это?.. — не поняла Уилли.

— Я тоже мечтаю о богатых принцах, но только о мертвых, похороненных этак веков двадцать назад. Откопать такого — и получить разом и богатство, и славу Теперь ясно? — Он извлек из кармана клочок ткани, переданный ему индийским мальчуганом в деревне, и начал осторожно его разворачивать.

— Поэтому-то ты и тащишь нас с собой в этот заброшенный дворец? Ради богатства и славы? — спросила она, подсаживаясь поближе, чтобы рассмотреть лоскуток.

— Это фрагмент древнего манускрипта, — объяснил Инди. — Пиктограммы, повествующей о Санкаре, священнике. Ей много веков... Эй, полегче, полегче!

Девушка завладела лоскутком и увлеченно рассматривала его: грубое изображение в выцветших красных, золотых и синих тонах. Уилли испытывала какое-то восхитительное чувство. Казалось, она прикасалась к самой истории, к многовековой мудрости.

Коротышка тоже подошел, привлеченный объектом, заслужившим столь почтительное обращение и интерес. Видимо, древняя вещица заинтересовала даже слоненка. Во всяком случае, он подошел и положил хобот на плечо Уилли. Та подпрыгнула, скинула хобот с плеча и вновь обратилась к Джонсу:

— Это какие-то буквы?

— Да, это на санскрите, — отозвался тот. — Фрагмент легенды о Санкаре. О том, как он взошел на гору Калиса, где встретил бога Шиву.

— Прекрати! — прикрикнула Уилли на слоненка, опять положившего ей хобот на плечо, и продолжала расспрашивать Инди: — А вот этот и есть Шива, да? Что он протягивает священнику?

— Камни. Он велел ему идти и сражаться со злом. И

дал в помощь пять священных камней, обладающих магическими свойствами.

Слоненок снова начал приставать со своим хоботом. Уилли это начало положительно надоедать.

— Волшебные камни!.. Мой дед всю жизнь проходил с кроликом в кармане и полными рукавами голубей, осчастливил на своем веку немало детей — и умер в нищете... Магические камни! Богатство и слава! Спокойной ночи, доктор Джонс, — она возвратила ему лоскут с письменами и направилась к краю бивака, где у нее было постелено одеяло.

Индиана провожал ее взглядом со смешанными чувствами. Она начинала овладевать им, как навязчивая мысль. Он старался не глядеть на нее, но это отчего-то лишь все усугубляло.

— Куда ты? — спросил он. — Я бы на твоем месте расположился спать поближе. Ради собственной безопасности.

Уилли также избегала его взгляда. Почему он скрывает свои истинные чувства, не хочет прямо обо всем сказать? Она не доверяла мужчинам, которые не заявляли прямо о своих желаниях.

— Доктор Джонс, думаю, я буду чувствовать себя в большей безопасности со змеей, чем с вами, — бросила она на ходу.

В этот самый момент с дерева за ее спиной свесился огромный питон и опустил голову ей на плечо. Коротышка застыл, разинув рот. Индиана вовсе окаменел. Из всех существ, которые обитали, обитают или будут когда-либо обитать на земле, единственными, при виде кого он покрывался холодным потом, дрожал и готов был кинуться прочь, являлись змеи.

Уилли же, решив, что это опять слоненок, раздраженно схватила змею за голову, отшвырнула ее прочь, не глядя, и выкрикнула:

— Я же сказала — хватит!

Инди медленно попятился, не в силах перебороть ужаса. Уилли спокойно нагнулась и принялась расправлять одеяло. Змея, покачавшись, скользнула прочь.

— Ненавижу эти джунгли! — бормотала себе под нос девушка. — Ненавижу этого слоненка! Ненавижу эти привалы!

Бенгальский тигр, невидимый в темноте, остановился

неподалеку, затем исчез в чаще леса. Инди опустился на камень, посидел несколько секунд, восстанавливая дыхание, затем поднялся и начал подбрасывать дрова в костер, чтобы хватило подольше.

Рано утром они свернули лагерь и отправились в путь до наступления жары. Слоны брели сквозь чащу леса, который наполняли звуки дикой жизни. Теперь они не были столь пугающими, как ночью. При свете дня джунгли напоминали Уилли большой, плохо ухоженный зоопарк.

Коротышка вновь оживленно беседовал со своим ушастым приятелем, Большим Коротышкой, и все больше приходил к убеждению, что дух его пропавшего брата Чу, пропутешествовав на Колесе переселения душ, воплотился в этом толстокожем ребенке. Во-первых, Чу был округлой комплекции — склонность, которая вполне могла послужить причиной для его перевоплощения в слона. Во-вторых, тот отличался неизменно веселым нравом, в точности как этот слоненок. В-третьих, Чу прозвали Буддой — не только за его внушительную комплекцию и благодушный нрав, но и из-за того, что мочки ушей у того были крупнее обычного. Тут аналогия со слоном просто напрашивалась.

Поэтому Коротышка беседовал со слоненком о предметах, которые мог понять и оценить только Чу: о семейных делах, спорах из-за игрушек, а также давних жарких дискуссиях о том, кто лучший отбивающий в бейсболе: Джимми Фоккс или Лу Гериг. К великому удивлению Коротышки, его лопоухий приятель спокойно отнесся ко всем этим разговорам.

Разговор их перескочил на большие дела, которыми им предстоит заняться, когда они окажутся в Америке и поступят на работу в цирк, как вдруг караван оказался на вершине холма, с которого открывался вид на стоящий вдали дворец. Строение из белого, сияющего алебастра на гребне покрытого джунглями холма походило на резную жемчужину в зеленых волнах.

— Инди, гляди! — вырвалось у Коротышки.

— Это и есть Панкот, — кивнул Джонс.

Постояв минуту в молчании, они двинулись дальше.

Было уже далеко за полдень, когда процессия достигла подножия холма, на самом верху которого возвышался дворец. Они хотели уже было двинуться вверх по

узкой тропе, как вдруг Саджну остановил слонов и побежал вперед, испуганно выкрикивая что-то. Индиана спрыгнул со своего слона и направился вслед за проводником. Догнав его, он увидел, что тот указывает куда-то, лихорадочно повторяя на своем языке:

— Опасность! Большая опасность!

Инди ободряюще похлопал индийца по плечу, но тот все так же возбужденно повернулся, подбежал к остальным двум проводникам — и они втроем принялись оживленно лопотать. Джонс, наконец, разглядел, что привело их провожатого в такую панику. Тропу охраняло стоящее сбоку невысокое изваяние восьмирукой богини. На шее зловещего божества висело ожерелье из миниатюрных человеческих черепов. В каждой руке было еще по стилизованной голове, которые та держала за волосы. Рот богини был ощерен в демоническом оскале. Статую украшали листья, мертвые птицы, грызуны и черепахи. А талию перетягивал пояс из настоящих отрубленных человеческих пальцев... Воспользовавшись тем, что Уилли и Коротышка еще только спешиваются, Инди поспешил им навстречу.

— Почему мы остановились? — спросила девушка.

— Что ты там разглядывал, Инди? — перебил ее паренек, думая, что, быть может, речь идет о сокровище, достойном Чао-пао,

Однако Джонс, ничего не ответив, пробежал мимо и заговорил с напуганными индийцами. На все его слова Саджну лишь отрицательно мотал головой и твердил одну и ту же фразу. Его товарищи принялись разворачивать слонов. Видя это, Уилли пришла в страшное волнение. она кинулась вслед за погонщиками с криком:

— Нет! Нет! Инди, они уводят наших слонов!

— Дальше мы пойдем пешком, — отозвался тот, сознавая, что бесполезно заставлять туземцев делать то, чего они боятся, и что это может лишь все испортить.

— Нет! — запротестовала Уилли, которая после всех вчерашних огорчений только начала привыкать к этим неуклюжим животным.

— Слоненок! — позвал Коротышка.

Его новый друг обернулся. Как же так?! После стольких лет разлуки он наконец-то встретил родного брата — и вот, два дня спустя, они уже должны расстаться! «Стойте! Это нечестно! А как же цирк?!» — хотелось

крикнуть Коротышке... Но, быть может, встреча эта была послана им специально для того, чтобы уладить все недоразумения, оставшиеся неразрешенными после их расставания в Шанхае, и теперь, когда они все выяснили и помирились, Чу пора назад? Коротышке трудно было смириться с этим или даже просто понять, но, похоже, именно так все и было. И не свидетельство ли тому улыбка, которую он сейчас, казалось, различал на лице прощающегося с ним взглядом Чу? Коротышка махнул ему в ответ, изо всех сил сдерживая слезы. Его обретенный и тут же потерянный друг хлопнул ушами и помотал хоботом, шагая за двумя большими слонами.

Индиана вернулся к изваянию и принялся внимательно его рассматривать. Коротышка, решив, что сокровище было бы хоть слабым, но все-таки утешением после утраты товарища и брата, спросил:

— Доктор Джонс, что там такое?

— Стойте там, не подходите! — поспешно откликнулся тот.

Джонсу вовсе не хотелось, чтобы его спутники, в особенности Коротышка, видели то, что увидел он. Этот зловещий тотем, наделенный тайной властью и способный в лучшем случае вызвать кошмарные сны, а в худшем... «Вряд ли стоит подвергать Коротышку такой опасности, — решил он. — Да и Уилли тоже». Ибо он и к ней начал относиться более бережно. Повернувшись, он возвратился к своим спутникам и произнес:

— Что ж, значит, пойдем пешком.

К вечеру они вышли на мощеную дорогу, которая пролегала вдоль высокой каменной стены.

— ...Чудом не угодила под пулю, выпала из самолета, чуть не утонула, едва не пострадала от игуаны и летучей мыши, воняю как слон... — бормотала Уилли, ковыляя в нескольких шагах позади своих спутников, все так же с платьем и туфлями в руках; затем вдруг остановилась и закричала: — Все! Я дальше идти не могу!

Индиана тоже остановился, повернулся, подошел к ней, собираясь сказать нечто жесткое, насмешливое и лаконичное, но что-то, промелькнувшее в этот миг в ее взгляде, остановило его. Какое-то выражение потерянности и уже запредельного спокойствия. Она, в свою очередь, тоже вдруг заметила в его взгляде что-то такое, отчего жалобы замерли на ее устах. Не говоря ни слова,

Инди взял девушку на руки и понес. Уилли была удивлена, озадачена, но приятно.

— Еще какие-нибудь пожелания? — поинтересовался Джонс.

— Да, — слабо улыбнулась она. — Я бы хотела, чтобы ты раньше об этом догадался.

Коротышка лишь возвел очи горе. Он видел, как Кларк Гейбл сделал то же самое, что Инди, в «Это случилось однажды ночью». Тогда, в кино, сцена эта показалась ему невероятно глупой. Сейчас тоже.

Индиана пронес Уилли на руках до самых ворот, в которые упиралась дорога. Там он опустило ее, расправил на ней воротничок своей рубашки и улыбнулся:

— Похоже, серьезного ущерба удалось избежать?..

Она встала на ноги, обернулась и, впервые увидев Панкотский дворец так близко, присвистнула от восхищения. Дворец величественно раскинулся перед ними — экстравагантная смесь монгольского и раджпутского стилей. В лучах догорающего солнца он лучился кровавоопаловым светом. Трое путешественников медленно направились по мраморному мостику к главному входу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СЮРПРИЗ В СПАЛЬНЕ

По обеим сторонам моста стояла дворцовая стража: бородатые индийцы в черных тюрбанах, с кривыми саблями на поясе и пиками в руках. Продвигаясь вперед, путешественники привлекали к себе внимание стражников. Уилли поначалу нервничала, но вскоре ей даже стало доставлять удовольствие их внимание, и она приосани- лась, стараясь держаться так, как подобает женщине ее изящества. Единственное, о чем она жалела, — что не успела надеть туфли.

Они прошли под темной аркой и оказались в сверкающем дворе, окруженном кварцевыми и мраморными стенами, покрытыми ляпис-лазурью минаретами, сводчатыми окнами, обрамленными позолотой... Больше всего это походило на роскошный мавзолей. И безлюдно здесь было так же, как в склепе.

— Э-эй! — позвал Индиана, и голос его эхом отразился от зловещего великолепия этих стен.

На крик его явились еще трое стражников. Выглядели они не столь почтительными, как те, что встретили их на мосту.

— Привет, — стараясь расположить их к себе, произнесла Уилли.

Единственным ответом ей было эхо.

Спустя некоторое время, пройдя между гвардейцами, из дверей на крыльцо вышел высокий, неприступного

вида индиец в белом английском костюме и в очках. Он, с вежливым выражением лица, но подозрительно оглядел красотку в мятом мужском костюме, сжимающую в руках свернутое платье и туфли, грязного китайчонка в бейсбольной шапочке и мужлана кавказского типа с бичом.

Решительным шагом индиец подошел поближе, чтобы внимательнее рассмотреть незваных гостей. Однако впечатление от этого не улучшилось. Наконец, с презрительной улыбкой он произнес:

— Похоже, вы заблудились. Однако трудно представить, кто вы такие и откуда.

Индиана как можно лучше постарался изобразить на лице знаменитую американскую улыбку, означающую: «Я там, где нужно, — где бы я ни находился!», и парировал:

— Заблудились? Нет, что вы, ничуть. Мы направляемся в Дели. Разрешите представить моих спутников: мисс Скотт, мистер Раунд. А меня зовут Индиана Джонс.

— *Доктор Джонс*?! — опешил высокомерный индиец. — Знаменитый археолог?

— Трудно поверить, неправда ли? — хмыкнула Уилли.

— Помнится, впервые я услышал ваше имя еще учась в Оксфордском университете. Я Чаттар Лал, премьер-министр его высочества махараджи Панкота, — поклонился тот. — Добро пожаловать в Панкотский дворец.

Величавый премьер-министр повел их через центральные покои, сквозь отделанные мрамором залы с колоннами, мимо головокружительных интерьеров, зеркал, полудрагоценной каменной инкрустации, фонтанов из слоновой кости, замысловатых гобеленов... Уилли разглядывала всю эту роскошь, открыв рот.

В одном из коридоров их ожидала целая галерея портретов правителей Панкота, развешенных в хронологическом порядке. Лица принцев — утонченные и плоские, старые и без определенного возраста — неизменно несли на себе печать некой порочности и чего-то зловещего. Порхая мимо одного особенно характерного образчика, Уилли шепнула Коротышке:

— Ты бы хотел повстречаться с таким на темной улице? Что-то в нем есть... Я могу представить себя его женой. Принцесса Уилли!

Выступающий впереди Чаттар Лал, между тем, допрашивал Инди тоном, в котором звучали любопытство и недоверие:

— Подробности вашей авиакатастрофы и последующего путешествия мне кажутся,.. просто невероятными, — заключил он.

— Вас бы самого туда! — не выдержала Уилли, расслышавшая последнюю реплику.

— Мы были бы весьма признательны, если бы махараджа разрешил нам остановиться здесь на ночь. Утром мы двинемся дальше, — чистосердечно попросил Инди (а про себя добавил: «После того, как ночью проведем небольшую разведочную вылазку»).

— Я лишь покорный слуга махараджи, — почтительно склонил голову премьер-министр, — но обычно он прислушивается к моим советам.

— Это он? — спросила Уилли, когда они подошли к портрету обрюзгшего и старого раджпутского принца, замыкающему галерею. — Молодым красавцем его не назовешь...

— Нет-нет! — поспешил заверить разочарованную девушку Чаттар Лал. — Это Шафи Сингх, покойный отец ныне царствующего махараджи.

— Слава Богу, — просветлела та. — Надеюсь, нынешний махараджа чуть помоложе и поизящней?

Из боковой двери вышли две служанки. Чаттар Лал кивком указал на них Уилли:

— Они проводят вас в ваши покои и помогут вам переодеться. Вечером вас ожидает ужин с его высочеством.

— Ужин! Да еще с принцем! — просияла девушка. — Удача явно повернулась ко мне!

Но тут взгляд ее упал на собственное отражение в зеркале, и она, ужаснувшись своему виду, поспешила прочь вслед за служанками. Чтобы подцепить принца, необходима была достойная наживка.

— Итак, в восемь часов в Павильоне наслаждения, доктор Джонс, — холодно улыбнулся археологу премьер-министр, и оба обменялись натянутыми полупоклонами.

Над ухоженным садом возвышался великолепный золотой купол. Вечер был пропитан запахами жасмина, гиацинта, кориандра и роз. Звуки ситара, барабана и флейты парили в порывах ветерка, колебавшего пламя факелов. Павильон наслаждения сиял. На дорожках беседовали придворные министры и богатые торговцы в роскошных нарядах: шел торг, в котором намеки и обещания щедрого вознаграждения сулили в ответ некие услуги и желанные привилегии. В эту сеть дворцовых интриг ступили в этот момент Индиана Джонс и его верный телохранитель Коротышка.

На Инди была его профессиональная экипировка: твидовый пиджак, галстук, очки с круглыми стеклами, а также рубашка и брюки, выстиранные и выглаженные прислугой. Трехдневную щетину на подбородке он решил оставить, чтобы произвести на этого чванливого премьер-министра впечатление человека резкого и решительного, а также чтобы Уилли не подумала, будто он старается очаровать ее. Коротышка тоже был вычищен и выглажен, но переодеться во что-нибудь другое и снять бейсбольную кепку наотрез отказался.

— Посмотри вокруг, Коротышка, — произнес Индиана. — Ты бы хотел когда-нибудь стать владельцем такого дворца?

— Еще бы! — ответил мальчуган.

— Ну и зря, — продолжал Инди. — Тут, конечно, красиво, но попахивает коррупцией. Чувствуешь?

Коротышка втянул в себя воздух. В нем и впрямь ощущался какой-то специфический, навязчивый запах — приторное благовоние.

— Ага... похоже, — согласился паренек.

— Вот им молодец, — кивнул Инди, нежелавший, чтобы его подопечный после всех выпавших на его долю невзгод попался на столь блестящую приманку. — Выглядит все великолепно, согласен. Здесь приятно погостить. Но жить я бы тут не стал.

— Я буду жить в Америке, — согласился Коротышка.

— Возьми для примера хоть вот эти резные солнечные часы из слоновой кости, — продолжал Индиана (ибо часы эти, превосходный образчик ручной работы тамильских мастеров, и впрямь заслуживали того, чтобы взять их с собой в университет, но Инди хотел сказать не это). — Они явно выкрадены из других краев, чтобы украсить этот дворец.

— В точности как делаем мы: новое место для старых вещей, — кивнул Коротышка.

— Не уверен, что тут есть сходство... — внушительно произнес Джонс.

Коротышка на мгновение стушевался, но затем, кажется, поняв, куда клонит его друг, воскликнул:

— А-а!.. Эти люди не умеют правильно писать, да?

— Верно, — со вздохом согласился Инди, решив, что пока и это объяснение сойдет. — Не умеют.

— Но считают они, наверно, хорошо, — развил свою догадку паренек, сообразив, что при таком богатстве человек должен уметь хотя бы вести счет деньгам.

— У тебя зоркий глаз, дружище! — улыбнулся Джонс.

Некоторое время их взгляды блуждали по фарфоровой плитке, нефритовым фасадам, резным колоннам. Сад и павильон постепенно все больше заполнялись придворными и прихлебателями. Путешественники заметили приближающегося к ним Чаттара Лала и с ним капитана английской кавалерии при полном параде. Премьер-министр представил друзьям капитана Филиппа Бламбертта, а ему — Инди и Коротышку, сказав:

— Сегодня вечером у нас столько *нежданных* гостей!..

Бламбертт — истинный джентльмен, лет шестидесяти, усатый, лысеющий, сплошь увешанный медалями — поклонился гостям. Индиана, ответив кивком, произнес:

— Рад познакомиться. Я виде, как ваш отряд прибыл на закате.

— Обычная инспекция, — заверил его капитан.

— Англичане пекутся о спокойствии своей империи, — как можно почтительнее проговорил Чаттар Лал.

— Да, похоже, эта миленькая маленькая империя того заслуживает, — отозвался Джонс.

Все четверо умолкли, любуясь архитектурными красотами дворца. В это время в саду появилась Уилли. Ее архитектура поразила воображение Индианы еще больше. Выглядела она потрясающе: свежая, подкрашенная, в королевском, серого цвета сари, которое выглядело чуть модернизированным в западном стиле благодаря У-образному вырезу и парчовой отделке по краям. Волосы ее скрепляла украшенная алмазами и жемчугом тиара, а золотые кольца в ушах выгодно оттеняли лицо. На голову была накинута тончайшая шелковая вуаль, а на груди красовалось вычурное, усеянное драгоценными камнями ожерелье. Метаморфоза оказалась столь разительной, что Инди, при ее приближении, не смог сдержать восхищения и выдохнул:

— Ты выглядишь как настоящая принцесса...

На ее памяти это было первое подобное признание, которое ей довелось слышать из уст Джонса. От удовольствия она едва не зарделась. Бламбертт и Лал рассыпались в подобных комплиментах. Затем, заметив, что ужин должен вот-вот начаться, премьер-министр повел всю компанию в павильон. Инди, придержав Уилли, отстал с нею на несколько шагов от остальных и шепнул:

— Не надо так волноваться. У тебя разве что слюни не текут...

— Я будто на седьмом небе, — призналась та. — Только представь: настоящий принц. До сих пор моим высшим достижением был провинциальный князек.

С глазами, сияющими как у ребенка на Рождество, опираясь на руку Инди, девушка проследовала в павильон. Коротышка специально отстал на несколько шагов, чтобы насладиться видом этой очаровательной, грациозной, влюбленной, неразлучной пары — какой он их себе вообразил. Они представлялись ему его родителями, а сам он — их любящим сыном. Он мысленно возблагодарил своих покровителей — Звезду счастья, Звезду достоинств и Звезду долголетия — и попросил, чтобы те занесли эту минуту в свои Небесные скрижали, чтобы потом в нужный момент по его желанию воспроизвести ее. Завершив молитву, парнишка бегом догнал своих спутников.

Они вошли в зал витиевато отделанные своды которого поддерживали массивные гранитные колонны. На барельефе по всему периметру стен гарцевали алебастровые лошади. Пол был выложен мрамором и эбонитом. Свечи в хрустальных канделябрах сияли, ярко освещая весь зал. В центре располагался длинный низкий стол с двумя десятками приборов из золота. По обе стороны от двери стояли, замерев, два сверкающих драгоценными камнями стражника.

Струнные и ударные инструменты наигрывали, плетя экзотическую мелодию, под чувственные звуки которой танцевала полуобнаженная девушка. Индиана, с одного взгляда оценив танцовщицу, расплылся в гурманской улыбке:

— Фольклорные танцы всегда были моей слабостью.

Уилли лишь кивнула коллеге, полупрезрительно, полуободряюще:

— Ваяй, пляши, детка. Гляди, до чего это довело меня, — и, кинув на Джонса уничижительный взгляд, поспешила вдогонку за Чаттаром Лалом, чтобы обратиться к нему как можно более светским тоном: — Мистер Лал!.. Как зовут жену махараджи?

— Его высочество еще не обзавелся супругой, — ответил тот.

— Пока нет? — просияла Уилли. — Видимо, ему еще не встретилась настоящая женщина.

Покуда Уилли вела светскую беседу с премьер-министром, Индиана направился в глубину зала, где у стены были выставлены для всеобщего обозрения множество бронзовых статуэток и другие экзотические культовые предметы. Внимание его привлекла одна глиняная фигурка. Он взял ее, чтобы получше рассмотреть. Подошедший Бламбертт, тоже бросив взгляд на чудную куклу, изрек:

— Очаровательно. Что это?

— Их называют Кртя, — откликнулся Джонс. — Что-то вроде южноафриканских магических кукол. Кртя символизирует вашего врага, что дает вам над ним магическую власть.

— А-а... Эти колдовские штучки, — протянул капитан.

— Вы, англичане, полагаете, будто правите Индией. Но это не так. Истинными властителями этой страны остаются ее древние боги, — в тон ему произнес Джонс, испытавший при виде этой статуэтки то же странное чувство, что и перед лицом зловещего изваяния, охраняющего дорогу к замку.

Англичанин, состроив кислую физиономию, промолчал. Инди поставил статуэтку на место. В этот момент к ним подбежала Уилли, возбужденная разговором с премьер-министром, и защебетала:

— Этот махараджа, похоже, прямо *купается* в деньгах. Может быть, мысль посетить этот дворец действительно была не так уж плоха!

При этих словах Бламбертт высоко поднял брови, неприятно пораженный. Индиана лишь улыбнулся в ответ. Сзади громко ударил барабан.

— Кажется, нас пригашают за стол, — произнес англичанин.

— Наконец-то! — радостно воскликнула Уилли.

Капитан поспешил отделиться от этих странных американцев. Индиана взял Уилли па руку и проводил к столу. Барабан все продолжал бить, покуда гости распределялись по рангу, вставая возле приготовленных для них вместо стульев подушек. Индиана очутился рядом с пустующим местом во главе стола, по правую руку. Соседом его оказался английский капитан. Напротив них, по левую руку от принца, были отведены почетные места для Уилли и Коротышки.

Когда места были распределены, Чаттар Лал подошел к двери, дважды хлопнул в ладоши и провозгласил, сначала на хинди, затем по-английски:

— Его Верховное высочество, хранитель традиций Раджпута, махараджа Панкота Залим Сингх!

Все взгляды обратились к двум массивным серебряным створкам входной двери. Створки распахнулись, и через порог переступил махараджа Залим Сингх. При его появлении все изогнулись в почтительном поклоне. Уилли последовала общему примеру, однако ухитрилась-таки при этом стрельнуть глазами в направлении махараджи — и Джонс увидел изумление на ее лице. Он тоже повел взглядом в сторону панкотского принца и увидел, что его высочеству от силы лет тринадцать.

— Это и есть махараджа? Этот мальчишка? — прошептала Уилли, и на лице ее выразилось такое разочарование, какого Индиане еще видеть не приходилось.

— Может быть, ему нравятся зрелые женщины... — ободряюще предположил он.

Залим Сингх направился к своему месту во главе стола. На нем было длинное одеяние из золотой и серебряной парчи, отделанное алмазами, рубинами, изумрудами и жемчугом. Тюрбан также украшала россыпь камней и венчала диадема в виде бьющего фонтана. Драгоценное убранство дополняли серьги в ушах и кольца на пальцах рук и ног. Лицо его выглядело по-детски нежным: ни волоска, ни морщинки, лишь остатки младенческой пухлости. Лицо это было скорее женским. И довольно красивым.

Принц скользнул надменным взглядом повелителя по склоненным головам и наткнулся на Коротышку, кото-

рый не стал утруждать себя поклоном. Китайчонок стоя в своей бейсбольной кепке, жевал резинку и неприязненно разглядывал своего сверстника, возомнившего о себе, судя по всему, бог знает что. С первого мгновения между ними возник естественный антагонизм.

Инди метнул в Коротышку через стол испепеляющий взгляд, однако тот не превратился в горстку пепла. Голову перед принцем он, впрочем, соизволил-таки склонить, решив про себя, что кланяется не этому надутому сопляку, а Инди.

В конце концов махараджа уселся на приготовленную для него золотую подушку. По его кивку уселись и остальные. Инди сочувственно улыбнулся Уилли, чьи честолюбивые надежды рассеялись как дым, и попытался утешить ее:

— Не грусти. Бог с ним, с принцем, сейчас будет ужин!

Это возымело свое действие. Девушка тут же оживилась и возбужденно прошептала:

— Сроду у меня не было такого зверского аппетита.

Появились слуги с серебряными блюдами, на которых дымилась горячая пища. Уилли, на мгновение закрыв глаза, жадно втягивала аромат еды. Когда она вновь их открыла, первое блюдо уже стояло на столе: запеченная целиком дикая свинья, пронзенная насквозь стрелами, с выводком печеных поросят, прильнувших к ее сосцам.

— Боже... Какая мерзость... — покоробленно проронила Уилли.

Индиана изумленно разглядывал зловещую кулинарную фантазию, которая выглядела по меньшей мере странной. Ведь индуизм запрещает есть мясо. Скосив глаза на Бламбертта, он заметил, что тот не менее удивлен. Малолетний махараджа подал знак стоящему рядом с ним Чаттару Лалу, чтобы тот нагнулся, и прошептал что-то ему на ухо. Премьер-министр кивнул и, распрямившись, провозгласил:

— Его высочество приветствует своих гостей, в особенности знаменитого доктора Джонса, археолога из Америки.

— Для нас большая честь быть гостями его высочества, — почтительно склонил в ответ голову Индиана.

Маленькая ручная мартышка вскочила на плечо Коротышке, схватила со стола цветок и весело затаратори-

ла. Китайчонок рассмеялся. Обезьянка сорвала с него шапочку — он отнял ее. Они пожали друг друг руки и принялись шептаться, кидаться лепестками цветка и вообще забавляться как два братца-сорванца за чинным семейным застольем.

Пока Уилли все в том же оцепенении продолжала таращиться на бедную свинью, зажаренную с собственными детишками, Индиана вел непринужденную беседу с Чаттаром Лалом, разместившимся во главе стола рядом со своим повелителем:

— Хочу задать вам один вопрос, господин премьер-министр. Я тут рассматривал некоторые из ручных работ, собранные махараджей...

— Чудесная коллекция древностей, не правда ли?

— Я не уверен, что все они настолько уж древние. Некоторые, по-моему, вырезаны совсем недавно. Они напоминают изображения, которые использовались Душителями, поклонявшимися богине Кали...

При упоминании о Душителях за столом воцарилась тишина. Словно Джонс нарушил какое-то табу, совершил недопустимую оплошность. Все индийцы, как один, уставились на археолога. Чаттар Лал вежливо ответил, но в голосе его чувствовался холод:

— Это невозможно, доктор Джонс.

— Насколько я помню, эта провинция, вероятно, даже именно эта область являлась центром культа Удушения, — продолжал гнуть свое Индиана, чувствуя по реакции хозяев, что задел больное место, и решив поглубже прощупать почву.

Бламбертт неожиданно также присоединился к разговору:

— А, Душители! Восхитительные извращенцы. Выслеживали и душили странников. Подумать только — в *этой самой* провинции! Этому делу, помнится, положил конец один английский офицер, майор...

— Слимэн, — подсказал Индиана. — Уильям Слимэн.

— Вот-вот, он самый! — обрадовался капитан.

— Он проник в секту и схватил их главарей, — продолжал Инди. — В 1830-м, кажется. Отважный человек.

— У вас замечательная память на минувшие события, — с интересом констатировал Чаттар Лал.

— Это моя профессия, — ответил Инди.

— В таком случае, доктор Джонс, — перешел в на-

ступление премьер-министр, — вам должно быть прекрасно известно, что культа Удушения вот уже более века не существует.

— Ну разумеется, не существует! — подхватил Бламбертт. — Эти нечестивцы приносили в жертву своей богине людей. Но британская армия чудесно расправилась с ними.

Между тем слуги продолжали накрывать на стол. Перед гостями появилось второе блюдо: тушеный удав с гарниром из жареных муравьев. Один из слуг вскрыл змее брюхо, продемонстрировав публике массу кишащих внутри еще живых угрей. Уилли побледнела, а сидящий слева от нее торговец удовлетворенно потер руки:

— Ага! Змея с сюрпризом!

— Что, есть еще какой-то сюрприз? — слабо поинтересовалась Уилли, чувствуя, что аппетит ее изрядно уменьшился.

Индиана продолжал свой обоюдоострый диалог с Чаттаром Лалом:

— Мне кажется, верования, подобные культу Удушения, отмирают медленно, — сказал он и добавил про себя: «Особенно если имеется почва для того, чтобы они продолжали существовать».

— Но никакого культа больше и в *помине* нет! — снова возразил премьер-министр.

— Не знаю, не знаю... — усомнился Инди. — Мы прибыли сюда из небольшого селения, жители которого поведали нам, что Панкотский дворец обязан своим новым возвышением возрождению некоей древней злой силы.

— Это все россказни, порождаемые страхом и суеверием, — фыркнул Лал.

— Тогда как объяснить, что на подходах к дворцу я обнаружил небольшое святилище с изваянием Кали — богини смерти, разрушения и хаоса? — наседал Индиана.

Залим Сингх и его премьер-министр обменялись взглядами, что не укрылось от Джонса. Затем Чаттар Лал, придав лицу бесстрастное выражение, ответил:

— Ах, да... Мы играли там детьми. Отец всегда предупреждал меня, чтобы я не позволял Кали завладеть моей «атман» — душой, как говорят у вас. Но, повзрослев, я не помнил зла. Мне вспоминается лишь счастливая юность и все, что с нею связано, вызывает у меня приятные ассоциации... Все это деревенские сплетни, доктор Джонс. Вы только зря беспокоите ими капитана Бламбертта.

— Нет, что вы, я ничуть не обеспокоен! — запротестовал благодушный англичанин. — Напротив, мне очень интересно.

Коротышка, тщетно попытавшись вникнуть в суть дискуссии, вернулся к играм с мартышкой. Подобные разговоры ему не нравились, и он надеялся, что Хуан Тьен, Верховный повелитель Темного неба, зорко следит за развитием событий.

Уилли же эти разговоры — в придачу к бросающим в дрожь блюдам — совершенно лишили аппетита. Душители, принесение людей в жертву! Она уже подумывала о том, чтобы сжевать цветок, как вдруг слуга, перегнувшись через ее плечо, положил ей на тарелку запеченного черного жука сантиметров пятнадцати в длину... Оцепенев, она наблюдала за тем, как все тот же сидящий слева от нее тучный торговец с готовностью схватил положенное ему такое же отвратительное насекомое, разломил его надвое и жадно принялся высасывать содержимое, от одной мысли о котором ей стало плохо. Девушка сидела белая, как смерть, и огни свечей расплывались у нее перед глазами.

— Но вы же ничего не едите! — встревожённо заметил индиец.

— Я... уже ела жуков... на завтрак, — нашлась Уилли и слабо улыбнулась, памятуя о том, что на званом обеде у махараджи нужно изо всех сил держаться в рамках приличий.

Тем временем напряженный диалог археолога и премьер-министра не умолкал. В настоящий момент говорил Индиана:

— И знаете, жители селения еще пожаловались, что дворец отнял у них некую ценность...

— Доктор Джонс! — голос Чаттара Лала вдруг обрел суровость.

— В нашей стране не принято, чтобы гость оскорблял хозяина!

— Прошу прощения, но я полагал, что мы разговариваем о народном искусстве и поверьях... — Индиана вел беседу все тем же наивным светским тоном, однако

намеки его были прозрачны и вызывали страх у тех, к кому относились.

— Так что там такое якобы украли? — иным, официальным голосом поинтересовался Бламбертт, ибо, коли речь зашла о краже, это прямо касалось его епархии.

— Священный камень, — ответил Инди.

— Ха! — насмешливо изрек премьер-министр. — Вот вам, пожалуйста, капитан: священный камень!!

Все облегченно рассмеялись. За исключением Уилли, которая не слышала ничего, кроме звука разламываемых гигантских жуков и высасываемой из них жижи. Она наклонилась к Коротышке, который обучал Обезьянку азам бейсбола, и прошептала:

— Дай мне твою кепку.

— Зачем? — подозрительно поинтересовался тот.

— Чтобы подставить. Меня сейчас вывернет...

Заметив, что даме плохо, один из слуг поспешил ей на помощь. Однако Уилли из последних сил изобразила на лице улыбку (она ведь, в конце концов, актриса) и попросила:

— Скажите, а нет ли у вас чего-нибудь попроще — ну... супа, что ли, или чего-нибудь в этом роде?

Слуга кивнул, выше и почти тотчас вернулся с кастрюлькой, которую он поставил перед девушкой, и снял крышку. Внутри оказался действительно суп: что-то вроде куриного бульона (во всяком случае, судя по запаху), но с плавающими в нем сваренными глазными яблоками.

— М-м!.. Выглядит аппетитно! — одобрил ее выбор сидящий рядом тучный торговец.

Из глаз Уилли брызнули слезы.

Индиана же недавая передышки Чаттару Лалу:

— Я и сам поначалу не придал этому значения. Но затем все как-то сошлось одно к одному: этот камень и легенда о камне Санкары...

— Доктор Джонс! — взорвался премьер-министр, не в силах больше сдерживаться. — Мы все уязвимы перед злобными слухами. Насколько мне помнится, в Гондурасе вас самого обвинили в грабеже могил, которым вы занимались под видом археологических раскопок.

— Газеты раздули этот инцидент, — пожал плечами Инди.

— А султан Мадагаскара разве не грозил отрубить

вам голову, если вы еще раз вздумаете вернуться в его страну?

— Нет... не голову, — пробормотал Индиана, чьи воспоминания о султане были еще слишком живы.

— Тогда, возможно, руки... — судя по блеску глаз премьер-министра, ему было прекрасно известно, какой именно части тела Джонса грозило отсечение.

— Нет, и не руки, а... — стушевавшись, возразил Индиана. — Просто произошло недоразумение!

— В точности как и в этом случае, — с улыбкой победителя подхватил Чаттар Лал, откидываясь на подушку. — Здесь мы тоже имеем дело с недоразумением.

Махараджа вдруг кашлянул и впервые вступил в разговор:

— Мне приходилось слышать жуткие рассказы об этом культе Удушения. — Слова эти повергли всех в такое изумление, точно никому и в голову не приходило, что у принца могут быть свои суждения насчет чего бы то ни было. — Я считал, что истории эти служат лишь для того, чтобы пугать ими детей. Позже мне довелось узнать, что культ этот действительно существовал и последователи его творили неописуемые злодеяния. Мне стыдно за то, что творилось в этих краях много лет назад. Эти предметы — кукол, изваяния — мы храним специально, чтобы они постоянно напоминали нам, что такое больше не должно повториться в моих владениях.

К концу тирады голос принца достиг звенящих высот, а на верхней губе выступили капли пота. Зал притих.

— Если я оскорбил вас, — тихо промолвил Индиана, — то прошу извинить меня.

Участники трапезы вздохнули с облегчением. Слуги начали поспешно менять приборы. За столом возобновился многоголосый разговор. Инди чувствовал себя одновременно и более осведомленным и ничего не понимающим в здешней обстановке.

— Ага! — вдруг радостно воскликнул сосед Уилли. — Десерт!

Обезьянка, игравшая с Коротышкой, вдруг заверещала и кинулась прочь через открытое окно. Уилли зажмурилась, зная, что еще один сюрприз окажется для нее каплей, переполнившей чашу. Слух ее улавливал бряцание посуды и звуки, издаваемые поглощающими что-то людьми. В конце концов любопытство взяло верх, и

она легкомысленно открыла глаза. И хотела сейчас же зажмуриться вновь, но было слишком поздно. Этого ей не нужно было видеть. Это оказалось гораздо хуже, чем она ожидала. На тарелках красовались обезьяньи головы. Макушки голов были срублены, наподобие крышек, а сами головы, словно горшочки, были установлены на специальных подставках, с которых свисала вниз белая шерсть животных.

Коротышка был потрясен. Даже Индиана и капитан Бламбертт, казалось, не ожидали такого.

— Холодные обезьяньи мозги! — в упоении провозгласил сосед Уилли.

Девушка в оцепенении наблюдала, как махараджа и друге индийцы преспокойно снимают с обезьяньих голов «крышки» и запускают золотые ложечки внутрь... Такого она выдержать не смогла и постаралась выйти из этой ситуации как можно более приличным образом. А именно, упала в обморок.

— Довольно экзотическое было меню, как вы считаете? — заметил английский капитан, выходя вместе с Индианой и Коротышкой из павильона в сад, который был освещен сотнями фонариков и благоухал смесью сладкого дыма от кальянов и природных ароматов.

— Даже если они и хотели испугать нас, все равно истинный индус ни за что не прикоснулся бы к мясу, — поддержал Индиана. — Все это навевает раздумья о том, кто же такие эти люди.

— Испугать? — хмыкнул Бламбертт. — Нет, вряд ли они к этому стремились.

— Может быть, и нет, — серьезно проговорил Инди.

— Ну, мне пора. Распустить отряд на ночлег и все такое... Ужасно рад был познакомиться, доктор.

— Я тоже, капитан.

Они потрясли друг другу руки, и Бламбертт удалился. Инди повернулся к Коротышке:

— Идем. Посмотрим, удастся ли нам тут что-нибудь разузнать.

Они направились на кухню. Инди твердо верил, что если хочешь побольше узнать о том или ином доме, нужно поговорить с прислугой. На кухне оказалось с дюжину людей, мывших посуду, прибиравших и наводивших чистоту. Джонс обратился к одному из них, который по виду походил на повара. Однако тот в ответ

непроизнес ни слова. Инди попытался заговорить с ним на других местных наречиях, но с тем же успехом. Он поочередно обошел других слуг. Молчание. Приметив вазу с фруктами, он взял ее в руки и спросил, можно ли их есть. Никому, похоже, не было до этого ни какого дела.

— Вот видишь, Коротышка, — обратился к пареньку Джонс. — Я всегда говорил: чтобы узнать, как в доме поставлено хозяйство, достаточно обратиться к кому-нибудь за помощью...

Коротышка в ответ лишь зевнул. Инди, не удержавшись, тоже.

Одна молодая служанка, как показалось Инди, подмигнула ему, но тут же была изгнана с кухни старшим среди челяди. Девушка, выходя, сделала еще одно движение, которое пришлось Инди по сердцу еще больше: вильнула бедрами. Однако движение это одновременно, словно укор совести, напомнило Джонсу о другой особе женского пола, которую он оставил в неопределенности и которая в последнее время все прочнее завладевала его помыслами. Он еще раз бросил взгляд на суетящихся неприступных слуг, перевел взгляд на вазу с фруктами, затем на Коротышку. Тот спал стоя. Инди решил, что им всем нужно немного расслабиться и отдохнуть.

Пять минут спустя они шагали по полутемному коридору к отведенной им спальне. Коротышка тащил накрытую крышкой вазу с фруктами зевая каждые десять шагов. Остановившись перед нужной дверью, Индиана потрепал своего телохранителя по голове, забрал у него вазу и произнес:

— Хм... Пожалуй, пойду-ка я проведаю Уилли.

— Пожалуй... — насмешливо поддержал китайчонок, входя в спальню, и прошептал вслед удаляющемуся Джонсу: — Потом расскажешь, что там сучилось.

— Брысь! — остановившись, скомандовал Индиана.

Коротышка поспешно закрыл дверь. Но в следующую секунду слегка приоткрыл ее — только чтобы понаблюдать еще немного. В конце концов это было начало первой любовной сцены, которая должна была привести к столь важному для его судьбы союзу. Подобно великому Детке Руту, Инди должен был завершить игру триумфальной пробежкой — если только не испортит все сам. Однако все должно было пройти гладко. Коротышка все

больше убеждался в том, что Инди и Уилли суть легендарные влюбленные Хсьенпо и Йинг-тяй, спустившиеся с неба. Когда-то они умерли в объятиях друг друга, и Нефритовый император даровал им вечную жизнь в радуге, сделав Хсьенпо красным цветом, а Йинг-тяй — синим. А разве не были глаза Уилли голубоватыми, а глаза Инди — с красноватым оттенком? И, стало быть, разве не вернулись они на землю, чтобы воссоединиться во плоти и объявить его, Коротышку, фиолетовым плодом этого сияния? Паренек в этом ни минуты не сомневался, ибо его глаза были усеяны фиолетовыми точками.

Однако сейчас его глаза сами собой закрывались — так ему хотелось спать. Но пока он не мог позволить себе заснуть. Ему хотелось быть свидетелем по крайней мере первых застенчивых шагов навстречу друг другу, которые сделает эта пара перевоплотившихся мифических существ. «Интересно, — размышлял Коротышка, — способна ли Уилли, подобно Тени, окутывать сознание мужчин?»

Инди дошел до двери в спальню Уилли. Дверь оказалась заперта. Он собирался постучаться, но тут дверь распахнулась. На пороге появилась Уилли, все еще в своем царском наряде.

— Вот это сюрприз! — чуть удивленно протянула она.

— У меня тут есть кое-что для тебя, — проговорил Инди, пытаясь сохранить самообладание, хотя лицо плохо повиновалось ему.

— У тебя нет ничего такого, что могло бы меня заинтересовать, — парировала она, чтобы подразнить его, так как знала, что это неправда.

— Понятно, — кивнул Джонс, решив не навязываться тому, кому ты не нужен.

Он развернулся, собираясь уйти, выудил из-под крышки лежавшее на тарелке яблоко и надкусил. При этом звуке Уилли метнулась вперед и выхватила у него желанный плод, после чего запустила зубы в сладкую мякоть. Никогда еще ни одно яблоко не казалось ей таким вкусным. Она закрыла глаза, смакуя сочное, хрустящее чудо. Это был рай. Открыв глаза, она сняла с миски крышку. Внутри оказались бананы, апельсины, гранаты, инжир, виноград... Уилли, разинув рот от восхищения, постояла немного, затем взяла блюдо из рук Инди и направилась в спальню. Он последовал за ней.

Коротышка в конце коридора понимающе улыбнулся и отправился спать.

«В конце концов, этот Джонс не такой уж плохой тип», — думала Уилли. Если бы только не его самодовольство. Он выручил ее несколько раз. О нем слышали даже здешние люди, так что, возможно, он и впрямь знаменитость. А теперь в придачу такая любезность, эти божественные фрукты. Восхитительная галантность, учитывая, что они находятся за тысячи миль от мира, где есть радио и машины... Она сунула в рот еще несколько виноградин и улыбнулась ему. Потом принялась за банан. *«Ты любишь жать на газ. Ты любишь хмель в ногах. Ты любишь старину и тела белизну. Ты любишь Мэй Вест и быть со мной вместе. Кто будет возражать?..»* — крутились у нее в голове тысячу раз петые строчки.

Индиана одарил ее ответной улыбкой. Бедная девочка. Она явно от него без ума. Что ж, он не прочь ее приласкать. Данные у нее прекрасные. Более того, с каждым днем она становится все привлекательнее. Так что, в самом деле, почему бы и нет? Он шагнул к ней.

— Ты чудный мужчина, — промурлыкала она. — Из тебя получился бы прекрасный слуга для моего дворца.

— Вы не расстаетесь со своими драгоценностями даже в постели, принцесса? — спросил он, чувствуя давно забытый трепет.

— Да, но оставляю на себе только их, —томно отозвалась она. — Тебя это шокирует?

— Нет. Меня ничто не шокирует. Я ведь ученый, — он придвинулся к ней, взял у нее из рук яблоко и откусил изрядный кусок.

— Значит, будучи ученым, ты проводишь немало изысканий?

— Неустанно... — выдохнул он.

— В смысле того, каким кремом для лица я пользуюсь на ночь, в какой позе сплю и как выгляжу утром? — уточнила она, чувствуя, что этот разговор начинает ее волновать, и надеясь, что Инди скоро перейдет от слов к делу.

— Я изучаю брачные обычаи, — ответил Инди, словно читая ее мысли.

— Любовные игры?

— Первобытные сексуальные ритуалы

— Так ты авторитет в этой области? — она развязала галстук, чувствуя, как с каждой минутой Инди становится все притягательнее.

— У меня многолетний практический опыт, — подтвердил он.

Они слились в поцелуе — долгом, нежном, осторожном, но постепенно набирающим силу и ритм. Полузадохнувшиеся, они вынырнули на поверхность, чтобы глотнуть воздуха.

— Я не обижаюсь за то, что ты вел себя со мной довольно резко, — почти извиняющимся тоном произнесла она. — Я иногда бываю совсем не подарок.

— У меня бывали и похуже, — великодушно отозвался он.

— Но лучше, чем я, не будет никогда.

— Не знаю, — усмехнулся Инди. — Я, как ученый, не люблю предвзятости при проведении эксперимента. Утром я поделюсь с тобой своими выводами.

«Что?! *Эксперимент?!* — мысленно возмутилась она. — Точно я какая-нибудь подопытная крыса или что-нибудь в этом роде?» Она была готова к тому, чтобы ее любили, наслаждались ею, но проводить на ней опыты?! Она подошла к двери и распахнула ее:

— Ах ты, самодовольная обезьяна! Я не настолько простая добыча, как ты возомнил!

— Я тоже... Твоя беда, Уилли, в том, что ты всегда хочешь, чтобы все было по-твоему, — на смену первому изумлению пришло раздражение, Инди вышел из ее спальни и зашагал прочь по коридору.

— Ваша гордость просто мешает вам, доктор Джонс, признать, что вы по уши влюблены в меня! — крикнула она ему все, подумав про себя: «Его беда именно в том, что он хочет все время держать во всем верх, и влюбленность порождает в нем ощущение уязвимости, зависимости от меня. Я бы пожалела его — веди он себя благороднее».

— Уилли, если захочешь увидеть меня, ты знаешь, где меня найти, — произнес Инди, уже стоя в дверях своей спальни и стараясь говорить как можно безразличнее, в уверенности, что она не замедлит явиться.

— Через пять минут ты вернешься, — предсказала она; видно было, что он хочет ее больше, чем сам себе

осмеливается признаться, бедняжка, и долго не протянет.

— Детка, через пять минут я буду сладко спать, — Инди нарочито широко зевнул и закрыл за собой дверь.

— Непройдет и пяти минут! — повторила Уилли. — Ты это знаешь так же прекрасно, как и я.

Инди приоткрыл дверь и выглянул сквозь щель наружу. В этот самый момент Уилли с грохотом закрыла дверь своей спальни, ставя точку. Джонс прислонился к двери и постоял так в ожидании. Однако никаких шагов в коридоре слышно не было. Извиняться, судя по всему, она не собиралась. Ну и черт с ней! Он подошел к своей кровати и сел. Инди был в ярости и имел на то причину.

Уилли отошла от двери и мрачно плюхнулась на кровать, затем, пробормотав что-то сквозь зубы, залезла под одеяло. Этот тип еще вернется. Конечно не ахти какой, но все-таки мужчина, а она весьма и весьма ощущала себя женщиной. Взяв стоящие возле кровати часы, она засекла время и загадала: «Пять минут». Затем разделась.

Инди снял пиджак и бросил взгляд на часы рядом с кроватью. «Четыре с половиной минуты я ей даю, не больше, — проскрежетал он. — Идиотизм. Идиотка, идиотский дворец, идиотская ситуация!». Он чувствовал себя обманутым в ожиданиях.

Уилли вскочила и обошла вокруг спальни, задувая свечи и выключая лампы. Посреди этой процедуры она остановилась перед зеркалом и принялась разглядывать свое отражение. Волосы ее за вечер успели вконец растрепаться. Может быть, в этом причина? Жаль, что Инди ушел так внезапно. Но он еще вернется.

Индиана посмотрелся в зеркало: может, что-то не так с его внешностью? Нет, все в порядке. Конечно, она весьма миловидна — кто спорит, — но это еще не основание ожидать, что он приползет к ней на коленях. Он подошел к кровати Коротышки и поправил ему подушку. Ах, если б снова оказаться двенадцатилетним! Он перевел взгляд на стену спальни, где красовались несколько портретов раджпутских принцев на гарцующих лошадях, виды дворца, фигурки танцовщиц... Танцующие девушки...

Часы в спальне показывали 22.18. Уилли лежала на своей кровати с балдахином, принимая все новые соблаз-

нительные позы. Время от времени она поднимала взгляд на воображаемого гостя и произносила тоном приятного удивления:

— Ах, это вы, доктор Джонс... Индиана!..

Инди лежал на кровати, глядя в потолок. Ну как тут теперь уснешь? Или она думает, что он сделан из стали? Кто способен вынести такую пытку?! Он взглянул на часы: 22.21.

Уилли схватила часы, приложила к уху и потрясла, чтобы проверить, работают ли они. Тик-так, тик-так... Она в ярости сжала пальцами столбик, поддерживающий балдахин. Неужели ее чары не сработали? Неужели она теряет свою неотразимость? Как это он до сих пор не прибежал скрестись в ее дверь? Как он мог?!

Инди хотел подняться, но заставил себя лежать. Рядом тикали часы. Он перележит ее: занятия археологией научили его выдержке. Рано или поздно она не выдержит, сломается, сдастся, придет, прибежит! Джонс от души желал, чтобы это случилось поскорее. Инди обернулся к двери, улыбнулся и произнес:

— Уилли! .

Нет, так не годится. Ну-ка, если произнести по-другому:

— Уилли?..

Снова не так. А если сказать это безразлично:

— А, Уилли, привет!

Дверь по-прежнему оставалась закрытой. Коротышка мирно спал.

Уилли у себя в спальне изощрялась во все новых позах и приветствиях:

— Джонс!.. Доктор Джонс?.. А, Инди, салют!

На часах в спальне Индианы было 22.35. Он с размаху поставил их на пол и принялся шагать взад-вперед.

Уилли приподнялась, скользнула по атласному покрывалу и опустила ноги на пол.

Инди мерил шагами комнату вдоль стены, увешанной портретами принцев, лошадей, танцовщиц, танцовщиц, танцовщиц...

Уилли мчалась вдоль галереи картин на стене своей спальни:

— Ночные забавы! Первобытные сексуальные обряды, черт бы его подрал! «Я поделюсь с тобой утром своими выводами!..»

Инди, продолжая свой неспокойный променад, тоже бормотал:

— Слуга для дворца! Самодовольная обезьяна — это я-то! «Не пройдет и пяти минут!..»

Уилли остановилась, как вкопанная, перед зеркалом и взглянула на свое изумленно, разочарованное, полное сомнений отражение:

— Невероятно, он не пришел!

Инди прекратил свои метания и уставился куда-то в пространство:

— Быть не может! Она не пришла! С ума сойти, и я не иду к ней?!

В этот момент из-за последней в ряду картин на стене незаметно для Индианы вынырнула темная фигура. Это был один из стражников. Он тихо подошел к Джонсу сзади и накинул ему на шею удавку. Джонс успел просунуть под нее несколько пальцев, но все равно почувствовал, что через несколько секунд глотка его будет перерезана. Тщетно глотая воздух ртом, он рухнул на колени, и на глаза ему попались миниатюрные оскаленные черепа на концах удавки, зажатых в руках убийцы. Последним нечеловеческим усилием Индиана резко наклонился вперед, так что стражник перелетел через него и грохнулся о пол. Он тут же вскочил и выхватил нож, но Индиана огрел его по голове массивной вазой. Нож выпал из рук убийцы. потревоженный шумом, Коротышка заворочался. Инди услышал в коридоре какие-то звуки и обернулся к двери. Стражник, успевший прийти в себя, снова накинулся на него.

Уилли, которая подошла к двери в спальню Индианы и Коротышки, кричала, стоя в коридоре:

— Эту ночь ты надолго запомнишь! В эту ночь я выскользнула у тебя сквозь пальцы! Спите спокойно, доктор Джонс! Приятных снов! Я могла бы стать вашим величайшим открытием...

Индиана схватился со стражником, и они вдвоем покатились по полу. Коротышка, наконец, проснулся и вскочил. Увидев, что Инди стоит, переводя дух, в ожидании нового броска противника, парнишка проворно схватил бич и кинул его другу. Джонс на лету поймал свое оружие, хлестнул им и обвил руку убийцы. Тот кое-как высвободился и кинулся к двери. Инди еще раз взмахнул бичом и захлестнул стражнику горло. Против-

ник рванулся, рукоятка бича выскользнула у Джонса из рук и угодила прямо в лопасти вентилятора на потолке. Бич начал наматываться, словно леска на катушку спиннинга, и убийцу, как попавшуюся на крючок рыбку, медленно поволокло вверх. Ноги его оторвались от пола, он издал короткий, хриплый крик, дернулся и повис...

— Коротышка, выключи вентилятор! — приказал Джонс. — Я проверю, как там Уилли...

Мальчуган нащупал кнопку и нажал. Лопасти остановились в тот самый миг, как Инди выскочил из спальни. Промчавшись по коридору, Джонс вломился в спальню девушки с диким, горящим взглядом. Уилли лежала в постели с замирающим сердцем. Он пришел-таки! Милый. Быть может, он просто не умеет ориентироваться по часам...

— О, Инди... — произнесла она.

Он с разбега упал на ее кровать.

— Будь со мной поласковее, — попросила Уилли.

Джонс на четвереньках перелез через нее и заглянул под кровать с противоположной стороны. Никого. Он соскочил с кровати и принялся яростно обшаривать комнату.

— Я же *здесь*! — позвала ошарашенная девушка.

Вместо ответа Инди продолжал обыск. Уилли, решив, что он совсем ослеп от любви, раздвинула полог кровати. Инди обошел вокруг ее ложа, встал у двери и проронил: — никого нет...

— Да нет же! Я здесь! — воззвала Уилли, показываясь ему во всей красе.

Тщетно. Джонс шагнул к зеркалу. Уилли спрыгнула с постели и последовала за ним. Возле вазы с цветами он почувствовал ток воздуха, уходивший куда-то влево. Рассудив, что раз убийца проник в его спальню через потайной ход, то и в этой комнате должен быть такой же, Инди направился к колонне. Сквозняк там явно ощущался сильнее. Он осмотрел колонну, барельеф на которой изображал обнаженную танцовщицу, и начал ощупывать каменные выступы: тучки, бедра, груди...

— Инди, ты странно себя ведешь, — заметила стоящая сзади Уилли (подумав при этом, что «странно» — это еще легко сказано). — Я же *здесь*, рядом!

Рычаг оказался в каменной груди. Под пальцами Джонса он сработал и колонна целиком, с легким скрежетом ушла в стену, образовав проход, за которым начинается туннель. Инди ступил в него, чиркнул спичкой и прочитал на стене: «Следуй стопами Шивы».

— Что это значит? — взволнованно прошептала девушка, следовавшая за Инди по пятам.

— «Не предавай»... — он остановился, извлек из кармана обрывок древней материи с письменами и сличил с надписью на стене.

Тем временем Коротышка влетел в спальню Уилли и прямиком проследовал к зияющей нише.

— «Не изменяй правде его», — прочитал Инди на лоскутке и обернулся к пареньку. — Коротышка, тащи наши причиндалы.

Коротышка ринулся назад в их спальню, а Индиана двинулся в глубь туннеля.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ХРАМ СУДЬБЫ

— Что там, в глубине? — дрожащим голосом спросила Уилли.

— Именно это я и собираюсь выяснить, — ответил Джонс. — Жди нас здесь. Если через час мы не вернемся, буди капитана Бламбертта, и пусть он идет нам на выручку.

Девушка кивнула. Коротышка вернулся, неся сумку, бич и шляпу Индианы, и они вдвоем двинулись в глубь туннеля. Коротышка пошел вперед, чтобы заглянуть за угол и проверить, не кроется ли там опасность для Инди. Маячащие в полумраке тени, однако, показались ему угрожающими, и он обратился к своему другу:

— Доктор Джонс, по-моему, нам не стоит туда идти.

Инди потянул паренька за воротник и прошел вперед, наказав:

— Иди за мной, Коротышка. След в след. И ничего не трогай.

Коротышка повиновался, но вскоре заметил сбоку дверь, на которую Инди не обратил внимания. Парнишка нащупал рукоятку и потянул. Дверь обрушилась, и на Коротышку упали два скелета. Парнишка взвизгнул. Ему уже приходилось видеть прежде эту парочку: в «Мумии». Присев, он продолжал кричать, пытаясь дать понять *тому*, кто всем этим заправляет, что он не желает

больше встречаться с подобными сюрпризами, тем более в темном подземелье, — если тот решил его проучить.

Индиана поставил своего спутника на ноги и почти доволок до следующего поворота. В лицо им ударил порыв ветра, закидав кусками сухой кожи — судя по виду, человеческой. Коротышка вытащил нож и пообещал:

— Пойду след в след. Ничего трогать не буду.

Обрывки кожи все продолжали лететь им в лицо. Коротышка принялся в голос твердить китайские молитвы и заклятья против духов. Снова явление — насей раз как в «Человеке-невидимке»: отрепья, облетая, обнажают под собою... пустоту. Коротышка был рад, что уже видал подобное в кино и потому не теряет рассудок окончательно.

— Расслабься, парень, — мрачно усмехнулся Инди. — Духи просто пытаются нас напугать.

Они шли все дальше туннелем, стены и свод которого были из холодного, влажного, прочного камня. По мере продвижения ход становился все наклоннее, устремляясь вниз, и все темнее. Вскоре мрак сгустился настолько, что ничего не стало видно.

— Хоть глаз выколи, — констатировал Джонс. — Ну-ка, держись ко мне поближе.

Еще через несколько шагов Коротышка почувствовал под ногами что-то хрустящее и прошептал:

— Я на что-то наступаю!

— Да, по полу что-то рассыпано.

— По звуку похоже на печенье...

— Никакое это не печенье, — ответил Индиана, ибо то, что находилось у них под ногами, шевелилось.

Джонс зажег спичку, и они огляделись. Прямо перед ними была стена, а в ней два отверстия. Сквозь одно из них изливалась наружу тягучая масса — мириады извивающихся, жужжащих насекомых. Вскоре насекомые — жуки, тараканы, личинки — усеяли весь пол. Посмотрев вниз, Коротышка заметил, что некоторые из них уже поползли по его ногам.

— Точно, не печенье... — выдавил он из себя.

Инди стряхнул жуков. В этот момент догоревшая спичка погасла.

— Вперед! — крикнул Джонс и подтолкнул паренька вперед.

Они побежали и ворвались прямиком в смежное по-

мещение. Переступая порог, Коротышка наступил на небольшую кнопку в полу. Приведенный в действие механизм опустил массивную каменную дверь, которая с грохотом обрушилась сзади, отрезав им путь к отступлению. Инди кинулся к ней и попытался вновь открыть, но тщетно. Обернувшись, он увидел, как в противоположном конце помещения заскользила вниз, закрываясь, другая дверь. Джонс бросился туда, но снова опоздал. Он сел на пол и попытался собраться с мыслями. Коротышка, чувствуя себя одним из маленьких громов — сыновей Повелителя грома и Матери молний, — которые, действуя из самых благих побуждений, попадали впросак, тихо спросил из темноты:

— Инди, ты злишься на меня?

— Нет... Не очень, — буркнул, смягчаясь, тот, сознавая, что если и может на кого-то злиться, то только на себя: за то, что привел мальчишку в столь опасное место.

— А-а, просто сердишься?

— Точно, — согласился Инди и чиркнул спичкой.

На полу он наше промасленную тряпку. Инди поджег ее и поднял, освещая помещение. Вокруг все было усеяно человеческими скелетами. Коротышка испуганно шагнул к нему. Однако Инди, опасаясь, как бы тот не привел в действие еще какой-нибудь скрытый механизм, предупредил:

— Стой там. Лучше прислонись к стене.

Коротышка покорно встал, опершись спиной о выступ стены. Выступ тут же погрузился в стену, запустив в действие какое-то устройство. С потолка начали опускаться острые колья. Индиана вскрикнул в отчаянии. Горящая тряпка освещала колья, так что те казались зубами огненной адской пасти.

— Сам сказал «Прислонись к стене!» Я послушался. Я не виноват! Не виноват! — кричал сердито Коротышка.

Индиана, не обращая на него внимания, подбежал к захлопнувшейся двери западни и закричал что было сил:

— Уилли! Скорей сюда!

Девушка в спальне услышала крик, накинула одежду и вошла в мрачный туннель. Она позвала Инди, но ответа не услышала. Тогда Уилли быстро вернулась в комнату, схватила со стола небольшую масляную лампу

и устремилась по подземному ходу, успев подумать: «Готова поспорить, что опять вся изваляюсь в грязи!»

За первым поворотом на нее упали два скелета, и она завопила:

— Инди! Тут двое мертвецов!

— Если ты не поторопишься, то сейчас к ним прибавятся еще два! — отозвался он.

Она кинулась бежать — мимо хлопающих кусков кожи, под уклон, в сгущающийся мрак, навстречу бьющему в лицо ветру. Лампу задуло. Вокруг распространилась страшная вонь.

— Фу! Тут воняет! — застонала Уилли.

— Уилли! Сюда! — снова позвал Джонс.

— Я по горло сыта вами, — огрызнулась девушка. — Мне что, платят за это, что ли?

Спускавшиеся с потолка колья при ближайшем рассмотрении напоминали обоюдоострые мечи. Они все приближались.

— Уилли!

— Иду!

— Скорей, мы попались! — прорычал Инди и, обращаясь к Коротышке, потребовал: — Дай мне твой нож.

Джонс схватил протянутый нож и принялся осатанело выковыривать из стены погруженный туда Коротышкой выступ. Теперь острые клинки начали подниматься и из пола, навстречу первым.

— Куда попались? — крикнула Уилли уже ближе.

— В западню.

— Инди?.. — снова окликнула она.

— Быстрей! Дело дрянь!

— Что за спешка?

— Долго рассказывать... Скорей, а не то пропустишь самое интересное!

— Господи, а это что такое? — Уилли замерла. — Тут на полу что-то набросано. Что-то хрустящее... А потом еще что-то вроде крема... Инди, что это? Я не разгляжу!

Она зажгла спичку и увидела, что пол, словно ковром, покрыт насекомыми: копошащимися жуками, длинноногими богомолами, извивающимися толстыми червями, прыгающей саранчой, пещерными фалангами, полупрозрачными скорпионами... От этого зрелища ей стало настолько не по себе, что крик застыл у нее в горле.

— Инди, впусти меня! Тут кругом разные твари! — выдавила она из себя наконец.

— Уилли, — успокоил ее Джонс из-за каменной двери, разделяющей их. — Здесь внутри никаких тварей нет.

— Впусти меня! — попросилась она.

— Открой дверь и выпусти нас! — взвыл Коротышка. — Выпусти нас отсюда!

— Впусти меня, Инди! — взмолилась Уилли.

— Я пытаюсь...

— Инди, они забрались мне в волосы! — вскрикнула девушка, чувствуя, как мерзкие насекомые уже вьют у нее на голове гнезда, зарываются, прядут паутину, щелкают челюстями...

— Уилли, замолчи и послушай! Там где-то должен быть рычаг...

— Что?

— Черт! Ручка, которая открывает дверь.

— Боже, Инди! Они копошатся в моих волосах!

— Разуй глаза, Уилли! — гаркнул Индиана, ибо клинки уже опустились до уровня его головы. — Посмотри по сторонам. Там где-то должен быть рычаг. Давай же! Ищи!

— Здесь две дыры в стене! — всхлипнула девушка. — Две квадратных ниши.

— Правильно! Подойди к правой!

Да, как же! Как раз к той, откуда льется какая-то мерзость и лезут эти твари! Хорошая шутка. Уилли осторожно протянула руку ко второй нише, относительно чистой, но, по крайней мере, хоть не забитой всякой... Из левой ниши вынырнула рука и схватила ее. Это был Инди.

— Не в ту нишу, в другую! — заорал он. — Ту, что справа!

— Там внутри, похоже, что-то шевелится... Я не могу, — призналась Уилли.

— Нет можешь! Пощупай там внутри. Ну, давай же, девочка, ты должна мне помочь! — не отступался он.

— *Сам* щупай! — возмутилась она.

— Ты должна это сделать! Сейчас же! — взревел он, скорчившись и все равно ощущая спиной опускающиеся клинки.

— Боже мой! — вскрикнула девушка, погружая руку

в содержимое ниши. — Оно кляклое. И шевелится. Вроде гнилых фруктов...

— Уилли! Мы сейчас умрем!!!

— Нашла! — она нащупала рычаги рванула.

Каменная дверь вновь поползла вверх. Инди с Коротышкой сидели, скорчившись, у самого выхода. Смертельные клинки медленно уходили обратно в потолок. Уилли ворвалась к ним, вытаскивая насекомых из волос и содрогаясь от прикосновения сотен бегающих по ее коже ножек. Коротышка вскочил и бросился к противоположной двери, которая тоже начала подниматься. Подождав, он перепрыгнул через порог — в точности как неповторимый Тай Кобб. Ему хотелось поскорее покинуть это жуткое место, пока не произошло еще что-нибудь.

— Снимите их с меня! — верещала Уилли, топая и извиваясь всем телом. — Снимите! Я вся в них! Я ненавижу этих тварей! Они у меня в волосах!

Наклонившись вперед, чтобы сбросить насекомых, девушка нечаянно толкнула выступ в стене, приводящий в действие дверной механизм. Дверь за их спиной начала вновь опускаться. Коротышка крикнула от противоположной двери:

— Это не я! Это она! Скорей сюда! — и добавил по-китайски, как заправский тренер бейсбольной команды из кантонской Малой лиги: — Лети, Инди, лети!

Дальняя дверь, за которой он стоял, и утопленные в потолок клинки опять начали опускаться. Индиана схватил Уилли за руку и потащил за собой. Они пронеслись через помещение, и он толкнул ее в еще оставшийся проход, а затем прыгнул сам. При этом с него слетала шляпа. Джонс обернулся и, хотя зазор между дверью и полом составлял уже всего сантиметров десять-пятнадцать, успел схватить шляпу и вытащить ее за миг до того, как перегородка коснулась пола. Он никогда не отправлялся навстречу неведомым приключениям без шляпы.

Они очутились в просторном, полуосвещенном туннеле, где одиноко завывал ветер, словно доносящаяся из самых недр земли панихида. Свет был виден из-за поворота — красноватый, неяркий, мерцающий. Инди, Уилли и Коротышка осторожно прокрались к выходу из туннеля и застыли, изумленные открывшимся зрелищем.

Перед ними раскинулась ошеломительно просторная пещера, стены и свод которой были сверху донизу покрыты резьбой по камню. Вырубленные из камня колонны придавали ей вид храма. Колоссального подземного святилища. Храма смерти.

Над гранитным полом нависали балкончики, поддерживаемые каменными столбами, сквозь арки которых можно было различить в глубине темные боковые помещения. Из этих гротов потоком лились сотни верующих, хором распевающих что-то — в унисон завыванию ветра в туннелях, которые располагались в верхних «этажах» пещеры. Эта странная музыка отличалась собственной гармонией, собственной динамикой, взлетами и падениями, перепадами громкости — резонируя во всех отверстиях и пустотах храма. Под аккомпанемент ветра, в тон ему верующие то громче, то тише, то вразнобой, то слаженно, сканировали:

— Гхо-рам, гхо-рам, гхо-рам сундарам... Гхо-рам, гхо-рам, гхо-рам сундарам...

Вокруг все разрастающейся толпы молящихся в мерцающем свете различались гигантские каменные изваяния: слоны, львы, демоны, полусобаки и другие чудища — полулюди-полуживотные, некоторые явно порожденные фантазией сумасшедшего. На балкончиках горели факелы, позволяя многое рассмотреть трем путешественникам с их наблюдательного пункта, расположенного в глубине храма под самым куполом. Внизу последователи странного культа принялись отвешивать поклоны в направлении исполинского алтаря, расположенного в дальнем конце помещения. От алтаря их отделяла расселина — естественного происхождения, но с краями, искусно обработанными и украшенными резьбой. Снизу, из трещины лился красный свет и поднимались клубы серного дыма и пара, которые уносил прочь с воем устремляющийся в туннели ветер.

Сам алтарь, по другую сторону расселины, был окутан дымом, так что разглядеть его никак не удавалось. Церемония продолжалась. Появились священники в культовых одеяниях, обошли вокруг алтаря и унеси прочь плошки с кадящим благовонием. Дым скоро рассеялся, и над алтарем, в гигантской вырубленной в скале нише, обнаружилось высокое каменное изваяние Кали, покровительницы этого храма. Злобной, кровожадной богини, которой здесь поклонялись.

Изваяние составляло метров шесть в высоту. Ноги богини были обвиты высеченными из камня змеями. Бедра ее украшала набедренная повязка из отрубленных человеческих рук. У самого божества было шесть рук: в одной она сжимала саблю, другой держала за чуб исполинскую голову врага, еще двумя она опиралась на алтарь, и, наконец, две последние держали подвешенную на цепях корзину из металлических прутьев. Плечи ее были скрыты под ожерельями из человеческих черепов. Лицо ее, точнее жуткая маска, вызывало отвращение. В глазницах и клыкастом рту краснела жидкая лава. Вместо носа зияла бесформенная дыра. Головной убор ее покрывали вырезанные древние знаки, прославляющие величие зла.

Жрецы почтительно смотрели снизу вверх на страшное божество. Молящиеся пели все громче, обуреваемые неправедными страстями. Наблюдавшая за всем этим сверху Уилли почувствовала, что внутри у нее все похолодело, опустело и ее начинает трясти, и прошептала:

— Что это такое?

— Богослужение Душителей, — пояснил Индиана. — Они поклоняются Кали.

— Ты прежде такое видел?

— Вот уже сто лет, как ни одному человеку не удавалось увидеть ничего подобного!

Джонс был возбужден, заинтригован подвернувшимся ему невероятным открытием. Религия, считавшаяся вымершей, со всеми ее ритуалами и тотемами была тут, перед глазами, столь же живая, как и сотни лет назад! Это все равно что наблюдать, как древние кости обрастают плотью и оживают.

Вдруг до их слуха донесся откуда-то из-за алтаря вой — нечеловеческий и в то же время явно издаваемый человеком.

— А это что? — вздрогнула Уилли.

— Похоже, гвоздь программы, — ответил Инди, прислушиваясь к вою, в котором можно было различить отдельные слова. — Он кричит: «Помогите, пожалуйста, кто-нибудь! Спасите!»

Они мрачно приготовились наблюдать за продолжением ритуала. Три раза ударил большой барабан. Пес-

нопения смолки. В храме раздавался лишь несмолкаемый свист ветра. На алтарь взошел какой-то человек. Это был Верховный жрец, Мола Рам. На его черном одеянии белело ожерелье из человеческих зубов. Вместо головного убора красовалась верхушка бычьего черепа с двумя могучими рогами. Вылитый дьявол, он подошел к краю расселины, оказавшись лицом к лицу со стоящей по ту сторону толпой. Среди прочих Инди заметил внизу знакомую фигуру.

— Смотрите! — указал он своим спутникам. — Хозяин дома, махараджа.

— А кто это перед ним по ту сторону? — спросила Уилли.

— Похоже, Верховный жрец.

Коротышке же он напоминал скорее Франкенштейна.

Мола Рам воздел руки. Из-за алтаря вновь раздался истошный вопль. На мгновение показалось, будто это кричит само изваяние Кали. Однако секунду спустя они смоги увидеть истинный источник крика. Жрецы подтащили к алтарю брыкающегося, оборванного индийца, втащили наверх и привязали к железной корзине, качающейся на цепях в руках изваяния. Все присутствующие молча наблюдали за происходящим.

Верховный жрец приблизился к несчастной жертве, распятой на квадратном каркасе корзины и безуспешно пытающейся высвободиться. Бедняга взвыл. Верховный жрец произнес над ним какое-то заклятье. Тот разрыдался от бессилия. Мола Рам протянул руку к связанному. Рука прошла сквозь грудь жертвы внутрь и вырвала его еще бьющееся сердце. Уилли зажала рот рукой, чтобы не закричать.

— Он вынул сердце. Несчастный мертв... — прошептал Коротышка, широко открыв глаза.

Парнишка знал, что император Шоу Син вынимал сердца из груди мудрецов. По поверью, в сердце мудреца должно быть семь дыр. Однако, в сердце этого индийца дыр не было, а Верховный жрец не был великим Шоу Сином. Коротышке казалось, что они угодили в преисподнюю. Он знал, что всего преисподних десять и ими правят короли Яама. На разных этажах этого десятиступенчатого ада людей хоронили в ледяном озере, привязывали к раскаленному докрасна столбу, погружали в бассейн с тухлой кровью, перевоплощали в Голодного

демона и подвергали другим подобным мучениям. Судя по всему, это был пятый круг ада, где у души умершего много кратно вырывали сердце. И Коротышка не желал тут находиться.

Индиана не верил в ад, а верил собственным глазам. То, что он виде теперь, было невероятнее любого ада, который способно нарисовать человеческое воображение. Затаив дыхание, Инди следил за принесением живого человека в жертву.

— Он еще жив! — пробормотал Джонс.

И в самом деле, несчастный еще стонал, а его окровавленное сердце в руке Молы Рама продолжало пульсировать. Верховный жрец поднял руку с бьющимся сердцем над головой. Верующие запели:

— Джай ма Кали! Джай ма Кали! Джай ма Кали!

Жертва стонала и выла, не собираясь, судя по всему, испускать дух. На груди несчастного не было видно никакой раны или разреза. Лишь красноватое пятно там, где прошла рука жреца.

Помощники Молы Рама пристегнули к железной корзине еще две цепи и перевернули ее, так что привязанный теперь оказался подвешенным лицом вниз — над люком в полу. Массивная каменная крышка люка с грохотом отъехала в сторону. Под ней в шахте оказалось то же, что и на дне расселины: бурлящая раскаленная лава. Металлическую корзину начали на цепях опускать в шахту.

Взгляд жертвы застыл при виде клокочущей магмы, с каждым мгновением приближающейся к нему. Сердце его в руке жреца продолжало биться. Толпа хором скандировала что-то. Под куполом завывал ветер. Это были последние звуки, которые несчастному суждено было запомнить. Лицо его начало дымиться и обугливаться от близости лавы. Кожа вздувалась, лопалась и отходила кусками. Он открыл рот, чтобы закричать, но ядовитые испарения наполнили его легкие. Раскаленный пар обжег горло. Волосы бедняги загорелись. И вот, наконец, корзина с распятым телом погрузилась в кипящую магму.

Уилли закрыла глаза. Джонс в оцепенении наблюдал. Коротышка украдкой бросал взгляд вниз и, не выдержав, отворачивался. Он молился про себя, прося Царство огня избавить их от этой адской муки.

Мола Рам подле алтаря все так же держал сердце жертвы в вытянутой над головой руке. Сердце пульсировало еще некоторое время, сочась кровью, затем задымилось и, наконец, вспыхнув — исчезло.

Жрецы, вращая колесо сбоку от алтаря, подняли металлическую корзину из шахты. Металл был раскален докрасна. От несчастной жертвы не осталось и следа: он сгорел дотла.

— Джай ма Кали! Джай ма Кали! Гхо-рам сундарам! — звучало многоголосое пение толпы, которому вторил ветер.

Инди, Уилли и Коротышка смотрели на это беснование остекленевшими глазами, не веря тому, чему только что были свидетелями. Уилли разрыдалась. Коротышка, сам едва сдерживаясь, обнял ее.

— Тихо! — прошептал Индиана.

Мола Рам скрылся за алтарем. Трое его помощников, вынырнув откуда-то из полумрака, принесли и поставили на алтарь какие-то предметы, завернутые в ткань. Когда драпировки были сняты, под ними обнаружились три кварцевых конуса, которые жрецы установили у ног изваяния Кали, точнее, перед расположенным между ногами божества полутораметровым каменным черепом с дырами вместо глазниц и носа. Камни, уложенные треугольником, начали вдруг излучать яркое, теплое сияние. Жрецы раздвинули кварцевые конусы — сияние прекратилось. Затем снова сдвинули их вместе и воткнули в три зияющих на каменном черепе отверстия. Странные конусы ярко засветились.

— Селяне знали, что их камень обладает магической силой, — зачарованно проговорил Индиана. — Но они и представить себе не могли, что это один из утерянных камней Санкары...

— Почему они светятся в темноте? — дрожа, спросил Коротышка.

— Согласно легенде, если камни поднести друг к другу, заключенные внутри них алмазы начинают сиять.

При звуке волшебного слова Уилли вытерла глаза.

— Алмазы?.. — переспросила она, испытывая от усталости и напряжения желание расхохотаться.

Камни Санкары излучали алмазное свечение, притягивая всех, кто попал в паутину их чарующей власти. Трое жрецов, принесших волшебные конусы, непрестанно кланяясь, стали пятиться на четвереньках и скрылись во мраке за алтарем. Остальные священнослужители последовали за ними. Вскоре толпа участников тоже начала таять, и через пару минут пещерный храм был пуст. Лишь сквозняк рыдал под его сводами, точно оплакивая ужас происшедшего.

— Итак, слушайте: вы вдвоем тихо сидите и ждете меня здесь, — обернулся к своим спутникам Джонс.

Коротышка с готовностью кивнул. У него не было ни малейшего желания спускаться туда. Он передал Инди бич и сумку. Уилли же не могла больше здесь находиться и потому остановила Инди.

— Подожди! Что ты собираешься делать?

— Спуститься вниз, — объяснил тот, смерив взглядом перепад высот между выходом из туннеля, где они находились, и полом храма далеко внизу.

— Спуститься? Ты рехнулся?

— Без этих камней я отсюда не уйду, — заявил Джонс в твердой решимости завладеть находкой века, которая способна коснуться его своим сиянием.

— Ага! Собрался проститься с жизнью в погоне за своим чертовым богатством и славой! — вдруг разъярилась девушка.

Инди с нежностью взглянул ей в глаза: она и впрямь беспокоится о нем. Но он обязательно должен завладеть священными камнями.

— Может, когда-нибудь в другой раз. Но не сегодня, — он ласково улыбнулся ей и, не дожидаясь ответа, ухватился за край каменного пола туннеля и начал отвесный спуск.

В пористом камне стены попадалось достаточно опор для рук и ног. Умело продвигаясь вниз, Инди сумел спуститься на одну из монументальных колонн в глубине храма, а оттуда пядь за пядью начал сползать, хватаясь за вырезанных в камне кобр, львов и танцовщиц. Эта операция заняла довольно много времени, но в конце концов он оказался внизу.

Перебежав на другую сторону храма, Индиана застыл на краю разлома и кинул взгляд вниз. Там бурлило огненное месиво — точно душа храма. Испарения обжигали глаза и нос, и он вынужден был отступить назад. Прямо перед ним по другую сторону трещины стояли статуя Кали и каменный череп с торчащими в нем тремя

камнями Санкары. Прыгать было опасно: трещина чересчур широка. Индиана покрутил головой в поисках обходного пути, но ничего не обнаружил.

Затем на глаза ему попались две колонны в дальнем конце расселины, на которых возвышались каменные слоны. Инди размотал свой бич, взмахнул им и с точностью мастера захлестнул бивень ближнего к нему слона. После чего, дернув бич так, что тот натянулся, Джонс набрал в грудь воздуха, разбежался и прыгнул. Натянутый бич с Инди на конце совершил маятниковое движение и перенес своего владельца через огненный провал на противоположную сторону. Джонс приземлился перед алтарем, обернулся и привычным движением высвободил конец бича. В лицо ему ударил внезапный порыв ветра.

Коротышка, стоя наверху у края туннеля, махнул Инди рукой: все спокойно. Выполнять обязанности телохранителя на расстоянии было трудно, но и в этой ситуации парнишка серьезно отнесся к делу. Джонс заметил его жест, кивнул, смотал бич и прицепил к поясу. После чего повернулся к алтарю.

Три магических камня продолжали светиться. Инди осторожно приблизился к ним и принялся внимательно изучать. На среднем из них он различил три полосы: это явно был тот самый камень, похищенный из деревни. Инди протянул руку и прикоснулся к пламенеющей поверхности. Она оказалась холодной. Джонс аккуратно взял камень, поднес к глазам и устремил взгляд в его глубину. Магический алмаз мерцал в теле кварца. Мерцание это было эфирным, гипнотическим, прекрасным. Радужный свет. Звездное свечение. Но побыв некоторое время вне своей ниши, светящийся конус начал тускнеть, покуда не погас совсем. Инди поднес его к двум другим: все три снова ярко засветились. Опять отвел в сторону: не горят. Снова вместе: сияют. Джонс сложил все три камня в сумку, и, оказавшись бок о бок, они засветились подобно маленькому неяркому солнцу.

Уилли и Коротышка наблюдали за тем, как Джонс складывает камни Санкары в сумку и затягивает шнурок, пряча внутри их свет. Кали, казалось, тоже следила за его движениями. Индиана поднял взгляд на каменное божество и попятился. Кали, глядя сверху вниз на ничтожного смертного, заговорила... Инди от неожиданности отскочил в сторону. Демоническое лицо богини словно исказила злобная усмешка, гулкий голос бросал ему в лицо невнятные обвинения...

«Стоп!» — сказал себе Индиана. Голос — если это был голос — явно принадлежал не статуе, а кому-то, находившемуся за алтарем. Инди хмыкнул, хотя и не слишком громко, и пустился в обход алтаря, чтобы выяснить источник этих звуков.

— Черт! Куда это он? — озабоченно воскликнула Уилли. Когда Джонс скрылся из виду, девушке и парнишке стало не по себе. В туннеле завывал ветер. Однако теперь его ровное гудение прерывалось какими-то новыми, колеблющимися модуляциями, наподобие стаккато. Коротышка обернулся и увидел две приближающиеся темные фигуры. Именно они, попав в поток воздуха, изменили звучание этой аэродинамической трубы. Коротышка окаменел.

— Что ты там... — начала было Уилли, но тут же увидела то же, что и парнишка.

В следующий миг из глубины туннеля на них ринулись двое стражников-Душителей. Коротышка вовремя выхватил свой нож и успел полоснуть ближнего к нему верзилу по руке. Тот упал, опешив от боли и неожиданности. Второй стражник схватил Уилли. Однако она научилась обходиться с такими подонками еще тогда, когда только начала красить губы. Хорошо отработанным движением Уилли со всей силы двинула громиле в пах. Тот заревел и сел.

Тем временем первый из нападавших уже пришел в себя и теперь осторожно подбирался к Коротышке. Уилли бросилась на него сзади, пытаясь руками добраться до глаз. Стражник резко повернулся и всем корпусом впечатал ее в стену. Девушка осела наземь. В это мгновение Коротышка вонзил нож громиле в ногу и снова отскочил. Они с раненным противником принялись кружить, выбирая момент для броска. Второй стражник, выведенный из боя Уилли, очухался и начал подбираться к обидчице. Когда он оказался от нее уже совсем близко, девушка набрала полную горсть пыли и песка с пола — и швырнула ему в лицо. Ослепленный злодей схватился за глаза.

— Беги, Уилли! Беги! — крикнул Коротышка, кото-

рый по прежнему успешно держал своего противника на дальней дистанции.

Девушка вскочила и устремилась в глубь туннеля, но через несколько метров остановилась и обернулась. Коротышка все так же не подпускал к себе стражника, прочерчивая раз за разом в воздухе полукруг ножом. Вдруг его противник крикнул что-то на своем языке и бросился головой вперед, повалив парнишку. Нож отлетел в сторону. Стражник схватил отбивающегося Коротышку за щиколотку и подтащил к себе.

Уилли стояла в нерешительности. Второй стражник с трудом поднялся на ноги. Теперь шансов у нее почти не осталось.

— Беги! — повторил Коротышка. — Приведи подмогу!

Уилли снова повернулась и побежала. Последнее, что она успела заметить, — качающийся в воздухе Коротышка, оторванный от земли мощной ручищей стражника, который держал его за горло.

Тем временем Индиана оказался в полумраке небольшого помещения, располагавшегося прямо за алтарем. Единственным светом, проникавшим сюда, были отблески адского пламени из расселины перед алтарем, да сноп света, бьющий где-то впереди из некоего подобия ямы в полу. Инди ступил на узкий каменный мостик, ведший — над чем, в темноте не было видно — в направлении светящейся ямы. С приближением к этому провалу Джонс начал различать голоса и звон металла о камень. Под ногами ничего нельзя было разобрать, поэтому Инди ощупью подполз к краю ямы, готовый броситься наутек в любую минуту, и заглянул вниз.

Взгляду его предстало помещение, от которого в разные стороны разбегались узкие проходы переходившие в туннели. По ним взад вперед ползали изможденные дети, груженные мешками с глиной и горной породой. Другие ребятишки — с запавшими глазами и в большинстве закованные в цепи — выгружали мешки в вагонетки, которые стояли на рельсах, пересекавших все пространство в разных направлениях. Это была шахта. Горная разработка.

Тени, отбрасываемые факелами, плясали на стенах. В дальнем конце главного котлована вниз по стене струился поток воды, наполняя внушительную цистерну, из которой вода, переливаясь, стекала в поблескивающий

темный водоем. Гудели машины. Выхлопные газы висели в спертом воздухе. Из проходов в каменных стенах вырывался черный дым. Порою от удара железом по камню сыпались искры.

Одни из детей хныкали, другие сносили все молча — в зависимости от характера. Однако все поголовно имели самый жалкий вид. Стоящие здесь же стражники то и дело угощали кого-нибудь из них плетью или безжалостной зуботычиной, часто хохоча при этом.

Несколько малышей, пытаясь приподнять мешок с породой, чтобы ссыпать его в вагонетку, не смоги-удержать равновесие и попадали. Стража набросилась на них, раздавая пинки. Но один мальчик так и не встал. Его счастливая душа нашла, наконец, единственный выход из этой адской каменоломни.

Индиана пустился вдоль края котлована. Все это было столь омерзительно и вместе с тем гротескно, что не поддавалось объяснению. Он не мог сообразить, что ему делать. Увиденное превосходило рамки любых бесчеловечных обычаев самой варварской религии.

Джонс ощутил вес своей сумки, содержимое которой возлагало на него теперь и другую тяжесть — тяжесть выбора. Он мог бы, если бы захотел, уйти с драгоценной добычей, камнями Санкары, которые будут изучаться и превозноситься еще многие века. Но в его ушах звенели мольбы детей. В этот миг тучный стражник с голой волосатой грудью принялся жестоко избивать маленького беззащитного раба. Ярость захлестнула Инди. Он сжал кулаки и заскрежетал зубами.

Надсмотрщик, похоже, кожей ощутил ненавидящий взгляд Джонса, ибо отпустил свою жертву и обернулся. Их глаза встретились. Губы стражника тронула усмешка: он был совершенно доволен собой. Этот скот находился далеко внизу. Инди еще мог спокойно уйти, если бы только захотел. Однако он уже сделал свой выбор. Он нагнулся, подобрал увесистый камень, прицелился, размахнулся и метнул его в надсмотрщика.

На подлете к цели камень, должно быть, набрал изрядную убойную силу, но самодовольный боров поймал его. Просто взял и пойма на лету, хотя и покачнулся при этом. Выпрямившись, он снова встретился глазами с Джонсом и опять усмехнулся. Однако теперь он запоминал лицо Инди, впитывая каждую деталь, чтобы ото-

мстить наглецу, осмелившемуся покуситься на его полновластие.

Инди тоже усмехнулся в ответ, хотя и сознавал, что первый раунд закончился для него неудачно. Изумленные маленькие рабы вовсе глаза рассматривали неожиданного заступника. Тот принял победную позу и двинул шляпу на затылок на глазах прибежавших на шум других надсмотрщиков. «Это всего лишь начало, ублюдки!» — подумал Инди и принялся искать новый булыжник.

В этот момент случилось непредвиденное. Край котлована начал осыпаться, сначала понемногу, затем все сильнее — и вдруг целый участок грунта, на котором стоял Джонс, обрушился вниз, увлекая его за собой. Индиана, несколько раз перевернувшись, рухнул на дно котлована, наполовину погребенный под грудой щебня и глины, в ушибах и ссадинах.

Индиана поднял голову и увидел обступивших его надсмотрщиков, которые теперь выглядели значительно внушительнее и опаснее, чем кода он смотрел на них сверху. Он улыбнулся самому крупному из них, своему главному недоброжелателю, и промолвил:

— Как же тебе удалось стать таким уродом?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

И ПРЯМО В ОГОНЬ

Стражники накинулись на Инди, отдубасили дубинками и отволокли в тесный карцер, где приковали наручниками к низкому потолку. Боль от впившихся в руки кандалов и грохот закрываемой двери вернули Инди в чувство. Стоило двери закрыться, как к нему подбежали три других узника: двое маленьких индийцев-рабов и Коротышка.

Мальчики со слезами обняли Джонса. Тот расчувствовался, но обнять их в ответ не мог. Где-то внизу, в карьере, снова секли кого-то: до Инди доносился свист плети и детский плач, самый невыносимый звук в мире. Он должен выбраться отсюда! Коротышка, возмущенный тем, что его герой дал себя поймать, словно какой-нибудь маленький гром, принялся осыпать его упреками:

— Обещал взять меня в Америку. В Америке такого нет. Я тебе говорил! Будешь слушать меня — будешь долго жить...

Индиана улыбнулся и кивнул. Интересно, сможет ли Коротышка раззадорить его настолько сильно, что он вырвется из цепей? Будь тут Уилли — она бы смогла, это точно.

— Это Найнсукх, из той деревни, — Коротышка ткнул пальцем в одного из стоящих рядом маленьких

индийцев. — Он неплохо говорит по-английски. Он сказал, что их привели сюда рыть шахты.

— Но почему именно детей? — спросил Инди.

— Потому что дети маленькие, — объяснил Найнсукх. — Мы можем работать в узких туннелях.

— За что вас здесь заперли?

— Мы слишком взрослые. Слишком выросли, чтобы свободно лазать по этим ходам... — от волнения голос мальчика пресекся.

— И что с вами теперь сделают? — по интересовался Коротышка с расширенными в ожидании чего-то ужасного глазами.

— Я буду молиться Шиве, чтобы он дал мне умереть, — проговорил Найнсукх. — Если я не умру, то мною завладеет Кали.

— Как это?

— Меня заставят выпить кровь Кали. После этого я впаду в черный сон Кали-ма.

— А это что такое? — прервал его Инди.

— Мы станем как они. Живые, но как в кошмарном сне. Тот, кто выпьет эту кровь, никогда не очнется от кошмара Кали-ма... — прошептал Найнсукх, окаменев от этого видения, не в силах побороть ужаса.

Коротышка, словно заклятье, произнес имя Повелителя Двери духов. Индиана в душе поклялся отомстить за этих безымянных, беззащитных детей. Дверь снова заскрежетала, отпираемая стражниками. Два маленьких индийца-раба отпрянули и забились в дальний угол клети, дрожа словно загнанные звери в предчувствии неминуемого.

Оказалось, что стражники пришли не за ними. Им нужны были Индиана и Коротышка. Они освободили Джонса от наручников, вывели обоих из карцера и повели по вьющейся тропинке вдоль края карьера, а затем длинным темным туннелем, в конце которого располагалась массивная деревянная дверь. Дверь отворилась, и пленников втолкнули в какое-то помещение.

Здесь размещались палаты Верховного жреца, Молы Рама. Зал, где они очутились, походил на комнату ужасов. Стены сплошь покрывали ритуальные статуэтки и зловещие иконы, смотрящие на пришельцев, точно стоокое зло. Камень, из которого были сложены стены, потолок и пол, казалось, был деформирован. Сквозь сеть

мельчайших трещин в пещеру проникал красноватый зловонный пар. Инди задыхался.

В углу над железным горшком, до краев наполненным тлеющими углями и странными благовониями, колдовало какое-то двуполое существо, тонкорукое, с накрашенными губами и безумным взглядом. Оно помешивало угли, напевая себе под нос какую-то унылую мелодию. Повернув голову, Индиана увидал самое фантастическое изваяние, какое ему довелось встречать в жизни.

Судя по всему, это было олицетворение Смерти, порожденное чьей-то чудовищной фантазией. Статуя была вдвое выше человеческого роста. Голову ее заменял череп мертвеца, но череп деформированный, с уродливо вытянутым затылком и переразвитой нижней челюстью, отверстой в безумной усмешке. В глазницах и на темени изваяния играли свечи. Ниже головы, однако, был не скелет, а женская фигура, тоже непропорциональная, как у мутанта: без шеи, без рук, с асимметричной грудью и слоноподобными ногами, переставшими в массивный пьедестал. Из глазниц статуи, сквозь носовое отверстие, вниз по отвисшей челюсти, стекая на плечи и грудь, струился воск свечей. Смешанный со свежей кровью — как только сейчас догадался Индиана.

Рядом с отвратительной каменной фигурой стоял могучий бородатый стражник-Душитель, с безумной ухмылкой на лице, в плетенных браслетах из человеческих волос: тот самый, в которого Инди швырнул камень. Он поймал обидчика, как раньше поймал этот камень, и теперь намерен был поквитаться.

В самом центре зала сидел Мола Рам, сложив ноги по-турецки и закрыв глаза. Впервые Индиане представилась возможнось хорошенько рассмотреть его — зрелище оказалось не из приятных. Головной убор из бычьего черепа с рогами был надвинут на самые брови, и ссохшееся личико жреца почти терялось под ним. Лицо это было разрисовано какими-то магическими узорами. Все это дополнялось полным ртом гнилых зубов и запавшими глазами. От жреца исходил запах гниющего мяса.

Глаза Молы Рама открылись, он улыбнулся и произнес:

— Я Верховный жрец. Вы были пойманы при попытке похитить священные камни Санкары.

— Кто без греха?.. — улыбнулся в ответ Инди.

Камни начали сиять. Он не заметил их раньше. Оказывается, все три лежали у подножия каменной Смерти — и теперь лучились, видимо, под воздействием охватившего жреца возбуждения. Некоторое время Мола Рам не отрывал взгляда от пульсирующего, гипнотического свечения кристаллов, затем произнес:

— Раньше их было пять. Но за многие века их разбросали войны и расхитили воры вроде вас...

— Более удачливые, чем я, — скромно признал Инди. — Так значит, двух еще не хватает?

— Нет, они тут! — вскинулся Мола Рам. — Где-то тут. Сто лет назад, когда англичане осквернили этот храм и перебили моих людей, один преданный мне священник спрятал два камня в этих катакомбах.

—Значит, вот зачем вам понадобились для раскопок эти дети! — догадался Джонс и почувствовал, как гнев вновь наполняет его.

— Они добывают драгоценные камни для нужд нашего дома, — кивнул Мола Рам, — и попутно ищут два утерянных камня. Скоро в наших руках будут все пять. И тогда культ Удушения станет непобедимым!

— В избытке воображения вас не упрекнешь, — съязвил Инди.

— Вы мне не верите? — пронзил его взглядом жрец. — Ничего, еще поверите, доктор Джонс. Вы станете истинно *верующим*.

Мола Рам сделал знак стражникам. Те надели Индиане металлический ошейник, подтащили к статуе Смерти и поставили к ней спиной, приковав руки и ошейник цепями, обвязанными вокруг постамента. В нос ему ударил запах воска и крови.

Впервые за все время Инди всерьез испугался. В этой ненормальной обстановке, с этими маньяками могло произойти все что угодно. Однако он не показывал страха, чтобы не радовать своих противников, которые жили лишь за счет чужого страха и страданий. Он не станет потакать их прихоти и не даст отчаяться Коротышке, который стоял, дрожа всем телом, все так же у порога. Он будет служить своему маленькому товарищу примером того, как достоинство преобладает над обстоятельствами. Примером присутствия духа.

Стражник-великан шагнул к Джонсу. Тот усмехнулся:

— Привет. Терпеть не могу таких, как ты.

Стражник тоже ухмыльнулся в ответ. Быть свидетелем подобной бравады ему было не впервой. Он знал ее тщетность.

Дверь открылась, и в зал вошел юный махараджа в сопровождении Найнсукха, индийского мальчика, с которым они познакомились в карцере. Но теперь мальчика словно подменили. Он был спокоен, как дрейфующий корабль в штиль. В руках у него был человеческий череп

— Ваше высочество воочию увидит обращение вора в истинную веру, — произнес Мола Рам, обернувшись к Залиму Сингху.

— Вам не придется страдать, — соболезнующе глядя на Джонса, заверил его махараджа. —Я сам недавно достиг совершеннолетия и причастился крови Кали.

Однако Инди это неубедило. Череп в руках Найнсукха при ближайшем рассмотрении оказался мертвой головой, с еще не облезшей кожей, полусгившим носом полупустыми глазницами и свешенным набок черным языком. Мола Рам принял исковерканную голову из рук мальчика.

Прежде чем Индиана успел что-либо сообразить, могучий стражник запрокинул ему голову, прижав ее к каменной груди Смерти, и силой раскрыл ему рот. Мола Рам подошел к нему с головой мертвеца в руках, наклонил ужасный сосуд — и из полусгнившего рта вниз по черному языку хлынула зловонная кровь. Прямо в рот Инди. В ушах у него зазвенел голос Коротышки.

— Не пей, Инди! Выплюнь! — китайчонок истошно вопил, стараясь докричаться до Хуан Тьена, Верховного повелителя Темного Неба, до Тени, которой подвластны темные сердца, чтобы те вмешались; и просто потому что не мог не кричать.

На какое-то мгновение Индиана растерялся. Он ожидал страшных пыток, колдовских заклинаний — но никак не этого... Когда он набрал полный рот омерзительной жидкости, то не проглотил ее, а выплюнул прямо в лицо Верховному жрецу. Мола Рам в гневе отпрянул Липкая кровь стекала по его лицу и губам. Жрец облизнул губы и обратился к махарадже на хинди.

Залим Сингх кивнул и извлек из кармана небольшую куколку, одетую в штаны и шляпу, с лицом более светлым, чем кожа индийцев, и с более европейскими чер-

тами лица. Словом, отдаленно напоминающую Индиану Джонса. Принц поднес ее к глазам Инди, чтобы тот ее мог рассмотреть, затем принялся тереть ее о тело Джонса, пропитывая его потом и жировыми выделениями.

Покончив с этим, Залим Сингх подошел к стоящему в углу на огне горшку с углями благовониями и начал опускать туда куклу, и вынимать вновь... Вниз — и тело Инди пронзала нестерпимая боль, сознание оставляло его, и он заходился в крике... Вверх — и пытка прерывалась...

— Доктор Джонс! — плача, завизжал Коротышка.

От зрелища этих мучений его друга у него замирало сердце. Выкрикнув что-то по-китайски, паренек метнулся вперед и толкнул Залима Сингха. Куколка выпала у принца из рук. Индиана обессиленно повис на цепях. Коротышка хотел схватить бич Инди, но один из стражей отшвырнул его в сторону. Китайчонок упал.

Верховный жрец отдал какое-то приказание. Начальник стражи взял в руки бич. Индиану на мгновение отвязали, повернули и снова заковали в цепи — так что теперь подбородок его упирался в каменные груди Смерти, заляпанные воском и кровью, а взгляд упирался в ее жуткий оскал. Внутри у пленника все похолодело.

Найнсукх снова наполнил мертвую голову кровью. Мола Рам начал произносить какие-то заклинания. Коротышка собрался с силами, вскочил и бросился на ближнего стражника: однако тот при поддержке жрецов быстро усмирил его и приковал цепями к стене. Затем их высекли: сначала Индиану, затем Коротышку.

— Оставьте его, ублюдки! — бормотал Джонс в полузабытьи, сознавая, что за подобную подлость следует выставить особый счет.

Мучители оставили паренька и вновь принялись за Инди. Бич в клочья рвал на нем рубашку вместе с кожей. Вскоре вся спина его превратилась в кровавое месиво. Все это время Джонс усилием воли отключал свое сознание. Лишь грудь его судорожно вздымалась, и дыхание, с хрипом вырывающееся из нее, загасило свечи в глазницах Смерти. Это привело Молу Рама в еще пущее бешенство.

— Как ты посмел! — крикнул жрец, вырывая из рук Найнсукха свеженаполненную голову с кровью.

Инди опять перевернули и привязали спиной к изваянию. Страж-великан разжал его ослабевшие челюсти и зажал ему нос. Мола Рам вновь вылил кровавый эликсир в рот Джонсу со словами:

— Мы вырежем всех англичан в Индии. Потом покорим мусульман и заставим их поклоняться Кали. Затем падет еврейский бог. Наконец, христианский бог тоже будет побежден и предан забвению...

Кровь в мертвой голове иссякла. Стражник отпустил Инди. Тот попытался вздохнуть, захлебнулся, захрипел, попытался выплюнуть мерзкую жидкость и в конце концов проглотил-таки ее...

— Очень скоро Кали-ма будет властвовать над всем миром! — провозгласил Мола Рам.

Уилли, спотыкаясь, бегом добралась до выхода из туннеля. Она была вся облеплена насекомыми и на ходу пыталась сбросить их с себя, думая лишь о том, что должна спасти Инди. И себя. У нее еще будет достаточно времени потом, чтобы, вспоминая, хлопнуться в обморок. Сейчас нужно спешить. Уилли вбежала в спальню и прямиком устремилась к двери, ведущей в коридор, по бесконечным безлюдным переходам спящего дворца. Она неслась, освещая себе дорогу, в поисках помощи. Вскоре, вероятно, должен был заняться рассвет.

Она выбежала из дворца во двор и остановилась, тяжело дыша. Уилли позвала на помощь. Никто не ответил. Она вернулась во дворец и свернула в первый попавшийся коридор. Это оказалась та самая портретная галерея, которой они шли накануне. Казалось, предки юного махараджи цепкими взглядами следили за тем, что она делает в их дворце в столь странный час. Уилли медленно прошла сквозь этот зловещий строй. Вдруг в самом конце галереи она краем глаза уловила какое-то движение, резко повернулась и чуть не вскрикнула... Но это было всего лишь зеркало и ее отражение в нем. Но не только ее. За спиной Уилли уловила чье-то движение и обернулась, готовая защищаться. Она увидела их провожатого, Чаттара Лала.

— О, Господи, как вы меня напугали! — облегченно вздохнула девушка. — Послушайте, вы должны мне помочь. Мы обнаружили туннель...

В этот момент из-за угла показался капитан Бламбертт, кивнул Уилли и обратился к премьер-министру:

— Джонса в его спальне нет, — затем к Уилли. —

Мисс Скотт, мой отряд выступает на рассвете. Если желаете, мы могли бы сопроводить вас до Дели.

— Нет! — побледнела девушка. — Не уезжайте! Произошла ужасная вещь. Коротышку и Инди схватили и...

— Что?! — не поверил своим ушам англичанин.

— Мы обнаружили туннель, который ведет в подземный храм, расположенный под дворцом! — возбужденно и сбивчиво заговорила Уилли. — Пожалуйста, пойдемте! Я вам покажу!

Капитан и премьер-министр обменялись взглядами, полными сомнения. Желая доказать, что говорит правду, Уилли схватила Бламбертта за руку и потащила к своей спальне. Чаттар Лал неохотно последовал за ними, сочувственно говоря на ходу:

— Мисс Скотт, это какая-то бессмыслица...

— Скорей! Я боюсь, они успеют убить их... Мы видели там, внизу, жуткие вещи. Как живого человека принесли в жертву! Его втащили, а один страшный тип запустил руку ему в грудь и вырвал сердце... — продолжала она говорить, не слушая премьер-министра, и при последних своих словах, не в силах выдержать вновь возникшего перед ее мысленным взором видения, закрыла лицо рукой.

Двое мужчин переглянулись еще более скептически.

— Кто у кого что вырвал? — как можно тактичнее переспросил капитан.

— Священник! — выпалила она. — Коротышку схватили, а Инди ушел, не знаю, куда. Прямо под моей спальней — огромное подземелье, Храм смерти. Там кроются истоки этого культа, и там находятся священные камни, которые искал Инди...

— Этот рассказ что-то попахивает опиумом, — снисходительно улыбнулся Чаттар Лал. — Быть может, мисс Скотт научилась этому в Шанхае?..

— Да что это вы такое говорите! Я никакая не наркоманка! Я сама все видела, собственными глазами! — Она в ярости распахнула дверь своей спальни и, указывая на чернеющий в стене ход, торжествующе воскликнула: — Вот, пожалуйста! Сами убедитесь! Я же вам говорила!

Бламбертт взял масляную лампу, и когда он подходил с нею к входу в туннель, оттуда появился Индиана Джонс.

— Это что, игра в прятки? — улыбнулся Инди, стряхивая с себя жука.

Замешательство, вызванное его внезапным появлением, рассеялось. Вместо отчаяния Уилли теперь испытывала чувство облегчения. Она бросилась Джонсу на грудь и, вся дрожа в его объятиях, залепетала:

— Ах, Инди! Ты спасся! Расскажи им сам, что сучилось, а то они мне не верят.

— Все хорошо, — прошептал он, касаясь губами ее волос. — Все уже позади...

— Они решили, что я свихнулась, — всхлипнула Уилли. — Скажи им, что это не так, Инди. Пожалуйста!

Переживания минувшей ночи сделали свое дело: девушка беспомощно и безутешно разрыдалась на груди у Джонса. Он отвел ее к кровати, уложил и сел рядом. Уилли не сопротивлялась, опустошенная морально и физически. Индиана дотронулся до ее щеки, убрал с ее лица волосы, утер слезы и ободряюще произнес:

— Ну-ну... А я-то думал, ты настоящая актриса..

— Что? — переспросила она, сознавая лишь одно. Инди здесь, она в безопасности и может довериться ему

— Теперь тебе нужно поспать.

— Я хочу домой... — прошептала Уилли, смежая веки, успокоенная мягкостью матраса, спокойным голосом Инди, прикосновением его руки.

— Не мудрено, — утешил он ее. — То, что я тебе устроил, трудно назвать приятным отпуском.

Уилли улыбнулась, превозмогая усталость. Инди продолжал гладить ее щеку. Девушка начала скользить куда-то... в сон. Ее не покидало ощущение чуда и никогда прежде не изведанного, абсолютного благополучия и спокойствия от присутствия Джонса. Она, как дитя, распахнулась навстречу колдовству его голоса, плывя в его звуке. Она чувствовала себя в полной безопасности. Испытывала истинное блаженство. И покой...

Индиана встал и выше к Бламбертту и Чаттару Лалу ожидавшим его в коридоре. Премьер-министр повел обоих на веранду.

Поверх горных пиков пробивались уже первые солнечные лучи. Низко нависшие облака были оранжевыми от этого света. В свежем воздухе разлито было ожидание чего-то... В долине за ними кавалерийский отряд готовился к выступлению: солдаты седлали лошадей или

впрягали их в повозки. Индиана вздохнул всей грудью, затем покачал головой и произнес:

— Всю свою жизнь я провел в пещерах и туннелях. А для девушки, вроде Уилли, это слишком трудное испытание. Мне не следовало брать ее с собой...

— Она запаниковала? —понимающе спросил Бламбертт, словно того и ожидал.

— Стоило ей увидеть подземных насекомых, как она потеряла сознание, — пожал плечами Инди. — Я отнес ее в спальню и, когда убедился, что она крепко спит, вернулся в туннель...

— А во сне ей, очевидно, привиделось нечто кошмарное, — подхватил Чаттар Лал.

— Да, просто кошмарный сон... — взглянув на премьер-министра, кивнул Джонс.

— Бедняжка, — посочувствовал тот.

— А затем она, должно быть, очнулась, — продолжал Индиана, — и, не поняв, что ей все привиделось, кинулась взывать о помощи. Тут вы ее и встретили.

— Ну, а туннель? — спросил Бламбертт, щурясь на солнце, поднимающееся над этим вверенным ему клочком Британской империи. — Удалось что-нибудь обнаружить?

— Нет, ничего, — ответил Инди, тоже глядя на поднимающееся солнце, но уже совсем иными глазами. — Там тупик, завал. Этим туннелем уже много лет никто не пользовался.

Снизу, из долины, старший сержант громогласно доложил капитану, что отряд готов к выступлению. Бламбертт знаком показал, что услышал, и обернулся к Чаттару Лалу:

— Что ж, господин премьер-министр, в своем рапорте я укажу, что ничего необычного в Панкоте не обнаружено.

— Я уверен, махараджа будет признателен вам за это, капитан, — склонил голову Чаттар Лал, отдавая должное мудрости представителя британской короны.

Бламбертт повернулся к Индиане:

— Как я уже имел случай заметить, доктор Джонс, мы были бы счастливы сопроводить вас до Дели.

— Благодарю, — вежливо улыбнулся тот, — но вряд ли Уилли готова к такому путешествию.

Над долиной поднялось облако пыли: британский отряд направлялся в обратный путь. Пехотинцы, кавалерия, повозки маркитантов, и впереди — капитан Бламбертт в открытой коляске. Колонну замыкал взвод шотландских музыкантов, игравших на волынках и барабанах утреннюю зарю. Вскоре отряд обогнул подножие горы и скрылся из глаз, предоставив событиям в Панкотском дворце развиваться своим чередом.

Уилли проснулась от звука играющих где-то вдалеке волынок и некоторое время не могла сообразить, спит она еще или бодрствует: столь странным и нереальным казался здесь этот звук. Сквозь противомоскитную сетку, со всех сторон окружающую ее ложе, она заметила, что дверь в спальню открылась. В комнате с занавешенным окном было полутемно, тем не менее она узнала Индиану, который тихо приближался к ней. Уилли улыбнулась, радуясь, что тот наконец-то пришел к ней, и подвинулась, чтобы он мог сесть на край матраса. Индиана присел, повернувшись к ней спиной, с поникшими плечами. «Должно быть, он очень устал. Бедняга!» — подумала она, глядя на него сзади сквозь сетку, и спросила:

— Инди, ты говорил с ними?

— Да, — отозвался он.

— И теперь они мне верят?

— Да, верят, — словно эхо, повторил Инди монотонным голосом.

«Видимо, он вымотался больше, чем я думала. Теперь моя очередь проявить внимание», — подумала девушка, а вслух произнесла:

— Так значит, они отправили солдат вниз, в храм?

Инди ничего не ответил. Уилли надеялась, что он не уснул, — однако случилось с ним такое, она бы поняла. И уложила бы на его законное место.

— Ночью я испугалась до смерти, — снова заговорила она, — когда думала, что они убью тебя...

— Нет, они не убьют меня...

Она положила ему руку на спину. Спина была влажная — даже сквозь противомоскитную сетку и рубашку.

— Знаешь, — с нежным упреком призналась она, — с самой первой нашей встречи ты доставлял мне одно беспокойство. Но, признаюсь, мне бы тебя не хватало, потеряй я тебя.

— Ты меня не потеряешь, Уилли, — медленно про-

говорил он и так же медленно начал поворачиваться к ней.

Она сняла руку у него со спины. Рука оказалась липкой от крови. Его лицо теперь было обращено к ней. И даже сквозь сетку она различила что-то новое в его глазах. Обычно такие глубокие, прозрачные, с золотистыми прожилками — теперь они стали иными. В глазах этих появилось что-то темное, тусклое, от чего у нее мороз пробежал по телу. Внутри у нее заныло, она содрогнулась. Ибо поняла, что потеряла его.

В Храме смерти началась утренняя служба. Море зловещих лиц колыхалось в порывах не утихавшего в подземелье ветра. Жертвенные песнопения набирали силу, питаемые собственным ритмом и звуком. Среди молящихся на невысоком подиуме у конца расселины сидел юный махараджа. Взор его был прикован к алтарю Калима, где у ног демонического божества вновь магически сияли три камня Санкары. Из дыма, окуривающего алтарь, возник Мола Рам. Он тоже пел

— Джай ма Кали, джай ма Кали!..

Из боковых приделов вынырнули женщины-служки в красных туниках и двинулись вдоль ряда мрачных жрецов, проводя на лбу каждому из них по линии, в то время как Мола Рам обратился к присутствующим. Он говорил на санскрите. Чаттар Лал, сменивший свой европейский костюм на традиционное одеяние, стоял рядом с Индианой, слева с алтаря. Подошедшая девушка в красном провела у него на лбу линию. Индиана тупо смотрел на жидкое кипящее пламя на дне шахты. Ему грезился кошмар.

...Пламя взметнулось, достигло поверхности, выплеснулось — и обратилось в темных птиц, которые стали ошалело летать, ища, где бы сесть. Они взмывали все выше, налетая друг на друга и на каменные стены шахты, с шумом вырвались оттуда... и устремились прямо в голову Инди. В черепе у него теперь не было мозга. Эти огромные черные птицы кружили в нем, хлопая крыльями, словно в пустой мрачной пещере. Сесть они не могли и продолжали биться о стенки его черепа. В беспокойной ночи шептались тени. Где-то звучали басовые аккорды колыбельной, неузнаваемые, фальшивые. Еще где-то мерцала, оплывая, свеча...

Индиана перемесился во времени и в пространстве.

Ночной час, подземелье, кровь, темное пение. Через туннель, сверкающий отблесками смерти и боли, Инди проходит в комнату Уилли, возникая из черной раны в стене. Это что, игра в прятки? Уилли. Колдунья, обвивающая его щупальцами. Ее пальцы — раскаленные когти, терзающие его плоть. «Ах, Инди, ты спасся... Расскажи им, что случилось, а то они мне не верят». Волосы ее представляют собой пылающий костер, рот — предательскую бездну, язык — саламандру, глаза — ледяные зеркала, отражающие лицо его собственной сумрачной души... Он прошел к кровати. Волосы Уилли обожгли ему щеку... Птицы у него в голове по-прежнему били крыльями и царапали стенки своими кривыми клювами... «Все в порядке, уже все прошло... Они думают, я свихнулась. Скажи им, Инди, пожалуйста...» Уилли припала к его груди, саламандра выскочила у нее изо рта и впилась в его плоть, отгрызая целые куски, раздирая ему грудную клетку. Инди уложил ее в постель. «Я-то думал, ты настоящая актриса, Уилли». По ее щекам текут слезы — кровавые. Он прикасается к ним, и они обращаются в лаву, прожигают ему пальцы до кости. Белые кости, зияющие на ветру... «Что?» — шепчет она. «Теперь тебе нужно поспать». Саламандра снова высовывается. Она обглодала дочиста грудь и подбирается к ребрам...

«Я хочу домой», — говорит Уилли. Не мудрено: путешествие трудно было назвать приятным. Саламандра скользнула к нему в грудь, свернулась там и заснула. Колдунья спит. Птицы летают, бьют крыльями...

Он с Чаттаром Лалом и Бламберттом на веранде. У Бламбертта вместо лица пустое место. Солнце над вершинами: кровавый туман. Слова Лала выходят изо рта Инди, как дыхание. «Я всю свою жизнь ползал по пещерам и туннелям, а Уилли брать с собой не стоило». Капитан без лица. Кивает. «При виде насекомых Уилли упала, я отнес ее... она крепко уснула, я вернулся в туннель...» Саламандра в груди шевельнулась, перевернулась, снова улеглась...

Во сне Уилли привиделся кошмар. Да, кошмар. Бедняжка... Две темные мечущиеся птицы с размаху врезались в его череп, упали и забились, раненые, в смертельном ужасе... «Что там в туннеле, доктор Джонс?» — «Ничего. Тупик, завал. Им давно не пользовались...»

Пустота в его голове откликнулась эхом. Сломанные крылья, когти, скребущие камень. Пустота, мрак. Птицы улетели... Вряд ли Уилли готова к такому путешествию. Снова в ее комнате. Колдунья спит, свернувшись в постели. Саламандра в его груди шевельнулась. Колдунья пробудилась от сна. Инди сел рядом. Спиной. Чтобы та не увидела обглоданную грудь и дыру, сквозь которую пробралась внутрь саламандра, чтобы свить там гнездо. Инди? Да. Теперь они верят? Да, верят. Теперь сомнений нет. Колдунья с пылающими волосами: я убью тебя прежде, чем ты разбудишь скользкую тварь у меня в груди... Думала, они убьют меня. Не убьют... Когтями по спине, сдирая кожу, чтобы хлынула кровь. Ты меня не потеряешь. Поворачивается, глядит в ее глаза-зеркала, видит себя: дымный призрак, пронизанный ужасом, истекающий кровью, старающийся усмирить саламандру, прислушивающийся к эху во мраке, в ожидании душераздирающего крика... Саламандра шевельнулась... Издалека донеслось хлопанье крыльев...

Индиана продолжал смотреть на жидкое пламя, бушующее в глубине шахты. Верховный жрец говорил, а Чаттар Лал переводил его слова:

— Мола Рам сообщает верующим о нашей победе. Англичане покинули дворец, что свидетельствует о том, что могущество Кали-ма усилилось.

— Да, понимаю, — как загипнотизированный, кивнул Джонс.

Мола Рам закончил проповедь. Песнопения возобновились. Поднявшийся ветер взвил и рассеял серный дым. Индиана, раскачиваясь на каблуках, перевел взгляд на божественное изваяние.

Под храмом, в темноте шахты малолетние рабы кровоточащими пальцами рыли землю. Дородные надсмотрщики погоняли лентяев или тех, кто был слишком болен, чтобы продолжать работу, сыромятными плетьми. Время от времени слышался грохот: стенки шахт обваливались, погребая под собой, увеча или унося жизни детей. Оставшиеся в живых продолжали разгребать каменные обломки в поисках двух утерянных камней Санкары. Прикованные за щиколотку, они работали обреченно, моля судьбу о смерти.

Теперь с ними работал и Коротышка. Они вшестером

приступили к разработке нового туннеля, как вдруг тупиковость, безнадежность ситуации начала доходить до Коротышки. Тяжесть этого внезапного прозрения — осознания того, что остаток его короткой жизни будет непрерывной агонией, — была такова, что китайчонок опустился на землю, словно от удара. Как объяснить случившееся? Неужели он оскорбил какое-либо божество или дух предка? Как собирается выкручиваться из этого положения Инди? Однако на Инди рассчитывать дальше нельзя. Он выпил дьявольское зелье, которое превратило его из доктора Джонса в мистера Хайда. Теперь Инди потерян для него. Коротышка обратился к Небесному правителю времени, умоляя сократить отпущенный ему срок мучений. Сидя на земле, с глазами, полными слез, паренек набрал горсть пыли и, просеивая ее сквозь пальцы, шептал:

— Как песок сквозь пальцы...

Однако долго так сидеть ему не пришлось. Плеть надсмотрщика ожгла ему спину. Боль была такой нестерпимой, что крик застрял у него в горле. Надсмотрщик двинулся дальше. Коротышка поднялся и опять принялся за работу.

Вместе с двумя другими пленниками он пытался сдвинуть крупную глыбу, торчавшую из стены туннеля и преграждавшую им дальнейший путь. Они толкали ее изо всех сил, поддевали и расшатывали рычагами. Наконец глыба поддалась, скатилась на дно туннеля, и Коротышка едва не вскрикнул от испуга: они вскрыли жилу расплавленной лавы. Набухшая, шевелящаяся, она шипела, точно огромная красная змея. Пленники не удержались и завопили. На их крик явился надсмотрщик и жестоко высек их за устроенный ими шум. В глазах его при этом отражался лишь красный отблеск лавы.

Вдруг из глубины раскаленной жилы вырвался пузырь газа, выплюнув струйку магмы на ноги стражника. Тот закричал, упал на землю и попытался содрать с кожи въевшуюся жгучую жидкость. В туннеле распространился запах паленого мяса. И тут на глазах испуганных ребятишек произошло чудесное превращение. Лицо надсмотрщика расслабилось, утратив выражение жестокости. В глазах, где секунду назад лишь отражалась раскаленная лава, появилось человеческое, живое. Некое воспоминание. Он перестал стонать. Взгляд его остано-

вился на Коротышке. На лице его появилось какое-то благодарное выражение. Он словно готов был вот-вот расплакаться от радости, как ребенок, очнувшийся от кошмара. Стражник заговорил, прося у Коротышки прощения — сначала на хинди, потом по-английски...

Внезапно на месте происшествия появились другие надсмотрщики, схватили своего товарища и поволокли прочь из туннеля. Тот отбиваясь, пытался вырваться. Он хотел сохранить эту новообретенную ясность сознания и боялся опять погрузиться в кошмар Кали.

Коротышка, наблюдавший эту сцену, пытался сформулировать посетившую его смутную догадку и, провожая взглядом увлекаемого прочь несчастного надсмотрщика, прошептал:

— Огонь... Он очнулся от огня! Значит, и Инди... — и, не докончив, поднял с пола туннеля увесистый камень.

Его товарищи по несчастью в страхе обратили к нему взгляды, полагая, что он хочет метнуть этот снаряд в спину удаляющимся церберам, что привело бы лишь к новым побоям. Однако ничего подобного не последовало. Вместо того, чтобы бросить камень, Коротышка с размаху обрушил его на цепь, которая связывала китайчонка с остальными невольниками.

Кандалы на ногах от долгого употребления наверняка проржавели, рассудил он. Надсмотрщики никогда всерьез не опасались, что их подопечные могут убежать: в конечном счете, куда им было бежать? Коротышка усмехнулся, радуясь своему открытию. Знание — сила, всегда говорил ему доктор Джонс. Теперь, обладая этим знанием, он сможет освободить самого Джонса.

Коротышка раз за разом под взглядами встревоженных сотоварищей опускал камень на непрочные звенья цепи, в твердой решимости вырваться. Он знал, куда ему нужно иди.

Ветер выл под сводами храма, вторя песнопениям собравшейся внизу толпы. Контрапунктом, не заглушаемый ими, звучал голос Молы Рама. Махараджа сидел на своем подиуме, завороженный курениями, звуками, экстатическим жаром службы. Чаттар Лал, стоящий бок о бок с Индианой, обратился к новообращенному:

— Вы понимаете, что говорит Верховный жрец?

— Да, — тупо кивнул тот. — Кали-ма оберегает нас.

Мы ее дети. Мы подтверждаем свою верность ей, поклоняясь и принося в жертву ей человеческую плоть и кровь.

Чаттар Лал остался доволен. Ученик явно делал успехи. Он хотел было похвалить Джонса, но тут раздался леденящий кровь испуганный крик. Индиана повернулся на звук — и увидел, как из курящегося дыма выносят Уилли. На ней были одеты юбка и лифчик, какие носят раджпутские служанки. Она была украшена драгоценностями и цветами. Уилли билась, плакала, визжала в крепких руках двух жрецов, ибо знала, какая судьба ей уготована. Чаттар Лал вновь обратился к Джонсу:

— Ваша подруга *видела* и *слышала*. Но *сказать* она теперь ничего не сможет.

— Инди! — крикнула девушка, заметив Джонса, когда ее волокли мимо статуи Кали. — Спаси меня! Господи, что с тобой?!

Инди бесстрастно наблюдал, как запястья ее приковывают к металлической клетке, подвешенной на цепях, которые качались в руках безжалостной богини.

...Колдунья прошипела: «Инди, спаси меня, что с тобой...» Но он лишь улыбнулся в ответ на ее предательские слова. Все вокруг было - красным и черным. Причем как на негативе — светлое стало темным, а темное светлым. Колдунья была черной на красном фоне. Черной и жужжащей, как рой шершней. Ж-ж-ж-ж-ж... — вырывалось из ее рта. «Тихо, — подумал он, — ты разбудишь саламандру». К счастью, Кали теперь здесь, с ним. Одного ее присутствия будет достаточно, чтобы это жужжание прекратилось и скользкая тварь у него в груди замерла навеки. Но таинственный путь к этому — через боль, пытку и жертвы Кали-ма...

Инди опустил глаза и увидел удава, который полз куда-то в темный угол храма. Он нагнулся, поднял змею и погладил ее по голове: теперь они братья по духу. Затем прижал удава к груди, чтобы тот оказался поближе к своей сестрице, спящей у него, Инди, в груди; и чтобы Уилли увидела его в окружении его новой семьи.

— Инди! — вновь взмолилась девушка, отказываясь верить во все происходящее. — Не дай им это сделать! Сделай что-нибудь!

Однако он не шевельнулся — лишь продолжал поглаживать какую-то мерзкую гадину. Итак, ей суждено

умереть. Ужасной, мучительной смертью. В одиночестве. Им каким-то неведомым образом удалось покорить его — она теперь ясно это видела. Но каким? Он всегда был слишком самонадеянным для того, чтобы поклоняться своему собственному богу. И она находила в этом некий шарм, по крайней мере, иногда. Могла ли эта самонадеянность послужить причиной нынешнего его превращения, этой... одержимости? Одержимый — именно так он теперь выглядел. Или, может быть, это заключительная стадия обольщения: прельщения богатством и славой, за которыми он всегда охотился. Это она была в состоянии понять — ведь и на нее блеск алмазов действовал ослепляюще, — и все же, как объяснить подобную метаморфозу... Это казалось ей чересчур... Магия? Она не знала. Теперь ей было все равно. Единственное, что она знала, так это то, что ей предстоит умереть. Она не понимала, за что ее хотят убить, и не хотела понимать. В душе ее клокотали ненависть к Инди и страх.

Жрецы привязали к металлическим прутьям щиколотки Уилли. Она продолжала кричать, переходя от жалоб к угрозам, затем к мольбам и снова к яростным выкрикам, не отдавая себе отчета:

— Ай, мне больно!.. Грязные обезьяны!.. Ну пожалуйста, не надо... Инди!..

Мола Рам обошел вокруг клетки-корзины, следя за тем, как распинают девушку. Индиана выпустил удава и, оторвав взгляд от Уилли, благоговейно воззрился на лицо каменного божества. Жрецы сорвали с несчастной украшения и бусы.

— Скряги! — взвизгнула она. — Я знала, что все вы подонки! Хотите сохранить эти побрякушки для другой? Знайте, она никогда не будет в них так хороша, как я!

Мола Рам, обойдя вокруг клетки, остановился прямо перед жертвой, чуть поклонился ей и с усмешкой протянул руку в направлении ее сердца... При виде этой приближающейся руки Уилли обомлела. Ей уже приходилось раньше наблюдать эту сцену, и теперь она пришла в ужас. Уилли обмякла — если бы не узы, привязывающие ее к прутьям, она бы упала. Вся ее хваленая напористость и отвага рассыпались в прах при виде этой страшной руки. Уилли затараторила умоляюще:

— Стойте! Не надо, пожалуйста. Я сделаю все, что вы хотите. Я знакома со многими политиками и бизнесменами. Я была лично приглашена на ужин к Чан Кайши. Знаю людей, приближенных к аль-Капоне! — дикая мысль вдруг пришла ей в голову, и она рассмеялась, глядя на Верховного жреца. — У вас случайно нет двоюродного брата по имени Фрэнк Нитти? Он живет в Чикаго, и вы вполне могли бы быть его родственником...

Мола Рам лишь усмехнулся в ответ. Рука его продолжала медленно приближаться к ее груди. Уилли ощутила, как его ледяные пальцы коснулись обтягивающей ее грудь ткани, а затем — внезапный ноющий, болезненный нажим, словно ей сдавили горло или надавили на глазное яблоко. Она лишилась чувств.

Коротышка, сидя в полутемном туннеле, размеренно ударял камнем по железу, пытаясь разбить свои кандалы. Как это делается, он виде в фильме «Скованные одной цепью». Только на деле это выходило труднее, чем в кино. Рука его уже устала, и в душе усиливалось отчаяние. Как там без него Инди и Уилли? Что, если в следующей жизни Колесо перевоплощения разлучит их? Такое было вполне возможно. Бег этого Колеса непредсказуем...

Остальные малолетние узники продолжали следить за его усилиями. Он бы не отказался от помощи, но они стояли такие странные, словно привидения или даже хуже того, что он решил не обращаться к ним и сосредоточиться на своем занятии. Усталая рука с усилием вновь подняла камень и обрушила его на цепь. Та разошлась. Наконец-то. Теперь он свободен. Узники смотрели, не веря своим глазам, лишь понемногу начиная осознавать, что здесь, посреди рабства, возник островок свободы.

Коротышка огляделся. Возня с цепями отняла у него много времени. В конце туннеля показался надсмотрщик. Он приближался. Коротышка, пользуясь тем, что освещение в туннеле было слабое, решил попытать счастья. Улучив момент, когда двое мальчуганов, толкавших груженую вагонетку, поравнялись с ним, он перекатился на другую сторону, чтобы скрыться за вагонеткой. Стражник ничего не заметил и спокойно продолжал свой путь. Пригнувшись и ступая в такт движению вагонетки, Коротышка выбрался из туннеля. Оставшиеся, ничего не говоря, провожали его взглядами.

Наверху, в храме, Уилли, придя в себя, увидела уда-

ляющуюся спину Верховного жреца. Он не стал вырывать у нее сердце: он лишь пугал ее! Слезы надежды брызнули у нее из глаз. Может быть, не все еще потеряно. Девушка попыталась освободиться от своих уз. Она принялась извиваться, тянуть, расшатывать — и вдруг, слава Богу, ей это удалось. Одна рука, скользкая от пота, высвободилась. Уилли протянула ее к Индиане и позвала:

— Инди, помоги! Очнись! Ты же не такой, как они. Пожалуйста, вернись ко мне! Прошу тебя!..

Джонс медленно приблизился к металлическому распятию, взял ее руку в свои ладони, поднес к губам, поцеловал и заглянул ей в глаза. «Да! Наконец-то! Он пришел мне помочь!» — подумала Уилли, крепко сжимая его пальцы. Но Инди твердым движением поднял ее руку, снова вложил в зажим, защелкнул его и запер дверь клетки. Затем бросил взгляд на Молу Рама, который одобрительно улыбнулся, кивнул и продолжал проповедь.

— Нет! Что ты сделал?! Ты спятил?! — опешила девушка.

Но Индиана ничего не ответил, глядя на нее словно откуда-то из недосягаемой дали. Она плюнула ему в лицо. Никогда еще никто не был ей так ненавистен. С ним все кончено. Она от души пожала ему сгореть в адском пламени.

...Колдунья-дьяволица плюнула в него: изо рта ее вырвалось пламя. Жужжание стало невыносимо громким, почти заглушая возобновившееся у него в голове биение крыльев... Плевок ожег ему лицо, с шипением, которому вторило шипение мерзкой твари, проснувшейся и зашевелившейся у него в груди. Однако Кали усмирит ее. Нужно только раствориться, потеряться в Кали, заговорить это шипение и хлопание, повторяя магическое имя Кали-ма...

Джонс спокойно вытер с лица плевок, отошел от клетки и присоединился к общему хору:

— Мола Рам, сундарам... Джай ма Кали, джай ма Кали!..

Чаттар Лал и Мола Рам обменялись довольными взглядами при виде столь хладнокровного отступничества. Пение толпы становилось все громче. Ветер под сводами храма тоже усилился, вторя страшным воем.

Коротышка добрался до следующего туннеля и прислонился к стене, чтобы перевести дух. Выглянув из-за угла, он убедился, что память его не подвела: он оказался в пещере, в углу которой лежали бич, шляпа и сумка Инди. Мальчик подбежал к вещам, поспешно нахлобучил шляпу на голову, прицепил бич к поясу, а сумку перекинул через плечо. Затем вышел в прилегающий к помещению туннель, где его тут же заметили двое стражников и ринулись за ним вдогонку.

Коротышка, чувствуя себя настоящим Индианой Джонсом, выбежал из туннеля на открытое пространство и припустил, виляя между группами малолетних рабов и надсмотрщиками — покуда не нырнул в боковой проход. Преследователи отстали. Коротышка взбирался все выше и, наконец, вынырнул на поверхность уровнем выше основных разработок. Он осторожно начал пробираться к выходному туннелю. Вскоре он оказался метрах в двадцати от высокой деревянной лестницы, которая опиралась на выступ, соединявший карьер с отвалом. Вдоль всей лестницы на разной высоте стена была пробуравлена отверстиями ходов. Из верхнего отверстия выполз мальчуган, волочивший мешок пустой породы, шагнул на лестницу и начал медленно спускать свой груз. Достигнув дна, он почти рухнул от изнеможения, но при виде стремительно несущегося прямо на него Коротышки вскочил. Китайчонок знаком велел ему молчать, прыгнул на лестницу и начал взбираться наверх, как Джеймс Кэгни в заключительной сцене «Врага общества». С той лишь разницей, что Коротышка не хотел бы, чтобы эта сцена стала для него финальной.

Он уже забрался довольно высоко, когда его заметил очередной надсмотрщик и прыгнул сам за ним на лестницу. Работающие поблизости дети остановились, наблюдая за этой погоней. Стражник нагонял Коротышку. Запачканные мордашки глазели на китайчонка со всех сторон, затаив дыхание. Расстояние между ним и преследователем сократилось до трех метров. Коротышка перескочил с лестницы в туннель, отходящий от нее почти в самом верху, повернулся — и с разбега вновь прыгнул на лестницу, оттолкнув ее от стены. Лестница начала падать назад, в открытый карьер. Коротышка цепко держался за нее, как и стражник, висящий несколькими ступеньками ниже. С точки зрения ребяти-

шек, которые, открыв рот, следили за развитием событий, это было явное самоубийство. Они сочувствовали смельчаку, нашедшему в себе силы предпринять попытку к бегству.

Метрах в шести над ними, прямо по центру карьера, нависал длинный выступ скалы. Из пробуренной в нем дыры свисала веревка. Лестница, описывая в воздухе дугу, приблизилась к веревке, и Коротышка, уцепившись, повис на ней. Лестница же с надсмотрщиком продолжала падать, и несколько мгновений спустя снизу, из карьера, донесся оглушительный грохот. Беглец, покачавшись на веревке, начал подтягиваться, вскоре достиг отверстия в козырьке, откуда свисала веревка, пролез в него и оказался в новом помещении.

Выбравшись из отверстия в полу, откатился в сторону и замер. Вокруг было безлюдно и тихо, хотя откуда-то из-за стены доносились тысячи скандирующих что-то, словно в трансе, голосов. От их звука на душе было тревожно. Коротышка поднялся, разглядел выход, подошел и немного приоткрыл дверь. Взгляду его предстала окутанная красноватыми курениями спина гигантского каменного изваяния. Он находился в Храме смерти, в комнатке за алтарем.

В храме бряцали цепи и скрежетали колеса. Клетку, к которой была прикована Уилли, поднимали, переворачивали так, чтобы жертва повисла лицом вниз над бурлящей шахтой.

Мысленно Уилли увидела свою собственную смерть: жестокую, бессмысленную, одинокую — что было хуже всего. Воображение рисовало ей магму, еще сохраняющую очертания ее тела в бурлении красных пузырей. Затем контур распадается. Навсегда, как отражение ее жизни — искаженное, перегретое, готовое в любой момент взорваться, словно капля воды в баке с кислотой. Ей хотелось начать все заново. В новой жизни у нее все было бы совершенно иначе. Но никакой другой жизни не будет. Она неверила в карму, в перевоплощение, в небеса или чудо. А только чудо могло ее теперь спасти.

Она затаила дыхание, надеясь потерять сознание раньше, чем начнется агония. Мола Рам отдал приказание палачу. Тот повернул деревянное колесо, и металлическая корзина поехала вниз. Толпа принялась скандировать громче. Уилли завизжала. Инди обернулся.

...Колдунья висела над шахтой в своем истинном обличье — гигантская ворона, парящая в токе раскаленного воздуха, поднимающегося снизу. Она больше не била крыльями, как раньше, в его черепе. Лишь парила, улыбаясь и тихо жужжа, видимо, предчувствуя. Предчувствуя ужас, который ожидает его. Пустота внутри черепа, и я в груди... Она знала. Ей все это было известно. Она должна умереть...

Верховный жрец присоединился к хору верующих, который все набирал силу. Индиана тоже возвысил свой голос вместе со всеми. Уилли, прикованная к металлическим прутьям, все ниже, пядь за пядью, опускалась в шахту, навстречу кипящей магме. В адское пекло.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НА СВОБОДУ

Коротышка выглянул из-за алтаря в тот самый момент, как Уилли начала опускаться в шахту, а Индиана бесстрастно стоял, наблюдая за происходящим.

— О, Господи! Инди!.. — прошептал Коротышка.

Многоголосый хор звучал под сводами храма так оглушительно, что почти заглушал его собственные мысли. Но паренек твердо знал, что он должен делать. Нужно было вывести Инди из этого состояния, разбудить его. И спасти Уилли. Затем, наконец, добраться до Америки. Дело предстояло нешуточное. Но в первую очередь — самое неотложное. Коротышка мысленно дал обет в случае успеха воздвигнуть в своем сердце вечное святилище трем Звездным богам, сложил вещи Джонса в темном углу, перевернул свою бейсбольную кепку козырьком назад и выпрыгнул на площадку перед алтарем.

Первым заметил его вторжение Чаттар Лал и крикнул двум стражникам, чтобы те схватили мальчишку. Однако мальчишка оказался прытким. Не дожидаясь, пока его схватят, Коротышка устремился прямиком к Индиане. Один из жрецов схватил было по пути его за руку, но парнишка укусил его и высвободился. Ударом ног он вывел из игры еще одного жреца и оказался рядом с Инди. Он улыбнулся, в надежде, что его друг уже пробудился от спячки и ведет умную игру с тем, чтобы

перехитрить всех этих хитрецов. Но тот, размахнувшись, залепил ему увесистую оплеуху. Коротышка оказался на земле. Из разбитой губы текла кровь. Глядя в недоумении на своего кумира и чуть не плача, он воззвал:

— Очнитесь, доктор Джонс!

Однако замешательство длилось недолго. Первая неудача лишь добавила Коротышке решимости. Теперь задача стала сложнее — но что в этой жизни просто? Он вскочил, кинулся к стене. За ним по пятам устремился еще один стражник.

Чаттар Лал спокойно наблюдал за этой погоней. Он торжествовал, убедившись во время предыдущей сцены, что знаменитый Индиана Джонс совершенно очевидно превратился в их преданного единоверца. И ожидал закономерного финала: поимки китайчонка и жертвоприношения Уилли.

Девушка между тем изо всех сил старалась задержать дыхание, опускаясь все ниже на металлической конструкции. Но тщетно. Жар и сияние магмы были нестерпимы. Дыхание ее опаляло Уилли лицо, ядовитые пары жгли глаза, легкие, кожу. Гибель ее неотвратимо приближалась. Ей было одиноко и жутко. Она попыталась вспомнить какую-нибудь молитву, но на память ничего не приходило. Уилли хотелось отвернуться от источника своих мучений и грядущей гибели, однако она не могла шевельнуться. Клетка опускалась все ниже.

Коротышка добежал до стены, выхватил из паза факел и атаковал им своего преследователя. Огонь чуть не ожег стражнику лицо, заставив того попятиться. Паренек воспользовался этим и бросился на палача, все так же отчаянно размахивая факелом. Палач тоже ретировался, бросив при этом колесо. И Клетка с Уилли остановилась на полпути.

Мола Рам, в отличие от Чаттара Лала, воспринял выходку Коротышки не столь благодушно. Это маленькое чудовище осмелилось осквернить богослужение Кали. Его следовало жестоко наказать.

— Схватите его! Убейте его! — в ярости закричал Верховный жрец на хинди.

Повинуясь его приказу, еще двое стражников бросились вдогонку за нарушителем спокойствия.

— Инди, проснись! — крикнул на бегу Коротышка, приближаясь опять к нему.

Джонс ничего не ответил. На мгновение Коротышка обернулся, чтобы отогнать двух наступающих ему на пятки преследователей. В тот же миг Индиана сзади схватил его за шею и принялся душить. Джонс приподнял паренька и начал поворачивать к себе, покуда они не оказались лицом к лицу. Лицо Коротышки посинело.

...Саламандра в груди зашипела и заворочалась, недовольная тем, что ее разбудили. Она учуяла опасность со стороны этого маленького демона еще до того, как тот попался ему на глаза. И к моменту приближения дьяволенка с факелом он, подготовленный саламандрой, был начеку. Готовый к броску... «Инди, проснись!» — прокричал дьяволенок слова, выгравированные на его факеле. Саламандра отпрянула. Маленький демон оказался изменчив: он превратился в сгусток рубиновой крови, исполненный цели, испускающий пар в холодном воздухе подземелья, сочно пахнущий смертью... Сгусток завертелся, зашипел. Он схватил этого преобразившегося дьяволенка. Схватил и начал сжимать, чтобы придать этому бесформенному пузырю приятную глазу форму, форму, напоминающую Кали, соответствующую объему его сжатого кулака. Он сжимал, мял, лепил, формовал, поворачивая это дьявольское отродье вокруг оси, покуда его взгляд не уперся в выпученные глаза, застывшие посреди студенистой массы... А бесформенная тварь все размахивала факелом, молча взывала к другой твари, спящей в его груди...

— Инди, я люблю тебя... — выдохнул из последних сил Коротышка и, с именем Покровителя небесной епархии экзорсизма, прижег факелом бок Джонса.

Индиана выпустил паренька и с воем рухнул, схватившись за опаленный бок.

...Голова его наполнилась огнем. Пламя бушевало в пустоте. Саламандра отчаянно шипела, извиваясь. Маленький демон взывал к ней, вызывал ее, разъяренную, вновь обретенной памятью...

Коротышка не отставал от Инди, продолжая поджаривать его заживо факелом, покуда подоспевший стражник не схватил его и не вышиб пытающее оружие у него из рук. Индиана корчился от боли на земляном полу. Хор молящихся нарастал, словно шум лавины. Палач

вернулся к колесу и принялся снова опускать клетку с Уилли. Чаттар Лал торжествующе улыбнулся. Мола Рам вознес хвалу Кали. Стражник выхватил нож и поднес его к горлу Коротышки.

— Оставь его, — остановил его Индиана, поднимаясь с пола. — Он мой.

Джонс отстранил стража, поднял паренька, сделал несколько шагов, остановился на краю шахты и поднял свою ношу над головой. Коротышка глянул вниз, в кипящую преисподнюю, затем в глаза Инди. Тот мигнул и прошептал:

— Я снова в порядке. Ты готов?

Коротышка моргнул в ответ.

В тот же миг Индиана мягко отбросил паренька в сторону и разворота нанес удар в лицо ближайшему жрецу, а другого пнул ногой в живот. Коротышка тоже уже был на ногах и приемом каратэ выключил на некоторое время еще одного жреца, после чего уцепился за пояс кинувшегося на него стражника и, сделав кувырок назад, перекинул того через себя.

Толпа по ту сторону расселины пребывала в экстатическом трансе и не видела, что творится перед алтарем. Один премьер-министр быстро разобрался, что к чему, и поспешил скрыться под шумок.

Два жреца одновременно кинулись к Инди, но Коротышка бросился под ноги одному из них, тот споткнулся, сбил с ног другого — и оба покатились по земле. Тем временем Индиана отшвырнул от себя очередного священнослужителя, который попутно смел стоящего у колеса палача. К несчастью, последний при падении привел механизм в действие, и металлическая клетка с привязанной Уилли заскользила вниз. Джонс успел подбежать к вертящемуся колесу и заклинить его. Уилли снова повисла над кипящей бездной.

Верховный жрец, встревоженный таким поворотом событий, стал осторожно пробираться посреди этой потасовки к установленным на алтаре камням Санкары.

Очередной священник атаковал Индиану, норовя нанести ему удар увесистой кадильницей. Инди пригнулся, курящийся снаряд просвистел у него над головой и увлек самого нападающего вперед, прямо в пасть огнедышащей шахты. Вспышка, шипение — и жреца не стало.

Коротышка стоя спиной к стене, сдерживая натиск

сразу нескольких стражников. В одной руке у него был пылающий факел, в другой — нож.

Палач ползком добрался вновь до колеса и начал опускать Уилли дальше. До раскаленной поверхности лавы теперь оставались считанные метры. От жара одежда девушки стала тлеть, ресницы сгорели. Сознание, а с ним и сама жизнь начали покидать ее. В полуспекшемся ее мозгу проносились давно забытые видения, чувства. Последней, перед тем как наступил полный мрак, в памяти ее всплыла строчка из песенки: «В былые дни чулок девичий...»

Индиана снова сбросил палача с площадки перед алтарем, но стоило ему взяться за колесо и приняться поднимать Уилли из шахты, как на него обрушился жрец, вооруженный шестом. Джонс ухватился за шест, выпустив из рук колесо, поднапрягся и стряхнул противника в шахту. Затем подскочил к очнувшемуся стражнику и хватил того шестом по голове, отчего тот снова отключился, на сей раз окончательно.

В ходе этих маневров Индиана приблизился вплотную к алтарю и заметил Молу Рама, который склонился над священными камнями, готовясь вынести их из опасного места. Следующий удар шестом достался верховному жрецу. Шест переломился пополам. Мола Рам упал ничком. Джонс хотел было довершить дело и замахнулся для повторного удара. Однако Верховный жрец молниеносно отворил потайную дверцу у подножия алтаря и исчез в ней, на прощание одарив Инди злобной усмешкой.

Индиана выругался, отшвырнул обломок шеста, снова подбежал к колесу и налег на него. Клетка с прикованной, бесчувственной Уилли в дымящемся платье опять медленно поползла вверх. В этот момент за спиной Джонса возник Чаттар Лал с занесенным кинжалом.

— Инди, берегись! — крикнул Коротышка, не переставая орудовать своим факелом.

Джонс вовремя обернулся и успел отбить нападение. Двое противников сцепились. Отпущенное деревянное колесо начало проворачиваться обратно, мелкими рывками опуская клетку. Механизм заклинило, однако он настолько износился, что не выдерживал тяжести металлической клетки с жертвой.

Толпа по ту сторону расселины, наконец, заметила, что перед алтарем происходит что-то странное. Пение прекратилось, и молящиеся начали в панике рассеиваться. Одним из первых покинул храм юный махараджа в окружении своих телохранителей.

Инди, освободившись на мгновение из цепких объятий Чаттара Лала, вновь зафиксировал колесо. Премьер-министр еще раз бросился на него с кинжалом. Инди блокировал выпад и с размаха впечатал противника в колесо. Механизм опять пришел в движение. Нога полуоглушенного премьер-министра угодила в него. Тем не менее, Лал ухитрился вырваться и отполз прочь.

Коротышка вспрыгнул на площадку перед алтарем, держа на дистанции последнего не сдающего от него противника. Между тем Инди предпринял последнюю попытку закрепить колесо так, чтобы оно не проворачивалось, — хотя и без особой надежды на успех — и распрямился, готовясь дать бой. Однако стражник, видя, что остался один против двоих, обратился в бегство.

Коротышка и Индиана схватились за колесо и налегли, поднимая клетку. Когда она вся вынырнула из шахты, Коротышка остался у колеса, не давая ему повернуться вспять, а Джонс кинулся к клетке, уперся ногами и вытащил ее на твердую почву. Парнишка по команде товарища немного ослабил колесо, чтобы металлическая конструкция села по основательней. Индиана освободил Уилли из оков и, встревоженный ее бессознательным, угнетенным состоянием, позвал:

— Уилли... Уилли! Очнись, Уилли!

Он уже не помнил в деталях пережитый кошмар. В памяти остались лишь ощущение томительного ужаса да несколько несвязных образов: какие-то огромные птицы, голодные пресмыкающиеся (бр-р), дьяволенок — одновременно Коротышка и не Коротышка — и Уилли в обличье злой колдуньи, готовой пожрать его душу. И еще он помнил, как хотел ее смерти и смеялся, наблюдая за ее спуском в шахту ради задабривания Кали. Слава Богу, все это позади. Он вновь среди живых людей.

Уилли застонала, чуть повернула голову, веки ее дрогнули.

— Уилли! — в приливе счастья воскликнул Джонс.

Девушка открыла глаза, увидела его, склоненного над нею, — и замахнулась, чтобы ударить Инди по лицу.

Однако рука ее была настолько слаба, что пощечины не получилось. Инди продолжал улыбаться, твердя:

— Уилли, это я. Я снова с тобой, Уилли. Я здесь...— и в друг пропел, не сдержав чувств: — Дом, дом на лугу. Где резвится с косулей олень...

Никогда в жизни еще не приходилось Уилли так радоваться столь ужасному пению. Свежий воздух и фальшивый родной голос оживили ее. Она плакала, кашляла, смеялась — все сразу. И только в самый последний момент заметила подкравшегося Чаттара Лала с кинжалом в руке.

— Берегись! — выкрикнула она и закашлялась.

Индиана повернулся вокруг оси и, падая на спину, выбил оружие из рук Лала. В следующее мгновение тот кинулся на него. Они покатились по полу. Уилли была слишком ослаблена, чтобы помочь Инди, а Коротышка не мог отойти от доверенного ему колеса. Противники подкатились к краю шахты; затем откатились прочь. Оттолкнули один другого и поднялись на ноги. Теперь Инди оказался между шахтой и Лалом. Уилли ползком двинулась в сторону колеса.

— Предатель! Отступник! Ты отступился от Кали-ма! Она уничтожит тебя! — провыл на хинди премьер-министр и кинулся на Инди, намереваясь в безумном порыве унести его вместе с собой в кипящую пучину.

Они вдвоем рухнули на прутья металлической клетки, которая от резкого качка проехала по полу и снова повисла, качаясь, над шахтой. Джонс вырвался из объятий Лала, оттолкнулся, прыгнул и повис над гибельной пропастью: уцепившись за край шахты. В тот же миг Коротышка и Уилли, к которой вернулись силы, отпустили колесо и начали вращать его в обратную сторону. Механизм отчаянно заскрежетал, и клетка с премьер-министром устремилась вниз. Громкий всплеск лавы глубоко внизу отозвался в ушах Уилли музыкой отмщения. Инди глянул вниз. На месте падения Чаттара Лала, повторяя контуры его тела, пылало пламя, сквозь которое еще мгновение можно было различить скелет, — после чего все скрылось под пузырящейся красной поверхностью магмы.

Индиана подтянулся, перевалился через край и выбрался из шахты, после чего, шатаясь, подошел к друзь-

ям. Они обнялись втроем, радуясь тому, что снова вместе, что живы.

Храм уже успел опустеть, не считая бесчувственных тел жрецов и стражников. Тишину нарушало лишь бурление лавы. Индиана встал и подошел к трем камням Санкары, установленным у подножия алтаря, но уже не сиявшим, как раньше. Коротышка сбегал за его вещами и вернулся со шляпой, бичом и сумкой. Инди сложил камни в сумку и перекинул ее через плечо, прицепил бич к поясу. Затем подошел к валяющейся в пыли бейсбольной кепке Коротышки, поднял ее, тряхнул и торжественно водрузил на голову парнишки. И лишь после этого надел собственную шляпу. Теперь гармония была восстановлена.

— Инди, друг! — ликующе воскликнул Коротышка, чувствуя: что бы ни случилось, эта дружба будет вечной, как звезды.

— Инди, ты должен вызволить нас отсюда, — подойдя, вернула их к действительности Уилли.

Индиана окинул взглядом зловещее место, различил вдалеке приглушенное громыхание вагонеток, вспомнил страдания невинных детей и сурово произнес:

— Верно. Вызволить, но только всех.

Они втроем двинулись в направлении туннеля, открывающегося за алтарем.

Тем временем в карьере происходило нечто примечательное. Маленькие рабы почувствовали свободу. Десятки их стали свидетелями бегства Коротышки и разнесли слух об этом чуде дальше: «Одному удалось бежать!» Один убежал — значит, могут и остальные. С этого момента поведение их изменилось. Они исподлобья следили за своими церберами, вместо того чтобы работать, не разгибая спины. Свинцовая усталость в их ногах сменилась мурашками нерешительности и ожидания. Некоторые даже сопоставляли свою численность с количеством приставленных к ним надсмотрщиков...

Улизнув от Индианы в потайную дверцу под алтарем, Мола Рам поспешил вниз, в карьер и рассказал старшим надсмотрщикам, что творится наверху. Часть людей он направил в храм, на подмогу защитникам культа, а остальным велено было держать ухо востро, ибо трое негодяев-чужестранцев могут попытаться бежать этим путем, через карьер и сеть его туннелей. Но он не отдал

никаких распоряжений на случай бунта среди малолетних рабов.

Пятеро скованных вместе ребятишек с трудом волоки мешки с породой к ожидавшей их впереди, в темноте туннеле, пустой вагонетке. Единственная среди них девочка, с трудом поспевавшая за остальными, вдруг упала. Надсмотрщик у входа в туннель заметил столь вопиющую нерадивость, подбежал, рывком поднял малышку на ноги и замахнулся плетью. Но тут краем глаза заметил возникшего из полумрака Инди. На стражника обрушился такой силы удар кулаком, что тот рухнул и остался лежать.

Коротышка вынул из-за пояса лежащего надсмотрщика ключ и снял кандалы на ногах у пятерых маленьких рабов. Когда ошарашенные дети оказались на свободе, Джонс помог им приковать теми же кандалами поверженного истязателя к вагонетке.

И тут началось. Пятеро вырвавшихся на волю устремились в соседний туннель и застали там врасплох еще одного надсмотрщика, который и глазом моргнуть не успел, как из него вышибли дух камнями. Еще пятеро ребятишек оказались на воле. Теперь их было десять. Освобождение от цепей происходило со скоростью цепной реакции. Охрана не успела заподозрить что-то неладное, а карьер уже кишел десятками свободно снующих по туннелям вырвавшихся узников.

Наконец, стража забила тревогу. Оставшиеся надсмотрщики стали сгонять еще не освободившихся от оков невольников в центральный отсек подземелья. Однако, не все надсмотрщики дошли туда. Кое-кого из этих церберов Инди бичом пригонял к разъяренным детям, которые учиняли над истязателями расправу. Других атаковали в проходах и оставляли лежать на месте, а ребятишек выпускали. С каждым выведенным из строя надсмотрщиком число освобожденных росло. Бунт распространялся подобно эпидемии.

Надсмотрщики стали спасаться бегством. На головы им обрушивались доки, цепи, мешки породы. Ватага маленьких бунтарей отталкивали их с лестниц и каменных выступов. Инди, Уилли и Коротышка активно участвовали в избиении. В конце концов перед лицом столь подавляющего численного и морального превосходства стража оставила карьер на милость победителей.

Сами же победители, не встречая больше сопротивления, остановились в замешательстве. Все еще опьяненные успехом, они принялись удивленно оглядывать[illegible]. Коротышка, истинный вдохновитель этого бунта, выступил вперед и обратился к ожидавшей вожака толпе:

— Идите за мной! — с этими словами он повернулся и направился к выходу из карьера, возглавляя детский крестовый поход.

Инди и Уилли шли следом. По дороге отряду встречались стражники, пытавшиеся остановить ребятишек, или скрыться от них. Всякий раз толпа повстанцев бросалась на противника и одолевала его числом и напором. Толпа ребятни, с двумя взрослыми в арьергарде, продвигалась все выше. Вот они уже в последнем туннеле, ведущем из карьера, затем в помещении за алтарем и, наконец, в храме...

Кроме них в храме никого не было. Под сводами уныло завывал ветер. С алтаря глядело изваяние Кали.

Инди, Уилли и несколько ребят постарше отодрали от алтаря длинную доску, украшенную бесчисленными изображениями кровожадного божества и его жестокостей. Подхватив доску, они подтащили ее к расселине, отделяющей алтарь от центрального придела, — последнему препятствию на их пути к свободе. Одним концом они уперли доску в пол, не доходя края трещины, а другой перекинули через нее. Над бурлящей лавой пролег узкий мостик.

Площадка перед алтарем была уже переполнена. Дети толпились у самого края расселины. Индиана поспешно начал подсаживать их на импровизированный мост, и те один за другим перебегали на противоположную сторону. Внизу бурлило огненное месиво, лопались, стреляя брызгами, пузыри газа — но ни один из малышей не испугался и не отступился.

Через некоторое время доска не выдержала идущего снизу жара и задымилась. Дети, пробегавшие по ней, взвизгивали, обжигая босые ноги. Инди продолжал руководить переправой в ускоренном темпе. Доска тлела все сильнее, от нее поднимался струей белый дым. Затем в двух местах дерево вспыхнуло. Инди криком понукал напуганных детей, пока последний из них не перебежал на ту столону по трещащей под ногами доске.

Теперь настал черед Коротышки. Но стоило тому сту-

пить на край доски, как та, прогорев, обрушилась вниз. Инди и Уилли в последний момент успели ухватить его за воротник и оттащить от расселины. Маленькие индийцы, оказавшиеся по ту сторону трещины, стояли, ожидая своих спасителей.

— Идите, идите! — крикнул им Индиана.

И те пошли. Через двери храма, вверх по сотням вьющихся лестниц, десятками потайных ходов — во дворец. Они бежали по дворцовым коридорам — сотни освобожденных, улыбающихся детей — и разбегались в разные стороны через двери и ворота: наружу и прочь из гибельного места. Они устремлялись по лесным тропинкам, дорогам, горным проходам — свободные, спешили домой.

— И что нам теперь делать? — спросил Коротышка, когда последний маленький беглец покинул храм.

— Идти дальней дорогой, — коротко предложил Инди.

Они направились в комнату за алтарем, а оттуда прошли к карьеру. У края его Джонс на секунду остановился, окинул взглядом пути, шпалы, вагонетки и проговорил:

— Эти рельсы должны вести куда-то наружу, — после чего двинулся в обход карьера, по кружной тропе.

— Что ты задумал? — подозрительно спросила Уилли.

— Устроить для нас небольшую прогулку.

Примерно половина вагонеток с разной скоростью сами собой катились по рельсам, приводимые в движение натянутыми тросами. Одни были нагружены породой, другие пусты. Инди нужна была именно пустая. Он спустился на центральную площадку, мимо которой проезжали все вагонетки, выбрал одну, побежал с нею рядом и ухватился за нее, пытаясь остановить. Однако дело это оказалось непростым. Вагонетка продолжала катиться по инерции, волоча за собой Джонса. И вдруг остановилась, как вкопанная, — каким-то чудом.

Но никакого чуда не было. Подняв голову, Индиана увидел могучего охранника, с легкостью остановившего тележку одной рукой. Того самого великана, с которым ему уже дважды приходилось иметь дело — и оба раза исход был не в пользу Джонса. Значит, теперь представилась возможнось взять реванш.

Инди хотел было пустить в ход кулаки, но придумал кое-что получше: схватив валяющийся рядом брусок, он

со всего маху опустил деревяшку на череп великана. Брус треснул. Надсмотрщик же не шелохнулся. Дело, похоже, грозило принять серьезный оборот.

Джонс выхватил из вагонетки кувалду и обрушил ее на ребра великана. Тот лишь усмехнулся, вырвал молот из рук Инди и отшвырнул в сторону. Затем схватил Джонса левой ручищей за пояс, а правой протаранил ему живот. Тот рухнул на землю, но тут же вскочил и двинул надсмотрщика ногой в лицо. Великан разве что чуть покачнулся. Дело и впрямь было дрянь.

Великан вновь облапил Джонса, дважды ударил его в грудь, один раз по горлу, затем повозил лицом по борту вагонетки и поднял в воздух. Коротышка схватил бич Индианы и стегнул им громилу. Вслед за рассекшим воздух свистом и хлопком раздался грохот и болезненный вскрик: надсмотрщик бросил незадачливого искателя приключений на дно вагонетки. Коротышка снова ударил бичом, но великан поймам бич на лету, раскрутил мальчугана и запустил далеко в сторону.

Вагонетка тронулась, увлекаемая тросом. Надсмотрщик запрыгнул в нее, и они с Инди принялись молотить друг друга, катясь вверх по склону. Уилли бежала рядом, с тревогой наблюдала за схваткой и время от времени кидала в надсмотрщика камнями, если не боялась задеть Джонса.

Инди удалось найти слабое место на шее великана, и он раз за разом бил по нему подвернувшейся под руку железякой. Но всякий раз как ему предоставлялась возможность закрепить преимущество, тело его пронзала острая боль. Инди отступал, и на него обрушивался град ударов противника.

— Что с ним? — крикнула Уилли Коротышке.

Тот уже раскусил, в чем дело, и указал ей куда-то наверх. Там, уровнем выше, стоя юный махараджа. В руках у него была куколка, изображающая Индиану Джонса, в которую он то и дело вонзал булавку от своего тюрбана.

Вагонетка достигла самого верха склона и перевернулась набок, вывалив дерущихся противников на движущуюся ленту конвейера. Громила схватил лопату. Инди поднял кирку, но тут же выронил ее, согнувшись от приступа боли, и еле успел откатиться в сторону, чтобы не угодить под смертельный удар врага.

Махараджа вонзил булавку прямо в лицо глиняной фигурки. Уилли отыскала пустую вагонетку, которая, судя по всему, двигалась к одному из выходов из подземелья и крикнула:

— Инди, есть! Я нашла вагонетку. Можно ехать!

Однако он не слышал ее. Все его внимание было сосредоточено на том, чтобы успевать уклоняться от ударов великана и в перерывах молотить его керосиновой канистрой.

Коротышка пробрался к небольшому водопаду, стекавшему с выступа, где стоял махараджа. Водопад вращал большое колесо с подвешенными ведрами, выполняя двойную функцию: водоснабжения и механического привода. Паренек прыгнул в полное воды ведро, колесо совершило полуоборот, подняв его наверх, и он выпрыгнул в нескольких шагах от махараджи. Пару секунд спустя глиняная кукла покатилась по земле, а взбешенный принц вынужден был отбиваться от наседающего китайчонка.

Индиана прыгал на движущейся ленте, сражаясь со своим могучим противником. Теперь ему был виден конец конвейера. Там, в конце, порода с грохотом обрушивалась на зубья ненасытного колеса, перемалывавшего все, что в него попадало.

Уилли все швыряла камни в надсмотрщика. Тот успевал колотить Инди и время от времени отвечать бросками Уилли. Джонс без устали орудовал ногами и канистрой. Камнедробилка впереди все приближалась.

Между тем наверху разворачивалась смертельная схватка между двумя двенадцатилетними противниками. Коротышка вцепился махарадже в горло. Тот в ответ вонзил булавку ему в ногу. Китайчонок взвыл от боли и откатился в сторону, держась за ногу. Принц оказался довольно крепким орешком. Ну и пусть! Коротышке, закаленному в уличных драках, было не привыкать.

Громила ухватил Инди за руку, однако рукав у того оторвался, великан потерял равновесие и сел на движущуюся ленту. При этом его кушак зажевали крутящиеся валики, и его поволокло прямо в ненасытную пасть камнедробилки. Надсмотрщик пытался высвободиться, но безуспешно. Ноги его попали в зубчатое колесо, он издал ужасный крик — и в следующую секунду его не стало.

Каменная пыль, сыплющаяся из камнедробилки, окрасилась кровью.

Наверху Коротышка проковылял к стене и схватил факел. Он обернулся в тот самый момент, как Залим Сингх кинулся на него с ножом, и успел пригнуться, выставив факел вперед. Махараджа с разбега налетел на пылающий светильник, взвыл и упал на землю. Китайчонок приготовился броситься на поверженного монарха, но этого не потребовалось. Тот не собирался продолжать схватку, а сидел, озираясь, словно только что очнулся от дурного сна.

Собственно, так оно и было. Коротышка, которому уже приходилось видеть подобное преображение, опустился рядом с ним и объяснил:

— Это был черный кошмар Кали.

— Меня заставили творить зло... Да помилует меня Кришна, — прошептал принц, в памяти которого остались лишь обрывки прежних видений, которых, однако, было достаточно, чтобы он содрогнулся и зажмурился с ужаса и боли.

Индиана, освободившись от своего противника, спрыгнул с конвейера и устремился туда, где его ожидала Уилли с пустой вагонеткой. Однако время было упущено: Мола Рам привел подкрепление. Охранники быстро окружали их.

— Коротышка, скорей вниз! — крикнула Уилли. — Нас ждет вагонетка!

Один стражник бросился на нее, но Уилли выхватила из вагонетки металлический рычаг и проломила ему голову. Второй, более осторожный, остался выжидать на безопасном расстоянии.

Коротышка, ухватившись за край каменной площадки, свесил ноги вниз. Юный махараджа подполз и напутственно произнес:

— Запомни: наружу ведет левый туннель.

— Спасибо, — отозвался тот после некоторого колебания, видя, что принц говорит правду.

Инди оказался в затруднительном положении. Трое стражников насели на него, вынуждая отступать. Он взлетел по приставной лестнице на лежащий выше уступ, оттолкнул лестницу и побежал. Стражники открыли огонь из пистолетов. Джонс нырнул за вагонетку и, прикрываясь, покатил ее к следующему ответвлению.

Уилли принялась толкать подысканную ею вагонетку, и когда та достаточно разогналась, вскочила в нее Стражник, выжидавший своего часа, метнулся к ней и ухватил девушку за ногу Однако Коротышка, который оказался неподалеку тоже не дремал Он схватил с земли увесистый кусок породы прицелился, размахнулся и с криком «Левша Гроув!» запустил им в надсмотрщика Камень угодил тому в затылок Преследователь рухнул, выпустив Уилли

Еще один стражник схватил паренька, но он вывернулся и ловким движением каратиста двинул тому ногой в живот А затем устремился наперерез жрецу, который погнался за вагонеткой Уилли, и кинулся ему под ноги Жрец споткнулся и покатился по земле Коротышка вскочил, побежал и уцепился за борт набирающей ход вагонетки Уилли помогла ему влезть внутрь и они вместе принялись высматривать Индиану Наконец, они заметили его, мечущегося по мосткам лестницам и переходам, и хором крикнули

— Инди, скорей сюда!

Джонс оглянулся, увидал их, прикинул расстояние скорость и направление движения вагонетки и бросился во весь дух им наперерез, прыгая с уступов на лестницы оттуда ныряя в подземные ходы снова выныривая и несясь дальше Стражники теперь палили в него со всех сторон Вокруг визжали пули, летали щепки и отбитые выстрелами камни

— Они убегают! Догнать их и убить! — скомандовал наблюдавший за всем происходящим с возвышения Мола Рам

Охрана с удвоенным ожесточением бросилась в погоню

Взлетев на очередные мостки Индиана обнаружил что со всех сторон окружен неприятелем Бросив отчаянный взгляд вокруг, он заметил свисающий сверху блок со шкивом, подпрыгнул и ухватился за него Блок с головокружительной скоростью понесся по нисходящей, скользя вдоль троса, уходящего в том же направлении, что и рельсы, по которым катилась вагонетка с Уилли и Коротышкой Очутившись в нескольких метрах над вагонеткой и чуть сбоку Джонс качнулся, выпустил шкив и описав не слишком изящную дугу грохнулся в тележку к друзьям

— Догнать! Убить! — несся им вслед голос Верховного жреца.

Они скорчились на дне вагонетки, спасаясь от града пуль. Инди обнаружил рядом бесчувственное тело одного громилы, изъял у того оружие, а самого контуженного перевалил через борт и сбросил. В следующий миг вагонетка въехала в туннель и понеслась в абсолютной темноте. Шум выстрелов остался позади. Им удалось таки уйти!

Мола Рам почернел от злости и процедил своим подручным:

— Они украли камни Санкары. Их нужно остановить!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

БЕГ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Туннель, по которому неслась вагонетка, освещался лишь пламенем факелов. Но даже при таком слабом свете Инди разглядел, что путь впереди раздваивается. Одна колея, поворачивая, вела вновь вокруг карьера, а вторая устремлялась вперед. Он схватил со дна тележки лопату и, верно подгадав момент, когда они поравнялись со стрелкой, ударом перевел ее на путь, ведущий наружу.

Вскоре они оказались в пещере, где трасса снова раздваивалась. Прежде чем они успели что-либо предпринять, вагонетка вильнула вправо.

— Неправильно! — встревоженно крикнул Коротышка. — Инди, нужно было ехать по левому туннелю!

Но было уже поздно. Тележка неслась во мрак и в гулкое эхо сменяющих одна другую пещер. Подъемы чередовались со спусками. У Инди создалось впечатление, что они углубляются в недра горы, вместо того чтобы выехать наружу. Ветер свистел в ушах. Уилли свернулась на дне, где дышалось легче. Коротышка ликовал: ему приходилось видеть сумасшедшие гонки в кино, но ничего подобного даже там не показывали! Разве только в финальной сцене «Кинг Конга», когда гигантская обезьяна спускает вагон с рельсов. Эту аналогию парнишка, не боявшийся обезьян, даже гигантских, и к тому же родившийся в год обезьяны, счел добрым предзнаменованием.

Между тем Мола Рам организовал погоню. Стражники, вооруженные винтовками, заполнили две вагонетки — и понеслись вслед за нечестивцами. Однако третью группу стражников Верховный жрец отправлять воздержался. Вместо того, чтобы рисковать верными людьми в сомнительной гонке, он решил осуществить более надежный план. И с этой целью направился в большую пещеру по соседству, где шумел водопад, наполняя черное подземное озеро.

Инди вернул на прежнее место тормозной рычаг, которым Уилли раньше, в карьере, отбивалась от стражников, и попытался с его помощью регулировать скорость вагонетки. Тем не менее, пару раз на вираже их заносило, и они описывали полукруг на двух колесах. При этом Джонс падал пластом, чтобы хоть немного выровнять центр тяжести и не дать тележке сойти с рельсов.

Коротышка следил, нет ли погони. Половину своей короткой жизни он был вором и привык всегда быть начеку, особенно когда наступала пора уходить с добычей.

Уилли продолжала лежать. Перед глазами ее мелькали верхние опоры перекрытия. Они все приближались: свод туннеля опускался. Она хотела сообщить о этом своим спутникам, как вдруг вагонетка устремилась куда-то вниз — как показалось девушке, совершенно отвесно. На самом деле это было довольно пологий спуск. Но набранная тележкой инерция была такова, что их троих отбросило назад и прижало к заднему борту. Желудок Уилли остался где-то за спиной, дыхание оборвалось.

Вскоре спуск окончился и тележка выровнялась. Индиана вернулся к своему тормозному рычагу, а Коротышка вновь занял наблюдательный пост сзади. Предчувствия его оправдались. Грянул выстрел — и паренек увидел вдалеке вывернувшую из-за поворота вагонетку преследователей.

Оказавшись на прямом участке стражники принялись палить из всех стволов. Пули ударялись о борт тележки, рикошетили от стен туннеля. Все трое пригнулись как

можно ниже После очередного поворота Инди прокричал, перекрывая грохот колес

— Коротышка! Иди сюда, держи тормоз!

— Слышу вас отлично, — откликнулся тот и перехватил их рук Джонса неистово вибрирующую рукоятку

— Полегче на поворотах! — снова крикнул Инди меняясь местами с Коротышкой — Не то мы слетим с рельсов!

— Вас понял, — радостно прокричал тот, напрягая все мышцы своих маленьких рук и улыбаясь во весь рот

После еще одного одуряющего спуска Уилли поняла что Коротышка вошел во вкус подобного время препровождения, и крикнула ему

— Надеюсь, с этим ты справляешься лучше, чем с машиной?

— Мы можем высадить вас прямо тут, если хотите!— ответил он с еще более дикой улыбкой

Уилли закрыла глаза и досчитала до десяти, чтобы успокоиться Этот китайчонок на глазах превращался во второго Индиану Джонса

Мола Рам велел оставшимся стражникам вооружиться кувалдами и повел их к водопаду Точнее, к гигантской открытой цистерне, в которую обрушивался водопад Она, словно исполинская кастрюля, стояла на опорах из бревен и камней

Первая из двух вагонеток с преследователями понемногу настигала беглецов Инди, Уилли и Коротышка сидели, скорчившись, на дне тележки Над головой у них свистели пули Время от времени Коротышка выныривал из укрытия, чтобы притормозить на повороте, а Инди — чтобы выстрелить Однако патронов в пистолете было всего шесть, и Джонс их расходовал экономно Ему удалось подстрелить одного противника, но место того тут же занял другой Остановить приближение вражеской вагонетки не удавалось

Повороты становились все круче, тормозной рычаг в руках Коротышки искрил о рельсы Потолок же опускался все ниже, так что вскоре Инди уже едва мог выглядывать поверх борта вагонетки Последний его выстрел попусту угодил в деревянную балку перекрытия

Один из преследователей высунулся, чтобы получше прицелиться — и поплатился. Потолочный балкой ему

разнесло голову и вышвырнуло из вагонетки. От этого она, похоже, только прибавила скорости.

Инди опустился на дно тележки, уперевшись коленями в ноги Уилли и гаркнул:

— Пригнулись! Они нас нагоняют.

Люди Молы Рама методично опускали кувалды на клинья, держащие опоры гигантской цистерны. Несколько тонн воды, давящие на конструкцию, удерживали ее на месте, однако Верховный жрец не беспокоился. Он знал, что с каждым ударом опоры миллиметр за миллиметром подаются и, в конце концов, не выдержат. Цистерна опрокинется, выплеснув все содержимое.

— Быстрее! — приказал он, и стук кувалд участился.

— Брось тормоз! — крикнул Инди Коротышке.

— Что? — не поверил своим ушам тот, ибо они и без того летели вперед, словно разогнавшийся поезд в кино.

— Отпусти рычаг! Это единственный шанс оторваться!

— А как же виражи? — уточнил паренек.

— Черт с ними, с виражами! — Он силой оторвал Коротышку от рычага.

На очередном повороте вагонетка на пару сантиметров отделилась от рельсов — и вновь с грохотом опустилась на них.

— Слишком быстро! — взвизгнула Уилли.

Преследователей бросало из стороны в сторону, так что на том же повороте их чуть не перевернуло. Вновь вираж. Тележка нашей троицы накренилась, описывая полукруг на двух колесах.

— На другой борт! — скомандовал Инди, и все трое, уцепившись, перекатились для противовеса на дальнюю сторону.

Вагонетка с преследователями оказалась тяжелее, набитая крупными мужчинами, да еще с оружием. И сошла с рельсов. Громилы выглядывали из нее, словно встревоженные птенцы из гнезда. Но долго тревожиться им не пришлось: с оглушительным грохотом вагонетка врезалась в стену туннеля.

А путешественники мчались прочь. При виде того, как преследователи во второй вагонетке под градом обломков поспешили избежать судьбы своих товарищей и затормозили, Индиана удовлетворенно ухмыльнулся:

— Один экипаж выбыл из борьбы. Остался последний соперник.

Охранники под командованием Молы Рама продолжали долбить кувалдами по опорам цистерны. Наконец, один камень в ее основании подался и, под влиянием сместившегося центра тяжести, откатился. Цистерна чуть накренилась, выплеснув часть воды через край, и застыла в новом положении.

Индиана нащупал на дне тележки шпалу, подтащил ее к заднему борту и, выждав, пока смолкнет очередной шквал огня, сбросил ее на рельсы под колеса преследователям. Те замели неизвестный предмет и в страхе закричали, однако их вагонетка без труда справилась с этим препятствием. Расщепленная шпала, точно сломанная спичка, отлетела в сторону. Стражники праздновали победу.

— Есть еще какие-нибудь идеи? — поинтересовалась Уилли у понурившегося Инди, ибо решила, что живой ей отсюда все равно не выбраться, и начала воспринимать все происходящее с отстраненным интересом и живо реагировать на новые повороты сюжета.

— Есть, — отозвался Джонс и, дождавшись развилки, направил вагонетку в боковой туннель.

Мгновение спустя преследователи тоже оказались у развилки и свернули в другую сторону.

— Интересно, куда это они, — проронил Коротышка, заподозрив неладное.

Подозрения его оправдались. Вагонетка с преследователями вдруг вынырнула совсем близко и понеслась бок о бок с ними по параллельной колее. Один из стражников в упор выстрелил по ним, но из-за тряски промахнулся. Инди ухватился за ствол его винтовки, вырвал ее у того из рук и нанес ему удар прикладом в челюсть. В это время другой громила дотянулся и схватил за руку Коротышку.

— Инди, помоги! — крикнул мальчик.

Джонс ухватил его за вторую руку, и они со стражником занялись перетягиванием живого каната. Уилли же, не переставая, колошматила недругов прикладом винтовки по головам. Инди оказался сильнее, и Коротышка, отпущенный стражником, покатился на дно вагонетки. В тот же миг еще один преследователь прыгнул и уцепился за борт их тележки, обхватив сзади Джонса.

Тот повернулся вокруг оси, так что повисшего на нем стражника провезло по нервностям каменной стены. Полуоглушенный, тот ослабил хватку. Этого Индиане оказалось достаточно, чтобы вывернуться и нанести противнику удар, от которого тот канул за борт.

Индиана поспешил на помощь Уилли, которая отбивалась прикладом от очередного нападающего. Однако, не успел он сделать и двух шагов, как неприятель, только что, казалось, сброшенный им с вагонетки, вновь вынырнул из-за борта и обрушил на затылок Джонса увесистый камень. Инди упал, как подкошенный. Но вместо него в бой вступила Уилли. Она неожиданно шагнула вперед и нанесла упорному противнику хороший удар с правой. Тот взмахнул руками и полетел навзничь на рельсы. Кое-чему за свое пребывание в Шанхае она все-таки научилась. Инди, пошатываясь, поднялся на ноги и виновато улыбнулся. Уилли подала ему слетевшую с него шляпу.

Охранники отстали метров на пять — и снова взялись за винтовки. Однако Инди успел заметить одну полезную деталь, и в голове у него мгновенно созрел новый план.

— Ложись! — крикнул он своим товарищам, размахнулся и ударил лопатой по рычагу на потолке, после чего и сам упал ничком на дно.

На обе вагонетки сверху хлынул поток камней, глины, гравия из отвала. Вагонетка стражников, ехавших чуть сзади, пострадала сильнее. Один из преследователей пал на месте. Вагонетка еще некоторое время двигалась, а затем, не справившись с образовавшимся завалом, сошла с рельсов и опрокинулась в туче пыли, тогда как тележка пропыленных и поцарапанных друзей, продолжала нестись вперед.

Впереди оказался туннель, потолок которого был обильно увешан сталактитами. Инди выглянул и едва успел пригнуться. Тележка прогрохотала сквозь туннель, срезая концы слишком длинных каменных наростов и почти не сбавив скорости.

Теперь настал черед Уилли выглянуть и в ужасе закрыть глаза. Метрах в десяти впереди рельсы обрывались. К счастью, горные пласты сместились таким образом, что путь продолжался после обрыва, но только полутора метрами ниже. Вагонетка взмыла в воздух на ско-

рости километров сто в час и, пролетев некоторое расстояние, с грохотом опустилась вновь на рельсы. Уилли безумно хихикнула. Путешествие продолжалось.

Кувалды поднимались и опускались. Еще две каменные опоры не выдержали и отвалились. Затем еще одна... Словно в замедленной съемке, гигантская кастрюля начала крениться все сильнее. Стражники всполошились и с криками поспешили прочь.

Мола Рам, все так же стоя в отдалении, на платформе, наблюдал за происходящим. С невероятным шумом, рвущимся словно из недр самой земли, цистерна скатилась с опор, потеряла равновесие и рухнула на бок. Миллионы литров воды хлынули мощной волной через подземелье в туннели.

Потолок в новом участке туннеля оказался достаточно высоким, рельсы больше не обрывались. Инди улыбнулся с тем беспечным выражение, которое одновременно восхищало и бесило Уилли, и произнес:

— Тормози, Коротышка, тормози.

Пареньку было немного жаль, что гонка кончилась, но он надеялся, что она была не последняя. Он привычным движением потянул тормозной рычаг. Но тот не сработал. Он потянул сильнее. Рычаг сорвался. Вагонетка продолжала лететь вперед.

— Что-то не так... — в страхе расширив глаза, пробормотал паренек.

— Ошибка в расчетах, — кивнула Уилли.

Впереди начинался длинный пологий спуск, за которым не было видно никакого подъема. Вагонетка покатилась, набирая скорость. Инди перегнулся через борт и посмотрел вниз. Оказывается, тормозное устройство оторвалось и теперь болталось без пользы на последнем креплении. Индиана распрямился, и все трое переглянулись, не говоря ни слова. Они уже достаточно пространствовали вместе, и каждый прекрасно понимал других.

«Хороший ты парень, Индиана Джонс. Ах, если бы нам встретиться в другой, более приятной обстановке...и» — пронеслось в голове Уилли.

«Надеюсь, вы поможете друг другу. Потому что я оказался для вас не слишком большой помощью», — подумал Инди.

«Если эта женщина последнее, что нашел Чао-пао перед тем, как покинуть эту жизнь, то, значит, она

настоящее сокровище. Пожалуй, я о ней позабочусь», — решил про себя Коротышка.

Уилли схватила Инди за одну руку, Коротышка за другую. Инди перешагнул через борт вагонетки, спиной вперед. Двое его спутников, упираясь изо всех сил, держали Джонса за руки и куртку. Оказавшись на одном уровне с колесами, Инди просунул ноги под дно тележки и попытался ботинком поставить на место тормозную колодку. Под ним неслись назад шпалы. На мгновение он чуть сорвался и проехал по ним ногами, рискуя угодить под колеса, но тут же подтянулся обратно. Наконец, одной ногой он отыскал хорошую опору, а другой нащупал колодку и всем весом надавил на нее. Колодка опустилась на бешено вращающееся колесо.

— Все равно слишком быстро! — прокричала Уилли, изо всех сил стараясь, чтобы Инди не выскользнул из ее вспотевших рук.

Она подняла голову и дико рассмеялась. Впереди рельсы вновь обрывались. На сей раз упираясь в глухую каменную стену.

— Мы разобьемся! — вырвалось у Коротышки, который ожидал вовсе не такого финала.

Инди оглянулся через плечо и убедился, что они правы. Вагонетка на предельной скорости мчалась на скалу, и первым страшный удар должен был их принять никто иной, как он сам. Он с удвоенной силой налег на тормозную колодку. Из-под колес полетели искры, подошве стало горячо. Однако он забыл про боль и отключился от мыслей о надвигающейся сзади скале. Сосредоточием всей его воли стала давящая на колодку нога.

Стена по-прежнему приближалась, но уже не так стремительно. Инди рычал, нажимая изо всех сил. Колодка задымилась. Скорость вагонетки заметно упала. Расстояние до стены сокращалось. Инди предпринял последний, стремительный натиск. Вагонетка, замедляя ход, прокатилась оставшиеся несколько метров и остановилась, лишь слегка ударив Джонса затылком о массивную каменную стену. Тот выкарабкался, встал, проковылял несколько шагов в сторону, стараясь не наступать на дымящуюся подметку и хрипло попросил:

— Воды!

Но ему никто не ответил. Уилли и Коротышка, как

в тумане, выбрались из вагонетки и стояли, пошатываясь и недоверчиво улыбаясь.

Туннель у скалы сворачивал куда-то влево, однако рельсы на этом обрывались. Все трое молча направились дальше, еще переваривая то, что с ними только что произошло.

Вскоре налетел порыв ветра. Ветер дул, не переставая, подталкивая их в спину и неся с собой какие-то странные звуки: рокот, который эхом отдавался от стен туннеля и, казалось, все приближался, настигал их. Стены задрожали. Нашим путешественникам стало как-то не по себе. Они обменялись встревоженными взглядами и прибавили шаг. Инди особенно беспокоил все не стихавший сильный ветер, какого на такой глубине не могло быть вообще. Грохот сзади все усиливался. Они оглянулись, но ничего не увидели.

— Инди, что это? — испуганно спросила Уилли.

Он не знал, но на всякий случай взял ее за руку — и все трое припустили рысцой вперед. Шум нарастал. С потолка посыпались мелкие обломки, земля под ногами вибрировала. Это больше всего походило на землетрясение. На ум Коротышке пришел жуткий фильм об извержении вулкана, который сейчас вспоминать отчего-то не хотелось. «Уж не рассердился ли на нас сам Повелитель грома?» — подумал он.

Они перешли на быстрый бег, еще не зная, почему. Грохот теперь вокруг стоял оглушительный. Уилли обернулась и застыла. Как парализованная, не веря своим глазам, в ужасе перед роковым видением. Далеко сзади в стену поперечного туннеля с ревом ударилась гигантская волна.

— О, Господи... — прошептала девушка.

Коротышка и Инди тоже остановились и обернулись, чтобы посмотреть, что она там увидела. Глазам их предстал ревущий поток, который уже несся прямо на них, грозя вскоре поглотить все вокруг. Еще миг они смотрели в оцепенении, затем Джонс снова схватил девушку за руку, и они помчались так, как никогда в жизни не бегали. Волна с каждой секундой настигала их. Пенный гребень нес с собой булыжники, бревна, трупы животных, сметенные в других туннелях. Подземное цунами должно было вот-вот накрыть их.

— За мной! — крикнул Инди, заметив впереди в стене дыру узкого бокового прохода.

Они втроем подбежали к отверстию. Первым нырнул туда Коротышка, затем Джонс помог забраться внутрь Уилли и, наконец, последовал за ними сам. В следующее мгновение снаружи, в главном туннеле, налетела гигантская волна.

Ход, в который они нырнули, круто уходил вниз. Они скользили по нему, увлекаемые хлынувшим из туннеля потоком, — пока не очутились в новом просторном туннеле.

— Здорово! Дайте я съеду еще раз... — радостно воскликнул Коротышка, возбужденный скольжением с горки.

Инди схватил его за воротник и дал понять, что сейчас не до развлечений. Они постояли некоторое время, переводя дух. Грохот беснующейся воды постепенно затихал, удалялся. Уилли показалось, что в конце этого нового туннеля забрезжил свет. Она собиралась поделиться своим открытием с друзьями, как вдруг сзади раздался уже знакомый грохот. Они оглянулись и увидели, что другой, еще более неистовый рукав того же самого потока, от которого они, только что спаслись, готов поглотить их.

С криком все трое разом припустили вперед в направлении брезжащего дневного света. Водяная стена неслась следом. Преследуемые ею, они выбежали наружу и... застыли на краю пропасти. Туннель выходил из отвесного склона горы на высоте ста метров над ущельем, на дне которого громоздились скалы и змеилась река.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Инди, опомнившись, толкнул Уилли и Коротышку на узкий выступ сбоку от горловины туннеля, а сам отпрыгнул на такой же выступ по другую сторону. Как раз вовремя, ибо в ту же секунду вода с бешеным напором хлынула из этой гигантской подземной трубы. Вниз полетели шпалы, сваи, бочки — словом, всевозможный крупный мусор. И среди прочего — даже вагонетка. Подобные же потоки выплеснулись разом из множества других отверстий в каменной стене, как из душа.

Коротышка и Уилли с трудом балансировали на своем выступе. Инди, прижавшись к скале, — на своем. Уилли взглянула вниз, и у нее закружилась голова, так что она

чуть не упала. Там, внизу, куда обрушивалась с грохотом вода, торчали скалы, а по ту сторону реки, на узкой отмели сновали крокодилы, потревоженные внезапным водяным извержением.

Инди тоже огляделся. Ущелье, над которым они висели, было метров сто в поперечнике. На противоположной стороне за обрывистым краем открывалась равнина, куда, насколько мог судить Джонс, и должен был лежать их дальнейший путь. И тут на глаза ему попался мост. Веревочный мост, перекинутый над пропастью. На их стороне он начинался метрах в семи дальше и выше того уступа, не стояли Уилли и Коротышка.

— Уилли, пробирайся к мосту! — крикнул он ей, стараясь перекричать шум воды и указывая в нужном направлении.

Та повернулась и стала смотреть совсем в другую сторону. К счастью, Коротышка с ориентировался лучше и начал пробираться дальше по уступу, вдоль каменной стены, бросив девушке на ходу:

— Иди за мной.

Та неохотно последовала за пареньком. Очутившись под мостом, они принялись карабкаться наверх. Лазание по горам — превосходное занятие для двенадцатилетних. Коротышка служил тому лучшим подтверждением. Он взбирался по почти отвесному склону, как горный козел, ощупью находя опоры и зацепки, которые, казалось, много веков подряд ожидали его появления. У его спутницы получалось не столь ловко. Но она была танцовщица, к тому же речь шла о ее жизни. Ей вообще, вероятно, не удалось бы выжить и добиться чего бы то ни было, не будь она достаточно легка на ногу. Так что Уилли не слишком отставала от своего проводника.

Положение Индианы было несколько сложнее. Ему предстояло пробраться над выходом из туннеля и миновать на ходу несколько меньших отверстий, из которых тоже хлестала вода. Стена почти на всем протяжении этого пути была мокрой и скользкой. К тому же нога его после поединка с тормозной колодкой одеревенела. Он медленно, бочком, цепляясь за редкую растительность, начал пробираться прочь от выхода из туннеля.

Уилли и Коротышка уже успели взобраться на площадку, где крепился мост. За спиной у них оставалось темное отверстие еще одного уходившего в глубь горы

туннеля. Перед ними — шаткое сооружение, казавшееся скорее издевкой, чем настоящей дорогой к спасению.

Мосту этому было не меньше сотни лет. Он походил на остатки паутины, некогда связывавшей два края пропасти. Впечатления надежности мост не производил. На двух толстых канатах покоились источенные временем и насекомыми деревянные дощечки. Многое из них от ветхости провалились, и в этих местах теперь зияли дыры. Нижние канаты были связаны поперечными вертикальными веревками с двумя верхними, которые образовывали подобие перил.

Уилли не могла заставить себя ступить на это чудо инженерной техники. Коротышка же, натренированный за время многочисленных погонь по шанхайским крышам — не говоря уже о случае с бельевой веревкой — воспринял это испытание гораздо спокойнее. Он осторожно попробовал крайнюю доску ногой. Та выдержала. Тогда он ступил на мост обеими ногами и с улыбкой обернулся к Уилли:

— Проще простого. Детские игры!

И тут доска под ним обломилась. Точнее, рассыпалась в прах. Не будь Уилли начеку — не миновать бы Коротышке смертельного полета на дно ущелья. Однако она, ожидавшая подобного подвоха, успела схватить паренька за шиворот и втащить обратно.

Тот заметно побледнел и уже не петушился. Делать было нечего: единственный возможный путь для них лежал через этот мост. Выждав, Коротышка вновь ступил на липкие доски. На сей раз дело пошло. Уилли, поколебавшись, двинулась следом. Она внушала себе, что выступает перед знаменитым продюсером и не имеет права допустить хотя бы одно неверное движение, ибо второй попытки ей не представится.

Осторожно, шаг за шагом, продвигались они по мосту, перешагивая через отсутствующие или явно прогнившие перекладины и крепко цепляясь за поручни, так как мост ходил ходуном, раскачиваемый ветром и их собственными движениями. Коротышка про себя молил Повелительницу ветра Фенг-по, чтобы та летела порезвиться где-нибудь в другом месте. Для Уилли это была самая бесконечная, медленная и полная переживаний пешая прогулка в ее жизни.

У них за спиной Индиана, наконец, тоже взобрался

на площадку, где начинался мост. Он остановился, переводя дух. Уилли и Коротышка, одолевшие уже полпути, так раскачивали мост, что Джонс решил подождать, пока они переберутся на ту сторону, чтобы не усугублять качку своим весом.

Вдруг сзади, из туннеля, послышались шаги. Инди спрятался сбоку от выхода, держа наготове бич. Секунду спустя на площадку выскочили двое стражников. Раздался свист бича, и первый стражник повалился наземь, пытаясь освободиться, а второй споткнулся о товарища и тоже упал. Джонс подскочил к первому из них и успокоил ударом ноги по голове. Тем временем второй успел подняться и замахнулся мечом. Инди пригнулся и нанес нападающему удар в живот. Покуда тот приходил в себя, он успел завладеть саблей первого стражника, затем уклонился от повторного удара оставшегося противника и отскочил в сторону.

Теперь двое мужчин оказались, одинаково вооруженные, лицом к лицу. Но Инди вдруг осознал, что не представляет, как пользоваться попавшим в его руки оружием. Он вертел кривое лезвие без явно выраженной рукояти и так и эдак, когда его противник издал яростный боевой клич. Решив, что вся хитрость состоит именно в этом, Инди ответил не менее громким нечленораздельным восклицанием и поднял над головой саблю, чтобы парировать очередной выпад стражника. Поединок начался. От ударяющихся друг от друга лезвий летели искры. Стражник нападал, рубил, колол. Инди больше защищался, колотя порою противника своей саблей, как палкой, и пуская в ход кулаки. В какой-то момент ему удалось войти в ближний бой, он обхватил врага, и они покатились по каменной площадке, пока не уперлись в одинокий куст над краем пропасти. Тут Индиана нанес противнику решающий удар кулаком по зубам — и поединок оказался выигранным.

Джонс встал и, не выпуская сабли из рук, бросился к мосту. Коротышка и Уилли уже приближались к противоположному краю ущелья. Инди поспешно ступил на хрупкое сооружение и быстро пошел вперед. Хлипкие доски под его ногой то и дело трескались, и ему приходилось виснуть на поручнях. Не мудрено, что взгляд его был прикован к тому, что творится у него под ногами. Дойдя до середины, он вдруг услышал впереди какие-то

крики и поднял голову. Глазам его предстали несколько стражников, которые откуда ни возьмись появились на противоположной стороне пропасти и схватили переправившихся через мост девушку и паренька. Джонс застыл, не зная, что теперь делать, но очнулся от крика Уилли:

— Инди! Осторожно! Сзади!

Он обернулся и увидал другую группу стражников, выскочившую из туннеля у него за спиной. Снова взглянув вперед, он обнаружил, что двое неприятелей отделились от остальных, ступили на мост и двигаются в его сторону. Преследователи сзади последовали их примеру. Индиана беспомощно раскачивался на веревочном мосту. С двух сторон к нему приближались враги, внизу лежало ущелье, изобилующее острыми скалами и крокодилами, а над головой простиралось безоблачное небо. Однако Индиана Джонс не привык сдаваться.

Налетел, подобно предвестью, порыв ветра — и вслед за этим на противоположной стороне пропасти появился Мола Рам в одеянии жреца. Стоя рядом со схваченными Коротышкой и Уилли, он улыбался как игрок, у которого на руках все козыри.

— Отпусти моих друзей! — крикнул ему Инди, раскачиваясь на мосту под порывами ветра.

Вместо ответа Мола Рам выкрикнул что-то на хинди — и стражники с двух сторон начали подбираться к Джонсу.

— Назад! — скомандовал Инди.

— Вам не пристало приказывать, находясь в таком положении, доктор Джонс, — заметил Верховный жрец.

— Если вы дорожите этими камнями, — мотнул Инди головой в сторону своей заплечной сумки, — то отзовите своих людей. Не то я сброшу камни вниз.

— Бросайте, доктор Джонс! Мы их легко отыщем. А вот вам придется распрощаться с жизнью! — отозвался Мола Рам и снова отдал приказание стражникам.

Те стали подступать еще ближе. «Почему у меня никогда ничего не бывает хорошо и просто?» — с тоской подумал Джонс и с размаха полоснул саблей, которую по-прежнему сжимал в руке, по одному из канатов, держащих мост. Веревочное сооружение заходило ходуном. Наполовину перерубленный канат затрещал и начал распускаться. Стражники замерли в испуге.

— Впечатляюще, доктор Джонс. Но сомневаюсь, что-

бы вы захотели покончить жизнь самоубийством, — откликнулся на этот поступок Мола Рам и вновь подхлестнул приказом своих людей.

Те неохотно стали продвигаться дальше, в сторону Инди. Джонс повернулся и полоснул саблей по другому опорному канату, который, так же как и первый, начал медленно распускаться. Мост чуть просел. Стражники опять замерли, раскачиваясь вместе с Инди под порывами ветра. Улыбка исчезла с лица Верховного жреца. Он подтолкнул Коротышку с Уилли к мосту и следом за ними сам ступил на ненадежное сооружение, приставив к спине девушки кинжал.

— Ваши друзья погибнут вместе с вами! — крикнул он Индиане.

Индиана взглянул на стражников, окруживших его с обеих сторон. Затем на Коротышку, Уилли и Верховного жреца, стоящих на мосту метрах в трех от края. Опустил глаза вниз, поднял к небу. И, наконец, прокричал тоном, не оставляющим никаких сомнений:

— Тогда, похоже, нам всем предстоит веселый полет!

Коротышка встретился глазами с Джонсом и среди прочего прочитал во взгляде своего старшего друга ясное предупреждение: это не шутка. Уилли тоже поняла это и печально попрощалась глазами с Инди. Затем перевела взгляд на Коротышку и с изумлением заметила, что тот потихоньку обмотал вокруг ног одну из вертикальных веревок, соединяющих верхние и нижние канаты моста. Не теряя времени, она сделала то же самое, для верности обернув веревкой еще и руку, и с тревогой стала ожидать, что будет дальше.

— Верни камни! — взревел Верховный жрец.

— Мола Рам, — отозвался Индиана, — готовься к встрече с Кали в преисподней!

С этими словами он взмахнул саблей, та просвистела в воздухе и разом рассекла верхний и нижний канат с одной стороны моста. Двое стражников с криком полетели вниз, навстречу смерти. Остальные бросились назад, но не успели сделать и нескольких шагов, как Инди снова взмахнул кривым клинком и вспорол оба каната и с другой стороны. Две рассеченные половинки моста на какое-то неуловимое мгновение зависли в воздухе и распались.

Стражники, застигнутые врасплох, с воем полетели

вслед за первыми двумя сорвавшимися. Лишь немногим удалось повиснуть, ухватившись за остатки моста. На той половине, где висел Индиана, теперь находилось шесть человек: Мола Рам, качающийся метрах в трех от края ущелья, затем стражник, ниже Уилли и Коротышка, потом еще один стражник и, наконец, сам Инди.

Уилли и Коротышка висели неподвижно, чувствуя себя в относительной безопасности благодаря заранее принятым мерам предосторожности. Мола Рам, дождавшись, когда то, что осталось от моста, замрет, полез вверх. Он почти уже добрался до края пропасти, как вдруг одна доска у него под рукой обломилась — и он полетел вниз. Однако не сорвался, а уцепился за веревки несколькими метрами ниже Уилли и Коротышки. Стражнику, сбитому им с пути, повезло меньше: бедняга с воплем канул в бездну.

Некоторое время никто не шевелился. Затем решил попытать счастья Инди. Он миновал висящего над ним стражника, который счел за благо не разжимать рук и зажмуренных век, добрался до жреца, схватил его за ногу и дернул, пытаясь скинуть. Тот в ответ пнул его другой ногой в лицо и тоже начал взбираться. Инди нагнал противника и вновь схватил за ногу. На сей раз рывок оказался настолько силен, что Мола Рам скользнул вниз, увлекая за собой и Джонса. Пролетев мимо оцепеневшего стражника, они вдвоем уцепились на одной и той же высоте и схватились не на жизнь, а на смерть.

Инди ударил врага головой. Тот ответил коленом в живот и локтем в горло. Инди вцепился в веревки, чтобы не упасть от боли.

— Инди! Защищай сердце! — раздался сверху крик Уилли.

Джонс, похолодев, ощутил, как рука жреца коснулась его груди. Он схватил эту страшную руку за запястье и попытался отвести в сторону, но безуспешно. Пальцы колдуна начали медленно погружаться сквозь кожу в его грудную клетку. Индиана почувствовал холод и тошноту. Чувство было не болезненное, а скорее жуткое, подавляющее волю к сопротивлению. На лбу у него выступила испарина, перед глазами поплыли радужные пятна. Все тело Джонса охватила такая слабость, что он чуть не сорвался вниз, но чувство самосохранения оказалось

сильнее. Он собрался с силами, пядь за пядью извлек и отстранил от себя руку жреца, под конец стукнув того его же собственной ладонью по лицу.

Разъяренный Мола Рам снова пополз вверх, пока его соперник приходил в себя. Добравшись до безвольно висящего с закрытыми глазами стражника, жрец схватил того за горло, оторвал от веревок и сбросил вниз, на Джонса.

— Берегись, Инди! — успела вовремя крикнуть Уилли.

Джонс крепко ухватился и устоял под чувствительным ударом. Несчастный стражник, срикошетив от него, полетел вниз.

С противоположной стороны ущелья донесся какой-то шум. Бросив взгляд туда, Инди увидел, что на площадку над пропастью выскочили из туннеля еще несколько стражников.

— Убейте их! Стреляйте! — прогремел голос Молы Рама.

Стражники заняли позицию, взяв наизготовку свои луки. Инди подтянулся и ухватился за край одеяния Молы Рама. Посыпался град стрел. Одна из них пробила доску, за которую он держался, царапнув Джонсу руку. Он выпустил одежду Верховного жреца. Тот тут же воспользовался этим, чтобы подняться еще на несколько деревянных ступенек. Однако Коротышка поджидал его, и как только Мола Рам ухватился за доску, на которую он опирался, наступил ему на пальцы.

Жрец выпустил опору и соскользнул вниз — прямо на Инди, который тоже сорвался. Они вместе пролетели несколько метров и уцепились за нижние доски лишь в самый последний момент. Инди теперь висел на одних руках. Мола Рам не стал продолжать схватку. Возраст и непривычность подобных акробатических упражнений сделали свое дело: он утомился и думал уже лишь о том, как бы выбраться наверх. Оттолкнувшись от Джонса, Верховный жрец возобновил свое восхождение.

Но Коротышка уже опередил его. Паренек успел одолеть расстояние, отделявшее его от края площадки, выбрался на нее, нагнулся и подал руку лезущей следом Уилли. С его помощью девушка тоже выбралась наверх. Некоторое время они лежали, тяжело дыша, прижавшись к земле. Вокруг них свистели стрелы. К счастью,

все стражники, находившиеся по эту сторону ущелья, попадали в пропасть. Так что кроме стрел, долетающих с противоположной стороны, беспокоиться им пока было не о чем.

Спасаясь от обстрела, Индиана поспешно принялся карабкаться наверх, но задетую стрелой руку свело. Он просунул локоть, так что планка оказалась у него под мышкой, и повис без движения. Ощущение идущего ко дну вновь охватило его. Он бросил взгляд на лучников, продолжающих осыпать его стрелами, затем вниз. В этот самый момент нижняя доска выскользнула из распустившихся канатов и, крутясь словно пропеллер, полетела вниз — пока, значительное время спустя, не упала на дно ущелья. Инди решительно устремился дальше, наверх.

Мола Рам вслед за Коротышкой и Уилли добрался до края площадки и ухватился за него, чтобы подтянуться. В ту же секунду Уилли первым попавшимся ей под руку увесистым камнем саданула ему по пальцам. Верховный жрец взвыл, разжал руки и в очередной раз соскользнул вниз. И вновь падение его было предотвращено висящим внизу Джонсом. Два противника опять сцепились над бездной.

Коротышка и Уилли, свесившись с уступа, наблюдали за этим поединком, не в силах помочь своему другу. Справа послышался шум. Коротышка вскочил и обернулся в ту сторону, готовый к бою, но вдруг радостно воскликнул:

— Уилли, смотри!

Она бросила взгляд в том направлении, куда он ей указывал, и увидела всадников, скачущих в их сторону. Это вернулись английские кавалеристы.

— Слава богу... Как вовремя! — выдохнула она.

Подскакавшие англичане во главе с капитаном Бламберттом быстро спешились. Заняв укрытия, недосягаемые для стрел индийских стражников, солдаты открыли ответный огонь из ружей.

Уилли и Коротышка вновь поползли к краю, чтобы посмотреть, нельзя ли чем-нибудь помочь Инди. Тот по-прежнему вел борьбу с Верховным жрецом. Оба, казалось, совершенно позабыли о свищущих вокруг стрелах и разверстой внизу пропасти. Все их помыслы устремлены были на то, чтобы уничтожить друг друга.

Джонс молотил противника — тот отбивался. Во время очередного удара сумка соскочила у археолога с плеча. Он успел ухватить ее за ремень, в то время как сама сумка оказалась в руке Молы Рама.

— Эти камни мои! — прохрипел тот.

— Ты продал Шиву! — яростно бросил ему в лицо Инди и принялся вновь и вновь произносить на хинди священную заповедь Санкары. — Шиве ке вишвас кате хо! Вишвас кате хо! Вишвас кате хо!..

И тут произошла удивительная вещь. По мере тог как Инди повторял эти магические слова, камни все ярче светились сквозь его сумку. Свет этот был почти нестерпимо ярким. Наконец, они прожгли сумку насквозь и начали падать. Мола Рам в отчаянии попытался схватить один из них, но тот оказался раскаленным добела, и жрец выпустил его из обожженной руки. Камень вновь начал падать, но теперь Индиана подставил свою руку и не обжегся. Для него камень оставался прохладным.

Взгляды этих двоих, висящих над бездной, встретились. Во взгляде жреца появилось нечто такое, точно он только очнулся от долгого кошмара. Инди сам испытал на себе этот кошмар, и, хотя тот оказался для него не столь затяжным, жуткие образы навеки запечатлелись в его памяти. Поэтому теперь он даже сочувствовал Раму, который очутился на границе двух миров, без перспективы, один на один с ужасным грузом воспоминаний о собственных злодеяниях.

Верховный жрец покачнулся, цепляясь за веревки одной рукой, а вторую, обожженную, держал на отлете. Доска под его ногами обломилась, ослабевшая рука сорвалась, и Мола Рам в своем жреческом одеянии, точно гигантский воздушный змей, начал планировать вниз, все быстрее, пока не рухнул на торчащие на дне ущелья скалы. Затем тело его, уже безжизненное, соскользнуло в воду, где его тут же растерзали крокодилы.

Два из трех священных камней, находившихся в сумке Индианы, также упали в реку, и течение понесло их куда-то прочь. Третий, теперь потухший, Джонс по-прежнему сжимал в руке, затем спрятал его в карман и начал карабкаться наверх, где его давно ожидали Уилли, Коротышка и Бламбертт.

Из туннеля на противоположной стороне пропасти появился еще один отряд англичан, под предводительством махараджи. Стражникам не оставалось ничего иного, как сдаться. При виде Коротышки, стоящего в окружении Индианы и Уилли, принц поклонился своему спасителю, избавившему его от беспробудного кошмара души. Китайчонок махнул в ответ своей бейсбольной кепкой, благодаря, в свою очередь, за подоспевшую вовремя подмогу. Похоже, они моги бы играть с этим принцем в одной команде.

— Надеюсь, Мола Рам нашел то, что искал... — задумчиво проговорила Уилли, стоя на краю пропасти и глядя вниз.

— Не совсем, — возразил Инди и вынул из кармана последний священный камень Санкары. — Этот остался у меня.

Девушка осторожно взяла драгоценность из рук Джонса, подняла и взглянула сквозь него на солнце. Камень заискрился и засиял изнутри,

изнутри, точно таинственное существо со светящимся сердцем. На миг все они прикоснулись к этой тайне.

Несколько дней они провели во дворце, восстанавливая силы. Английские солдаты прочесали окрестности, подобрали множество прятавшихся тары бывших маленьких невольников и позаботились об их питании и лечении. Когда дети немного поправились и окрепли, Бламбертт выделил небольшой эскорт, который вместе с Индианой, Уилли и Коротышкой должен был доставить их домой.

Коротышка чувствовал себя настоящим царем детей. Он подолгу беседовал с ними — по-отечески, заботливо, назидательно. Учил их никогда не красть чужого (как когда-то Мола Рам украл их у родителей). Хранить близко к сердцу звезды Счастья, Достоинства и Долголетия. Играть в бейсбол, используя вместо бит палки, а вместо мяча — тропические плоды. Отличать мумию от Дракулы. А также играть в орлянку. А еще сохранять крутой вид, оставаясь при этом в душе милыми ребятами. Что касается умения затмевать человеческий разум, то за этой наукой он отсылал их к Уилли. Наконец, он учил их именам самых главных божеств, которые обязательно услышат их молитвы. Хотя сам он к этому времени надавал столько обетов разным богам, что всерьез сомневался, согласятся ли те еще когда-нибудь слушать его в будущем... Впрочем, один из них все-таки внял его

молитвам. Это был Инди. Он берет его с собой в Америку!

Уилли еще не пришла в себя от пережитого. За всю жизнь ей не приходилось переживать ничего подобного, и теперь, когда все кончалась, она все еще не могла в это поверить. Ей хотелось то и дело прикасаться к деревьям, к Коротышке, к Инди, чтобы убедиться, что все это не сон. Она еще не вполне верила в реальность происходящего.

Инди был немного опечален потерей двух священных камней. Ведь они уже попали к нему в руки! Однако хотя бы один покуда оставался в его распоряжении. К тому же, сделать главное — освободить детей — ему удалось. И зловещему культу Удушения, похоже, действительно пришел конец.

Два дня спустя первую группу детишек доставили в Майапор. Индиана и его спутники снова шагали по пыльной улице через поселок, в сопровождении вернувшихся детей, и изумлялись произошедшей вокруг перемене. Местность, некогда представшая им

неузнаваемо преобразилась. Над чистыми полноводными ручьями зеленели деревья и холмы, распускались цветы. Крестьяне вспахивали поля. В самой деревне вовсю шло строительство. Селяне с небывалым энтузиазмом принялись улучшать и украшать свой быт.

При виде вернувшихся детей вся деревня наполнилась радостными криками. Селяне бросали свои дела и бросались встречать сыновей и дочерей, истосковавшихся по родному дому. Слезы, смех, приветствия, первые сбивчивые рассказы...

Старый шаман приблизился к Индиане, дотронулся ладонью до лба и поклонился. Путешественники также поприветствовали его в ответ.

— Мы знали, что вы возвращаетесь с победой, — растроганно произнес шаман, обводя рукой вокруг. — Потому что жизнь вернулась в нашу деревню.

— Мне никогда не приходилось видеть подобного чуда, — поддержала его Уилли, убедившаяся воочию, что чудеса не только *могут* случаться, но и действительно порой *случаются*.

— Теперь вы убедились в магической силе камня, который принесли с собой, — улыбнулся шаман.

— Да, я убедился, — ответил Инди, вынимая из

кармана камень, завернутый в обрывок древнего холста с письменами.

Шаман почтительно принял у Инди камень, вновь поклонился им и направился в сопровождении других старейшин к святилищу. Инди, Уилли и Коротышка остались наблюдать за всем издали. Шаман подошел к каменной глыбе с вырубленным в ней небольшим алтарем, установил святыню в предназначенной для нее нише и произнес слова молитвы.

Коротышка куда-то исчез. Уилли, оставшись наедине с Джонсом, проговорила:

— Ты мог бы оставить камень у себя.

— Зачем? — пожал плечами он. — Его бы выставили в музее, пылиться среди других камней...

— Он принес бы тебе желанное богатство и славу.

— Путь до Дели неблизкий, — усмехнулся он. — Кто знает, что еще может произойти...

— Нет уж, спасибо, — взглянула она на него, как на сумасшедшего. — Лично с меня приключений довольно.

— Детка, неужели после всех наших совместных развлечений...

Конец фразы Уилли уже не расслышала. Внутри у нее, заполняя грудь и голову, разрасталось листовое облако гнева. Он что, рехнулся?! Они уцелели по чистой случайности. Неужели ему этого мало?! Уилли заговорила с возмущением:

— Если ты думаешь, что после всего, что ты мне устроил, я отправлюсь с тобой в Дели или еще куда бы то ни было, то ты ошибаешься, черт бы тебя побрал! Я возвращаюсь домой, в Миссури, где никто не станет кормить меня змеей, чтобы потом живьем вырвать сердце и опустить в огненную яму! Мое место там! Хватит с меня похождений! Не желаю... — она осеклась, развернулась, подошла к первому попавшемуся селянину и обратилась к нему: — Извините, мне нужен проводник, чтобы добраться до Дели. Я уже чудесно научилась ездить на слонах...

Вокруг талии Уилли мягко обвился бич, и она оказалась в объятиях Инди. Посопротивлявшись для приличия, девушка решила, что с судьбой спорить бесполезно: все было предопределено с того самого момента, когда Джонс вошел в ночной клуб и глаза их встретились. Она

обняла его, и они слились в поцелуе — нежном, ласковом, радостном, теплом, словно летний дождь.

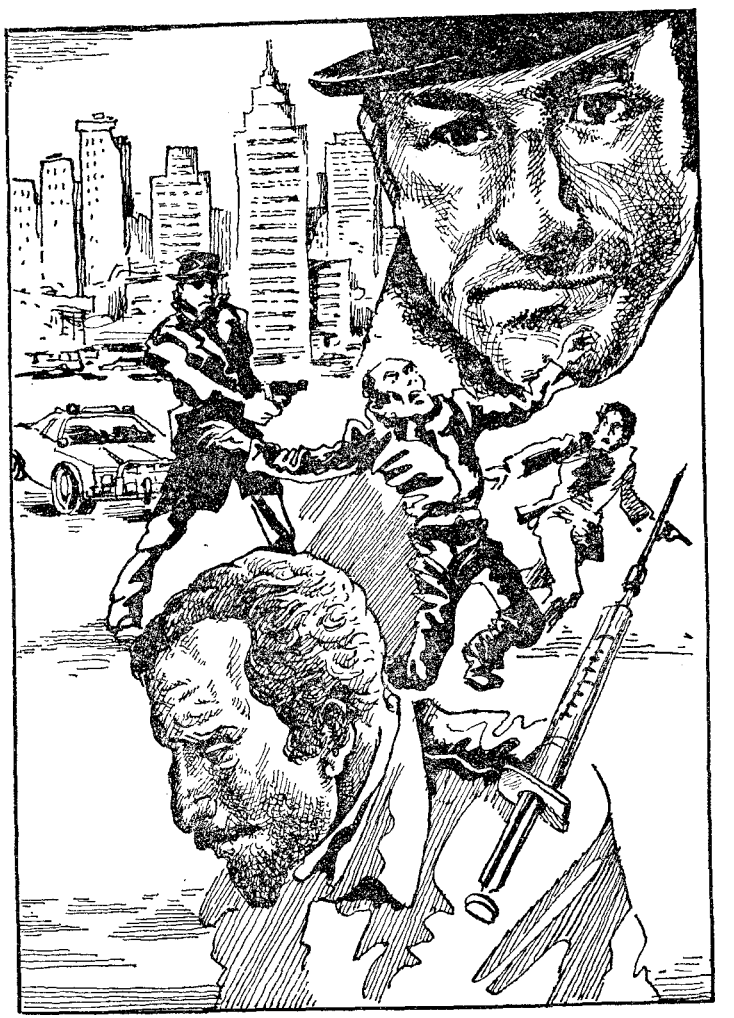
Тут и вправду хлынул дождь. Точнее, что-то вроде короткого теплого душа. Они оторвались друг от друга и оглянулись. Их взглядам предстал Коротышка на слоненке, который готовился обдать их новой струей из хобота. Паренек радостно хохотал. Инди и Уилли тоже от души рассмеялись. Слоненок трубил, весело мотая головой.

— Очень смешно, — выдавил сквозь смех Коротышка. — Отличная шутка!

В конце концов они все-таки доехали до Америки. Но это уже совсем другая история.

РОБИН МУР

ФРАНЦУЗСКИЙ СВЯЗНОЙ

Robin Moor

«THE FRENCH CONNECTION»

Перевод с английского И. Полоцка

Робин Мур

«ФРАНЦУЗСКИЙ СВЯЗНОЙ»

ВСТУПЛЕНИЕ

Нижеследующее повествование представляет собой отчет о деле, которое можно оценить как самое блистательное полицейское расследование в анналах правоохранительных органов Соединенных Штатов. Есть веские основания утверждать, что оно увенчалось выдающейся победой в бесконечной отчаянной борьбе против проникновения в страну самого страшного наркотика. Полученная информация и вытекающие из нее сведения в немалой мере привели к падению влияния мафии, которая контролировала весь рынок наркотиков в Соединенных Штатах.

Это не история болезни, не эмоциональное изложение страданий наркоманов, о которых уже столько написано, хотя еще больше необходимо поведать. Нет тут и сетований по поводу достойной сожаления молодежи, которая приводит в ужас своих родителей, озабоченных судьбой Америки. Вашему вниманию представляется редкостный по своей полноте отчет о зловещей сети тех интриг, которые плетутся в том безжалостном мире, использующим слабости несчастных наркоманов, старых и молодых. Если хоть одного из родителей просветит эта история, если хоть одного молодого человека она спасет от отчаяния и гибели, тогда полностью окупятся долгие, одинокие, а порой и смертельно опасные вахты многих офицеров полиции.

Подробная информация, которая сделала возможной появление этой книги, поступала из многих источников, всем из которых приношу свою искреннюю благодарность — неутомимому Бюро по борьбе с распространением наркотиков, нью-йоркской полиции и ее бывшему командиру заместителю шеф-инспектора Айре Блату и особенно элитному составу Бюро в лице Специального Расследовательского Отдела (СРО), который с неустанным терпением помогал деталями и подробностями, способствовавшими точности изложения. Неоценима помощь и Федерального Бюро по борьбе с распространением наркотиков, в распоряжении которого находится более пяти тысяч футов записей сообщений и радиоперехватов.

Тот факт, что один из подозреваемых по данному делу вел подробный дневник, в немалой мере оказал помощь автору, снабдив его деталями, которые не нашли отражения в полицейских донесениях и разговорах. Офис окружного прокурора округа Кинг (Бруклин) из Нью-Йорка и особенно помощник окружного прокурора Френк Бауман тоже оказали существенную помощь, ознакомив автора примерно с тысячью двумястами страницами судебных показаний.

Но неизменно двумя самыми ценными и значительными источниками информации по данному делу были два выдающихся детектива из Нью-Йорка, которые, ошибаясь и снова выходя на правильный путь, довели это необычное дело до успешного завершения: детектив первого класса Эдвард Иган и Сальваторе Гроссо. До сведения нью-йоркской полиции дошли слухи, что даже сегодня международные круги поставщиков наркотиков не в силах поверить, что в их среде не было «подсадной утки», с помощью которой им был нанесен столь сокрушительный удар, взорвавший всю их систему конспирации. Истина же заключается в том, что нью-йоркская полиция своими силами, при содействии федеральных агентов, не прибегая к помощи из преступной среды, довела это дело до успешного завершения.

Заканчивая вступление, я хотел бы особо упомянуть моего друга и помощника в создании книги, Эдварда Кью. Эд имел личное отношение ко многим подробностям, нашедшим отражение в книге — от подробного изучения

места действия и участия в рейдах с полицией до работы над текстом и подготовки его к печати.

И мы оба испытываем гордость, что имеем возможность рассказать вам историю о Французском Связном.

Робин Мур,
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.
Июль 1969 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Поздним вечером 7 октября 1961 года, после двадцати семи часов, проведенных на службе, нью-йоркский детектив первого класса Эдвард Иган, тридцати одного года и его напарник, тогда еще детектив второго класса Сальваторе Гроссо, тридцати лет, решили, что пришло, наконец, время им расслабиться. Вопроса, куда двинуться, не существовало. В «Копакабане» выступал комик Джой И. Льюис и там же работала нынешняя подружка Игана, Кэрол Калвин, принимая одежду в гардеробе.

Эдди Иган был коренастым симпатичным рыжеволосым ирландцем, которого когда-то приятели-полицейские окрестили «Пуля», потому что свою форму он неизменно дополнял дополнительным поясом с обоймой. Но последняя кличка, которую он получил в Бюро наркотиков, была «Лупоглазый» — он любил таращиться вокруг, разглядывая красивых девушек, на которых оттачивал свое гэльское обаяние, пока они не розовели от смущения.

Иган, который вне службы производил впечатление раскованного весельчака, заметно отличался от своего сдержанного напарника и лучшего друга Сонни Гроссо, бледнокожего итало-американца с большими карими глазами. Сонни, не в пример оживленному Игану, постоянно был мрачен и сосредоточен, словно ему постоянно не давали покоя лишь темные стороны события, обступавшие его со всех сторон. Оба они были не менее шести футов роста, но Сонни был несколько более худ и с первого взгляда казался тощим и даже несколько беззащитным для полицейского. Но Сонни был обладателем черного пояса каратэ, и не один хулиган в трущобах убеждался, к чему приводит недооценка Сонни. Его прозвище в Бюро было «Облачко».

Предыдущим вечером они вдвоем завершили расследование по наркотикам в Гарлеме, которым занимались с 1959 года. Они арестовали трех толкачей, ради чего им пришлось всю ночь провести на ногах, опрашивая, снимая отпечатки пальцев и отправляя задержанных в каталажку, после чего еще писали бесконечные официальные рапорты, которые требовались по службе. В завершение им пришлось препроводить задержанных в старую городскую тюрьму, именуемую «Могила», в нижнем Манхэттене, а затем явиться на раннее заседание суда. Субботнее утро было в разгаре, когда они покончили со всеми делами, но они были слишком усталы и возбуждены, чтобы завалиться спать — вечная беда всех тайных агентов, которые долгие рабочие часы живут лишь на нервах, на предельном эмоциональном напряжении. Оба они были преданными поклонниками бейсбола, и поскольку сегодня «Янки» проводили третью игру в Мировой Серии против «Краснокожих из Цинциннати», мысль пойти спать не могла и придти им в головы. Они кружили по городу, слушая по рации в машине репортаж о ходе игры. Позже, когда после девятого вбрасывания и блестящего прохода Роджера Мариса стало ясно, что «Янки» близки к победе, они вдвоем почувствовали необходимость более основательно отметить победу, потому что радостные чувства преподняли их. Они посидели в паре баров в восточной части, которые рекомендовали Игану, и, в конце концов, усталые, но все так же неутомимые, махнули через весь город в «Копу».

Было без двадцати двенадцать субботнего вечера, когда Иган припарковал свой коричневый «Корвейр» 1961 года выпуска на 60-й Ист и они с Сонни спустились в ночной клуб — даже не догадываясь, что за его дверью начинается их одиссея интриг и тайн, которая целиком займет их дни и ночи в течение последующих четырех с половиной месяцев и не завершится окончательно даже через

полтора года. Оставалось двадцать минут до начала полуночного представления, и клуб был полон. Иган едва успел, улыбнувшись, поздороваться с Кэрол, которой почти не было видно из-за груды плащей, пальто и шляп. Она была красивой статной девушкой, которой не минуло еще двадцати лет, с короткой стрижкой светлых волос; для Игана она была точной копией Ким Новак. Он торопливо бросил ей, что увидятся попозже, и друзья вдвоем спустились в главный зал, где метрдотель сразу же узнал Игана и предоставил им небольшой столик на возвышении у задней стены клуба. Они заказали ржаное виски и портер для Эдди, итальянский вермут со льдом для Сонни и наконец, расслабившись, приготовились наблюдать развертывающуюся перед ними веселую ночную жизнь.

Когда появились напитки, Сонни коснулся локтя своего напарника и кивнул ему на шумную тесную компанию, расположившуюся несколько пониже их насеста. Это сборище из двенадцати человек вполне могло участвовать в съемках фильма из жизни гангстеров тридцатых годов: смуглые мужчины с прилизанными лоснящимися прическами в компании мясистых женщин с обилием макияжа. Личность в центре компании, к которой было приковано всеобщее внимание, как нельзя лучше походила на архитипичного голливудского рэкетира со своими черными вьющимися короткими волосами, грузным телосложением, с оспинами на лице, которое выглядело даже симпатичным, когда он скалился. Ему было примерно лет тридцать и он был затянут в черный блестящий пиджак с широкими накладными плечами, с алмазной заколкой в галстуке белого шелка, который почти не выделялся на фоне белой же рубашки с массивными французскими запонками. Рядом с ним расположилась эффектная юная блондинка с пышной прической. Чувствовалось, что этот человек был хозяином приема и отмечал в клубе какое-то торжество. Рассеянно наблюдая за этой публикой, Иган и Гроссо обратили внимание, что компания усиленно старалась завоевать внимание и уважение зала. Время от времени глава компании посылал официантов преподнести выпивку на другие столики в зале. В ходе очередного шумного взрыва благодарностей Сонни услышал, как кто-то из присутствующих назвал его Пэтси.

— Он пускает хлеб по водам, словно завтрашнего дня никогда не будет, — заметил Сонни

— Интересно, — прокомментировал Эдди. — Я заметил как минимум два подозрительных «контакта» за этим столиком. Да и ко всем остальным не мешало бы присмотреться.

— Я никогда раньше не встречал этого Пэтси. А ты?

— Нет. Чему я и удивляюсь — как он раньше не попался нам на глаза, — сухо сказал Эдди.

Во время представления, которое длилось часа полтора, Эдди и Сонни делили свое внимание между Джеем И. Льюисом и столиком, за которым сидела щедрая компания. Когда в зале зажегся свет и оркестр стал играть танцевальные мелодии, Пэтси и его сопровождение поднялись и двинулись наверх к выходу. Детективы переглянулись и, расплатившись, последовали за ними. Группа столпилась у стойки бара в холле «Копы», где грохот инструментов небольшой джаз-группы заглушал все разговоры. Пэтси заказал «на посошок» всем присутствующим.

Стоя неподалеку и прикидывая, что же им делать, Эдди и Сонни заметили, как Пэтси вытащил из кармана брюк толстую пачку банкнот, которой и расплатился за заказ у стойки. Сонни лишь присвистнул: «Ты только посмотри!»

Иган кивнул:

— А что ты скажешь, если мы подождем и сядем ему на хвост, так просто, смеху ради?

Сонни без большого энтузиазма пожал плечами, и, когда они выходили, Эдди смущенно подмигнул Кэрол и послал ей воздушный поцелуй. Минут двадцать пять они просидели в машине Игана на углу Мэдисон-авеню, пока около двух часов Пэтси и его броская блондинка не поднялись по ступенькам «Копакабаны». Швейцар в ливрее подогнал к выходу синий «Олдсмобил-компакт» последней модели, и пара двинулась к Пятой авеню. Неторопливо двинувшись за ними, Иган кинул:

— Держу пари, что они притащат нас на Мотт-стрит.

Проехав по Пятой авеню до Бродвея, Пэтси повернул в район многоквартирных домов Манхэттена. Нижний Ист-Сайд, который имел дурную репутацию, узкая Мотт-стрит, куда Пэтси в самом деле направлялся, составляла в длину всего одиннадцать кварталов и тянулась от Бликер-стрит на краю Гринич-Виллидж, в которую утыкалась северным концом, вниз мимо Бауэри до Чатхэм-сквер на юге. Но полиция давно считала, что

этот район — нечто вроде аорты, ведущей к сердцу всей преступной деятельности в Нью-Йорке. Хотя Мотт-стрит пролегала рядом с Чайна-тауном, большая часть ее примыкала к району Литтл Итали, где поколение за поколением взращивались «семьи» мафии.

Пэтси, тем не менее, не двинулся по Мотт-стрит В течение последующих двух часов он останавливался на Хастер-стрит, на Брум, Канал и Диленси. Держась на дистанции, Иган и Сонни наблюдали, как время от времени «Олдс» подруливал к обочине и Пэтси вылезал из машины. Из тени подъездов материализовывались какие-то фигуры, с которыми Пэтси вел краткие переговоры, после чего возвращался в машину и медленно двигался дальше. Блондинка неизменно оставалась в машине.

Было уже около пяти часов воскресного утра, когда синий «компакт» двинулся по Диленси-стрит к мосту Вильямсбург, что вел в Бруклин. Два детектива, державшиеся сзади в своем коричневом «Корвейре», не смыкали глаз уже тридцать два часа подряд.

Следуя за Пэтси, они миновали мост и оказались на Микер-авеню, под взнесенной скоростной трассой Бруклин—Квинс. Здесь Пэтси оставил машину, заперев ее. Пара прошла несколько шагов, пересев в потрепанный белый «Додж» 1947 года, и снова снялась с места. Удивленные детективы последовали за ними.

На этот раз преследование продолжалось лишь дюжину кварталов. Пэтси выехал на Гренд-стрит, потом повернул к западу на Бушвик-авеню, еще раз повернул направо на Майер-стрит, где на углу и остановился. Иган проехал по Майер-стрит, сделал пологий разворот, вернулся и остановился у Бушвик-авеню. На глазах его и Сонни изысканно одетая пара открыла темную неприметную закусочную под названием «Барбара» на углу. Пока девушка дожидалась снаружи, Пэтси зажег свет и прошел в маленькую комнатку на задах, где наполнил кофейник водой и поставил его на плиту. Только после этого он вернулся к наружным дверям и впустил блондинку. Детективы видели, как она стащила с вешалки серый передник и обвязалась им, а Пэтси, избавившись от смокинга, облачился в серую куртку. Выйдя наружу, Пэтси повернул за угол и, подойдя к «Доджу», вытащил из него груду газет, которые занес в магазинчик. Затем пара принялась за работу, делая вырезки их всех воскресных изданий.

Два опытных офицера полиции, притаившись на другой стороне улицы, с немым удивлением посмотрели друг на друга.

Примерно к семи часам Пэтси поднял глухие жалюзи на стеклянной входной двери, давая понять, что заведение открыто. Зашли несколько покупателей, в основном облаченных в белые халаты, явно медики. Только тут Иган и Гроссо поняли, что припарковались как раз напротив больницы св. Екатерины, которая стояла по диагонали на другом углу от закусочной, примостившейся на пересечении Бушвик-авеню и Майер-стрит. Тут был неприглядный район с домами, на которых сказывались все невзгоды времени, но по другую сторону Бушвик-стрит высилась стройка современных очертаний с уже возведенными несколькими этажами, в первом из которых должна была быть другая закусочная.

Понимая, что если они будут и днем сидеть тут в машине, то вызовут подозрения, Сонни зашел в больницу и убедил охранника открыть неиспользовавшийся рентгеновский кабинет на первом этаже, из окон которого открывался отличный вид на магазинчик Пэтси. К восьми часам Сонни и Эдди устроились с удобствами, наблюдая за посетителями заведения; время от времени они позволяли себе побаловаться кофе и датскими сосисками или выходили в туалет.

К Пэтси и блондинке в магазине присоединился невысокий коренастый темноволосый мужчина в потасканной куртке, который скорее всего был подсобником. Кроме того не произошло ничего, достойного внимания, и никто из троих не покидал торгового зала.

Борясь с подступающей усталостью, детективы продолжали наблюдение до двух часов дня, когда миновало сорок два часа их бдения. Наконец они увидели, как подозреваемые вышли из закусочной, одетые для уличной прогулки. У дверей Пэтси распрощался с коренастым парнем, который двинулся по другой стороне Бушвик-стрит, а пара завернула за угол, направляясь к своей машине. Иган и Гроссо кинулись к «Корвейру».

Они проследовали за старым «Доджем» на запад по Майер-стрит и по скоростной магистрали Бруклин—Квинс. Пэтси держал курс на юг, по скоростной трассе Бруклин—Квинс направляясь в южный Бруклин. Проделав примерно семь миль, он выскочил у 65-й стрит и через не-

сколько минут вписался в поток движения, миновав несколько кварталов до 67-й стрит Иган остановил свою машину на углу Двенадцатой авеню

Шестьдесят седьмая была тихая спокойная тенистая улица с двух- и трехэтажными частными особняками Минут через десять, окончательно убедившись, что Пэтси и блондинка вошли куда-то внутрь, они повернули на 67-ю и неторопливо проехали мимо «Доджа» Дом стоял справа от пары совершенно идентичных двухэтажных особнячков красного кирпича, в подвальной части которых помещалось по гаражу на две машины Общая лестница, подымавшаяся с мостовой, была разделена посередине металлическими перилами и вела на цементный портик, где располагались два отдельных входа Пока «Корвейр» проезжал мимо, Сонни успел на спичечной коробке записать номер дома: 67-я стрит, номер 1224.

Поскольку заметно стала сказываться усталость, они решили передохнуть, после чего продолжить расследование странной ситуации С каких это пор владельца занюханной закусочной на окраине и стойки с журналами покоролевски встречают в одном из самых знаменитых и дорогих ночных клубов Нью-Йорка?

ГЛАВА ВТОРАЯ

В роли детектива Сонни Гроссо отличался напором и бескомпромиссностью, но в личной жизни он мог позволить себе быть расслабленным и даже в какой-то мере равнодушным. К тридцати годам, он, в сущности, отличался такой же застенчивостью, как и будучи ребенком. Строгий и сдержанный, не в пример своему напарнику Эдди Игану, полноватый Сонни редко встречался с женщинами, и, по сути, у него никогда не было ни одного серьезного увлечения. Иган же был любителем вечеринок и девочек, и если порой рыжеволосому детективу и не везло в поисках хорошего времяпровождения, ему доставлял удовольствие сам процесс охоты. Гроссо, с другой стороны, уважал женщин и относился к ним достаточно серьезно, порой напоминая джентльмена прошлого века.

Сонни был единственным сыном в компании трех сестер. Когда его отец, водитель машины, скоропостижно скончался в возрасте тридцати семи лет, Сонни, старший, в пятнадцать лет, стал главой семьи. Он относился к сестрам с отцовской покровительностью.

Сонни вырос в Восточном Гарлеме, который запомнился ему запущенным, но теплым и безопасным районом, населенным итальянцами, где по соседству все знали друг друга, семьи были крепкими и счастливыми. Он помнил, как его мать, добрая неутомимая женщина, выскакивала

из дома, чтобы купить кварту молока в лавочке по соседству и приходила лишь через два часа, потому что по пути останавливалась, болтая с соседками. Для Сонни Гарлем навсегда остался дружелюбным сообществом с большими семьями. Классы в школе были переполнены, а на улицах в любое время дня всегда копошилась ребятня, то играя в салки, то делясь на футбольные команды. Когда Сонни был еще подростком, его семья перебралась через Манхэттен на западную сторону Гарлема, в ирландский анклав, именовавшийся «Уксусный холм», где они внезапно ощутили себя иммигрантами в иммигрантской среде. Несмотря на смуглый цвет кожи и подчеркнутые латинские черты лица, Сонни не потребовалось много времени, чтобы ассимилироваться среди бледнокожих, словоохотливых и подозрительных ирландцев: он был спокоен, серьезен, физически крепок, и на улице с ним никто не мог справиться. Прошло какое-то время, и он перестал тосковать о прошлом соседстве.

Когда примерно через десять лет он все же вернулся в Восточный Гарлем, район этот неузнаваемо изменился, как и сам Сонни. Он стал полицейским. Когда он кончал школу, началась корейская война, его призвали в армию, где он провел два года как радиооператор. После ранения в ногу, он был демобилизован в звании сержанта. Два года он водил почтовый фургон, главным образом, в районе Таймс-сквер, поскольку по-прежнему существовала необходимость оказывать поддержку овдовевшей матери и младшим сестрам. В 1954 году он вместе с несколькими друзьями держал вступительные экзамены в Полицейскую Академию, и среди 50 тысяч абитуриентов того года оказался в числе выдержавших испытание. После окончания Академии, Сонни получил первое назначение в 25-й участок в Восточном Гарлеме. Теперь там в с е было подругому: знакомые ему с детства места превратились из относительно приличной общины иммигрантов в запущенное гетто, населенное новым поколением враждующей молодежи, которая существовала, главным образом, за счет мускулов и наглости, а не за счет способностей. За несколько лет Восточный Гарлем детства Сонни Гроссо приобрел зловещую репутацию самого запущенного и деградировавшего среди всех грязных дыр Америки.

Самым серьезным правонарушением была растущая продажа и употребление наркотиков. Гроссо до этого не

сталкивался с тем действием, которое оказывает героин, и оно потрясло Сонни. Он ненавидел его, видя, во что он превращает негров и пуэрториканцев, в гуще которых теперь терялись немногочисленные итальянцы, еще живущие тут.

Здесь еще оставались те, кто помнил его мальчишкой, но скоро он заметил, что многие воспринимают его с незнакомым ему прежде недоверием и даже презрением. (Это тоже было не похоже на старые дни, когда отец, случалось, пускал в ход привычную поговорку о полиции: «Что, рассказывать им? Никогда. Но *ненавидеть* их? *Нет!*» Сонни не мог отвечать этим опустившимся людям такой же ненавистью; он ненавидел только их образ жизни. Корни их бед коренятся в наркотиках, но не они *причина* их бедственного положения. Наркотики или «джанк» были лишь симптомом глубоких пороков, разъедавших это городское сообщество. Но за четыре года работы патрульным в 25-м участке он уяснил достаточно, чтобы его ненависть переключилась с наркотиков на тех, кто распространяет их и бесчеловечно губя людей, получает прибыль.

В 1958 году Сонни получил предложение от полицейского Бюро по борьбе с распространением наркотиков. Когда он прошел подготовку, у него спросили: «Не заинтересован ли он в том, чтобы работать в штатском»,— он дал согласие. «Где, по его мнению, он может принести наибольшую пользу?». «В Восточном Гарлеме»,— ответил он. Таким образом Сонни получил назначение в 6-й детективный отдел, который включал в себя и 25-й участок, и снова вернулся в Восточный Гарлем.

До того, как ему минуло двадцать пять лет, Эдди Иган никогда не представлял себя в роли офицера полиции. Он хотел стать профессиональным бейсболистом. И был буквально в одном шаге от «Янки из Нью-Йорка».

Иган осваивал искусство игры нелегким образом, как и большинство городских мальчишек, на улицах (пробежки по мостовой, вбрасывание, стоя в луже у гидрантов и так далее) и, без устали перебрасываясь в дебрях Бруклина со своими приятелями мягким, сшитым из тряпок мячом, заслужил прозвище «Ракета». Друзьям Эдди не

бросалась в глаза, что он играл с яростной неудержимостью, соответствующей цвету его огненных волос.

И к тому времени, когда он в семнадцать лет кончал школу, профессиональные селекционеры обратили на него внимание. После двух лет службы в корпусе морской пехоты, где он, подрастая и набирая силы, играл в команде, ему предложили скромный контракт в «Вашингтонских сенаторах». В 1950-м году его сторговали «Янки», и, попав в его команду класса «В» в фарм-клубе в Норфолке, он достиг впечатляющего результата в 317 очков за сезон. Сверху к нему начали проявлять интерес.

«Янки» в то время стали вести широкий поиск многообещающих молодых игроков, готовясь к неизбежному уходу их суперзвезды Джоя Ди Маджио. Иган был в числе тех молодых, которые подавали надежды. Другим был коренастый «стоппер» из Оклахомы, 19-ти лет, который показывал в младшей лиге рекордные результаты в пробежках — Микки Мантл.

После сезона 1950 года Эдди Иган стал готовиться к следующей весне, когда, как он предполагал, должен был получить приглашение в бирмингтонский класс «А» «Янки». А уж оттуда — кто знает, как сложится его судьба? Но в октябре его мечты рухнули, когда его снова призвали в морскую пехоту. Тем не менее, на осмотре врачи выяснили, что в свое время он поломал руку в ходе тренировочных игр, и заколебались, стоит ли призывать его. Призыв был отложен, но ему дали понять, что в течение трех месяцев он может снова оказаться перед их глазами.

Чтобы убить время неопределенности и чем-то заняться, Эдди выдержал несложные испытания и стал патрульным в получастном полицейском формировании в одном из районов Нью-Йорка. Когда прошел январь 1951 года, а морская пехота не давала о себе знать, Эдди оказался перед выбором: оставить полицию и попытать удачу в тренировочном лагере «Янки» во Флориде или продолжать потеть на этой в общем-то неплохой работе, ожидая прибытия повестки из корпуса морской пехоты. Он все же решил остаться копом и понял, что сделал правильный вывод, когда убедился, что Микки Мантл, попавший весной в основной состав, весь сезон просидел на скамейке запасных.

Морская пехота держала его в подвешенном состоянии — хотя они так никогда больше и не призывали

его — и Иган прослужил в этом отделе полиции больше четырех лет. Наконец, в Корее был заключен мир, но, конечно же, он уже опоздал воплотить в жизнь свои мечты о карьере профессионального бейсболиста. Но его это больше не волновало. Ему нравилось быть копом, но беда была в том, что тут у него не было возможностей для продвижения по службе. Формирование было создано недавно, никто из старших офицеров не собирался уходить в отставку, и у честолюбивых патрульных не было шансов подниматься по служебной лестнице, так что в 1955 году, после того как его дважды безрезультатно представляли на сержанта, Эдди выдержал экзамены в городской полиции и стал 361-м из примерно 60 тысяч желающих — их было на десять тысяч больше, чем в предыдущий год, когда попал в полицию Гроссо. Эдди поставил перед собой заманчивую цель: в течение года стать детективом.

Лет с двенадцати Эдди уже отличался крайней независимостью. Он никогда не знал своего настоящего отца и никогда не был близок с отчимом, нью-йоркским пожарным. Его мать умерла вскоре после окончания им школы, и он жил с дедушкой и бабушкой. Он весьма рано усвоил науку, как самому принимать решения — что и продемонстрировал в первое же утро, когда стал рекрутом Полицейской Академии. Выскочив на раннюю пробежку во Флашинг Мидоу-парк, что в Квинсе, он задержал трех прятавшихся в кустах девчонок, которые, как выяснилось, удрали из тюрьмы и совершили не меньше тринадцати грабежей.

Чтобы поощрить достойный пример в глазах других новобранцев, комиссар полиции наградил Эдди уик-эндом. Обрадованный, Эдди решил регулярно получать такие награды. Каждый день прибегая из Академии домой к четырем дня, он спешно переодевался и к шести вечера был снова в Манхэттене — то на Таймс-сквер, где слонялась масса извращенцев и правонарушителей, то у автобусного вокзала, хорошо знакомого ему по предыдущему месту службы в полиции. Каждый вечер в его распоряжении было только четыре часа — правила Полицейской Академии требовали, чтобы будущие офицеры полиции к 10 вечера все были на месте, — но он знал, когда и как искать проституток, карманных воришек и сбытчиков наркотиков. Количество произведенных им арестов — девяносто восемь — было столь экстраординарным, что че-

рез месяц, по-прежнему числясь среди курсантов Академии, он был включен в специальный отряд детективов, которые контролировали Таймс-сквер. Но когда он отказался от предложения стать «мушкой» (личное подразделение комиссара, которое следило за другими копами), хотя это означало верное продвижение по службе, Эдди пришлось вернуться на свой курс в Академию.

Наконец закончив ее, он получил назначение в самое сердце Гарлема, где через две недели на его счету уже было тридцать семь задержаний, включавших в себя получивший широкую известность арест и последующий приговор певцу Билли Даниелсу, обвиненному в применении оружия. Он получил рекомендацию на звание детектива и почти ровно через год после начала службы в этом отделе, сменил свою серебряную бляху на золотую.

Детективы или были в составе городских участков, или же служили в специальных подразделениях, таких, как по делам, связанным со взломами, насильственными убийствами или мошенничествами. Эдди знал, чем он хочет заниматься, когда еще был начинающим патрульным: наркотиками. Личный опыт знакомства с ними создал у него впечатление, что они представляют собой постоянную угрозу жизни, и необходимо любыми способами пресекать пути распространения наркотиков.

Как-то в Бруклине, пока Эдди нес службу в Гарлеме, его племянница шести лет, вернувшись из школы, решила присоединиться к своим подружкам, катавшимся рядом с домом на роллер-скейте. Ее мать, сестра Эдди, сидела на верхней ступеньке крыльца их дома, дожидаясь дочки и посоветовала ей зайти домой, положить сумку и взять свою собственную доску с колесиками. Девочка взбежала по ступенькам, кинула школьную сумку на кухонный стол и побежала в спальню. В ней уже находились проникшие сюда четверо смуглых юнцов испанского вида, один из которых схватил девочку за косички. Она закричала. Двое скрутили ее, а третий схватил лежащую на шкафу доску и стал бить ее по лицу и голове. Теряя сознание, она рухнула на пол, обливаясь кровью, пока остальные таскали ее за косички. Мать быстро обнаружила избитую девочку и на грани истерики позвонила Эдди, который тут же примчался в Бруклин. В ярости он поднял на уши всю округу, с помощью местного участка прошелся по всем местным дегенератам и вытаскивая всех

тельных личностей из баров и из-за игральных автоматов. Через два часа все четверо были за решеткой. Все они были под кайфом и выяснять что-то у них было бесполезно. Эдди с трудом удержал себя от желания переломать им все кости. Он никогда не мог забыть этой истории.

Он служил в Бюро по наркотикам уже три года, когда оказался в одной команде с Сонни Гроссо. Они были очень разными по натуре, но удачно дополняли друг друга: лихость и сдержанность, изобретательность и здоровый скептицизм. Но у них обоих была общая ненависть к наркотикам и уродству бытия, которое они несли с собой. На пару они просто затерроризировали подпольный мир Восточного Гарлема. В то же самое время они понимали, что их неуемный энтузиазм встречает прохладное отношение в департаменте полиции и даже в их собственном Бюро. На их счету было слишком много арестов; рядом с ними все остальные чувствовали себя прямо ущербными. На намеки такого рода Эдди и Сонни только пожимали плечами. Они хотели делать свое дело.

Поздним утром в понедельник 9 октября 1961 года, отменно выспавшись, Иган прибыл в район Вильямсбургского моста в Бруклине и остановил машину рядом с больницей св. Екатерины, напротив закусочной на углу Бушвик-авеню и Майер-стрит. Войдя в больницу и представившись главе охранной службы, он получил у него разрешение снова использовать пустующий рентгенкабинет как наблюдательный пункт. Он не объяснял, за чем или за кем следит; не подлежало сомнению, что многие из персонала больницы регулярно забегают в лавочку Пэтси, и любая утечка информации, что им интересуется полиция, могла положить конец операции еще до ее начала.

Ближе к полудню явился и Сонни. Большую часть дня они провели, наблюдая за Пэтси. Ясно было, тут им предстояло провести весь день.

— Думаю, мы кое-что выяснили, — выдал Сонни с редким для него энтузиазмом.

— Что ты узнал?

— Имя нашего приятеля Пэтси — Паскуале Фукка. Та блондинка, что с ним, — его жена. Зовут ее Барбара. Бар-

вард Кэри производил впечатление массивного человека с круглым ирландским лицом и огромными лапами. Он служил в полиции Нью-Йорка вот уже без малого тридцать пять лет, начав с простого постового, потом следователем в отделе по алкогольным напиткам, был патрульным в городе, детективом в трущобах бруклинского района Бедфорд-Стюйвезант и, наконец, руководителем группы детективов в Северном Бруклине. Приглашенный комиссаром Стивеном Кеннеди возглавить Бюро по борьбе с распространением наркотиков, он принес в него дух энтузиазма и понимание цели. Шеф Кэри пользовался высоким уважением среди своих людей, которых он неизменно защищал от обвинений в нарушении правил, коль скоро они доставляли информацию, проводили аресты и поддерживали обвинения.

Со сложенными руками, с невозмутимым выражением лица склонившись над столом, он слушал, как Хоукс подробно рассказывал об открытии двух детективов и об их просьбе разрешить им продолжить расследование.

— Иган и Гроссо — вроде они двое из лучших наших детективов, не так ли?

Хоукс позволил себе легкую улыбку:

— Так и есть. — Пусти их. Дай им то, что они хотят.

Вернувшись в свой кабинет, Хоукс снова занял место за столом. Несколько секунд он разглядывал пару напротив.

— О'кей, — наконец сказал он. — С чего вы начнете?

— Первым делом надо поставить его на прослушивание, — ответил Сонни.

— *Два* прослушивания — одно в магазине и другое в его доме.

Хоукс снова почесал в затылке.

— Вам же известно, что для этого мне надо получить предписание суда. И я не знаю ... пара копов из Гарлема хотят расположиться в Бруклине ... что будет нелегко.

— Но попробовать-то стоит? — спросил Сонни.

— Мы же знаем, что у *вас-то*, Винни, это получится, — ухмыльнулся Эдди.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бюро по борьбе с распространением наркотиков департамента полиции Нью-Йорка известно как самая большая организация такого рода в мире, и, вне всякого сомнения, самая лучшая. В то же время ей хронически не хватает всего, что необходимо для успешного функционирования: денег, оснащения, юридических правил, конечно, власти у тех, кто руководит им. Но одно из преимуществ, которыми Бюро пользуется, по сравнению с гораздо более обеспеченным Федеральным Бюро по наркотикам (с ним оно тесно сотрудничает), — это обеспеченное законом право на прослушивание телефонных переговоров. В распоряжении обоих агентств имеются смелые следователи и детективы, опытные и изобретательные; оба они с толком используют услуги информаторов или «подсадных уток», которые работают или за деньги, или за «отпущение грехов», но одним из главных способов, при помощи которых удается собирать информацию, способствующую наказанию преступников и предотвращению правонарушений, особенно в сумеречном мире нелегальной торговли наркотиками, является прослушивание телефонов. Федеральные законы запрещают правительственным агентствам прибегать к такому способу, но в Нью-Йорке дела обстоят по-другому.

Тем не менее, получить такой ордер нелегко. Он должен основываться на убедительных доказательствах,

бара Десина, если уж точно. Ей всего лишь девятнадцать, судя по брачной записи, оставленной ими.

— Так, так. Что еще?

— Барбара — та еще птичка. Кое-каким опытом она обладает. Год тому назад задерживалась по подозрению в краже из магазина. А Пэтси, — на бледном лице Сонни блеснули темные глаза, — ну просто радость сердцу! Его взяли по подозрению в вооруженном грабеже. Он пытался разбомбить магазин Тиффани на Пятой авеню! Ему могло светить от двух с половиной до пяти. Но на него не смогли как полагается навесить обвинение, он выкрутился. Кроме того, в даунтауне уверены, что именно Пэтси добился для мафии контракта с типом по имени Де Марко. Но это была чистая работа. До него-таки не добрались.

— Прекрасно, — пробурчал Эдди.

— Подожди. Это еще не все. Ты готов? Это я получил от Федерального. У Пэтси есть дядя. И знаешь кто?.. Малыш Энджи!

Эдди только присвистнул от удивления. Анджело Туминаро считался одним из самых крупных «донов» мафии, человеком, который, как было известно, проложил себе путь в высшие эшелоны преступного мира Нью-Йорка самым безжалостным образом, убирая с пути одного соперника за другим, хотя полиция не могла этого доказать. Жена Туминаро была еврейкой, и ее отец пользовался большим влиянием в кругах еврейских рэкетиров. Следовательно, Анджело считался ключевой связью между в равной мере мощными еврейскими и итальянскими ветвями организованной преступности. И в завершение всего, полиция была уверена, что с 1937 года Малыш Энджи отвечал за все пути доставки героина в Соединенные Штаты из Европы и Ближнего Востока.

Но в 1960 году Энджи Туминаро позволил себе впутаться в тайный заговор против двух крупнейших руководителей преступного мира: Большого Дона Орменто, высокопоставленного и самого Вито Дженовезе; предполагаемого заместителя главы мафии всей Америки, который, даже будучи депортированным, все же сохранил звание «капо» или шефа, — Лакки Лучиано. Власти собирались арестовать всех троих, но Малыш Энджи скрылся из виду. И теперь, по прошествии двух лет, он все еще скрывался в какой-то дыре, продолжая, тем не менее, играть

важную роль в наркобизнесе. И федеральная и городская полиция отчаянно старались обнаружить его.

Эдди оторвался от лицезрения закусочной по другую сторону Бушвик-авеню.

— Нам бы лучше переговорить с боссом, — сказал он.

Через час Эдди и Сонни сидели в кабинете лейтенанта Винсента Хоукса, второго лица из команды заместителя главного инспектора Эдварда Ф.Кэри, в нью-йоркской штаб-квартире Бюро по борьбе с распространением наркотиков в нижней части Манхэттена. Они описали, как наткнулись на Пэтси в «Копе», его странную поездку через Маленькую Италию в ранние утренние часы воскресенья и его связь с исчезнувшим Анджело Туминаро. И теперь они ждали, что последует за их сообщением.

Хоукс, высокий, худой и лысый мужчина с серьезным выражением лица, пользовался репутацией строгого, но толкового начальника и настоящего копа. Он был поклонником военной субординации.

— Все это, конечно, отлично, — сказал он. — Но вы, ребята, работаете в Гарлеме. И в Бруклине вам делать *нечего.*

— Так переведите нас, — быстро возразил Иган. — Дайте нам заняться этим делом, по крайней мере, пока мы не увидим, стоит ли игра свеч. Ведь все хотят нащупать Малыша Энджи, не так ли? О'кей, — продолжил он. не ожидая ответа на то, что казалось ему очевидной истиной, — отсюда к нему может потянуться след. И нащупали его мы. М ы вышли на этого типа, владельца лавочки, когда он устраивал представление в ночном клубе и вокруг него паслись известные нам связники. Затем *по своей инициативе*, отработав до этого круглые сутки, мы следили за ним по всему даунтауну, «довели» до Бруклина и «сидели» на нем практически все воскресенье — и что в результате? Тут пахнет никем иным, как Анджело Туминаро. — Он с серьезным видом склонился вперед: — И вы должны дать нам право продолжать это дело.

Хоукс вскинул ладонь, пресекая возражения Эдди.

— Господи, если бы за разговоры платили!.. — понимая, что сдается, он наконец встал. — Подождите здесь, — сказал он.

Покинув свой кабинет, лейтенант постучал в соседнюю дверь. Низкий голос пригласил его войти. Даже сидя за своим столом, заместитель главного инспектора Эд-

подкрепленных ссылками на прецеденты и неопровержимые свидетельства — прослушивание телефонов будет проводиться только по отношению к подозреваемым в преступлениях и даст полиции возможность то ли их задержать, то ли предотвратить готовящееся преступление. Последнее доказать сложновато, но, в зависимости от обстоятельств и фигурантов дела, большинство судей все же выдает такие ордера.

Винс Хоукс изложил имеющиеся у него факты юридическому бюро, которое, составив заявление, представило его на рассмотрение Верховного Суда. Через тридцать шесть часов было подписано его распоряжение, разрешающее организовать прослушивание телефонов Пэтси.

Получить законное разрешение было первым из ряда трудных препятствий, которые предстояло преодолеть. Следовало связаться с нью-йоркской телефонной компанией, чтобы получить скрытую «пару» для подключения к телефонам Пэтси — два подключения на центральном распределительном щите, через который надо было организовать подслушивание. Выяснив, где располагалась телефонная подстанция рядом с Пэтси, ответственность за установку аппаратуры брали на себя техники из Центрального Следовательского Бюро. Им предстояло разрешить две проблемы: они должны были получить доступ на подстанцию, которая, как правило, располагалась неподалеку от подозреваемого, и им же предстояло найти такое укрытие, спокойное место. в котором можно было поставить мониторы и аппаратуру для автоматической записи разговоров. Порой для этого приходилось втайне вести проводку через много кварталов, с протяжкой ее через крыши и по задним улочкам.

В среду днем, 11 октября, Эдди Иган и Сонни Гроссе встретили команду из Бюро в Бруклине на Бушвик-авеню на углу Майер-стрит, в нескольких кварталах от закусочной Пэтси. Местом, где предполагалось разместить все «хозяйство», был избран подвал строящегося современного здания напротив магазина. Один из ребят Бюро болтал с уборщиком в здании, сказав ему, лишь что полиция проводит тайное расследование и нужно тихое местечко, где можно встречаться. Уборщик, хотя и понервничал, но проявил готовность к сотрудничеству и показал пустое складское помещение в дальнем углу подвала.

Теперь им надо было добраться до распределительного

щита, к которому шли выводы от двух телефонов в закусочной; он был расположен на глухой стене улочки за магазином. Эта часть работы оказалась не так сложна, как могло показаться. Двое работников бюро зашли в закусочную и представились пожилому мужчине за стойкой работниками телефонной компании. (Позднее выяснилось, что их собеседник бы отчимом Барбары Фукка, звали его Джой Дестина, и он нередко заменял супругов, когда тех не было в магазине.) Получив доступ в закусочную, один «ремонтник» занялся двумя общественными телефонами, пока другой направился в аллейку за домом. Не теряя ни минуты, он быстро открыл трехфутовую вертикальную панель. за которой располагались два ряда контактов. Исходя из информации, полученной от телефонной компании, он разыскал ключевую «пару» и подключил к ней обнаженные концы двух проводов. Присоединившись к своему напарнику в закусочной, они вышли через парадную дверь ее. Через несколько мгновений они уже были на задней улочке, где замаскировали провода, которые теперь связывали их с телефонами Пэтси.

Протягивая за собой эту пару проводов от одного телефонного столба до другого через Мейер-стрит, оперативники наконец оказались в подвальном помещении, где их ждали детективы. Проводка была подключена к двум диктофонам — на одном была надпись: «Закусочная-Один», а на другом: «Закусочная-Два», — после чего осталось лишь ждать пробного звонка для проверки качества работы. Автоматика включалась только тогда, если кто-то снимал трубку подслушиваемого телефона, и для записи разговоров даже не требовалось присутствие другого человека. Сидел ли кто-то рядом с наушниками или нет, любой разговор, откуда бы он ни шел, записывался на ленту, что так же давало полиции возможность, в случае необходимости, определять номер телефона, с которого звонили. Наконец катушки одного из диктофонов стали вращаться. Это был один из клиентов кафе, звонивший своей жене. Система работала.

На следующее утро Эдди и Сонни опять встретились с той же командой, на этот раз в южном Бруклине, и тем же самым манером поставили на прослушивание домашний телефон Пэтси и Барбары в доме 1224 на 67-й стрит. Запись проводилась в подвале здания за углом от рези-

денции Фукки. Иган и Гроссо должны были проверять результаты несколько раз на дню.

Так стараниями детективов из нью-йоркского Бюро по борьбе с распространением наркотиков Игана и Гроссо официально началось расследование, которое включило в себя правоохранительные органы двух континентов, которое стало долгим и опасным путешествием в мир тайн и интриг и которое в конце концов до основания потрясло весь мир международной преступности. Но в первые же двадцать четыре часа расследование, не успев начаться, чуть не «погорело».

Полиция, сама того не подозревая, чуть не расконспирировалась, когда тянула провода и устанавливала оборудование в подвале напротив заведения Пэтси. То ли кто-то из подсобных рабочих заприметил их, то ли, может быть, уборщик не удержался от желания посплетничать. Во всяком случае, Пэтси почувствовал, что ветер тянет откуда-то с другой стороны и в пятницу утром Сонни с удивлением услышал, что Пэтси в закусочную звонит некая личность по имени Луи. Чувствовалось, что они хорошо знают друг друга. Пэтси, скорее всего, откуда-то позвонил ему и попросил звякнуть в закусочную.

— Пэтси? Какие новости?

— Все отлично... Слушай, Луи, мне нужна помощь от тебя.

— Выкладывай.

— Речь идет о телефонах у меня в заведении. Я хотел бы, чтобы ты взглянул на них.

Собеседник помолчал несколько секунд.

— Ты имеешь в виду, что они, может, прослушиваются?

— Ты понимаешь, что я имею в виду. Когда ты мог бы заглянуть ко мне?

— М-м-м... что ты скажешь о понедельнике?

— Да брось ты! — запротестовал Пэтси. — Ты мог бы появиться куда раньше!

— Ну, завтра не получится. В воскресенье?

— О'кей, в воскресенье. Спасибо. Как семья?

— Все прекрасно, они...

— Хорошо. О'кей, до встречи, — оборвал его Пэтси и повесил трубку.

Через несколько секунд он снова поднял ее. На этот раз он звонил домой. Пэтси коротко изложил Барбаре свои подозрения, что, мол, вокруг закусочной творится

что-то странное, и предупредил ее, чтобы она не звонила ему сюда, пока Луи не осмотрит заведение.

Выскочив из подвала, Гроссо помчался в больницу, где застал Игана у окна пустого рентгеновского кабинета. Услышав, о чем шла речь в двух звонках Пэтси, Иган взорвался: «Вот дерьмо!», яростно хлопнув ладонью по подоконнику.

— Как, черт побери, ему удалось нас так быстро вычислить? И кто этот чертов Луи?

— Наверно, тип из его знакомых, который разбирается в телефонах. — Сонни задумался. — Понимаешь, судя по его интонации, я сомневаюсь, что Пэтси в самом деле догадывается о нашем существовании. Он слышал лишь *что-то*, и мне кажется, он пытается прикинуть, о ком еще может идти речь, кроме него. Но сомневаюсь, чтобы он догадывался, что происходит в действительности.

— В любом случае, — пробурчал Эдди, — нам придется утаскивать отсюда оборудование и отключать подводку к его телефонам. — Он еще раз с сердцем хлопнул по подоконнику. — Мы не только теряем ее, но и теперь он будет все время настороже, даже если его приятель ничего не обнаружит.

— Это я и имею в виду, — с ударением сказал Сонни. — Но предположим, нам удастся убедить Пэтси, что земля горит под кем-то *другим*, а не под *ним?* — говоря, он прижался лицом к стеклу. Иган, проследив за направлением его взгляда, убедился, что Сонни смотрит не столько на закусочную Пэтси, сколько на ряд торговых заведений по другую сторону от больницы.

— *Другая* закусочная! — поняв его идею, воскликнул Иган — Ну да! И пусть все догадываются, что прослушивается *какая-то* закусочная. Это сработает. Давай организуем.

Сонни воспользовался телефоном больницы и первым делом позвонил знакомому лейтенанту из отделения в Северном Бруклине, которое расследовало дела о незаконной торговле спиртными напитками, проституции и т. д., его знакомый занимался букмекерами и, главным образом, незаконными пари. Сонни попросил кратко рассказать о лавочке на Бушвик-авеню, напротив больницы. В Бруклине, как и в большинстве больших городов, такие лавочки часто использовались для заключения незаконных пари и других азартных игр. Как правило, размах их

деятельности бывал невелик, давая скромный доход владельцу, но полиция не оставляла их своим вниманием, чтобы синдикат не вздумал расширять свою деятельность. Через несколько минут лейтенант вернулся с досье и подтвердил, что против этой конкретной лавочки уже есть несколько обвинений, хотя пока еще ее не накрыли как следует. Сонни обрисовал ему проблему, с которой они столкнулись, и изложил свой замысел. Лейтенант согласился тут же послать нескольких своих людей потрясти заведение, да и в дальнейшем сотрудничать с Бюро по наркотикам.

Затем Сонни позвонил в свой офис в Манхэттене, где застал Винна Хоукса и сержанта Джека Флемминга, замещавшего начальника бюро — тот сразу же заинтересовался делом Пэтси Фукка, как только было упомянуто имя Анджело Туминаро. Наконец, он позвонил в центральное Бюро в даунтаун, рассказал о возникших у Пэтси подозрениях, в силу которых в любом случае необходимо переместить оборудование в другое место.

К полудню воскресенья, когда группа зевак наблюдала, как тайно, а то и открыто в закусочную заходили осторожные визитеры, она уже находилась под наблюдением детективов отдела и Сонни с Эдди. Наконец они засекли одного известного букмекера, на счету которого уже было немало приводов и задержаний; тот шептался с владельцем, скорее всего, заключая незаконные пари. «То, что надо», — сказал один из детективов и вместе с напарником, выскочив из больницы, с демонстративным шумом ворвались в заведение. Как и было обговорено, тут же с завыванием сирен, с включенными маячками, на Бушвик-авеню влетели две полицейские машины. На тротуаре тут же столпилась компания слоняющихся бездельников, которые, обмениваясь возбужденными репликами, старались заглянуть внутрь. Пока полицейские в форме подчеркнуто оттесняли их подальше, в дверях появились детективы со своими двумя несчастными пленниками — букмекером и владельцем закусочной. Когда их сопровождали к машине, один из арестовавших их детективов обратился к напарнику так, что его голос был слышен всем в округе: «Когда-нибудь эти ребята поймут, что не стоит откровенничать по телефону!» «Еще бы, — ответил другой, — там, куда они отправятся, телефонов не будет!»

Через час в подвале вздрогнула и стала вращаться лента одного из диктофонов. Это был Пэтси, звонивший домой.

— Расслабься, малышка, — весело сообщил он жене. — Помнишь, я вчера беспокоился относительно телефонов? Все прекрасно. Они занимались магазинчиком, что внизу по улице. Вся эта шумиха была из-за них. А мы чисты. Я звоню Луи.

Самое главное, что не давало покоя детективам, было стремление нащупать выход на Малыша Энджи Туминаро, и в последующие дни и недели Иган и Гроссо прилагали все усилия, чтобы расколоть Пэтси. Детективы даже стали лично посещать его закусочную. Иган обзавелся у санитаров больницы двумя белыми халатами и вместе с персоналом нередко забегал в закусочную то за сигаретами или журналами, то просто поболтать во время ленча за столиком.

В первый раз, когда там появились Эдди и Сонни, Пэтси находился за стойкой. Детективы несколько нервничали, и их можно было понять — им приходилось сидеть лицом к лицу с человеком, за которым они тайно следили вот уже две недели. Но Пэтси, занятый своими обязанностями, обращал на них внимания не больше, чем на других посетителей. На следующий день Пэтси не было на месте, и в закусочной распоряжался пожилой мужчина, который, как уже было известно в Бюро, был отчимом Барбары, и невысокий, коренастый смуглый человек, который был с Пэтси и его женой в то воскресенье, когда Эдди и Сонни начали слежку. Но на следующий день их предположения были вознаграждены.

Детективы в белых халатах, расположившись в обеденное время около фонтанчика, попивали датское пиво и потягивали кофе. За стойкой находился моложавый коренастый парень, который, как выяснилось, был братом Пэтси — Тони. Со своего места они видели и Пэтси, который сидел в задней комнате за кухонным столиком с белой фарфоровой столешницей, частично скрытый мятой зеленой портьерой, отделявшей помещение от закусочной. В закусочной была только одна посетительница — молодая девушка, углубившаяся в толстую книгу в бумажной обложке. Внезапно Эдди обратил внимание, что

предпочитали висячие светильники на цепях, и их металл — то ли медь, то ли золото — блестел так, словно его полировали каждый день. Эдди подумал, что при таком порядке женщина не должна выпускать детей с чердака и держать их там взаперти. Но на диване сидела другая женщина, и у ее ног копошились двое малышей, которые, расположившись на полу, рассматривали книгу с картинками. Он припомнил, что у семейства Фукка был только один малыш, примерно двух лет от роду, так что второй ребенок принадлежал другой женщине. Опытный взгляд заприметил и еще кое-что: под передним окном, еле заметный под белой портьерой, тянулся тонкий проводок, который шел к сигнальному устройству против взлома. Пэтси, в *самом деле*, был очень предусмотрителен.

Доставка была наложенным платежом, и Барбара приказала положить ее на деревянный стол в другом конце гостиной. Открыв ящик, она засунула в него руку, и Эдди ничто не мешало увидеть, как она искала там какую-то кнопку; она нашла ее, получив доступ ко второму, тайному, ящичку за первым. Эдди пришлось опустить глаза, чтобы скрыть удивление: ему доводилось и раньше видеть такие приспособления — подобные тайные укрытия были специальностью лишь нескольких итальянских краснодеревщиков, которые работали только на влиятельных членов мафии.

Из потайного ящичка Барбара вынула пачку банкнот, отсчитала семьсот пятьдесят долларов и протянула их Игану. Он попросил ее подписать счет и поблагодарил хозяйку. Она улыбнулась. а он приподнял шапочку в знак уважения к другой женщине. Дети даже не обратили на него внимания.

Из этого эпизода Эдди и Сонни сделали вывод, что знал ли Пэтси или нет, но жена имеет доступ к его тайному хранилищу денег. Два детектива предположили, что Пэтси не только имеет привычку хранить дома большие суммы денег, но и не утруждает себя подсчетами, сколько там у него лежит.

Эти данные логически вели и к дальнейшим выводам: если Пэтси имеет отношение к поставкам героина, он, наверно, выступает в качестве доверенного лица Малыша Энджи в его контактах с крупными поставщиками; можно предположить, что у Пэтси, неожиданно занявшего столь высокое положение, закружилась голова и он стал несколько беспечен. Конечно, каждый связник, что таскает в клювике ему добычу, до цента знает. сколько он должен выложить, но, скорее всего, Пэтси не ведет никаких записей, а просто засовывает наличность в потайной ящик — а это, учитывая, что его существование не является тайной от его жены, может ему выйти боком. Но если Пэтси трудно было считать блестящим мыслителем, с другой стороны, он был очень осторожен и его не следовало бы недооценивать.

— Бедный Пэтси, — хмыкнул Иган, — если ему не хватит денег на очередную покупку, кое-кому из его связников придется несладко...

— А вот когда его приятели возьмутся за ум?..

Но так или иначе, у них окрепла уверенность, что именно Пэтси Фукка может стать тем средством, с помощью которого они в конце концов накроют Малыша Энджи Туминаро.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

К середине ноября 1961 года Пэтси и Барбара Фукка вот уже шесть недель были под постоянным наблюдением. В самое разное время и при разных обстоятельствах связники доставляли Пэтси деньги — то при тайных встречах, то на глазах полицейских. Несколько раз, как полиция догадывалась, Пэтси мог передавать небольшие порции героина, что давало полиции возможность тут же «нагреть» его. Но в перспективе светило гораздо более крупное дело — в частности, возможность взять большую шишку, Малыша Энджи — так что пока Пэтси позволяли резвиться на длинном поводке.

К этому времени шеф Кэри отрядил еще несколько человек из департамента на помощь Эдди Игану и Сонни Гроссо. Федеральное Бюро по борьбе с распространением наркотиков, которым в Нью-Йорке руководил Джордж Гаффни, также проявило определенный интерес к делу, направив для сотрудничества с городской полицией специального агента Френка Устерса. Так что в ноябре вряд ли у семейства Фукка был хоть час днем или ночью, когда за ними не наблюдали бы.

Иган и Гроссо по-прежнему осуществляли общий контроль за ходом слежки, регулярно докладывая о ее результатах своему боссу лейтенанту Винни Хоуксу и сержанту Джеку Флеммингу. Свободное время два детектива использовали, чтобы глубже разобраться в сети Тумиаро — Фукка. Сонни выпал только один свободный вечер, который он мог посвятить игре в боулинг, и одно воскресенье он провел на стадионе «Янки» вместе с напарником, наблюдая за игрой «Гигантов»; Игану удавалось видеться с Кэрол Келвин лишь от случая к случаю. По сути, они были полностью заняты лишь делом Фукка и большую часть свободного времени проводили, выслеживая знакомых толкачей и дельцов в Гарлеме и Бруклине, а также собирая у самых доверенных лиц всю информацию о Пэтси.

Отношения с Кэрол Келвин стали для Игана источником постоянного раздражения и напряжения. Он испытывал большую радость, проводя с ней время, и не сомневался, что она так же была привязана к нему. Кэрол была яркой и красивой девушкой, какой рядом с ним никогда раньше не было. Впервые он встретил ее в «Копа», случайно зайдя туда в сентябре, и когда она ответила на его осторожные ухаживания, он скоро стал являться в бар каждый вечер, чтобы провожать ее из ночного клуба, который закрывался в три ночи. Столь поздние прогулки пока не доставляли ему больших хлопот; дел пока у него было не много. Его, правда, несколько обидела ее просьба, чтобы он не болтался из-за нее в клубе: среди посетителей «Копа» случались известные громилы, и Кэрол боялась, что им может не понравиться присутствие копа, хотя все их интересы в «Копа» ограничивались броскими девочками. Так что им приходилось встречаться у Центрального парка, в полуквартале от угла 60-й стрит, и отправляться в китайский или итальянский ресторанчик, где они ели пиццу. Скоро между ними установились вполне приятельские отношения.

У Кэрол были все физические данные, чтобы стать манекенщицей или актрисой, но, скорее всего, девятнадцатилетней девушке не хватало амбиций или самодисциплины. Она принимала участие в обычных конкурсах красоты и получила работу в «Копе», чтобы привлекать внимание «подходящих» клиентов. Но там ее не ждало ничего особо интересного, не считая, конечно, неизбежных предложений со стороны любвеобильных патронов. Ничего — кроме того, что она влюбилась в рыжего копа.

Иган служил ей надежной защитой. Ему не нравилась ее работа в «Копа» лишь из-за того, что это заведение регулярно посещали известные гангстеры. Оба они жили

в Бруклине, и он вручил ей ключ от своей квартиры. Семьи у Кэрол не было, и в ранние утренние часы, когда Эдди не мог встретить ее после закрытия «Копа», она ехала к нему на своей машине и дожидалась его, когда он наконец появлялся дома после долгих военных действий против торговцев героином. Такое положение дел никоим образом не устраивало их обоих, и Эдди стал строить новые планы, которые должны были устроить и его полицейскую натуру, и желание почаще видеться с Кэрол. Он узнал, что требуется девушке в баре, и объяснил ей, что это заведение — довольно респектабельный ресторанчик на Нассау-стрит в нижней части города в районе финансовых учреждений и недалеко от штаб-квартиры Бюро по борьбе с наркотиками. И если днем в «Таверне Нассау» толпились брокеры, банкиры и юристы, забегавшие сюда на ленч, то ближе к ночи их сменяли остальные обитатели района набережной. Даже Пэтси Фукка порой забегал сюда, а его брат Тони был тут постоянным обитателем. Так что Кэрол стала потенциально очень ценным источником информации.

Новая работа Кэрол кончалась около одиннадцати, довольно часто Иган встречал ее и она сопутствовала ему в слежке за Пэтси Фукка. Это начало несколько раздражать его напарника Сонни Гроссо, но Иган убедительно объяснил ему, что он может следить за лавочкой Пэтси или за его домом в присутствии Кэрол столь же спокойно и, может, даже с большим удовольствием, чем в компании с Сонни.

Но Кэрол скоро стала утомлять эта рутина. Она начала намекать ему, что он ведет неподобающую для себя жизнь, не говоря уж о них обоих, что ему стоит бросить работу в полиции, что, если бы он не был так связан делами, они могли бы вести куда более восхитительную жизнь. Но на самом деле Иган отнюдь не чувствовал, что он «связан делами»: он с энтузиазмом относился к своей работе, видел в ней цель и смысл, несмотря на то, что она мешала ему вести упорядоченный образ жизни. Он хотел быть с ней, но работа занимала главное место в его жизни. Она же намекала, что уже получила несколько весьма интересных предложений от состоятельных покровителей, клиентов ресторана и, может быть, ей стоило бы серьезно задуматься над ними. Они все чаще ссорились.

Но, отбрасывая в сторону все личные проблемы, Иган

и Гроссо работали не покладая рук. Они держали под неослабным контролем и внешнюю сторону жизни семьи Фукка, и то, что было скрыто от глаз. Отчим Барбары был во времена сухого закона лихим налетчиком, но давно «отошел от дел» и теперь помогал падчерице и зятю в заведении. (Старый «Додж», которым Пэтси изредка пользовался, принадлежал ему). Брат Пэтси Тони был мрачным грязноватым типом в выцветшей мятой куртке, которого они видели несколько раз. Ему было тридцать один год, на год старше Пэтси. Он был докером в порту и жил в запущенном квартале Бронкса с женой и двумя маленькими дочками. Родители Пэтси, которым было под шестьдесят, были владельцами собственного трехэтажного дома, два верхних этажа которого сдавали внаем, на Седьмой стрит, рядом с районом Бруклина, известного как Гованус. Старший Фукка, чье имя было Джузеппе или Джозеф, в свое время отбыл несколько лет за попытку грабежа. Единственные их друзья, с которыми Барбара и Пэтси порой проводили время, были Никки Травато, тоже работавший докером. и его жена, которые жили в четырех кварталах на 66-й стрит, рядом с Пятнадцатой авеню. Хотя Никки работал в доках, и они жили в обветшавшем доме, практически рядом с Нью-Угрехт авеню, по которой грохотала надземка, полицейские не без интереса отметили, что Травато владели «Кадиллаком», выпущенным пять лет назад. Несколько раз по вечерам они замечали, что Никки подсаживал Пэтси и возил его по разным точкам Бруклина, где один из них наносил краткий визит в какой-нибудь дом или питейное заведение, после чего пара продолжала свое ночное путешествие. Детективы предположили, что они доставляли партии наркотиков и, возможно, собирали выручку; во всяком случае, Никки был в курсе дел, так что он пополнил собой не большой, но постоянно растущий список связей Пэтси.

По ночам Пэтси, случалось, не бывал дома. Обычно он оставался в своем заведении примерно до полуночи, а три или четыре ночи в неделю он за четверть часа добирался до Манхэттена, где останавливался в баре квартала, именуемого «Пайк Слип». Это была полутемная мрачноватая забегаловка почти под Манхэттенским мостом, недалеко от которой за углом была набережная и располагался живописный рыбный рынок. В забегаловке заправлял громи-

ла Микки Блейр, она пользовалась репутацией прибежища уголовников и неудачливых актеров.

Эдди и Сонни были удивлены, впервые проследовав за Пэтси в этот район, потому что в сем неприглядном заведении Пэтси смотрелся как особа королевской крови. Когда Сонни впервые проследил за ним, сидя в дальнем конце бара, он заметил, что больше дюжины посетителей, зная о близких отношениях Пэтси и Малыша Энджи, демонстрировали ему свое уважение. Но при последующих визитах Сонни стал сомневаться, представляет ли хозяин этих мест, Блейр, какой-то интерес для Пэтси, потому что, похоже, основное внимание того было отдано барменше Инес, маленькой пикантной брюнеточке латиноамериканского типа. Пэтси в своей грубоватой манере открыто флиртовал с ней, то отпуская ей поцелуи, то перехватывая ее, когда она проходила мимо, и нашептывая ей что-то на ухо, то разражаясь громким хохотом при каких-то шутках. Покидая бар, он пересекал Манхэттенский мост и направлялся домой в Бруклин.

Из-за его поздних возвращений Барбаре приходилось самой развлекаться большую часть вечеров. Ее любимым времяпровождением была игра в «бинго» и, должно быть, она давно уделяла ей внимание, поскольку наперечет знала все ночные клубы для игры в бинго в Бруклине и в Квинсе. Три или четыре раза в неделю вместе со своей тезкой Барбарой Травато или с другой девушкой, огненно-рыжей Мэрилин, она посещала церковь или какое-нибудь общественное собрание. На первых порах Иган и Гроссо решили, что имеет смысл сопутствовать молодым женщинам в места, избранные ими для посещений, ибо не было иного способа выяснить, не являются ли эти выходы в свет прикрытием другой деятельности, в ходе которой Барбара может служить посредником в связях Анджело Туминаро со своим племянником. Они не спускали глаз с любой личности. с которой Барбара входила в контакт, но не было никаких следов, свидетельствующих, что она посещала эти собрания для чего-то другого, кроме невинных развлечений, утомленные детективы перестали следить за ней во время игры в бинго.

Время от времени Пэтси вечером куда-нибудь отправлялся со своей женой, и как-то, когда слежка только начиналась, их любовь к развлечениям ввергла детективов в весьма двусмысленную ситуацию. Вечером в пятницу в

конце октября Эдди и Сонни последовали за Пэтси и двумя Барбарами в округ Нассау на костюмированный бал в сельском клубе на южном берегу Лонг-Айленда.

Не подлежало сомнению, что вечеринка должна быть очень веселой. Тут была масса народа, очень шумно, в глазах рябило от разноцветья костюмов, причудливых причесок и макияжа. Очень быстро стало ясно, что большинство женщин тут были мужчинами и наоборот. Смущенным детективам пришлось убедиться, что они попали на одно из мероприятий, устраиваемых обществом гомосексуалистов. Чувствовалось, что Пэтси и Барбара были тут постоянными посетителями; и он, и она с удовольствием крутились в этом шумном пестром обществе, среди которых была и королева лесбиянок. Эдди и Сонни старательно включились в общее веселье, стараясь не выделяться из него, а через час удрали со сцены. На другой день слежка продолжилась.

В начале ноября полиция стала получать информацию от своих «голубков», что на улицах возникают признаки паники; резко снизилось количество поступающих наркотиков. Ходили слухи, что вот-вот в город поступит очередная большая партия. Детективы удвоили рвение, прикинув, что в этой ситуации Пэтси должен быть в центре событий.

Поздней субботней ночью 18 ноября Эдди и Сонни сидели в машине Сонни напротив закусочной Пэтси. Они «висели у него на хвосте» всю вторую половину дня, к ночи похолодало и они крепко устали. Пэтси возился внутри, готовясь закрывать лавочку, и двое полицейских едва ли не молились, чтобы он отправился домой и дал им отдохнуть.

Веселясь, Эдди натянул на себя дамскую шляпку с низкими полями и рыжий парик, закатал брюки под полы куртки и уютно устроился вплотную к черноволосому Сонни, который сидел на месте водителя. Так что перед случайным прохожим предстала бы трогательная, хотя и немного вульгарная картинка: худой подтянутый молодой человек и нежно прильнувшая к нему девушка с румяным лицом.

Сразу же после половины двенадцатого перед закусочной остановился синий «Бьюик-компакт» с двумя женщи-

нами и подал сигнал. Детективы не сомневались, что это была одна из машин Пэтси, но водитель не был похож на Барбару, да и другую женщину они не могли опознать. Через несколько мгновений в закусочной погас свет, выскочил Пэтси, запер двери, и, когда устроился на переднем сиденье рядом с девушками, машина снялась с места.

Похоже было, что Пэтси отправился на какую-то вечеринку. Детективы лишь вздохнули, ибо им предстояло оставаться поблизости от него; никто не мог предполагать, как и когда он выйдет на контакт с Малышом Энджи. Они пристроились за «Бьюиком», который направился к югу по скоростной трассе Бруклин—Квинс; по крайней мере, Пэтси держит путь не в Манхэттен. «Бьюик», проследовав по трассе, затем перемахнул канал Гованус и неподалеку от Четвертой авеню повернул на 7-ю стрит. Тут жили родители Пэтси. Машина пристроилась на стоянку между кварталами.

Иган и Гроссо медленно ехали по улице с односторонним движением, тянувшейся в восточном направлении. Пэтси с девушками вошел в дом его родителей, номер 245, занимавший срединное место в ряду из семи однотипных трехэтажных зданий. И тут Сонни, наконец, узнал одну из девушек:

— Да это же Барбара, она в одном из своих париков!

Иган согласился с ним:

— А я узнал другую: это ее рыжая подружка Мэрилин. — Контора проверяла и Мэрилин, но было известно. что она всего лишь близкая приятельница Барбары.

— Стоит отметить, — прокомментировал их путешествие Сонни, когда они пристроились рядом с пожарным гидрантом на углу Четвертой авеню, — что-то вроде поздновато для посещения стариков, тем более в компании.

Троица вышла минут через двадцать, и когда они снова расселись в «Бьюике», за рулем оказалась Мэрилин. Теперь детективы двинулись к западу, вслед за ними. Проигнорировав развороты к туннелю Бруклин-Баттери и к Бруклинскому мосту, на Флэтбуш-стрит «компакт» развернулся к развязке, ведущей на Манхэттенский мост. Тем не менее ее рисунок затруднял въезд прямо на мост, и, помедлив, они снова выбрались на скоростную трассу и продолжили движение к Вильямсбургскому мосту.

Едва только отъехав от дома родителей Пэтси, Иган

постоянно комментировал направление их маршрута по портативной рации, держа связь с другой машиной, в которой размещались их коллега по Бюро Дик Олетта и федеральный агент Френк Уотерс; они держались позади заведения Пэтси в районе Вильямсбурга; куда бы ни направлялись объекты слежки, обратно к закусочной или в Манхэттен, Олетта и Уотерс страховали Игана и Гроссо. Когда поворотные огни «Бьюика», наконец, просигнализировали, что он поворачивает на Вильямсбургский мост, Иган посоветовал другим детективам направляться в ту же сторону.

Движение, хотя и не особенно напряженное в эти поздние часы, неторопливо пересекало Ист-Ривер, почти замирая у пролета моста, которым начинался Манхэттен. Теперь между машиной Фукки и Сонни располагалось несколько автомобилей, и Иган, тихо злясь из-за дамской шляпки и парика, пробормотал ругательство, когда, высунувшись из правого окна, старался не терять из виду синий «Бьюик». Большой зеленый фургон с краном, поблескивая красными огоньками, частично заблокировал съезд с моста, ведущий к Делани-стрит.

— Чертов полицейский грузовик, — из-за плеча крикнул Иган своему напарнику. — Должно быть, где-то авария. Ну, копы! — сплюнул он.

У грузовика он заметил автоинспектора в светло-синем рабочем комбинезоне, пропускавшего по одной машине на свободную полосу. Пока он смотрел, «Бьюик» вырвался вперед на Диленси-стрит. Иган же и Гроссо остались в неподвижности, в трех машинах сзади.

Иган рывком распахнул дверцу машины:

— Побегу за ним, посмотрю, куда он направился. Не спускай глаз с меня ... — и выпрыгнув, он кинулся по мосту вслед «компакту» Пэтси.

Ему не пришло в голову, какое он представляет собой странное зрелище, когда в половине первого ночи галопом мчался к Диленси-стрит. По старой традиции тут селились еврейские иммигранты, и, несмотря на поздний час, многие окна продолжали светиться огнями, потому что после захода солнца закончился вечер субботы, шабата. Большая часть китайских ресторанчиков и кошерных лавочек с деликатесами оставались открытыми. На тротуарах попадались случайные прохожие, которые с удивлением смотрели на высокого мужчину с раскраснев-

шимся лицом, с дамской шляпкой в руке, со сбившимся рыжим париком из-под развевающегося подола куртки которого виднелась только одна голая нога, потому что другая штанина спустилась до щиколотки.

К счастью, «компакту» Пэтси пришлось затормозить у двух светофоров, и Иган успел увидеть, что он свернул налево, на Аллен-стрит, направляясь вниз к реке. Основательно вспотев, несмотря на ноябрьскую прохладу, и тяжело дыша, он нетерпеливо ждал на остановке безопасности на пересечении Диленси и Аллен-стрит, выглядывая «Олдсмобил» Сонни. Когда Сонни заприметил его, Эдди уже был на середине дороги, увертываясь от машин и стараясь одним глазом держать в поле зрения своего напарника, а другим — машину Пэтси, быстро исчезающую по Аллен-стрит. Иган махнул, чтобы Сонни поворачивал влево, и когда тот притормозил, ввалился в салон машины.

— На Аллен... и на Пайк-слип, — выдохнул Эдди, пока Сонни разворачивался.

— А где остальные ребята? — завопил он через мгновение.

— Все еще толкутся на мосту, — Сонни глянул на своего партнера, с трудом переводящего дух, и по его обычно меланхолическому лицу скользнула усмешка.

— Что тут смешного? — спросил Иган.

— Ну просто подумал: если Пэтси направляется в кабачок на Пайк-слип, тебе придется тоже войти туда. А выглядишь ты, как старая шлюха. Там тебе сразу же окажут внимание.

Иган осмотрел себя.

— Ну, в следующий раз *ты* побегаешь в таком виде, хитрая твоя задница, — фыркнул он, стягивая парик и приводя в порядок закатанную штанину.

Из рации захрипел голос Дика Олетты:

— Где вы, парни?

— Вы съехали, наконец, с моста? — в свою очередь спросил его Сонни.

— Еще бы! Мы на Диленси.

— Поворачивайте налево на Аллен-стрит. Мы направляемся к Бродвею-Ист. Будем держать вас в курсе.

— 10-4, — коротко бросил Олетта, формулу заменяющую при переговорах по радио привычное «о'кей».

— Подожди-ка, они сворачивают налево на Бродвей-Ист... — прервал его Сонни.

Синий «Бьюик», прибавив скорость, наконец остановился посредине следующего квартала. Сонни резко развернул свой «Олдс» за угол Аллен-стрит, как раз, чтобы увидеть, как Пэтси вылез и пошел через улицу. Не говоря ни слова, Иган вывалился из машины, пересек Аллен-стрит и стал рассеянно прогуливаться по Бродвею-Ист, держа под контролем ту точку, куда, по всей видимости, направился Пэтси. Тем временем Сонни, развернувшись, двинулся вниз мимо стоящего «Бьюика», в котором по-прежнему располагались Барбара и Мэрилин. У следующего угла Рутгерс-стрит он опять развернул свою машину, что позволило ему вернуться на ту же улицу по другой стороне. Но внезапно прямо перед Сонни, взвизгнув шинами, из ряда машин выбрался большой светлый седан, резко развернулся, едва ли не вокруг своей оси, и несколько сбросив скорость рядом с «компактом», рванул в верхнюю часть города по Бродвею-Ист. Девушки в «Бьюике-компакт» последовали за ним.

Иган кинулся к машине. Пока Сонни разворачивался, в салоне прорезался голос Френка Уотерса:

— Мы уже рядом с вами, чуть позади. Что там случилось?

Сонни схватил микрофон:

— Ребята, вы видели, как большой светлый седан только что развернулся и двинулся в этом направлении? И похоже, машина Пэтси последовала за ним.

— Нет.

— Я их вижу, — воскликнул Иган, все еще приводя дыхание в порядок, — но не могу разобрать, кто за рулем. Там был Пэтси?

— Думаю, что да. Довольно быстро все случилось. Машина вроде коричневатого цвета.

— Что за номерной знак?

— Мне кажется, что белый.

— Из другого штата.

— Глянь! — воскликнул Сонни.

«Бьюик», находившийся в двух кварталах впереди, повернул направо. Седана не было видно. Когда детективы оказались на углу, за которым начиналась Монтгомери-стрит, Сонни почти остановился, а Иган выпрыгнул и глянул из-за угла обветшавшего строения, держа в знак предостережения поднятой левую руку. На темной ули-

це, уходящей к реке, он увидел две пары удаляющихся красных хвостовых огоньков. Миновав три квартала, ведущая машина стала поворачивать направо, а другая следовала за ней. Махнув рукой, Иган вернулся в машину к Сонни. Когда они повернули на Монтгомери, Олетта и Уотерс держались неподалеку.

Третьей поперечной улицей была Черри-стрит. Опять Сонни притормозил, и снова Иган подкрался к углу большого здания. Теперь красные огоньки были от них примерно в двух кварталах... и опять они повернули, на этот раз налево. Иган вернулся к машине, подав сигнал детективам, которые держались сзади. Две машины повернули на Черри и медленно двинулись мимо строящегося небоскреба. Освещена была улица плохо, и если не считать пустых машин, стоящих вдоль обочин, на ней никого не было. Высоко над ними сияли огни Манхэттенского моста Они пересекли Клинтон-стрит и приблизились к следующей улице Джефферсон-стрит. В третий раз Иган выскочил из машины еще до того, как она остановилась, и бесшумно, двигаясь с ловкостью балетного танцора, пересек мостовую, вдоль которой стояли молчаливые здания. На углу очередного обветшавшего строения он пригнулся и вытянул назад правую руку, давая знать напарнику чтобы тот не приближался. За углом были припаркованы пустые машины, перекрывая ему линию обзора, но ему показалось, что он слышит тихое гудение работающего двигателя, после чего различил слабое розовое свечение хвостовых огней. Долго в таком положении оставаться он не мог, но за спиной послышались легкие шаги. Иган обернулся, приложив палец к губам. Это был Френк Уотерс. Иган еще раз выглянул из-за угла и, когда Уотерс коснулся его локтя, увидел огни на Джефферсон-стрит и услышал, как хлопнула дверца машины.

— Что там? Что там такое? — взволнованно шепнул агент.

— Горят фары. Кто-то, я думаю, только что вышел из машины. Но ничего не вижу.

Раздался еще один щелчок — наверно, кто-то осторожно прикрыл другую дверцу — и звук двигателя, набирающего обороты. Красные огоньки двинулись с места.

Иган схватил Уотерса за руку, и они кинулись к своим машинам.

— Они уходят! — выдохнул он. — Мы с Сонни двинемся за ними. Вы с Диком ждите здесь, пока мы не свяжемся с вами. Я не знаю, может, Пэтси опять сменил машину

— Шлепнувшись на сиденье рядом с Сонни, он быстро бросил ему: — Двинулись! Они направляются вниз по Джефферсон-стрит!

Сонни повернул за угол. Красные огоньки были уже у Саут-стрит, уходя под вскинутый виадук в двух кварталах от них. Сонни нажал на газ. Машина перед ними повернула направо на Саут-стрит. То был маленький «Бьюик» Пэтси. Детективы видели очертания голов на переднем сиденье — но не могли разобрать, сколько их там —то ли две, то ли три.

Пока Сонни выруливал на Саут-стрит, Иган дал ему понять, что можно подъехать к темной заправочной станции, как раз за углом. И тут взял микрофон:

— Френк, Дик! Это в самом деле их машина. Он может быть в ней, хотя мы не уверены. Возьмите их, ребята.

— О'кей.

— ... они движутся вниз по Саут, скорость небольшая А теперь, похоже, разворачиваются на Пайк...

И через несколько секунд Иган и Гроссо увидели, как белая машина Френка Уотерса вывернулась с Джефферсон-стрит и исчезла вниз по Саут-стрит, держась за синим «компактом».

— Нам стоило бы осмотреть Джефферсон-стрит, где они останавливались. Похоже, они там оставили большую машину. Если ничего не произойдет, мы вернемся ребята, — добавил Иган в микрофон.

— 10-4.

Сонни осторожно вывел «Олдс» из тени около станции заправки и, завернув за угол, оказался на Джефферсон-стрит. Выключив двигатель и потушив огни, они с Иганом вылезли из машины и осторожно двинулись по обеим сторонам улицы к Черри-стрит, осматривая каждый автомобиль, попадающийся им по пути. Примерно на середине квартала Иган шепотом обратился к Сонни. который услышал его в тишине спящей улицы:

— Ты говорил, коричневатый?

— Так мне показалось, — прошептал в ответ его напарник. — С белым номерным знаком?

— Иди-ка сюда. Кажется, я его нашел.

Иган стоял рядом с четырехдверным «Бьюиком» коричневатого или светло-коричневого цвета, с белыми

ободками колес. Он был новенький, примерно 1960 года выпуска, как они прикинули. Справа на радиаторе была врезана эмблема — «Инвикта». Но больше всего поразил детективов номерной знак: он был канадским, из провинции Квебек.

Пока Сонни записывал номер машины и отмечал другие ее приметы, Иган прошел дальше по темной улице, осматривая остальные машины. Вокруг никого не было, ни одной машины не было видно. Он посмотрел на часы: прошел час. Времени миновало изрядно. В чем был смысл всех этих поездок, почему Пэтси так поздно отправился в Манхэттен с женой и ее подругой, зачем захватил с собой канадский «Бьюик», который сопровождал их, чтобы быть оставленным на маленькой неприглядной улочке? Испугался ли он чего-нибудь или специально оставил его здесь для кого-то, кому он будет нужен? И кто это может быть? Его дядя? Но почему *канадская* машина?

Когда Иган вернулся к Гроссо, напарник огорошил его вопросом:

— А ты знаешь, что она открыта?

— И в голову не приходило. Там есть что-то внутри?

— Ничего. Чисто.

— Ну, это еще ничего не значит, — сказал Иган. — Будь в ней что-то ценное, они вряд ли оставили бы это на сиденье. Как насчет багажника?

— Закрыт. Давай вернемся к машине и свяжемся с ребятами.

Едва только они добрались до «Олдса», как радио подало признаки жизни:

— ... слышите меня? Откликнитесь, парни!

— Мы на месте, — ответил Сонни.

— Мы все время вызываем вас! — воскликнул Френк. — Что там у вас такое?

— Мы нашли машину, которую они бросили. Коричневатый «Бьюик-Инвикта», примерно шестидесятого года С канадским номерным знаком...

— С канадским? Ну, потрясающе! — Храбрый маленький агент явно был в возбуждении. — дела идут на лад! Канада, значит!..

— А что у вас, ребята?

— Мы сейчас на середине Манхэттенского моста, практически у вас над головой. Они возвращаются в добрый старый Бруклин — надеюсь, домой.

— Значит, наш клиент с *ними!*

— Совершенно верно. Он как миленький сидит в машине. Женщина вела машину по Канал-стрит, а потом он пересел с заднего сиденья и взялся за руль, после чего он с другой двинулся по мосту. Та, что вылезла, взяла такси. Похоже, она держит путь в верхнюю часть города. Мы записали номер такси; позже просмотрим его путевой лист. Хотя пока не представляю, куда эта рыжая направляется.

— Мы тоже. Она могла быть просто прикрытием. Ну, мы тут еще поболтаемся. Может, кто-то и появится, чтобы взять эту канадскую машину.

— Будем надеяться! — возбужденно сказал Уотерс. — Оставляем вас на бочке с динамитом! Как только проводим нашего голубчика до дому, вернемся к вам. Мы свяжемся с вами по рации, когда будем в зоне приема, идет?

— 10-4.

Иган перелез через Сонни, решив прогуляться по Черри-стрит. — Там среди домов есть стоянка. Оттуда хороший обзор Джефферсон-стрит.

Двинувшись по Джефферсон, Сонни поставил свой «Олдс» недалеко от въезда на стоянку. Заглушив двигатель и выключив все огни, они расположились в машине наблюдать и ждать. Шепотом они обсудили ситуацию и по ходу разговора, все больше убеждаясь в обоснованности энтузиазма Уотерса — скорее всего, они, в самом деле, засекли Пэтси на середине какой-то крупной операции. В свое время Канада, и особенно Монреаль, были источником потока наркотиков, которые контрабандой ввозились в Соединенные Штаты, так что можно без большой натяжки предположить, что данный «Бьюик» должен был служить средством то ли переправки наркотиков на одну сторону, а денег на другую, то ли того и другого вместе. И если дело и действительно таково, то, конечно же, кто-то должен будет подойти к нему. Но, во всяком случае, сидя в ожидании, они поняли в первый раз с тех пор, как стали заниматься Пэтси Фукка, что главное в этой слежке — не только поиск местонахождения его дяди Анджело Туминаро.

— Говорит Уотерс, — раздался голос из портативной рации. — Вы тут, ребята?

— Мы на месте, привет, — бросил Иган в микрофон Он с удивлением посмотрел на часы. Было почти десять

минут третьего. Они просидели тут, оказывается, уже со рок минут.

— Они как миленькие отправились домой. Мы тут же развернулись и возвращаемся. Мы будем у вас через несколько минут.

— 10-4.

Им показалось, что слева от них на Черри-стрит упал свет фар. Эдди и Сонни пригнулись на сиденье. С тех пор, как они оказались тут, это была лишь вторая машина; первой был панелевоз, который прогромыхал по Черри к Джефферсон, не сделав попытки притормозить или остановиться. Свет приближающихся фар скользнул по очертаниям стройки, остановившись на стоянке, а потом погас. Это была белая машина. Выглянув из-за обреза окна, Сонни увидел, что кто-то вылез из нее — коренастый мужчина с непокрытой головой. Осмотревшись, он двинулся к входу на стоянку. Олетта.

Сонни принял сидячее положение.

— Это они, — выдохнул он. — Дик и Френк.

Они с Иганом вылезли и бесшумно направились к коллегам; встретившись рядом с их машиной, они залезли в нее.

— Господи, ну вы нас и напугали, — пожаловался Иган. — Мы только что кончили разговаривать с вами — тут же появляется машина. Почему не предупредили, что вы так близко?

— Мы просто хотели проверить, не дрыхнете ли вы,— хмыкнул Уотерс. — Итак, что нового?

Сонни и Иган коротко изложили выводы, к которым они пришли, и Уотерс оживленно кивал головой. Детективы и полицейские городской полиции испытывали смешанные чувства к эффективности действий своих коллег из федеральных органов, в которых, надо признать, было место и ревности к высококачественному оборудованию федеральных органов, что с удовольствием демонстрировал им Френк Уотерс. Несмотря на свой скромный рост (из-за которого он заслужил прозвище «Микки Руни»), он был хитер и ловок, с безошибочным инстинктом и отвагой астронавта. Он пользовался симпатией и уважением, поскольку был «хорошим копом» — высшая оценка, которую мог заслужить следователь.

— Вы понимаете, что вас ждет? — воскликнул Уотерс. — Вы, ребята, тут высидите новые нашивки —

Сонни первого класса, Дик второго. — Иган уже имел звание детектива первого класса; подняться на ступеньку выше он мог только после сдачи экзамена гражданского служащего. — Нам повезло: мы нащупали крупное дельце. Пэтси Фукка, машина из Канады, темная улочка, набережная, утром подходят два человека — это должен быть груз, так? Вот увидите, скоро тут появится машина набитая донами, которые примутся разгружать этот «Бьюик». Похоже, что нас тут ждет небольшая война. И ребята, мы с вами будем гер-р-роями! — протянул он иммитируя негритянский акцент.

Все остальные переглянулись, переведя взгляд на «Микки Руни», в воображении которого уже сложился столь увлекательный сценарий. Когда они осознали, что их может ждать, то стали слегка нервничать

Уже была половина третьего утра воскресенья. Улицы по-прежнему были пусты: с момента появления Уотерса и Олетты тут не проехала ни одна машина. В высоком здании у них за спиной были освещены лишь пара окон Порой Уотерс приходил в возбуждение, выдавая фонтаны слов но большей частью все четверо сидели молча, погруженные каждый в свои мысли. Единственными звуками, постоянно висевшими в воздухе, было пыхтенье буксирчика на реке, которую отделяли от них два квартала до них порой доносилось погромыхивание случайных грузовиков на брусчатке Саут-стрит и шуршание шин по асфальту возвышавшегося над их головами Манхэттенского моста. Ночь была темной и зябкой. Они сидели, прижавшись друг к другу, не осмеливаясь ни закурить, ни включить радио, опасаясь выдать свое присутствие тем неизвестным, кто должен прибыть сюда к «Бьюику»... Молчание становилось все более тягостным.

Незадолго до трех часов на Черри-стрит снова вспыхнули фары машины, которая двигалась в их сторону. Четверо детективов постарались скрыться из виду, для чего Игану и Гроссо на заднем сиденье пришлось сползти на пол. Олетта, приникший на переднем сиденье чуть приподнял голову, следя за приближением машины, которая медленно зарулила на стоянку.

— Что происходит? Кто там? — прошептал Уотерс утонувший под рулевой колонкой.

— Старый седан, — сообщил Олетта. — Похоже, что

«Шевроле» 49-го или 50-го года. Помятый. Вроде, там компания каких-то типов —то ли четверо, то ли пять.

— Это они! Я говорил вам! — возбужденно прошептал Уотерс. — Это доны! Ну, ребята!

— Они поворачивают на Джефферсон, — шепнул Олетта. — Притормаживают... они рядом с «Бьюиком».. Нет, продолжают двигаться... в сторону реки... теперь я их больше не вижу.

Несколько минут в машине стояло напряженное молчание. Наконец Уотерс взорвался:

— Так что ты, ради Бога, видел?..

— Помолчи-ка, — оборвал его Олетта, продолжая следить взглядом из-за обреза приборной панели. — Машина возвращается на Черри, выехав из соседнего проулка, что ниже от нас... это, скорее всего, снова они... Направляются к Джефферсон... поворачивают, притормаживают... Да, та же самая компания, все в порядке. Ползут мимо «Бьюика»... все медленнее... пристраиваются в трех машинах от него...

Четверо детективов держали наготове свои револьверы в открытых кобурах, застыв в ожидании. Подал голос Олетта:

— Четверо... Они вокруг «Бьюика»... пробуют двери Да они хотят взломать его!

— Взять их! — гаркнул Уотерс.

Он включил зажигание. Сжавшись за рулем, чтобы представлять собой цель поменьше, пока остальные пол улежали на задних сиденьях, он, не включая фар, влетел на Черри-стрит, резко развернулся и остановился перед коричневатым «Бьюиком». Он еще не успел пустить в ход ручной тормоз, а две дверцы с правой стороны распахну лись и с оружием в руках из машины вылетели Олетта Гроссо и Иган.

— Полиция! — гаркнул Иган.

Все произошло так быстро, что удивленная компания у машины едва успела сделать пару шагов к своему автомобилю. Все они были невысокими и смуглыми. Через несколько секунд, повинуясь решительным действиям де тективов, они уже лежали на капоте «Бьюика», с распростертыми руками, по двое с каждой стороны. Обыск сбна ружил у них три ножа, один с выкидным лезвием, моток велосипедной цепи и пару самодельных медных кастетов Задержанные были пуэрториканцами. Один из них гово-

рил по-английски. В течение нескольких минут детективы допросили их. Мрачные и перепуганные, они отвечали коротко и неохотно. Перед полицейскими открылась невеселая истина, что эта публика была отнюдь не *донами*.

— Пусто! — с отвращением воскликнул Иган.

— Просто компания шпаны, которая хотела взломать новую машину, — посетовал Сонни.

— Дерьмо! — сплюнул Иган. — За решетку их!

Пока Дик Олетта сторожил задержанных, Сонни, связавшись по рации, попросил о помощи местный полицейский участок. Иган и Уотерс внимательно осмотрели «Бьюик». Иган показал на высящиеся строительные конструкции.

— Ну, если кто-то сверху наблюдал за этой малышкой, мы смело можем включать сирену. Почему бы нам не посмотреть, что в нем? — повернулся он к невысокому федеральному агенту.

— Ты хочешь вытрясти его?

— Давай-ка глянем, что там такое. Может, машина загружена, а может, и нет. Не исключено, что ее уже успели выпотрошить. А может, все это пустой номер. Мы можем просидеть тут всю неделю. Так что давай поищем.

Уотерс согласился:

— Ладно, ты прав. Но давай подождем, пока не пристроим эту публику.

Через десять минут прибыли две патрульные машины и увезли четырех задержанных; Олетта отправился с ними.

Было десять минут пятого, когда оставшиеся три детектива неохотно признали, что вытянули пустой номер. Они обследовали интерьер салона: бардачки, приборную панель, подняли коврики, вытряхнули пепельницы, пошарили под сиденьями и в накладных карманах обшивки дверей — и выяснили только, как, выругавшись, признал Сонни, что автомобиль был совершенно чист и ухожен. Уотерс, сняв заднее сиденье и спинку, вооружившись карманным фонариком и складным ножом, который он называл «оружием взломщика» и с помощью которого в самом деле мог открывать едва ли не любой замок и запор, проник в багажное отделение и изнутри открыл его, но и здесь они обнаружили лишь обычный набор автомобилиста. Иган поднял капот, а Сонни даже заглянул под днище. Ничего. «Бьюик» был *совершенно чист*.

Разочарованная и усталая, троица вернулась к машине Уотерса на стоянку, где и осталась сидеть в темноте салона; даже словоохотливый Уотерс на этот раз молчал. Примерно минут через двадцать со стороны Пайк-стрит показался направляющийся к ним Олетта. Устало добравшись до угла Джефферсон-стрит, Дик подошел к «Бьюику» и, никого не обнаружив, стал приглядываться к стоянке. Уотерс мигнул несколько раз подфарниками.

Усевшись на переднем сиденье, Олетта с мрачным лицом уставился на коллег.

— Меня по пути подкинула до Пайк-стрит патрульная машина. Что с «Бьюиком»?

— Ничего, — проворчал Уотерс. — Мы перетряхнули его — и ничего.

Олетта вздохнул:

— То же и с теми воришками, которых мы прихватили. Всего лишь обыкновенные взломщики. И к тому же я обеспечил себе с утра работенку. — Он ухмыльнулся, глянув на часы: — Точнее, уже через четыре часа. Мне предстоит явиться в суд, подать жалобу и сделать заявление. Вот уж, спасибо, *напарнички*, — не без ехидства сказал он.

Они снова погрузились в молчание. Затем Уотерс спросил, не обращаясь ни к кому в особенности:

— Ну, и что же мы будем делать?

В первый раз за последние несколько часов Иган вспомнил Кэрол, продолжая надеяться, что она ждет его в квартире.

— Мы провели чудесный вечерок, — проворчал Олетта — но по крайней мере одному из нас предстоит с самого утра быть в форме.

— Ну, не можем же мы просто взять и *уехать!* — запротестовал Сонни. — А что с «Бьюиком»?

— Скоро начнет светать, — пробормотал про себя Иган.

Уотерс был погружен в задумчивость. Наконец он сказал:

— Слушайте, я думаю, что мне имеет смысл поболтаться в нашей конторе. Сонни, почему бы тебе не подкинуть ребят к их машинам, пока я посмотрю, кто в офисе и пошлю кого-нибудь приглядеть за «Бьюиком»?

— О'кей, ладно, — согласился Сонни. — Вот что я тебе скажу: когда высажу ребят, я позвоню тебе и посмотрю

удалось ли тебе кого-нибудь найти. И если нет, Господи, мне придется возвращаться и самому сидеть здесь.

Так и договорились. Прежде чем они расстались, Иган напомнил Уотерсу, что тот должен как можно скорее выяснить, откуда тут взялся этот «Бьюик».

Иган и Олетта забрались в «Олдс» Сонни и, миновав Бруклин, проехали мимо закусочной Пэтси, где встретились двенадцать часов назад. Иган и Олетта расселись по своим машинам и отправились по домам.

Оставшись один, Сонни выбрался на Бушвик-Гранд авеню и рядом с входом в подземку нашел круглосуточно работающее кафе. Чувствуя ломоту в костях и резь в глазах, он позволил себе несколько минут посидеть за чашкой горячего чая. Он был плохо заварен и обжигал язык, но пил Сонни его с наслаждением: у него не было ни крошки во рту с десяти часов субботнего вечера. Наконец, он подошел к телефону и набрал номер Френка Уотерса, на Черч-стрит 90 в Манхэттене.

Голос Уотерса, прорезавшийся в трубке, был похоронного оттенка.

— Мы проср... его, — проворчал он.

— Что?

— Когда я вернулся, тут был Джек Рипа, и я погнал его на Черри-стрит. Он только что звонил. «Бьюик» исчез.

— О, черт побери! Ты уверен, что он нашел это место? Он не мог?..

— Нет, нет. Он обыскал все вокруг. Пусто. Ничего.

Сонни напряг мышцы, скрипнул зубами, и тут же обмяк от навалившейся усталости и от отчаяния, которые окончательно овладели им.

— О'кей, — утомленно вздохнул он.

Оба они помолчали несколько секунд.

— Да, еще та девушка, Мэрилин, — вспомнил Уотерс. — Такси довезло ее до отеля «Челси» на Двадцать третьей. Это для тебя что-нибудь значит?

— Нет.

— Для меня тоже. Ну, по крайней мере, ты можешь отправляться домой и как следует выспаться, — вежливо предложил Уотерс.

— Ага. И ты тоже. Эй, только не забудь заняться этой машиной,

У Игана уже закрывались глаза, когда он оказался

около своих апартаментов в районе Флетбуш-авеню в Бруклине. У него была двухкомнатная квартирка на третьем этаже, которую он называл «Наблюдательная бочка». Он был почти рад, что Кэрол тут не оказалось, хотя ее присутствие неизменно чувствовалось. Она украсила его обиталище в тропическом стиле, протянув от стенки к стенке плетеный из травы ковер и портьерами закрыв вид на непрезентабельную улицу, пробиваясь сквозь которые солнечные лучи создавали впечатление рассвета над морем. Стараясь соответствовать этому стилю, Эдди раздобыл в Сентрал-парке списанную гребную шлюпку и, освободив ее от киля и сидений, устроил в ней ложе. По стенам висела резьба по дереву.

Двигаясь как во сне, он стащил плащ, куртку, распустил галстук и выложил содержимое карманов на комод. Сняв с пояса кобуру «38-го», он бросил ее среди ключей, мелочи, бумажника и заколки для галстука. И тут он вытаращил глаза, не веря самому себе: на краю комода аккуратно стояли в ряд шесть патронов. Он вытащил револьвер из кобуры и проверил барабан. Тот был совершенно пуст. Боже милостивый! Предположим, что доны *все-таки* появились бы! Он вернулся памятью к субботнему дню, когда в гостях у него несколько часов была племянница. Он видел, что она крутит в руках револьвер в кобуре, и для безопасности разрядил его. Наконец он позволил себе рухнуть на кровать и сразу же погрузился в беспамятство.

Иган проснулся, как от толчка, из-за телефонного звонка в половине десятого. На другом конце был Сонни.

— Проснулся? — спросил он.

— Нет, — хрипло буркнул Иган.

— Ну, так просыпайся. Тот канадский «Бьюик» исчез с концами.

Эдди присел на постели.

— Что?! — крикнул он... Пока его напарник с грустью объяснял, что случилось, Иган прислонился спиной к изголовью.

— Но есть кое-какие и хорошие новости, — добавил Сонни, — можно и порадоваться. Френк связался с канадской конной полицией и там сообщили, что машина зарегистрирована на имя Луиса Мартина Мориса из Монреаля, а через этого типа проходят все основные связи в Канаде.

Иган снова принял сидячее положение.

— Значит, там в самом деле *что-то было!*

— Подожди, подожди радоваться. Дальше эти конники сказали, что держат Мориса в Монреале под постоянным наблюдением, и его коричневатый «Бьюик» 1960 года никоим образом не мог попасть в Нью-Йорк. Как тебе это нравится?

Рассердившись Иган фыркнул:

— А Френк сообщил этой королевской канадской полиции, что он и три нью-йоркских копа всю субботнюю ночь сидели рядом с этой проклятой машиной, и если они не верят, то пусть оторвут свои задницы и сами убедятся?

Сонни хмыкнул.

— Ты же знаешь Френка. Он точно, как ты — все им выложил. Впрочем, теперь, когда машина исчезла, все это не имеет значения.

— Ну, — проворчал Эдди, — в таком случае они прокатились бы впустую.

— Ты явно не в себе. Возвращайся в постель. Я позвоню тебе позже.

Ни Эдди Игану, и никому из детективов, конечно, не могло быть известно, что в объекте, который они выслеживали и который ускользнул от них, было более четверти миллиона долларов в валюте Соединенных Штатов, изобретательно спрятанных в том самом «чистом» «Бьюике» — плата наличными за двадцать килограммов героина высшей очистки, который только в субботу днем был изъят из тайного хранилища в том же самом автомобиле.

ГЛАВА ПЯТАЯ

29 ноября 1961 года щеголеватый француз сорока восьми лет, не скрывая своей радости зашел в парижское агентство компании «Дженерал Моторс» на Рю Герсан, чтобы получить заказанный им автомобиль. Присутствующие в выставочном зале немедленно узнали в нем Жака Анджелвина, ведущего самой популярной во Франции телепрограммы «Парижский клуб». Пять дней в неделю в двенадцать пополудни ее смотрела вся Франция, потому что в это время большинство французов дома вкушало ленч.

Автомобиль, который Анджелвин собирался приобрести, был «Бьюик-Инвакта» 1960 года выпуска. Агентству «Дженерал Моторс» потребовался почти месяц, чтобы раздобыть его, и для подержанной машины она была сравнительно новой: на ее спидометре было 1669 километров, или 1043 мили. До сего времени Анджелвин пользовался только небольшими и гораздо более дешевыми автомобилями, которые мог себе позволить, марки — «Рено-Дофин». «Бьюик» обошелся Анджелвину в шесть тысяч долларов, что было всего на тысячу долларов меньше его суммарного дохода за предыдущий год. Не скрывая гордости и испытывая приятное чувство обладателя предмета роскоши, который ему столь нравился, Анджелвин получил ключи от почти нового «Бьюика» и уехал из выставочного зала...

В телешоу Анджелвин начал свою карьеру мелким агентом по найму. Порой он исполнял обязанности конферансье на выходах в некоторых парижских кабаре, был одним из трех ведущих в «Парижском клубе».

Роже Ферал, чей брат Пьер Лазарофф был издателем влиятельной газеты «Франс суар», интервьюировал личностей, которые привлекали к себе всеобщий интерес. Жак Шабанье, писатель, беседовал с литературными знаменитостями. Жак Анджелвин занимался публикой из ночных клубов и шоу-бизнеса. Поскольку он мог «воткнуться» в любой ночной клуб Парижа или ресторан, он никогда не платил за вечера с красивыми женщинами, которым при каждой возможности уделял внимание.

За несколько лет до того, как Анджелвин купил машину, напарником его был моложавый тридцатичетырехлетний корсиканец Франсуа Скалья, который порой пользовался именами Франсуа Барбье и Ив Шустерман. В уголовном мире Парижа Скалью также знали под прозвищем «Палач», ибо он пользовался заслуженной репутацией самого лучшего исполнителя во всей Франции контрактов на устранение. Скалья испытывал необходимость в Анджелвине как в ведущем шоу, потому что он был владельцем ночного клуба и присматривался еще к некоторым другим.

Досье на Скалью, хранящееся в Сюрте, указывало, что он был основным подозреваемым в трех случаях похищения людей с 1959 по 1962 год. Каждый раз жертвой оказывался богатый человек, которого прятали в некоем убежище недалеко от Парижа и держали там до тех пор, пока он не передавал похитителям все свои ценности — драгоценности, деньги и даже машины. Однако, корсиканец ни разу не был осужден ни по одному из этих обвинений.

Полиция подозревала Скалью и в другом, еще более неприглядном преступлении —торговле белыми рабынями, в чем ему оказывал содействие Анджелвин, может, сам того не подозревая. Симпатичные молодые девушки из провинций Франции, Германии и других европейских стран слетались в Париж, мечтая утвердиться в кино или шоу-бизнесе. Анджелвину доводилось встречать многих из них в ночных заведениях, частым посетителем которых он был. Когда девушки — предпочтение отдавалось блондинкам — высказывали желание попробовать свои силы в качестве манекенщиц или актрис, Анджелвин вы-

сказывал предположение, что ей имело бы смысл попробовать свои силы за пределами страны, после чего, обретя уже некоторый опыт, она без труда завоюет Париж. Бейрут и Ливан были бы великолепными местами, в которых стоило бы начать. И, кстати, он знает там владельцев ночных клубов.

На этом этапе в дело включался Скалья. У симпатичной блондинки, в самом деле, незаурядный талант, выносил он решение, устроив ей прослушивание в своих апартаментах. Он может вручить ей билет в один конец до Бейрута, где ее встретит его помощник, обеспечит ей номер в отеле и работу.

Через неделю, когда деньги подходили к концу, девушка внезапно выясняла, что оказалась без работы, без билета домой и не в состоянии оплатить гостиничный номер. Тут появлялся другой напарник Скальи, подкупленный офицер полиции, который угрожал девушке тюрьмой за невозможность оплатить счет. И девушка испытывала глубокую благодарность к другому помощнику Скальи, который, дав взятку, избавлял ее от крупных неприятностей. По теперь она оказывалась в его власти. Готовая на все, лишь бы избавиться от этого кошмара «арабских ночей», она должна была согласиться поработать несколько недель у богатого арабского торговца и, не успев понять, что с ней происходит, оказывалась проданной за пятьдесят тысяч долларов, если была блондинкой, какому-нибудь старому нефтяному шейху в его гарем в пустыне, окруженный бескрайними песками, откуда она не могла сбежать...

Главным образом благодаря Скальи, Анджелвин был на короткой ноге с большинством представителей полусвета Парижа — известными гомосексуалистами, лесбиянками и ценителями экзотических сексуальных ощущений. В его адресной книжке, кроме имен высокопоставленных деятелей из области театра, содержался целый каталог полезных правительственных и полицейских чиновников, которые входили в круг его знакомых. Кроме того, страдая ипохондрией, Анджелвин был пациентом шести врачей по самым разным болезням.

Хотя Анджелвин за короткое время обрел известность, его постоянно раздражала нехватка денег. На нем сказывалось происхождение из обеспеченной марсельской семьи, которое и испортило его. К двадцати годам он уже

учился в пятнадцати различных учебных заведениях, нигде не получив диплома. В начале второй мировой войны, когда ему было двадцать пять лет, он избежал призыва на военную службу из-за «плохого здоровья». Позже, чтобы укрыть его от глаз немцев, семья отправила его на отдаленную ферму.

Он решил попробовать свои силы в журналистике, о которой ничего не знал, и устроился в газетку «Голос Парижа», где подрядился вести колонку о кабаре. Оттуда он перебрался на небольшую радиостанцию, где стал помощником продюсера во франко-американской программе, в которой исполняя роль ведущего, представлял молодые многообещающие таланты.

Оттуда путь его лежал крупное шоу «Париж ночью», которое проводил «Клуб Ле Верне». Анджелвин обладал своим стилем подачи материалов и стал привлекать внимание. Именно там на него «положили глаз» продюсеры популярного телешоу «Парижский коктейль». Они сочли, что он обладает врожденной теплотой подхода и незаурядной привлекательностью, что заставит всю Францию смотреть их шоу.

Деньги в «Париж-Клубе», как переименовали программу, платили небольшие. Анджелвин получал меньше трехсот долларов в месяц, но он отлично усвоил, как обращать себе на пользу популярность, которой пользовался и в других областях. Он стал, как он сам любил похвастаться, единственным человеком в Париже, который со всеми на «ты». И все же ему никак не удавалось ухватить удачу за хвост. Две программы провалились. Жена оставила Анджелвина, взяв с собой детей — Вероника, дочь, родилась через два года после сына. После сорока он не обладал ничем, кроме некоторой известности, набора сувениров и писем фанов — но и горьким одиночеством.

«Танцовщица», с которой он встречался, по имени Жаклин — когда-то она считалась «Королевой парижского стриптиза», предложила Анджелвину открыть свое дело — ночной клуб. Жаклин уточнила, что обилие нужных связей поможет ему найти средства. С помощью таинственного финансового источника, обеспеченного Жаклин, Анджелвин обзавелся гостиницей, которую он назвал «Остров любви», где организовал кабаре закрытого типа, плавательный бассейн, а также теннисный корт и миниа-

тюрное поле для гольфа, которым можно было пользоваться в промежутках между приемами и танцами.

Примерно через год характер его заведения изменился. Постепенно оно стало местом встреч высокооплачиваемых проституток и главарей преступного мира, которые направлялись сюда прямо с площади Пигаль, после чего законопослушные клиенты покидали гостиницу. Когда Анджелвин выразил свой протест Жаклин, она ушла от него. Анджелвину осталось лишь наблюдать, как «Остров любви», как и все, к чему он прикасался, превращается в руины.

Когда его бывшая жена Мадо умерла в 1961 году, оставив сына Даниэля шестнадцати лет и четырнадцатилетнюю дочку Веронику, он отправил их жить к своим родителями, после чего решил взять «академический отпуск». На несколько недель он скрылся из виду. Ходили слухи, что он проводил время то ли в Риме, то ли в Бейруте; другие говорили, что он обосновался в сельском доме своих родителей около Сан-Тропеза. Куда бы он ни направился, чтобы обрести новое дыхание для себя и своего телевизионного шоу, именно тогда, вернувшись в Париж он стал регулярно контактировать с Франсуа Скалья.

Скалья сопровождал его по ночным клубам и знакомил с женщинами, среди которых была и его сестра; с ней Анджелвин и вступил в любовную связь. Скалья помог ему обрести должность распорядителя в некоторых помпезных парижских клубах. «Эго» Жака, столь долго унижаемое и подавленное, снова воспрянуло. А после того, как он проинтервьюировал в своей телевизионной программе представителя «Службы путешествий» США который к удовольствию Анджелвина, предложил ему посетить Америку и снять фильм для показа в «Париж-Клубе», как это сделал во Франции и в других странах знаменитый Эд Сюлливан, перед Жаком открылась блистательная возможность обосноваться в Америке. Он подумывал, что с таким же успехом может отправиться в Канаду и сделать несколько франкоязычных передач в Монреале или Квебеке. Это могло стать для него началом нового жизненного этапа.

Франсуа Скалья смотрел передачу «Париж-Клуба» в начале ноября, когда Анджелвин бесхитростно поведал зрителям о своих планах, обещая их вниманию интереснейшие фильмы после предполагаемого путешествия по Америке.

И внезапно Скалью осенило. Инстинктивно он все время чувствовал, что когда-нибудь Анджелвин крепко пригодится ему, куда больше, чем просто поставщик живого товара для продажи на Ближний Восток. Скалья имел прямое отношение к торговле героином, в Марселе, и Ливане. Он был регулярным и уважаемым посетителем парижского бара «Три канарейки» на Рю де ла Ларошфуко, известного парижской Сюрте как пристанище курьеров с наркотиками. Он отлично знал, какие трудности создает доставка производившегося в Марселе героина на самый широкий рынок его потребления в Нью-Йорк. Кто может привлечь меньше внимания в роли курьера, чем французская телевизионная звезда, которая в первый раз посещает Соединенные Штаты? Да и Анджелвин не был чужд дел с наркотиками. В 1958 году одна из его любовниц, богатая парижская матрона, умерла от передозировки героина.

Корсиканец немедленно же принялся за дело, чтобы заключить контракт на транспортировку с международным героиновым синдикатом, с которым он поддерживал тесные связи. Первым делом, Анджелвина надо было обеспечить соответствующей машиной, в которой можно надежно спрятать солидную партию наркотика. Изыскания в Нью-Йорке привели к выводу, что для этой цели лучше всего годится «Бьюик-Инвикта», конструкция которого позволяет встроить в него тайник.

Жак Анджелвин обновил свой паспорт и получил въездную визу в Соединенные Штаты через день после того, как в середине ноября Скалья закончил подготовку к его путешествию — ему оставалось лишь стать владельцем машины.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На другой день, как стало известно об исчезновении канадского «Бьюика», Сонни Гроссо связался со старым другом из ФБР, у которого была широкая сеть надежных информаторов. ФБР обычно не контролировало доставку наркотиков, но не отказалось держать руку на пульсе всех нелегальных операций, которые вершились в Соединенных штатах. Сонни попросил агента выяснить — не было ли выброшено на улицы Нью-йорка за последние двадцать четыре часа большо количество героина. Агент позвонил в тот же день с оптимистическими заверениями, но пока не мог сообщить ничего определенного.

На следующий день он снова связался с Сонни. На этот раз он сказал, что с «паникой» покончено. порошок пошел по кругу.

Машина из Канады сделала свое дело.

Тем не менее. в начале декабря Бюро по борьбе с наркотиками получило основания утверждать, что ноябрьская доставка лишь на какое-то время снизило напряжение из-за нехватки героина. Чувствовалось, что источник его иссяк, ибо полицейские информаторы сообща. ли; наркоманы снова начинают стонать. И можно было предположить, что в ближайшем времени стоит ожидать новой большей поставки.

Иган и Гроссо вместе с Ликом Олетта и федеральным

агентом Френком Уотерсом продолжали следить за Пэтси Фукка. Их первоначальная цель, Анджело Туминаро, отошла на задний план, и теперь все их интересы были сконцентрированы на возможности перехватить солидный груз наркотиков, которые. в чем они не без основания были уверены, проходили через руки Пэтси. На этот раз они подготовятся, куда лучше. Если они будут держать ушки на макулко и им повезет, они смогут накинуть сеть на всю компанию, включая, может быть. и самого Малыша Энджи.

Пэтси редко удавалось выскользнуть из их поля зрения. В этот период он, к тому же, явно не старался усложнить их задачи; он ни куда не спешил, казался благодушным и расслабленным, ведя размеренный образ жизни трудолюбивого мелкого бизнесмена. Большую част времени он проводил в закусочной. где его время от времени подменял или тесть, когда ему надо было куда-то выйти или по уик-эндам его брат Тони. Он по-прежнему несколько раз после закрытия заведения посещал в манхэттене на Пайк-Слип свою маленькую подружку Инес но его и близко не было видно на той улице, где он когда-то оставил канадский «Бьюик». В другие разы он повторял уже знакомые поездки через несколько районов с Никки Травато, делая закупки, то доставляя товары. Но в его поведении не было ровно ничего подозрительного.

Игану лишь один раз что-то запало в память, во время слежки за Пэтси, когда на второй недели декабря, он сопровождал его и Бар бару в их рождественских покупках в нижнем Бруклине. Иган следовал за парой из одного переполненного магазина в другой, стараясь не упускать ее из поля зрения, несмотря на кишащие вокруг толпы и предпраздничную суматоху. Через пару часов они двинулись по автостраде Кингуэй, где Барбара, оставив своего мужа у здания банка, куда-то отправилась на этот раз сама по себе. Пэтси. войдя в здание «Лафайет Нейшнл», побыл там какое-то время и, выйдя. остановил такси, которое доставило его обратно к его заведению. В этом визите не было ничего необычного, разве что, как прикинул Иган, он вроде занял несколько больше времени, чем требовалось бы для заполнения чека и снятия денег со вклада, Иган видел, что Пэтси с интересом обозревал операционный зал. Не хватало только, усмехнулся про себя Эдди, чтобы Пэтси оказался еще и грабителем банка.

Через два дня. 15 декабря, два бандита с автоматами ворвались в «Лафайет Нейшнл», убили охранника и смертельно ранили офицера полиции, после чего скрылись с 35 тысячами долларов.

Иган не был убежден, что прослеживается какая-то связь между Пэтси и этим вооруженным ограблением, во всяком случае, за прошедшие недели. 16 декабря, на другой день после ограбления банка, он с Сонни облачившись в белые халаты из больницы Святой Катерины, листали журналы и книжки в бумажных обложках на стенде на задах закусочной Пэтси. В нее вошел невысокий щеголеватый тип и увлек Пэтси в заднее помещение. «Веселенькие дела» — пробормотал Сонни. когда парочка скрылась за полуспущенным занавесом. Новоприбывшего им еще никогда не приходилось видеть. Хотя для всех окружающих они представляли двух любителей литературы, углубившихся в книги, два детектива незаметно приблизились к заднему помещению и навострили уши. чтобы подслушать хоть отрывок разговора.

— Дядя Гари хочет, чтобы ты принял еще одну партию сигар, как в тот раз, — сказал хриплый голос.

Пэтси хмыкнул. — Когда они приходят?

— ... примерно на следующей неделе.

— О'кей. окажи ему, что буду наготове, — буркнул Пэтси.

Через несколько секунд незнакомец вышел, задев локтем Игана У стойки он выбрал сигару, а потом, кивнув Пэтси, покинул заведение.

Эдди и Сонни переглянулись. Узнали они немного, но, скорее всего, можно было предположить — скоро что-то произойдет.

Именно в этот день, 16 декабря, из Франции прибыл в Монреаль груз — 51,1 килограмма, больше 112 фунтов почти чистого героина. Порошок белой смерти, расфасованный по небольшим пакетикам, был надежно укрыт в совершенно незаметном для глаз тайнике под капотом «Бьюика-Инвикты» 1960 года выпуска.

Дьявольский цикл героина на этот раз начался в Турции, где выращивается мак и производится опиум. Оттуда он идет в Ливан, где маслянистая пахучая коричневая масса продается, а затем при помощи химии преобразовывается в белый порошок морфина. Требуется десять фунтов опиума. чтобы получить один морфина, который затем тайным образом переправляется в лаборатории сложной химической очистки под Марселем. Здесь наркотик, пройдя ряд химических прев, ращений, становится героином и начинает свое зловещее распространение по миру и, главным образом, на своем основном рынке. в Соединенных Штатах. По пути на рынок в данной стране, груз первым делом попадает к «получателю», затем к крупным оптовикам или «связникам», а затем, спускаясь все ниже по этой линии — к мелким уличным толкачам, которые продают в прозрачных полиэтиленовых пакетиках «понюшки» по три или пять долларов за пакетик. (Алчность этого низшего звена имеет хоть один положительный аспект. Когда чистый героин разошелся по рукам и распределятся по пакетикам, он уже разбавлен безобидной лактозой, и в пакетике содержится не более нескольких гран настоящего героина, минимальная доза, что облегчает отвыкание, по сравнению с тем временем, когда в ходу было «настоящее снадобье», продававшееся в двадцатых и тридцатых годах). Предполагалось, что груз, прибывший в Монреаль, должен был дать примерно 32 миллиона долларов, когда разойдется по улицам. Теоретически, этого было достаточно, чтобы обеспечить всех наркоманов в Америке восьмимесячной «заправкой». Это была самая большая партия, когда-либо пытавшуюся ввезти в Соединенные Штаты[1].

Получателем в Монреале был тот самый Луис Мартин Морис, который фактически был импортером номер один наркотиков по всему Северо-Американскому континенту. Соответственно, этот груз доставил в Монреаль рас-

[1] В декабре 1965 года Федеральное Бюро по борьбе с распространением наркотиков в сотрудничестве с таможенными агентами США и местной полицией в Колумбусе (Джорджия) захватило более 200 фунтов героина, доставленного из Франции внутри электроморозильника и арестовало четырех человек. В апреле 1968 года федеральные агенты с помощью полиции Нью-Йорка снова конфисковали больше 200 фунтов героина, которые достаточно любопытным образом были спрятаны в автомобиле, оставленном на одном из пирсов в Манхэттене. В дальнейшем, можно предположить. произошла «утечка» секретных сведений, ибо — не в пример данному случаю, в чем можно будет убедиться — никто не явился за грузом и никого не удалось задержать. — Прим. автора

порядитель с французской стороны самой большой в мире героиновой сети, Жан Джихан, который был известен в англоговорящем преступном мире под кличкой «Гигант». Для тех немногих, которые видели его и говорили с ним, он представлялся фигурой из мели драматической пьесы. «Гигант» был высоким элегантным французом пятидесяти с лишним лет, которые предпочитал жемчужно-серые гетры, брюки в тонкую полоску. излюбленные дипломатическим корпусом, черный кашемировый блейзер с красной отторочкой лацканов и карманов, жилеты (порой лимонного цвета) соответствующие галстуки и серые мягкие шляпы. Это внушительное произведение портняжного искусства дополнялось тросточкой черного дерева. которую он неизменно имел . при себе. В этой поездке из Франции Джихан беспокоился несколько больше, чем в ноябре, когда он возвращался, доставляя тот «Бьюик», который Гроссо, Иган и Уотерс заприметили в Нью-Йорке. Та операция прошла в общем-то успешно, но к моменту ее завершения, жан Джихан обратил внимание на некоторую активность полиции. Может быть, они просто случайно наткнулись на что-то. но его гораздо больше беспокоили предположения. что где-то может произойти утечка или проявиться слабость в каком-то звене всей цепи операции. во всяком случае ему не понравилась организация дела в Нью-Йорке. Когда Туминаро руководил своей организацией, в ней был и порядок и полная безопасность. Но этот его племянник, Фукка ... Джихан не испытывал к нему доверия. У него не было представления о стиле, об изяществе, что само по себе было достаточно печально, как отметил француз; но гораздо хуже, на этого человека, по всей видимости, нельзя было положиться.

Его опасения получили подтверждение, когда по прибытии в Монреаль полиция наложила неожиданный запрет на заход в порт и начала тщательно обыскивать корабль, стоящий в отдалении от причалов. Обыск был слишком тщательным для обычного досмотра — полиция проводила его два дня. Жан и Морис, который прибыл встретить его, пришли к выводу, что полиция получила наводку об ожидающемся грузе наркотиков.

Тем не менее. держались они довольно уверенно, пока от одного из тайных агентов в Монреале не пришло другое тревожное сообщение. Им сообщили, что в Рочестере, штат Нью-Йорк, один из гангстеров, который оказывал

им ценные услуги в контрабандной переброске товара, был убит в перестрелке.

В то время Джихан и Морис еще не могли знать, что их контакт был пристрелен в ходе обычной разборки между соперничающими бандами, которая чисто случайно совпала по времени с обыском канадской полиции на борту судна. Для них этого совпадения было достаточно, дабы решить, что начинает пахнуть жареным. Они пришли к согласию, что в данный момент слишком опасно пытаться перебрасывать груз через границу США и Канады в «Бьюике». Единственным выходом было вернуть его в Париж в том же виде, в котором он прибыл и искать путь его доставки прямиком в Нью-йорк.

Так что 18 декабря по окончании полицейского обыска, когда «Бьюик» был возвращен полицией и таможней Жан Джихан вылетел в Париж. Его снова погрузили на судно и он поплыл обратно во Францию со своим нетронутым грузом.

В Нью-Йорке пришла и ушла «следующая неделя», в течение которой, по словам информатора Пэтси, должны были прибыть «сигары», а героиновая паника продолжала шириться. Полиция была не в состоянии определить, является ли кризис делом рук мафии — жестокий способ, который порой пускался в ход, чтобы взвинтить цены на наркотик или же крупные импортеры в самом деле столкнулись с проблемой доставки товара в страну.

Детективы продолжали тщательную неослабную слежку за Пэтси Фукка. за его семьей и окружением, много дней круглые сутки не выпуская его из виду. Это доставляло определенные сложности, потому что приближались свободные дни, не говоря уж о Рождестве, но они знали, что ни на минуту не могут выпустить Пэтси из-под контроля, ибо это может свести на нет все, чего они добивались.

В довершение ко всему, у Эдди Игана возникли проблемы и с Кэрол Кэлвин. Симпатичная девушка постоянно старалась, чтобы Эдди проводил с ней как можно больше времени, все более настойчиво побуждая его бросить эту «неблагодарную» работу и заняться делами вместе с ней. Иган все чаще расстраивался из-за бесплодных споров по этому поводу и еще больше его беспокоило, что в

ней явно стало проскальзывать стремление лишь к материальному благосостоянию. Последнее ее предложение вообще было из ряда вон: как-то вечером Кэрол возбужденно поведала ему, что один постоянный посетитель «Таверны Нассау», весьма солидный джентльмен в годах, предложил ей купить для нее ночной клуб в Нью-Джерси! Иган сделал ей втык, дав понять, что подтекст такого предложения должен быть ясен даже семилетнему ребенку и потребовал забыть о нем. Но через несколько дней Кэрол, задыхаясь от волнения, принесла ему очередную новость пожилой джентльмен прислал своего тридцатидевятилетнего сына с подарком для нее — новый «Сандерберд»! она была в восторге перед открывшимися возможностями: Эдди сможет бросить полицию и все время посвящать ей и клубу. Что же касается ее преклонного поклонника, как она называла его, ей представлялось, что его устроят случайные кофепития с ней, ну и, может, раздругой она позволит ему поцеловать себя. Иган, было оцепенев, пришел в ярость. Они снова ссорились и на этот раз он ушел. Но он не мог отделаться от воспоминаний, как ему было хорошо с его девятнадцатилетней белокурой красавицей.

После возвращения из Монреаля в париж, Джихан не терял времени, связавшись с человеком, который за высокий гонорар выполнял для синдиката некоторые достаточно сложные и неприятные обязанности. Франсуа Скалья, обрадованный тем, что его предвидение так быстро оправдалось, слушал внимательно, когда Джихан излагал диллему, которую ему предстояло решить — как доставить дорогой и очень необходимый груз героина прямиком в Нью-Йорк, самый ближний порт соединенных Штатов.

Потребность в героине росла с каждым днем, но полиция была в опасной близости, да к тому же до Джихана дошло, что некоторые из самых крупных потребителей в Америке жалуются: героин не такой высокой очистки, как договаривались. Им нужен новый высококачественный товар — и поскорее. джихан даже высказал намерение на этот раз послать в Нью-Йорк лично шеф-химика для проверки качества. Но, главным образом, надо было доставить груз на место. Есть ли на этот счет какие-то

идеи у корсиканца? Скалья пожелал «Гиганту» хорошего расположения духа и весело отпраздновать Рождество. пятьдесят один килограмм героина в целости и сохранности будут доставлены в Нью-йорк.

В среду, 21 декабря, Жак Анджелвин объявил в своей телевизионной программе, что его планы посетить соединенные Штаты, где, как он сообщил, «собирается поставить на уши Америку и их ТВ», близятся к завершению. Он сообщил внимающей ему обширной аудитории что собирается взять с собой в Америку свою роскошную новую машину, «чтобы увидеть Америку как настоящий первостатейный турист». Конечно, он не уточнил, что его намерение посетить Америку подстегивались нетерпением Скальи. Плата за доставку машины в Америку была равна 475 долларам, больше, чем его билет в туристском классе. Он знал, что ему предстоит выполнить достаточно опасное «поручение» Скальи, но ему было обещано 10000 долларов, больше, чем его годовой заработок, когда поручение в Нью-Йорке будет выполнено.

Скалья сказал Анджелвину, что до отъезда ему всего лишь надо предоставить «Бьюик» в его распоряжение на пару дней. Он должен незапертым оставить в определенном месте на Елисейских полях, где и получит его обратно ровно через сорок восемь часов. прибыв в Нью-Йорк, он должен оставить машину в гараже своей гостиницы «Уолдорф-Астория» и не прикасаться к ней, пока не получит инструкций. Все предельно просто. Он сам, заверил его Скалья, в это же время будет в Нью-Йорке, где окажет ему и содействие и моральную поддержку. За это он получит не облагаемые налогом 5 миллионов франков или 10 тысяч американских долларов.

2 января 1962 года Анджелвин оставил свой «Бьюик» на Елисейских полях и вылетел на юг, где ему предстояло провести два томительных дня в кругу семьи. 4-го января, вернувшись в париж, он взял машину, сложил вещи и направился к северному побережью, где из Гавра на следующий день должен был выходить океанский лайнер «Соединенные Штаты». Вечером он остановился в Руане, где в обусловленной гостинице его встретил Скалья и за обедом они еще раз обговорили детали «поручения» Жака.

На следующее утро неугомонный Анджелвин напугал

корсиканца чуть не до смерти. поскольку предыдущим вечером у «Бьюика» несколько барахлил генератор, он поднялся пораньше и двинулся в гарантийную мастерскую компании «дженерал моторс», которая находилась на другом конце Руана, как указал ему портье. Когда Скалья, поднявшись обнаружил исчезновение своего компаньона, он осведомился о его пребывании у портье, а услышав, куда направился Жак, схватил такси и как сумасшедший помчался к мастерской, чтобы предотвратить нежелательное внимание к следам ремонта во внутренностях «Бьюика».

Вечером 5-го января Жак Анджелвин наконец отплыл на борту лайнера «Соединенные Штаты» из Гавра. со своей драгоценной «Инвиктой» в грузовом трюме. Франсуа Скалья вернулся в париж на поезде.

Через тридцать шесть часов, т января, Франсуа Скалья сам сел на рейс «Эйр Франс» в Орли и вылетел в Монреаль, в Канаду. На ночь он остановился в отеле «Куин Элизабет», а позже встретился в квартире в районе Росемонт с Луисом Мартином Морисом и Жаном Джиханом который несколько раньше другим рейсом прибыл из парижа. Следующим вечером Скалья на поезде выехал в Нью-Йорк. Явившись утром 9 января, он зарегистрировался под именем Франсуа Барбье в гостинице «Виктория» на углу 51-й стрит и Седьмой Авеню.

Джихан в тот же день попозже вылетел из Монреаля и, оказавшись в Нью-Йорке, направился в гостиницу «Эдисон» на 46-й стрит между Бродвеем и Восьмой авеню. сна была не дальше, чем в шести кварталах от 86-Го пирса на Гудзоне, куда на следующее утро должен был пристать флагман пассажирского флота Соединенных Штатов.

Пребывание на борту «Соединенных Штатов» с самого начала показалось Жаку Анджелвину, скорее, неприятным, чем радостным. Отплытие из Гавра задержалось на шесть часов, и пассажиры до полуночи не могли подняться на борт. Ему пришлось делить каюту туристского класса еще с двумя попутчиками, одним из которых был немец. сразу же вызвавший неприязнь у Жака. Среди 1800 пассажиров судна французов почти не встречалось; большая часть, похоже, были американцами и мак был

разочаровал их. как ему показалось, равнодушием и подлинной элегантности. Пища ему явно не нравилась, кроме разве обильного англо-саксонского завтрака, хотя. уделяя пристальное внимание своему здоровью, он решил, что американская привычка запивать еду жидкостями может оказать благотворное воздействие на его печень.

В маленькой душной каюте Анджелвин испытывал приступы клаустрофобии и плохо спал. Растущее раздражение усиливалось его надутым прусским спутником, у которого была привычка подниматься каждое утро в шесть часов, неизменно будя жака, который только засыпал в это время.

Анджелвину наконец удалось встретить молодую француженку Арлетту, которая, хотя и не отличалась особой привлекательностью, все же могла привлечь его внимание. Но переполненный туристский класс не позволили развить и углубить их отношения на этой стадии.

Анджелвину пришлось неохотно сидеть в библиотеке, внося в дневник свои заметки относительно плохих условий путешествия и свои размышления относительно планов в Нью-Йорке. Он поклялся себе, что на обратном пути будет путешествовать только первым классом. Теперьто он сможет себе его позволить.

На этой неделе, как сообщали полицейские информаторы, в Нью-Йорке продолжали циркулировать слухи, что не меньше пятидесяти килограмм героина — «хорошего товара» — на этих днях заполнят улицы. Примерно в то же время детективы, обитавшие снаружи — а часто и внутри — заведения Пэтси Фукка в бруклине все чаще начали замечать появление различных мрачных типов, известных своим интересом к наркотикам.

Во второй половине дня 9 января детектив Сонни Гроссо, облаченный в белый халат, зашел в закусочную Пэтси. Иган по другую сторону Бушвик-авеню занимал привычный пост в больницс. Сонни оста вился у фонтанчика и сказал старику за стойкой, тестю Пэтси:

— Кофе, рогалик и «Пепси». — Сам хозяин заведения сидел в задней комнате за столом, расставив локти, и хлебал ложкой суп. Сонни и Эдди в роли «врачей» за последние три месяца так часто посещали закусочную, что уже

стали обмениваться приветствиями с Пэтси, вот и сейчас Сонни, направляясь к телефону на задней стенке, поднял руку и Пэтси кивнул ему в ответ.

Когда Сонни оказался рядом с одним из автоматов, он зазвонил. Машинально он снял трубку.

— Алло?

— Паскуале? Бон Джорно! — раздалась звучная итальянская речь.

— Кто?

— Паск ... Пэтси, пожалуйста. — В английском чувствовался сильный акцент.

— Ах, да. Минуточку. — Сонни заглянул за занавеску, где сидел Пэтси, поглощенный своим супом. — К телефону.

Выйдя, Пэтси взял трубку, а Сонни направился к стенду с журналами. Разговор был короток, да и Пэтси в основном слушал, реагируя лишь бурчанием. Затем Сонни услышал, как он бросил по-итальянски: — О'кей, до встречи, — и повесил трубку.

Когда Сонни опять подошел к телефону, он слышал, как пэтси говорил своему тестю: — Постарайтесь завтра быть на месте, папа. Я буду занят почти весь день.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Бюро по борьбе с наркотиками нью-йоркского департамента полиции размещалось на третьем и четвертом этажах древнего здания 1-го участка на короткой узкой улочке, именовавшейся Олд-Слип ближе к юго-восточной оконечности манхэттена, в нескольких кварталах от финансового района банков и бирж. По сути, Олд-Слип представляла собой две параллельные улочки. тянувшиеся с запада на восток, каждая из которых включала в себя едва ли два квартала, они соединяли Уотер и Саут улицы, что тянулись вдоль Ист-ривер и разделялись посредине еще более узкой Фронт-стрит. Здание 1-го участка представляло собой небольшой равносторонний квартал на том конце улицы, что выходил к реке: мрачная конструкция серого камня, возведенная на рубеже столетий, если не раньше. асе комнаты были обшиты панелями темного дерева и обладали высокими потолками поблекшего зеленого цвета; здсь же был большой зал для собраний, с минимумом обстановки, выщербленными деревянными полами — словом, точная копия полицейских участков из фильмов двадцатых и тридцатых годов. На улицу выходила массивная дубовая дверь, забранная деревянными решетками, за которой виднелась высокая конторка, открывавшая взгляду лишь голову и плечи сержанта в синем мундире, встречавшего каждого входившего усталым взглядом, дававшим понять —

все это он уже видел и присматриваться ему не стоит. Остальная часть главного помещения, недоступная взгляду, была отдана раздевалке патрульных со шкафчиками, складу снаряжения, кабинетам, камерам для допросов и помещениям для задержанных, забранных решетками. Скрипучая деревянная лестница с массивными перилами красного дерева вела на второй этаж, где было помещение, отданное детективам участка и хранилищу оружия. На площадке второго этажа висел грубоватый черно-белый указатель, стрелка которого указывала наверх: «В бюро наркотиков».

Площадка третьего этажа, как две капли воды, походила на ту, что внизу. прямо на нее выходила умывальная, рядом с которой размещался сатуратор с охлажденной водой и висела доска с текущими бюллетенями, объявлениями «Разыскивается», мутными снимками, беглыми набросками лиц, сбежавших из тюрем, ксерокопировальными сообщениями, а где-то в углу приткнулось объявление Добровольной полицейской Ассоциации о совместном завтраке членов сообщества. Справа от главного коридора была большая комната — точнее, зал — разделенный на уровне глаз на ряд небольших ячеек. в которых размещались один или два письменных столов, половина из них в любое время была занята деловитыми сотрудниками, большинству которых было от двадцати до тридцати лет. Они тихо переговаривались по телефонам, рылись в стопках машинописных листов или составляли рапорты, сверяясь со своими беглыми заметками в блокнотах Общими для всех приметами были тупоносые револьверы 38-го калибра в кобурах на поясе и бесстрастные лица. С другой стороны чувствовалось, что любой из них, стоит ему выйти из здания и влиться в толпу прохожих, ничем не будет отличаться от них.

Некоторые были в джинсах и кожаных куртках, другие в разнообразных, но аккуратно пригнанных спортивных костюмах; виднелись тут и деловые костюмы с галстуками и пиджаками, но кое-кто напоминал своим внешним видом завсегдатаев ночных кабаков. Тут были и высокие англосаксы, и коренастые латиноамериканцы, и несколько темнокожих. Прически варьировались от армейского бобрика до локонов и кудрей. сотрудники Бюро были и высокими и низенькими, и тощими и осанистыми. Мало кто напоминал типичных копов. Многие из этих людей

были ведущими сотрудниками Бюро по борьбе с наркотиками, тайными агентами, которые прослеживали паутину путей их распространения, раскидывая свои сети. другие были «полевыми» оперативниками, которые открыто задерживали толкачей и пользователей на улицах города Кое-кто представлял собой руководство штаб-квартиры.

Кабинет шеф-инспектора Кэри, размещавшийся в дальнем углу, был невелик. В нем стояли большой старый стол, книжный шкаф, одно из двух окон было в верхней части стены, а другое выходило на подъем виадука Саутстрит и на пирсы нижней части Бруклина по ту сторону Ист-ривер. На стене рядом с дверью. открытой обозрению шефа, сидящего за столом, висела большая грифельная доска с расписанием занятий личного состава бюро. В рамке четыре на четыре фута на левой стене было нарисованное от руки генеалогическое дерево подпольной организации, существование которой никто из копов не решился бы публично признать; «МАФИЯ». Главой одной из «семей» был назван Анджело Туминаро.

Когда новый комиссар полиции Стивен Кеннеди в 1958 году поставил Эда Кэри во главе Бюро по борьбе с наркотиками, оно было буквально на грани издыхания из-за отсутствия интереса к своей деятельности со стороны медноголового руководства департамента. Вплоть до окончания второй мировой войны наркотики отнюдь не были главным фактором, способствующим росту преступности; до войны они были под юрисдикцией отдела, боровшегося с азартными играми, проституцией, распространением порнографии и прочими так называемыми «оскорблениями общественной нравственности». Отдельный отряд по борьбе с наркотиками появился лишь в конце сороковых годов, когда стало ясно, что международные силы мафии стали уделять огромное внимание путям доставки наркотиков и не только получению огромных доходов от неисчислимых поклонников зелья, но и проник новению в «легальный» бизнес. Первоначально отряд, переименованный позже в Бюро, состоял из пары дюжин специально отобранных полицейских, которые практически еще ничего не знали о хитрых тайных путях контрабанды наркотиков и учились на собственном опыте.

Состав отряда быстро увеличивался, поскольку его усилия пресечь все возрастающий поток наркотиков, идущих через Нью-Йорк, были тщетны. Город начал стано-

виться центром распространения наркотиков во всем Западном полушарии; половина или даже больше всех потребителей наркотиков в США клубились в центральных районах и примерно от семидесяти пяти до восьмидесяти процентов опасного зелья попадала в страну через порты и аэропорты Нью-Йорка.

К середине пятидесятых годов в распоряжении Бюро было примерно двести человек, работающих на улицах, около одного процента всех сил полиции; круг их обязанностей расширялся с обескураживающей быстротой. стремление наркоманов обзавестись зельем и огромные доходы, получаемые от них уголовным миром, делали невозможным эффективный контроль за путями распространения наркотиков со стороны правоохранительных органов. Превентивные меры ограничивались лишь практически бесплодными задержаниями уличных «толкачей» и связных банд, самого низшего ранга, да редкими удачами, которые лишь смутно позволяли себе представить размах неизменно неуловимых источников товара.

Н этот период в высших кругах полиции стали осознавать, что угрожающее растущее количество преступлений всех видов в немалой мере связано с растущей волной поступления наркотиков. Ряд руководителей выдвигал самые разные теории положения дел, самой традиционной из которых был свойственен отказ от специализированного внимания к проблеме наркотиков в пользу старой испытанной тактики «старайся-и-добивайся-истины» и широкого фронтального наступления на преступность. Когда Кэри в 1958 году принял под свое начало Бюро, в нем оставалось всего 164 человека. Моральный уровень был невысок и вообще сходил на нет: многие полицейские были глубоко разочарованы кажущейся тщетностью своих стараний. потеряв уверенность. они сами себе установили этакую «квоту» арестов, кроме необходимого минимума, они не хотели больше прилагать никаких усилий.

Но Кори решительно взялся создавать новую команду, пустив в ход все свои преимущества. Во-первых. комиссар Кеннеди относился с нему с нескрываемой симпатией и доверием; он был умным и тонким, но жестким и непреклонным администратором, который исходил из н е о п р о в е р ж и м о г о предположения, что большинство сегодняшних преступлений. организованных и случайных, имеют в своей основе наркотики. Кеннеди дал Кэри

полную свободу в наборе личного состава и в реорганизации работы Бюро; кроме того, он поощрял драматическое изложение перед обществом той опасности, с которой оно столкнулось.

Новому шефу потребовался почти год для достижения своих целей и организации службы. Он старался как можно глубже узнать каждого из своих сотрудников, в результате чего кое-кому пришлось уйти, но пришли другие. Он начал формировать и лелеять небольшую группу из самых целеустремленных и энергичных детективов, которые стали «элитой», получившей название Специальной Следовательской Группы, единственной целью которой стало не выслеживание путей, как наркотики попадают на улицы, а крупные партии, стремление выследить и захватить «верхушку» — и чем выше, тем лучше.

Наконец Кэри укрепил связи местных отделений с Федеральным Бюро по борьбе с наркотиками. Теперь они могли пользоваться, в случае необходимости, ресурсами, людьми и снаряжением Федерального Бюро. Нью-Йоркская же полиция имела сеть информаторов, контакты и законные возможности, например, организации подслушивания, что могло пойти на пользу правительственным агентам. И в завершение шеф Кэри еженедельно встречался с федеральным управляющим региона, Джорджем Гаффни, чтобы обменяться информацией и обсудить стратегию действий.

Получив приток новых сил и обретя уверенность, борьба с наркотиками стала обретать размах и мощь, как в виде арестов крупных поставщиков, так и в виде информирования общества о пугающих размерах проблемы. Полиция стала получать информацию, что представители мафии старого закала испытывают разочарование относительно судьбы поставок наркотиков, по мере того, как закон все ближе подбирался к ведущим фигурам среди них. Стали распространяться слухи, что ветераны мафии, многие из которых давно уже успели отмыть «грязные» доходы и обзавестись вполне законными источниками их, стали опасаться, что их с таким трудом завоеванное положение в обществе ныне находится под угрозой. Многие из них «ушли в отставку» передав своих постав-

щиков наркотиков более молодым, неутомимым и безжалостным членам «семей» или вообще отошли от дел, свернув свои интересы, предоставив заниматься ими новому поколению пиратов в лице пуэрториканцев и беглых кубинцев без подданства.

В силу всей этой неразберихи операция, которой занимались детективы Иган и Гроссо вместе с федеральным агентом Френком Уотерсом, могла обрести большое значение, ибо ее ключевая фигура Пэтси Фукка был связан с одним из старых боссов Малышом Энджи. Если дело было столь многообещающим, как предполагала полиция, ряд арестов и судебных расследований, вероятно, поможет им накрыть международную сеть производства наркотиков. В силу этого шеф Кэри обеспечил Игану и Гроссо и группе Спецотдела за последние четыре месяца полную свободу действий, как и Джордж Гаффни своим федеральным агентам.

В течение этого времени у Игана и Гроссо оказались в руках все нити расследования, в котором, по их настоянию, должно было участвовать минимальное количество людей, дабы избежать даже случайной расшифровки слежки; но сейчас, услышав телефонный звонок к Пэтси в заведение, который убедительно намекал о чем-то важном, они решили сразу же отправиться к лейтенанту Хоуксу и просить в помощь все силы, которые были в его распоряжении. 10 января в среду в половине десятого Кэри, Хоукс, сержант Флемминг из спецотдела, директор Гаффни, Френк Уотерс и специальный агент Бен Фитцжеральд из Федерального Бюро встретились в штаб-квартире Бюро для вырабртки новой стратегии расстановки людей. Кэри приказал, чтобы каждый из двухсот человек подчиняющегося ему личного состава, если только не занят по уши важным расследованием, был наготове в любое время суток, где бы он ни находился, включиться в дело Фукка. Гаффни также подключил всех своих агентов в районе Нью-Йорка. В целом в деле теперь участвовало около трехсот детективов.

Радиофицированные машины снабдили диктофонами, чтобы записывать все переговоры между членами группы, занятыми в деле. Федеральный офис на Черч-стрит, 90 был избран центральным командным пунктом и узлом связи, базовая система которой была готова принимать все сообщения и выдавать указания полиции и агентам, а

также Игану, Гроссо и Уотерсу к которым сходились все нити.

В тот же день, вскоре после полудня, Гроссо и Уотерс, которые «висели на хвосте» у Фукки от его дома, остановили машины рядом со стройкой на 45-й стрит Ист в Манхэттене, к востоку от Вандербилт-авеню. Этот район с тыльной стороны вокзала Гренд-Сентрал был запружен машинами, которые торопливо разгружались строителями, наводившими последний лоск на почти закопченный силуэт здания «Пан-Ам».

Гроссо и Уотерс чувствовали растущее беспокойство, наблюдая за главным входом в гостиницу «Рузвельт», в полуквартале к западу между Вандербилт и Мэдисон-авеню. Они следили за Пэтси от дома с раннего утра и наконец последовали за ним в мидтаун. Пэтси, нарушая правила, припарковал свой «компакт» в зоне с надписью «Машины не ставить», что напротив «Рузвельта», и вошел в гостиницу. Прошло десять минут, но он не появлялся.

Сонни распахнул дверцу машины. «Пойду гляну», коротко сказал он. Он двинулся по улице, пока не оказался прямо напротив входа в отель. Пэтси не было видно, но наступило время ленча и тротуары были заполнены служащими соседних контор. Сонни решил, что толчея предоставляет ему возможность заглянуть в холл. Он пересек 45-ю стрит, толкнул вращающуюся дверь, поднялся по нескольким, широким застланным ковром, ступенькам ... и застыл на месте.

Заставила его оцепенеть внушительная фигура спускавшегося по лестнице — высокий и до неправдоподобия элегантный джентльмен с пышной гривой седых волос под мягкой серой шляпой, в черном кашемировом пальто с бархатным воротничком, в полосатых серых брюках с черной тросточкой, которую он небрежно держал в руке, и в жемчужно-серых гамашах. Сонни неподвижно стоял на ступеньках, не спуская глаз с этого человека, лет шестидесяти с виду. Он отпустил улыбку кому-то стоящему ниже его — одну из тех вежливых светских улыбок, в которых легкое изменение уголков губ может превратить тепло в ледяную холодность. Сонни перевел взгляд пони-

же. У подножия лестницы стоял Пэтси; он тоже улыбался, но на его лице ясно читалось подобострастие.

Обменявшись рукопожатием, пара двинулась по 45-й стрит. Сонни через боковую дверь тут же вернулся на улицу, оказавшись на ней одновременно с Пэтси, который следовал за своим спутником; Сонни сразу же поспешил к машине Уотерса, пару раз глянув из-за плеча, чтобы не упустить парочку из виду. Они двигались к Мэдисон-авеню. Сонни рухнул на сиденье рядом с Уотерсом:

— Вы *это* видели?

— Ага. А что? — ухмыльнулся агент.

Пэтси и его спутник вернулись к входу в «Рузвельт» и стояли сейчас сбоку от входа, погруженные в разговор и не обращая внимания на морозец. Незнакомец явно был не из того круга, в котором детективы привыкли видеть Пэтси.

— Ручаюсь, что именно этот тип звонил ему вчера, — пробормотал Сонни. Он мечтал, чтобы кто-нибудь придумал способ разбирать слова по клубам пара, вырывающимся изо рта собеседников и которые походили на дымные сигналы индейцев.

— Похоже, что в игру вступает первая команда, — прокомментировал сцену Уотерс.

Едва только миновала половина первого, Пэтси и человек в черном торопливо направились к его синему «компакту», стоявшему через улицу. Через несколько секунд они влились в поток движения, медленно прокладывая себе путь на запад через среднюю часть Манхэттена. Уотерс и Сонни последовали за ними, держась на некотором расстоянии.

Им потребовалось не менее двадцати минут, прежде чем «Бьюик» выбрался на 46-ю стрит рядом с задним входом в отель «Эдисон», что был между Бродвеем и Восьмой авеню. Незнакомый щеголь вышел, обойдя машину, наклонился к окошку водителя, бросив Пэтси несколько слов на прощанье, после чего величественно вошел в отель. Пэтси отъехал от него, держа на этот раз путь в восточную часть города. Сонни выскочил из машины, стоящей несколько поодаль, и торопливо направился к гостинице. Уотерс двинулся за Пэтси.

Сонни успел в холл как раз вовремя, чтобы заметить высокого мужчину, который выходил из главного входа на 47-ю стрит. К тому времени, когда детектив пересек

холл и выскочил на улицу, человек уже подходил к Бродвею. Чувствовалось, что на этот раз старый «бульвардье» просто прогуливался, впитывая в себя краски и звуки шумного и красочного Таймс-сквера, который при свете дня казался Сонни запущенным и потрепанным, как старая проститутка, которая отмахала много миль в поисках клиента и наконец-то стащила обувь с опухших ног. Его поведение привлекало взгляды прохожих, некоторые из которых смотрели на незнакомца с восхищением и удивлением. «Во всяком случае, следить за ним нетрудно», — подумал Сонни. Он миновал участок пересечения Бродвея и Седьмой авеню, останавливаясь у витрин магазинов и стендов кинотеатров. Он просто убивает время, решил Сонни, который держался в паре кварталов за ним. На углу 48-й стрит он остановился у ресторанчика Макгинниса, но прошел мимо. На 51-й стрит он опять пересек Бродвей, снова направившись в восточную сторону; шел он таким же ровным спокойным шагом. Наконец, погуляв около часа, без пяти два Сонни увидел, что он входит в гостиницу «Виктория» на углу 51-й стрит и Седьмой авеню.

Несколько мгновений детектив помялся на углу, а потом, решившись, последовал за ним. В главном холле этот человек сидел на диванчике, лицом к лифтам. Сонни подошел к стойке с газетами. Через несколько минут человек поднялся, приветствуя другую личность, которая направлялась к нему через холл.

Это был сравнительно невысокий человек, примерно пяти футов и семи дюймов, как прикинул Сонни, и значительно моложе, около тридцати. Он был без шляпы, с аккуратной прической, разве что она у него была несколько более пышной, чем у американцев его возраста, что говорило о его европейском стиле; костюм тоже был ведержан в черной гамме, хорошего покроя. Высокий, чувствовалось, встретил его с большим удовольствием, чем он высказал при недавней встрече с Пэтси. Они легко обнялись, а потом, поболтав несколько секунд, вместе двинулись к выходу из гостиницы.

Теперь Сонни следовал за этой парой вниз по Бродвею до 48-й стрит, где, к его несказанному удивлению, они вошли в ресторан Макгинниса. Это было большое шумное

заведение, где подавали типично американские блюда — гамбургеры и горячие бутерброды. Не без основания предполагая, что пара была иностранцами, скорее всего, французами или итальянцами, Сонни прикинул, что они могли бы выбрать для трапезы заведение, более отвечающее их континентальным вкусам. Они спустились в нижний зал Макгинниса, где было потише, и заняли столик у стены. Как только они окончательно расположились за ним, Сонни подошел к телефону в главном зале и позвонил на базу, попросив прислать ему кого-нибудь в подмогу, чтобы закрыть ресторан наблюдением. Затем он спустился в нижний зал, где занял место несколько левее и через два столика от объектов его внимания. Они оживленно разговаривали, и по нескольким долетевшим до него словам Сонни уяснил, что говорят они по-французски, хотя несколько носовых и горловых звуков заставили его предположить, что это не изысканный французский, который доводилось ему слышать.

Когда подошел официант, высокий на английском с акцентом заказал шерри для себя и импортное пиво для спутника. Сонни углубился в меню, поглядывая, собирается ли пара поесть. Несколько погодя они, в самом деле, сделали заказ на две порции закусок. Сонни решился на гамбургер с ветчиной и чашку чая.

Ел он неторопливо, приноравливаясь к манере поведения наблюдаемой пары. Он решил не присматриваться к ним слишком внимательно, но как только отвел от них взгляд, то увидел, как они развернули большой лист бумаги, чуть ли не с газетную полосу, и стали водить по нему пальцами, словно изучая какую-то карту, план или набросок.

Было примерно половина пятого, когда мужчина постарше попросил счет. Сонни сразу же поднялся, бросив на столик несколько долларов, поднялся наверх и вышел на улицу. Он сразу же узнал знакомую коренастую фигуру, прислонившуюся к фонарному столбу напротив входа, с развернутой газетой в руках — Эдди Иган. Подойдя, Сонни остановился рядом с ним, спиной к ресторану, словно ожидая, когда сменится сигнал светофора. Не подавая виду, что узнал Игана, Сонни пробормотал:

— Через минуту выйдут два типа в черном, один постарше, высокий и стильный, а другой поменьше и помоложе. Ты бери молодого. Уверен, что они иностранцы. «Мой» раньше встречался с Пэтси.

— М-м-м ... вот они идут, — предупредил его Иган. хотя казалось, он не отрывал глаз от развернутой перед лицом газеты.

Пара остановилась на углу, о чем-то тихо беседуя. Затем, обменявшись рукопожатием, высокий двинулся вниз по Бродвею, и Сонни последовал за ним; другой же, сопровождаемый Иганом, пошел в западную сторону, пересекая Бродвей.

Тот, за кем шел Сонни, вернулся к «Эдисону». Остановившись у стойки, он взял ключ от своего номера и проследовал в открытые двери лифта. Детектив успел войти в него раньше. Человек вышел на девятом этаже. Сонни, поднявшись до одиннадцатого, в другом лифте спустился в холл. Найдя внутренний телефон, он попросил связать его с шефом службы безопасности гостиницы, бывшим офицером полиции, которого знал. Через несколько минут, уединившись в тихом уголке холла, Сонни попросил коллегу проверить список жильцов. Он хотел узнать имя и откуда прибыл тот иностранный постоялец, у которого был номер на девятом этаже.

Дожидаясь сведений, Сонни побродил по холлу гостиницы «Эдисон», останавливаясь у газетных стендов, разглядывая витрины, но ни на секунду не упуская из виду двери лифтов. Через двадцать пять минут он увидел, что ему подают знаки от главного входа. Там, скрытый от посторонних глаз, Сонни и получил информацию о том, что личность, которой он интересовался, является одиноким джентльменом из Канады. Он прибыл вчера и зарегистрировался в 909-м номере под именем мистера Жана Джихана.

Этого имени Сонни не знал, но чувствовал, что ему предстоит основательно познакомиться с мистером Джиханом. Он позвонил сообщить, где находится, и попросил прислать еще одного человека в «Эдисон». Затем с помощью службы безопасности гостиницы он обзавелся форменной ливреей и занял место около конторки, где ему предстояло ждать.

Тем временем Иган проводил молодого человека до отеля «Виктория» на углу 51-й стрит и Седьмой авеню.

Пользуясь привычными приемами, он зашел вместе с ним в лифт и увидел, что тот вышел на одиннадцатом этаже. Через двадцать минут, оказавшись внизу, Иган выяснил, что объект его внимания явился утром предыдущего дня из Монреаля; располагается он в 1128-м номере и зарегистрировался под именем Франсуа Барбье.

Иган позвонил на базу, где узнал, что его напарник находится в гостинице «Эдисон», следя за неким Жаном Джиханом. Он купил журнал, нашел удобное кресло и, расположившись в нем, почувствовал себя как дома.

Спустя чуть больше трех часов, в 6.45, Франсуа Барбье вышел из лифта, на этот раз тепло закутанный в тяжелое черное пальто с меховым воротником, и, миновав холл, спустился по ступенькам, выйдя навстречу ледяному ветру, продувавшему Седьмую авеню. Большой электрический указатель, который был виден с Таймс-сквер за несколько кварталов, сообщал, что температура десять градусов ниже нуля. Иган последовал за Барбье, который торопливо дошел до отеля «Эдисон». Жан Джихан ждал его в холле, закутанный в такое же пальто с шарфом и с неизменной черной тросточкой в руках. За стойкой портье располагался Сонни Гроссо, грустные карие глаза которого ничего не упускали из виду. Небрежно расположившись в удобном кресле в дальнем конце холла за чтением газеты, сидел федеральный агент Френк Уотерс. Не моргнув глазом, Эдди Иган остановился у стенда с прессой, просматривая журналы и свежие номера газет. После непродолжительного разговора Джихан и Барбье вышли и двинулись к Гудзону. Сонни скинул ливрею и торопливо натянул пальто, после чего три детектива один за другим покинули гостиницу. Только что пробило семь часов.

Иностранцы неторопливо миновали серые невзрачные окрестности срединной части Манхэттена, известные когда-то под именем Чертовой Кухни, которые ныне превратились в скопище осевших набок строений, складов, стоянок, станций техобслуживания и гаражей. Им потребовалось минут пятнадцать, чтобы, беседуя, миновать пять длинных кварталов и выйти к широкому замусоренному проходу, который вел к реке, проходя под трассой Вест-Сайд. Сюда выходило большинство пирсов, к которым приставали суда пароходных линий. На углу Двенадцатой и 46-й стрит Джихан и Барбье остановились, разглядывая величественный силуэт лайнера «Соединенные Штаты», который не так давно пришвартовался здесь.

Двое канадцев, или французов, или кто они там были, стоя на углу, ежились от пронизывающего ветра с реки, засунув руки в карманы и пританцовывая на месте; так они провели около полутора часов. По другую сторону Двенадцатой авеню на пирсе царил небольшой бедлам: пассажиры покидали судно, грузчики спускали сетки с багажом, гудели такси, а личные машины старались пробиться поближе к выходу. Между восемью и половиной девятого поток пешеходов и машин уменьшился, но пара по-прежнему продолжала дежурить на противоположном углу.

Для замерзших детективов — Сонни стоял в подъезде на Двенадцатой авеню, Иган и Уотерс на другой стороне 46-й, в полуквартале от объектов внимания — их ожидание представляло загадку. Если эта пара пришла встретить кого-то из прибывших, конечно, они потеряли связь с ним: на пирсе уже не было никого, кроме нескольких бродяг и команды судна. Пальцы на руках и ногах детективов замерзли и мучительно ныли. Кончики ушей онемели, и каждый из детективов по-своему проклинал «проклятых лягушатников», как Иган обозвал эту пару.

Кроме того, у Сонни был и другой повод для возмущения. Когда он мерз на Двенадцатой авеню, мимо проехала машина, и он увидел лицо, прижавшееся к стеклу правой передней дверцы, которое ухмылялось ему. Сонни успел узнать Джека Флемминга из спецотдела вместе с федеральными агентами Джеком Рипа и Биллом Караццо. Рип безошибочным жестом показал ему вытянутый кверху указательный палец. Когда они проезжали, Сонни успел ответить им тем же самым оскорбительным жестом, хотя замерзшие пальцы плохо повиновались ему.

Примерно без десяти девять один из французов снялся с места. Барбье, оставив своего компаньона, двинулся к пирсу. Там, время от времени приподнимаясь на цыпочки, он постоял несколько минут, обозревая освободившийся от грузов район. Затем, повернувшись, он быстро пошел обратно, и, как отметили замерзшие детективы, в походке его чувствовалось оживление. Что он сообщил, было не разобрать, но Джихан потрепал его по плечу, и они двинулись в обратный путь.

На этот раз они прошли мимо «Эдисона» и направи-

лись по сияющему огнями Бродвею. Ускоряя шаги, они влились в вечерние толпы театралов и искателей развлечений. Так они шли до Пятой авеню, где повернули налево, по-прежнему производя впечатление двух прогуливающихся старых друзей, которые просто убивают время в разговорах.

Обменявшись по пути замечаниями, полицейские пришли к выводу, что это двое иностранцев были *крупными* связниками, появления которых с героином и ждал Пэтси Фукка. То ли они сами доставили груз, то ли непосредственно представляли свое руководство. Не подлежало сомнению, что прибывшая большая поставка вот-вот начнет расходиться среди уличных пушеров, если уже не поступила к ним, и конспираторам остается только полу чить навар, который может оказаться у них на руках в любой момент. Эдди и Сонни в первый раз за день почувствовали прилив воодушевления, поняв, что они могут не только накрыть Анджело Туминаро, который уже перестал представлять основной интерес, но, может быть, им повезет перехватить такой груз, о котором они и мечтать не могли. Поэтому, несмотря на холод, они были преисполнены возбуждения, преследуя таинственного францу за — одного из которых, Джихана, Иган окрестил для себя «лягушатник-один», а другого, Барбье, — «лягушатник-два».

В ходе слежки трое полицейских расположились в классическом порядке, известном разведке всего мира под названием «А-Б-В» или «параллельное» преследование. Двое из них шли один за другим — в данном случае Иган (А), шел за Гроссо (Б), следуя за объектом на почтительном расстоянии на той же стороне улицы; третий же, Уотерс (В), двигался по другой стороне, стараясь держаться на уровне французов и не сводя с них глаз. Иган контролировал их сзади, а Уотерс с другой стороны улицы; Гроссо держал в поле зрения обоих своих друзей Каждые несколько кварталов они менялись позициями Это был элементарный способ держать объекты под постоянным визуальном наблюдением, потому что «В» всегда видел, на каком углу они свернут и куда направятся. И вскоре им представился случай продемонстрировать эффективность такой методики.

Неподалеку от кафедрального собора св. Патрика на 50-й стрит французы перешли на восточную сторону Пятой авеню и продолжали свое движение в северную часть города. Но, едва только завернув на 55-ю стрит, они быстро нырнули сквозь вращающиеся двери элегантного отеля «Сан-Реджис», который был всего лишь в нескольких ярдах от Пятой авеню. Таким образом им удалось бы оторваться от преследователей, но не от Уотерса, который наблюдал за ними с другой стороны улицы.

Несколько минут пара помедлила в холле отеля, наблюдая, не войдет ли вслед за ними кто-то, явно смахивающий на копа, предоставив тем самым полицейским снаружи возможность перегруппировать свои силы. Когда они с удовлетворением убедились, что никто за ними не наблюдает, Джихан и Барбье пересекли холл и по устланным ковром ступенькам спустились в фешенебельный обеденный зал «Мезонетт» который располагался внизу.

Иган и Гроссо решили не следовать туда за ними, поскольку кто-то из французов мог их раньше заприметить; в ресторан направился Уотерс. Сонни сказал, что будет ждать его в главном холле, а Иган добровольно вызвался занять пост на 55-й стрит напротив отдельного входа в «Мезонетт». Когда Иган, закутавшись поплотнее, занял свой пост, было уже около половины десятого, а температура упала до восьми градусов.

Джихан и Барбье сидели в полумраке «Мезонетт» около часа. Не обращая внимания ни на мелодичную музыку ресторанного оркестра, ни на дюжину элегантных танцующих пар, они, отдав должное коктейлям, заказали легкий салат и, насколько видел Уотерс с другого конца зала, углубились в беседу. Около половины одиннадцатого Джихан поднялся и пошел наверх, а его компаньон остался за столиком.

Сонни, примостившись на высоком стуле у стойки бара, встрепенулся, когда мимо него прошел Джихан; он остановился у ряда телефонов-автоматов в дальнем конце холла. Сонни, отвернувшись, пристроился у соседнего таксофона, стараясь прислушиваться. Разговор Джихана, который длился минут десять, велся в основном, по-французски; Сонни уловил лишь, что тон был достаточно взволнованный. Завершив беседу, Джихан вернулся в зал, и, переговорив несколько минут, двое французов попросили счет.

Уотерс подождал, пока они не оказались у лестницы,

и лишь после этого поднялся из-за столика. Сонни проводил глазами пару, выходящую на 55-ю стрит, а наверху их встретил окоченевший Иган, надвинувший шляпу на уши. Выйдя, эти двое опять двинулись по Пятой авеню. Трое детективов провожали ее до 50-й стрит, а затем еще два квартала до гостиницы «Уолдорф-Астория» на Парк-авеню. Было приблизительно одиннадцать часов.

Объекты внимания детективов пошли вниз под уклон, туда где располагались гаражи «Уолдорф-Астории». Чувствуя, что не стоит так уж вплотную следовать за ними, Иган и Гроссо остались на улице наблюдать за входом в гараж, пока Уотерс поспешил к площадке с лифтами в холле отеля. Примерно минут через десять Джихан и Барбье поднялись из гаража и вошли через главный вход гостиницы. Барбье нашел внутренний телефон и, пока Джихан стоял рядом, завел с кем-то длинный разговор, который, судя по оживленной жестикуляции, велся по-французски. Полицейские могли только догадываться, что Барбье вел разговор с той же компанией, с которой Джихан связывался из «Сан-Реджис». Пока они никак не могли понять смысла краткого посещения гаража в «Уолдорф-Астории».

Барбье присоединился к Джихану, и двое мужчин сразу же направились к лифту, скрывшись за закрывающимися дверьми. Это произошло так быстро, что удивленные полицейские не успели последовать за ними. Теперь им не оставалось ничего иного, как только ждать. В огромном «Уолдорфе» «лягушатники» могли оказаться где угодно.

Прошло около часа, но «клиенты» не подавали признаков жизни. Было уже около полуночи, а детективы, ведя слежку за этими типами в течение большей части дня, не имели возможности ни поесть толком, ни передохнуть. Их энтузиазм уже иссяк пару часов назад, и его место заняло раздражение на самих себя, потому что, по всей видимости, они упустили подозреваемых. Они знали гостиницы, в которых те вроде остановились, но опыт научил их ничего не принимать на веру.

По-прежнему не спуская глаз с основных лифтов, полицейские рассеянно прохаживались по огромному холлу «Уолдорф-Астории». Сонни и Уотерс были готовы смириться с тем, что они потеряли двух французов, но Иган, обладавший упрямым и горячим ирландским темпераментом, был вне себя. Безошибочная интуиция подсказывала ему, что «лягушатники» *не оставили* отель, и что в эту ночь им еще хватит работы. Отделившись от остальных, он вышел на Лексингтон-авеню и заглянул в бар «Бык и Медведь». Паб, выполненный в английском стиле, был заполнен оживленной публикой, пропускавшей посошок на дорожку, сбежавшими посетителями банкетов и участниками симпозиумов — все мужчины, на некоторых из которых были строгие черные галстуки.

Тут же, расслабившись за угловым столиком с бокалами перед собой, и сидели Джихан и Барбье. Иган пулей вылетел из бара и кинулся наверх сообщить об открытии Сонни и Уотерсу. То ли «лягушатники», навестив кого-то наверху в номере, проскользнули в бар, воспользовавшись другим лифтом, то ли они сразу же кружным путем попали в него. Как бы там ни было, пара снова оказалась под наблюдением. И преследователи могли только надеяться, что теперь с их подопечными ничего не случится.

Лайнер «Соединенные Штаты» отшвартовался примерно в семь вечера. Для Жака Анджелвина мучительно медленное приближение к берегу было почти невыносимым. Путешествие было жутко нудным, хотя он договорился с Арлеттой, которой на следующий день предстояло уезжать в Чикаго, встретиться попозже в ее отеле, в «Саммите». Он едва дождался, пока ему представилась возможность добраться в своей машине до «Уолдорф-Астории» и поставить ее там в гараж, как его проинструктировал Скалья. Кроме того, он с интересом ждал встречи с молодой дамой, которая, как ему было сказано, встретит его на берегу. Он надеялся, что она будет молода, обаятельна и покладиста.

Лили Де Бек, *в самом деле*, была красива и обаятельна. Дожидаясь прохода сквозь таможню, Жак Анджелвин увидел, что его драгоценный «Бьюик» был поднят из трюма и опущен на пирс. К девяти часам он все еще дожидался таможенного контроля, когда к нему подошла девушка. Она была высокой, с длинными блестящими черными волосами, в наряде отличающемся изысканностью. Точнее, она была, скорее, женщиной, чем девушкой — ей было лет двадцать пять, может, больше, как он прикинул. Со своим корявым английским, он испытывал затрудне-

ния, объясняя инспектору таможни, кто он такой и почему везет машину американского производства из Франции в Америку.

Лили пришла ему на помощь. Представившись ему по-французски, она сказала, что очень рада встретить телевизионную звезду, пользующуюся известностью по всей Франции. Затем она повернулась к инспектору и на прекрасном английском языке, который прозвучал для Жака музыкой, представила его как «Жака Паара из Франции...»

Весело болтая, они дождались, пока «Бьюик» доставили с пристани. Лили была француженкой, но она провела в Штатах уже несколько лет, работая секретаршей в юридической фирме. Жак, на которого женщины всегда оказывали неотразимое впечатление, почувствовал, как между ними вспыхнула искорка взаимного интереса.

Следуя указаниям Лили, он доехал до «Уолдорф-Астории» на Парк-авеню. И широкий бульвар, и возвышавшиеся над ним величественные стеклянные башни, что светились в ночи, восхищали его. Поставив машину в гостиничный гараж, Анджелвин пригласил Лили в свой номер. Она отказалась, сказав, что подождет его в холле. Жак испытал минутное разочарование, но потом прикинул, что у него есть как минимум неделя, чтобы завоевать Лили, да и Арлетта, конечно же, ждет его в «Саммите»; Жак, в свою очередь, посетовал на усталость и договорился с Лили, что будет завтра звонить ей.

Кроме того, он припомнил, что с ним должен связаться Франсуа Скалья.

Долго ждать Жаку не пришлось. Примерно в половине одиннадцатого позвонил месье Джихан, дабы удостовериться, что Жак устроился со всеми удобствами и что машина в гараже. Звонивший сказал, что его сопровождает Скалья и что они хотели бы нанести визит Жаку в его номере. Анджелвин осведомился, нельзя ли обождать с визитом до завтра, потому что он очень устал. На самом же деле, он хотел как можно скорее продолжить роман с Арлеттой. Джихан же продолжал настаивать на встрече именно этим вечером, и, наконец Анджелвин неохотно согласился, тем более что в разговоре проскользнул намек на пятимиллионный гонорар во франках.

Встреча в его номере длилась минут двадцать. Джихан и Скалья были полностью удовлетворены, увидев собственными глазами «Бьюик», стоявший в гараже «Уолдорф-Астории». Анджелвин нахально осведомился, может ли он завтра воспользоваться машиной, но Скалья был тверд, как алмаз. Они договорились о встрече в полдень следующего дня, место которой Скалья сообщит утром. Затем, к облегчению Анджелвина, пара визитеров оставила его. Он стал было думать о своей роли в этом загадочном деле, но потом, бросив это занятие, решил развлечься.

Оставив номер, он вышел из «Уолдорф-Астории» на Лексингтон-авеню и прошел квартал до «Саммит». Из холла он позвонил Арлетте, она тут же присоединилась к нему, после чего они направились выпить по коктейлю в баре «Уолдорфа». Затем Анджелвин пригласил девушку подняться к нему в номер, и она охотно согласилась. Но уже миновала полночь, и служба безопасности гостиницы не смыкала глаз. Анджелвин поймал на себе несколько неодобрительных взглядов со стороны гостиничных детективов и обслуги, да и Арлетта занервничала, когда на этаже Анджелвина человек из службы безопасности проводил их до дверей номера. Они решили вернуться в «Саммит», но обнаружили там точно такое же положение дел. Так что в эту ночь им пришлось спать в разных гостиницах, каждому в своем номере.

11 января, примерно в половине первого, Сонни Гроссо был в баре «Уолдорф-Астории» под названием «Бык и Медведь» и, поставив ноги на медный поручень, опоясывавший снизу стойку бара, потягивал терпкий вермут. Иган и Уотерс были снаружи, на 49-й стрит, где, растирая руки и переминаясь с ноги на ногу, старались уберечься от жгучего холода. У Игана опять стали мерзнуть пальцы ног. Сначала он со страхом подумал, что у него первая стадия обморожения, но потом понял, что все дело в новых коричневых ботинках, которые он слишком поспешно купил этим утром. Ему осталось только проклинать тесную обувь, мороз, свои ноги, себя, свою работу и весь этот проклятый мир, когда в час дня Джихан и Барбье вышли через боковую дверь «Быка и Медведя» и двинулись в восточную сторону по 49-й стрит.

Иган и Уотерс пристроились за ними на некотором отдалении. Гроссо, оставив бар, присоединился к слежке,

двигаясь по другой стороне улицы. Они миновали 42-ю стрит ... и дошли до 34-й. Детективы менялись местами друг с другом, то и дело переходя с одной стороны улицы на другую и даже порой меняясь головными уборами, чтобы свести к минимуму риск обратить на себя внимание объектов слежки. Их все больше охватывало напряжение ожидания: каждую минуту могло что-то произойти. «Лягушатники», прогуливаясь, явно преследовали какую-то важную цель; кто еще будет *просто гулять*, когда ртутный столбик упал ниже нуля, а ветер хлещет как бичом? Но Джихан и Барбье, не обращая внимания на преследователей, спустились по Третьей авеню и дошли до 14-й. И наконец, не замедляя движения, они повернули направо. Было уже тридцать пять минут второго и они отшагали тридцать пять кварталов, почти две ледяные мили. Усталые и окоченевшие полицейские оживленно переглянулись: наконец-то.

Французы прошли по 14-й стрит два квартала и здесь, у Юнион-сквер, рядом с универсальным магазином Клейна, где резкий ветер безжалостно продувал пустынную площадь, повернули направо на Парк-авеню (Четвертую авеню) и пошли обратно в верхнюю часть города.

Мучаясь от холода, усталости и растущего разочарования, три детектива продолжали преследование. У Игана отчаянно ныли ноги. Они отмахали всю дорогу обратно по Парк-авеню до 46-й стрит, где, свернув на запад, прошли Мэдисон-авеню, Пятую и Шестую, и за двадцать минут до наступления трех часов ночи, на углу 46-й стрит и Седьмой авеню обменявшись всего лишь короткими вежливыми рукопожатиями, французы пожелали друг другу спокойной ночи и расстались до восьми часов.

Джихан продолжил движение в том же направлении, по всей видимости, держа путь к «Эдисону»; Сонни и Френк Уотерс сопровождали его. Иган поплелся за Барбье, которому предстояло пройти по Седьмой авеню еще пять кварталов до «Виктории». Внутри гостиницы, он, подойдя к стойке, получил ключ от своего номера, и войдя в лифт, исчез из виду. Иган подождал, пока указатель движения лифта остановился на одиннадцатом этаже, и лишь после этого направился к таксофону. Наконец, пришло и его время отдохнуть.

Было уже три часа, когда он позволил себе с усталым стоном развалиться на диванчике в холле, борясь с желанием немедленно погрузиться в сон. Справиться с собой было нелегко. Глаза слезились от усталости, веки постоянно смыкались, но как только он чувствовал, что на него опускается теплое одеяло покоя, тут же вздрагивал и пробуждался, готовый к действиям.

Около половины четвертого он решил пройтись по холлу, хотя ноги продолжали невыносимо ныть. Минут пятнадцать он прохаживался взад и вперед, делая вид, что он гостиничный детектив, и, когда решил, что уровень адреналина в крови повысился, позволил себе опять сесть и вытянуть ноги. Но через несколько минут Эдди поймал себя на том, что его опять клонит в сон, и встрепенулся. В холле никого не было, если не считать дежурного за стойкой, уборщика, который бесшумно собирал окурки с пола, и старшего рассыльного, разместившегося за стойкой рядом с лифтами. Он наблюдал за Иганом, и тот подумал, что парень, наверно, догадался, кто он такой. Он решил прикинуть, не удастся ли ему заручиться его содействием.

— Слышь, парень, — улыбнулся Иган, подходя к стойке, — не окажешь ли мне большое одолжение?

Худенький рассыльный с болезненным желтоватым цветом лица нерешительно посмотрел на человека с красными от усталости глазами.

— Какое, например? — спросил он.

— Ты, наверно, видел, как я тут болтаюсь, — сказал детектив. — Я жду приятеля, который должен спуститься сверху, — он подмигнул, — ну, ты понимаешь ... но у меня прямо глаза закрываются. И я подумал, может, ты присмотришь за лифтом для меня, и, если он двинется вниз с одиннадцатого этажа, дашь мне знать на тот случай, если я вырублюсь, идет? — он похлопал по заднему карману, давая понять, что лежащий там бумажник к его услугам.

Рассыльный пожал плечами:

— Конечно, почему бы и нет? Одиннадцатый этаж?

— Точно, — улыбнулся Иган.

Он уже повернулся назад, нацелившись на свое удобное кресло, когда рассыльный шепнул из-за спины:

— Мистер, он как раз спускается с одиннадцатого этажа!

Застигнутый врасплох в середине пустынного холла, Иган попытался скрыться за углом, но двери лифта раз-

двинулись. Ему не удалось полностью скрыться. Из лифта вышел осунувшийся молодой человек в измятой одежде, а когда, глянув из-за плеча, он увидел Игана, полускрытого колонной, просто остановился и уставился на него.

Детектив вспыхнул, поскольку его надежда остаться незамеченным не оправдалось. Что это за тип? Какого черта он на меня глазеет? Ему что, делать нечего? Он спустился с одиннадцатого этажа; не имеет ли он какого-то отношения к Барбье? Все эти мысли промелькнули у Игана в долю секунды, когда он уже направлялся к этому человеку, решив поблефовать с ним.

— Не могу ли я помочь вам сэр? Я детектив гостиницы, — тихо представился он.

— Н-н-ет... думаю, что нет, — замялся молодой человек, явно чувствуя себя не в своей тарелке. — Мне показалось, что я вас знаю... но я думаю...

— Что-то случилось? — продолжал настаивать Иган. — Вроде поздновато для прогулок.

У того расширились глаза:

— Вы не Иган из Бюро по наркотикам?

Теперь настала очередь Игана удивляться:

— Вы кто такой? — потребовал он ответа.

— Джонсон. Из Федерального Бюро. — Он расслабился, чувствуя одновременно и усталость и облегчение. — Я не знал, что вы тут внизу.

— А я не знал что *вы* там *наверху*! — отпарировал Иган, увлекая его в угол холла. — Что вы делали на одиннадцатом? Мы не хотим, чтобы эти типы почувствовали запах паленого.

Агент Джонсон вздохнул:

— Я был в номере, соседнем с Барбье, пытаясь поставить ему клопа. Там в ванной есть вентиляционное отверстие между номерами... Я сидел *в ванной* практически весь день и ничего не добился. Ну и, понимаете, мне пришлось вылезти оттуда, чтобы глотнуть воздуха и чего-то перекусить.

Иган не мог удержаться от смеха:

— Ладно, валяй и найди кусок чего-нибудь съестного. Я буду здесь. Но не шляйся всю ночь.

— Большое спасибо, — просиял юный детектив. — Я тут же вернусь.

Когда он собрался уходить, Иган окликнул его:

— Эй, Джонсон, как давно ты в Бюро?

Джонсон зарделся, что было явно заметно:

— Всего лишь пару дней. Им был нужен человек, который понимает по-французски.

— О'кей, до встречи.

Этот долго не выдержит, подумал Иган, глядя Джонсону вслед.

Было уже после четырех. Иган прошелся по холлу, сел, опять встал, сменил кресло, опять поднялся, а затем занял полулежачее положение на диване. Как ни печально, но придется признать, что он не в силах сопротивляться сонливости. Голова его в очередной раз упала на грудь, когда прикосновение чьей-то руки к плечу подняло его. Это был рассыльный:

— Это был не ваш друг, который только что вышел, а?

Иган с трудом принял сидячее положение:

— Нет, — заверил он, — это был другой приятель.

— Понимаете... — рассыльный оглядел его наметанным взглядом. — У меня есть для вас кое-что интересное. Это обойдется вам в пару баксов, но товар стоит того, вы сразу взбодритесь.

Детектив тут же проснулся. Этот сосунок пытается сбыть ему наркотик! Он попытался скрыть возникший в нем интерес еще одним зевком.

— Значит, два бакса? Так что же это такое интересное?

Рассыльный ухмыльнулся:

— Пошли со мной.

Иган поднялся и последовал за ним к стойке. Рассыльный сунул руку в карман брюк и вытащил небольшую зеленую металлическую коробочку, которую и открыл, предусмотрительно скрыв ее под стойкой. Иган увидел набор таблеток самых разных размеров форм и цветов, из кучи которых рассыльный извлек знакомую розовую овальную капсулу и положил ее на ладонь Игана.

— Это «бенни». Бензедрин. Проглоти ее, и через несколько минут будешь танцевать джигу.

— Тысяча благодарностей, — сказал Иган, изображая полную серьезность. Протянув два доллара, он отошел от стойки. «Самое легкое я уже сделал, — подумал он про себя. — Когда с делом Фукка будет покончено, сразу же явлюсь сюда и вытрясу эту обезьяну».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Минуло восемь часов утра четверга, когда молодой федеральный агент Луис Гонсалес сменил на вахте Игана, у которого закрывались глаза. Все сочленения у него окостенели, мышцы ныли, желудок сжимали голодные спазмы, он был небрит и чувствовал себя измотанным куда больше, чем после недельного марша морской пехоты; поднявшись с диванчика в холле гостиницы, он с трудом спустился в кафе. Обдумав положение дел, Иган прикинул, что даже сейчас он не может уйти, потому что новый агент не знает Барбье в лицо, и он должен ему показать его воочию.

Он с Гонсалесом маялись бездельем в холле «Виктории» еще около четырех часов. К полудню раздражение Игана достигло такой степени, что он мог добраться до номера Барбье, волоча за собой Гонсалеса, вышибить двери и заорать: «Вот он, смотри!», а потом рухнуть на ближайшую кровать. Наконец-то, вскоре после двенадцати, двери лифта раздвинулись, как уже было сотни раз, и в их проеме показался Барбье. Он выглядел аккуратным, подтянутым и хорошо отдохнувшим. *Вот паршивый ублюдок*, — выругал его про себя Иган, подталкивая агента. Француз, в тяжелом теплом пальто, вышел через главные двери гостиницы. И только тут, испытывая облегчение, Иган подошел к стойке и попросил номер.

В половине пятого дня Иган вернулся в холл, освежившись крепким трехчасовым сном, душем и бритьем. Место Луиса Гонсалеса занял Джек Рипа, на лице которого было мрачное выражение.

— Надеюсь, что ты хорошо отдохнул, — приветствовал он детектива. — Придется побегать. Барбье исчез.

Рипа объяснил, что, когда француз к полудню покинул «Викторию», Гонсалес пешком проследовал за ним до «Эдисона». Барбье вошел через парадные двери с 47-й стрит и несколько секунд поболтался в холле, где его видел другой детектив, приставленный тут к Джихану. И тут же, нырнув в двери, выходящие на 46-ю стрит, Барбье прыгнул, в такси и исчез прежде, чем кто-то успел отреагировать.

Иган в возмущении вытаращил глаза.

— Потрясающе! — простонал он. — Значит, нам тут и торчать. А что относительно другого «лягушатника» и Пэтси?

— Все тихо. Пэтси безвылазно сидит в своей лавочке. О Джихане в «Эдисоне» тоже ничего не известно. Там Сонни с нашими ребятами. Мы подселили в соседний номер парня, который понимает по-французски. Так же, как здесь.

— О'кей. Я хотел бы выйти на несколько минут. И скоро вернусь.

Иган оказался на Седьмой авеню. Волна холодного воздуха остановила его. Первым делом ему надо добраться до своей машины и сменить обувь, которая изрядно надоела ему за прошлую ночь. Он пересек Бродвей, направляясь к гаражу, в котором накануне вечером оставил свой «Корвейр». Забравшись в него, он с удовольствием натянул разношенную обувь с мягкими подошвами, которая лежала в багажнике вместе со сменой одежды. Возвращаясь в «Викторию», он успел на углу перехватить пару горячих «хот-догов» и пепси. В холле он оказался в 5.05. Рипа, стоявший в углу, увидев Игана, отрицательно покачал головой. Кивнув, Иган расселся в кресле, развернутом в сторону лестницы.

Когда минуло семь, он увидел, что Рипа взялся за телефон, стоящий на конторке помощника управляющего. Не спуская глаз с Игана, агент коротко переговорил с кем-то. Положив трубку, он подошел к детективу:

— Они только что снова засекли Барбье в «Эдисоне». Он вошел в холл через те же двери, через которые и вы-

скочил, с минуту поболтался в холле и вышел на Сорок седьмую. За ним следит Джим Гиддея.

— Может, направляется сюда.

— Скоро мы это выясним.

В 7.25 детектив Гиддея, поднимавшийся по ступенькам, подошел к Игану:

— Барбье внизу в баре, взял себе выпить.

— Ясно. Оставайся здесь с Джеком Рипой, он у стойки. Наблюдай за лифтом. Я спущусь вниз и составлю французу компанию.

Иган спустился в бар в нижнем холле, в его помещении, выходившем на 51-ю стрит, царил полумрак. Тут была длинная изогнутая стойка, рядом с которой была занята примерно половина мест, а вдоль стены, выходившей на 51-ю стрит, располагались кабинки и столы, почти все занятые компаниями и парочками. Он заметил, что Барбье в одиночку сидит за небольшим столиком у выхода. Иган расположился у конца стойки, откуда мог наблюдать за каждым движением француза без того, чтобы смотреть прямо на него. Заказав виски и эля, Иган отдал предпочтение последнему, добавив в него лишь несколько капель виски. Минут через пятнадцать его внимание привлек официант у столика Барбье, после чего «лягушатник-два» поднялся и вышел, перекинув пальто через руку. Из нижнего холла он по ступенькам поднялся в основной. Иган расплатился по счету и последовал за ним. Наверху он застал в одиночестве Гиддея у лифтов.

— Его взял Рипа. — сказал он, не сводя глаз с индикатора этажей над лифтами. — Одиннадцатый... о'кей. Похоже, что какое-то время он проведет у себя. — Иган и присоединившийся к нему агент Рипа расположились в холле гостиницы.

Этим утром Пэтси Фукка, который весь предыдущий день, расставшись с Джиханом, не проявлял никакой активности, наконец, за рулем «Бьюика» покинул свой дом на 67-й стрит. Агент Френк Уотерс, державшийся в отдалении, проследовал за ним до Кони Айленд-авеню, где и потерял его в оживленном движении.

Через два с половиной часа детектив Джимми О'Брайен заметил, как Пэтси показался на Пайк-слип в нижнем Манхэттене. В три часа Пэтси покинул бар, и полицейский проследил за ним до его магазинчика в Бруклине. Когда он появился, детектив Дик Олетта, пивший кока-

колу у стойки, услышал, как тесть Пэтси по-итальянски сказал ему, что звонил «ты-сам-знаешь-кто» и что «о встрече договорено».

Но день постепенно перешел в вечер, а Пэтси не продемонстрировал никакого намерения оставлять закусочную. Около одиннадцати явился его брат Тони в своем старом запыленном фургоне «Шевроле». Братья провели в закусочной минут тридцать. В половине двенадцатого Пэтси притушил свет и, выйдя, запер двери. Тони уехал в своей машине, сопровождаемый агентом Арти Флуром, который позже сообщил, что младший Фукка спокойно добрался до своего дома в Бронксе.

Тем временем Пэтси в своем синем «Бьюике» направился в Манхэттен; неподалеку от него держался Дик Олетта, а по всему Бруклину и Манхэттену были расставлены неприметные машины с рациями, которые сообщали о передвижении объекта. Пэтси двинулся через Вильямсбургский мост («Он направляется в Нижний Ист-Сайд», — прикинул Олетта); но в конце Манхэттена Пэтси опять повернул направо и, миновав несколько кварталов, выехал на Ист Ривер-драйв. (Всем быть наготове. Он движется в верхнюю часть города. Может быть, у него опять встреча у «Рузвельта»?).

На этот раз следившие за Пэтси детективы оказались правы. Добравшись до «Рузвельта», он проехал мимо входа в гостиницу, завернул за угол и остановил машину на Мэдисон-авеню. Олетта оказался на той же улице, заняв позицию на другой ее стороне. Он видел, как Пэтси, нервничая, несколько раз оглянулся по сторонам и, завернув за угол, двинулся к главному входу в отель, где присоединился к двум мужчинам, стоявшим под навесом. Один из них, среднего роста, в серой шляпе и черном пальто, был незнаком Олетте. Другой был примерно такого же роста, без шляпы, с копной растрепанных каштановых волос, и вот *он-то* и был знаком детективу — Франсуа Барбье. «Лягушатник-два». Припомнив, что последняя информация, дошедшая до него, имела отношение к Барбье и Эдди Игану, Олетта сообщил по рации всем машинам, что предстало его глазам.

В эту минуту машина с Сонни Гроссо и Френком Уотерсом тоже въехала на Мэдисон-авеню и остановилась в одном квартале к северу за спиной Олетты. Когда Сонни услышал сообщение, что Пэтси стоит сейчас перед «Руз-

вельтом» в компании двух мужчин и один из них Барбье, он только возбужденно хмыкнул. Потому что он с Уотерсом только что препроводил до этого же места первого «лягушатника», Жана Джихана. Меньше чем десять минут назад, примерно в 11.45, Джихан, который весь день не подавал признаков жизни, вылетел из отеля «Эдисон» с синим чемоданчиком в руках и схватил такси. Сонни сорвал свою ливрею рассыльного, натянул пиджак и пальто и тоже выскочил за ним, где его и подхватил Уотерс. Такси доставило Джихана на угол 45-й стрит, напротив «Рузвельта». Высокий француз пересек улицу, направляясь к входу в гостиницу.

— Вот оно, — сказал Сонни Уотерсу. — Пэтси встретился со своим французским связником.

— Не знаю, — пробормотал агент. — Не похоже, чтобы он тащил с собой в чемоданчике пятьдесят килограмм.

— Разве что наводка ошибочная... Но у него могут быть с собой только образцы. — Сонни открыл дверцы. — Я пройдусь до угла и гляну, что там делается.

— Не подавай виду, что знаешь Олетту, — напомнил ему Уотерс, когда Сонни снялся с места.

Держась так, чтобы его не было видно от входа в гостиницу, Сонни наблюдал за четверкой, особенно за Джиханом, по-прежнему державшим свой чемодан. Он пытался разглядеть четвертого, но расстояние и ночные тени, мешавшиеся с ярким светом из-за окон, затрудняли наблюдение. Вроде раньше он этого человека не видел. Четверка, стоявшая бок о бок в гуще людей, входивших и выходивших из отеля, и среди пассажиров, спешивших на последние рейсы с вокзала Гренд-Сентрал, напоминала группу бизнесменов, собравшихся вместе после вечера в городе. Они оживленно беседовали, и Пэтси, похоже, принимал активное участие в этой беседе.

Толчея на тротуаре несколько рассосалась, и они двинулись на угол. На часах Сонни было 12.05. Повернувшись, он поспешил к машине Уотерса. Четверка залезла в маленький «Бьюик» Пэтси, который сразу же завернул за угол, направляясь вверх по Мэдисон-авеню. Сонни схватил рацию и предупредил все машины. Едва снявшись с места, Уотерс сделал на 45-й стрит резкий разворот, но ему пришлось тут же притормозить, чтобы посередине улицы не столкнуться с такси. Дик Олетта, которому пришлось проделать такую же процедуру между 44-й и 45-й, направился было к северу, но остановился у красного сигнала светофора, и поток машин направился мимо него по 45-й стрит. За эти несколько секунд синий «Бьюик» Пэтси исчез из виду.

Сонни и Уотерс двинулись в восточную часть города, как Олетта в своей машине и полдюжины других, надеясь, что хоть одному из них удастся установить контакт с исчезнувшим «Бьюиком». Из рации доносились хриплые возбужденные голоса преследователей: «Он движется вверх на Мэдисон», «Кто-нибудь видел, как он развернулся?», «Кто на Пятой авеню?», «Кто на парк?», «Да *кто-нибудь* его вообще видел?». В 12.15 база сообщила: несколько минут тому назад Франсуа Барбье вошел в отель «Виктория» и сейчас находится в своем номере.

— Интересно, — прокомментировал сообщение Уотерс, когда они свернули с Мэдисон на 33-ю стрит, направляясь в Вест-сайд.

— Что?

— Мы ничего не слышали от Игана. Разве не он должен был быть со вторым «лягушатником»?

— М-да... — пробормотал Сонни.

В районе 51-й стрит и Седьмой авеню не было и следа синего «Бьюика», и двое в машине двинулись по 51-й стрит, молча слушая обескураженные комментарии по рации, пока их не прервал властный голос:

— Говорит Гаффни. Я накрыл «Бьюик» Пэтси на углу Пятьдесят седьмой и Пятой авеню. Кто-нибудь гоните сюда!

Повинуясь краткому указанию директора регионального отделения Федерального Бюро, Уотерс прибавил скорости на Пятой авеню и добрался до 57-й стрит, где нагнал машину Гаффни, державшуюся за «компактом» Пэтси.

В ней сейчас вместе с Пэтси было только двое пассажиров — Джихан и неизвестный, и следующие полчаса они продолжали следовать за ними по неизвестному маршруту сквозь путаницу улиц восточной части Манхэттена, пересекая авеню и стриты, срезая углы, то уходя в верхнюю часть городских массивов, то снова спускаясь вниз то к западу, то к востоку. Но теперь уже в этот район стянулись и другие полицейские машины, организовав

слежку по всем правилам, к которым неоднократно прибегали раньше. Она заключалась в том, что за объектом двигался один автомобиль, который, миновав несколько кварталов, передавал наблюдение следующему. Так что Пэтси, при всем желании, этим вечером не мог отделаться от преследователей. Гроссо и Уотерсу, которым удалось несколько раз приблизиться к предмету слежки, казалось, что троица в машине ведет оживленный разговор, который обретал все более горячий характер. Детективы прикинули, что, скорее всего, они должны обсуждать порядок передачи товара и получения денег. Может быть, Пэтси еще *не получил* весь свой навар и старается выторговать время. Или же они обсуждают «образцы», представленные Джиханом, если они были у него с собой в чемоданчике. Может быть, у Джихана оказалось с собой слишком мало товара, в котором так нуждался Пэтси. Или же в самом деле обсуждению подвергалось его качество, как сообщали полицейские информаторы.

Наконец, примерно к часу ночи, Пэтси, проехав к югу по Бродвею, по-прежнему яркому и оживленному даже в этот час, остановился на углу 47-й стрит. Джихан вылез из «Бьюика» без своего синего чемоданчика и стал прокладывать среди пешеходов путь к «Эдисону», оставив в машине Пэтси с неопознанной личностью. Сонни выскочил из машины Уотерса, остановившейся на соседней улице, и поспешил за «Лягушатником-один». Олетта получил совет встать где-то поблизости и встретиться с Сонни в холле гостиницы.

Тем временем Пэтси, едва только менялись огни светофоров, сразу же рвал с места по Бродвею и Седьмой авеню, преследуемый Уотерсом, который на этот раз был один в машине. Но к тому моменту, когда агент оказался на авеню Америк (для старых нью-йоркцев она всегда будет Шестой авеню), за ним уже тянулись еще две машины — с Джимми О'Брайеном в одной и Даном Леонардом и Джимом Харли в другой. Пэтси, ехавший в верхнюю часть города по Шестой авеню, свернул к западу по 51-й стрит. Уотерс и остальные преследователи, переговорив по рации, пришли к выводу, что на следующем углу придется свернуть к «Виктории». Но за несколько сот ярдов от Седьмой маленький «Бьюик» замедлил ход и подъехал к «Абби-отелю», расположенному недалеко от «Виктории». Попутчик Пэтси вылез из машины и вошел в отель,

а Пэтси, набрав скорость, поехал дальше. Уотерс дал указание Леонарду и Харли заняться «Абби-отелем», пока он с О'Брайеном будет продолжать слежку за Пэтси.

Синий чемодан по-прежнему был в его машине. Успели ли они произвести обмен?

Джим Харли вошел в гостиницу. Человек в серой шляпе ждал у лифта. Харли подошел к нему вплотную. На нем был аккуратный деловой костюм и полосатый галстук. Ростом он был ниже, чем это казалось издалека, он был сухожав и смугл из-за загара, лет тридцати или сорока, как прикинул детектив. В молчании они поднялись до 14-го этажа, где человек вышел. Харли, поднявшись до 15-го, нашел пожарную лестницу и сбежал по ней, успев увидеть, как объект вставляет ключ в замочную скважину. Когда за ним закрылась дверь, Харли, пройдясь по коридору, заметил номер его комнаты — 1437. Спустившись вниз, Харли поговорил с управляющим и выяснил, что новоприбывший зарегистрировался как Дж. Морин из Парижа. Итак, «Лягушатник-три». Номер был заказан ему заранее, одиннадцатого. Вернувшись к машине с сержантом Леонардом, Харли связался по рации с базой и сообщил, что они засекли еще одного француза в гостинице «Абби».

Что же происходило с Иганом? Если он был с Барбье, то почему включился в поиски Пэтси в те отчаянные десять минут, когда все метались в надежде увидеть синий «Бьюик», и как случилось, что Барбье удалось выскочить незамеченным из «Виктории»? Прошло не так много времени, когда им удалось, наконец, свести воедино все события этой ночи и понять, что на самом деле происходило.

Весь вечер Иган провел в холле «Виктории». Час тому назад Барбье поднялся к себе, и в течение часа или около того Иган был в полном спокойствии. Но к десяти часам, когда ночь стала вступать в свои права, он стал несколько нервничать. Он то и дело прохаживался по холлу, время от времени проверяя, не появился ли в ячейке ключ от комнаты Барбье, помня, что у европейцев есть обычай, не в пример американцам, неизменно оставлять ключ от номера, уходя из отеля. Ключ по-прежнему был у Барбье. Иган ничего не мог понять: никто не делал попыток сняться с места. Каждый час он связывался с базой по

рации и получал один и тот же ответ — все подозреваемые на месте и все спокойно. Ему это не нравилось.

В последний раз он разговаривал с базой в 11.30. Он был не в курсе дела, что вскоре после полуночи его товарищи стали лихорадочно искать синий «Бьюик» с Пэтси Фукка и другим французом. Иган же раздраженно ерзал по пластиковому покрытию дивана в холле «Виктории», стараясь заставить себя расслабиться и отдыхать. И тут глаза у него чуть не вылезли из орбит: по ступенькам, ведущим с улицы, поднимался одетый в пальто Франсуа Барбье, волосы у него были спутаны ветром. И это тот, кто, как предполагалось, все время спокойно сидел у себя в номере наверху?! Пораженный, Иган лишь проводил взглядом Барбье, который, спокойно подойдя к лифту, поднялся к себе, не обратив на него внимания.

О, Господи! Иган, выругав себя, попытался представить, сколько же времени Барбье был в отлучке. Как он мог упустить его? Вскочив с дивана, Иган уставился на указатель этажей над лифтом. Он остановился на одиннадцатом. Ладно, теперь-то он у себя. Обернувшись, он увидел двух молодых федеральных агентов, сменивших Джека Рипу, которые обеспокоенно смотрели на него.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

До полудня пятницы все объекты внимания вели себя совершенно спокойно. Иган наконец-то отправился домой, где ему удалось несколько часов отдохнуть в собственной постели и переодеться. Но, покидая «Викторию», он успокоился, поняв, как Барбье ускользнул, от него предыдущим вечером. Как он выяснил, один лифт из четырех опускался на этаж ниже, на уровень улицы, где был расположен бар. По всей видимости, Барбье воспользовался именно им и просто вышел наружу через бар.

В половине первого агент Джек Рипа и детектив Джим Гиддея увидели «Лягушатника-два», покидающего «Викторию» через парадные двери; через несколько минут он присоединился к третьему «Лягушатнику», который ждал его у дверей «Аббатства». Это был Дж. Морин. Преследуемая по пятам двумя сыщиками, пара направилась к Рокфеллер-плаца. Был ясный чистый зимний день с легким морозцем и бодрящей атмосферой. Пара остановилась у загородки из мрамора, за которой блистал каток, и стала наблюдать за яркими костюмами конькобежцев, которые кружились и носились по льду под веселую музыку.

Примерно минут через десять Барбье и Морин высвободились из группы оживленных зевак и по узкой улочке пошли к зданию Радиокорпорации Америки. Рипа и Гиддея спешили за ними, чтобы не потерять их в толчее.

Французы, похоже, не торопились, изображая из себя туристов — и вдруг внезапно нырнули в коридор, ведущий к лифтам. Полицейские кинулись за угол, скрывший от них «Лягушатников», но было уже поздно: Барбье и Морин успели скрыться в огромном здании Радиокорпорации с его лабиринтом этажей, коридоров, кабинетов, проходов, лифтов и пожарных выходов.

Примерно в это же время Эдди Иган сидел в своем «Корвейре» с агентом Арти Флуром у закусочной Пэтси на 67-й стрит в Бруклине и, нервничая, ожидал от Пэтси каких-то действий. После встречи с французами, когда Пэтси вернулся домой к двум часам ночи, он все утро не выходил из дома.

Сразу же после часа Пэтси и Барбара показались на белом с перилами крылечке своего особняка. На нем была поношенная куртка, а на ней короткая меховая шубка. Они заняли места в своем сине-белом «Олдсмобиле», припаркованном неподалеку.

— Пэтси, должно быть, любит синий цвет, — заметил Иган. — И эта машина синяя, и другая, и в доме все синего цвета. Не мутит ли его? [1]

Они проводили «Олдсмобил» до закусочной Пэтси, куда он вошел с женой; в ней сейчас заправлял отец Барбары. Иган связался с базой, откуда ему сказали, что его друг Барбье ухитрился снова исчезнуть, прихватив с собой на этот раз новоприбывшего, Мориса. И перехватить их пока не удалось.

— Этот Барбье та еще штучка, — сказал Иган Флуру. — За ними бегают по пятам двести, а то и триста копов, а он трижды в течение суток ухитряется отрываться от них. В самом деле, опытный парень!

— Ты считаешь, он чувствует опасность? — спросил агент.

— Может чувствовать. Они все могут ее чувствовать. А может, и нет. Эта публика настолько привыкла все время поглядывать из-за плеча, что порой видит то, чего нет на самом деле. Даже на необитаемом острове он будет прятаться за деревом. Но поскольку мы не очень сидим у них на пятках, есть шансы, что они и впредь будут рас-

[1] Игра слов: в американском языке слово «блу» (синий) обозначает нечто вульгарное, грязное, непристойное — то, что вызывает депрессию. — *Прим. пер.*

кручивать свои планы так, словно никто за ними не следит.

— Так что нам остается лишь не терять их из виду, дожидаясь, когда они приступят к решительным действиям.

Через полчаса Пэтси и Барбара снова заняли места в своей машине. По забитому машинами Гренд Авеню они двинулись обратно к центру Нью-Йорка. Как и предыдущей ночью, Пэтси свернул с Деланси-стрит на Хьюстон и направился в верхнюю часть города. На углу 79-й стрит он остановился и пристроил свой «Олдсмобил» на стоянке. Иган проехал мимо и остановился неподалеку. Как он видел в зеркальце заднего вида, Пэтси вылез из машины, оставив в ней Барбару, и двинулся по Йорк-авеню.

Флур развернул газету и, сделав вид, что читает, спрятал за ней лицо, пока Иган, нахлобучив шляпу на лоб, со скучающим видом изучал витрины магазинов. Тут был давний район доходных домов и маленьких магазинчиков.

Пэтси неторопливо прошел мимо них. Когда он оказался на углу 80-й стрит, Иган выскользнул из «Корвейра».

— До встречи, — сказал он Флуру. И собравшись было уходить, снова всунул голову в окно. — Скажи ребятам, где мы находимся.

Миновав один квартал, Пэтси подошел к шикарному современному зданию на углу 81-й и Ист-Энда. Игану трудно было себе представить, что у Пэтси могут быть какие-то дела в этом изысканном здании, состоявшем из очень дорогих кооперативных квартир — такой персоне, как Пэтси, нечего было делать в районе, где большинство жилых небоскребов имело подземные гаражи. В районе, где личные шоферы в черных куртках и горничные в белых передничках прогуливали карликовых пуделей. Лишь в нескольких кварталах отсюда находился лесистый Карл Шурц-парк, в котором с давних времен размещалась домашняя резиденция мэра Нью-Йорка.

Пэтси вошел в угловое здание — дом номер 45 по Ист-Лэнд авеню. Подождав несколько минут, Иган последовал за ним в богато обставленный холл. В нем никого не было. Он увидел движение лифта. Отметив, что лифт остановился на пятнадцатом этаже, он решил проверить список жильцов, что размещался у входа. Ни одно из имен обитателей пятнадцатого этажа не было ему знако-

мо, но Пэтси мог без труда опуститься или подняться на другой этаж. Что внезапно привело Пэтси в такое место, и близко к которому он не подходил в течение тех месяцев, что полиция вела за ним слежку? Детективы заняли пост на дальнем от здания углу 81-й стрит.

Минут через пятнадцать Пэтси вышел из дома 45 и направился к своей машине в трех кварталах отсюда. Прежде чем включить двигатель и направиться обратно в Бруклин, он перекинулся несколькими словами с женой.

Пока Иган и Флур возвращались в даунтаун, следуя за Пэтси, «Лягушатник-один», Жан Джихан, в первый раз за день проявил признаки активной деятельности. В 2.45 он появился в холле «Эдисона», одетый для прогулки. Там он сразу же попал на глаза детективам Сонни Гроссо и Дику Олетте и агенту Френку Уотерсу.

Пройдя по Бродвею до 51-й стрит, Джихан двинулся в восточную сторону. Двигался он неторопливо и величественно, оглядываясь вокруг с видом светского бонвивана, по всей видимости, наслаждаясь бодрящим зимним воздухом. Он пересек Седьмую авеню, но вместо того, чтобы войти в «Викторию» или в «Аббатство», как ожидали полицейские, он направился к гостинице «Тафт», как раз напротив тех отелей, в которых занимали номера его соотечественники.

Остановившись около парикмахерской в холле, Джихан навел глянец на свою обувь. Затем, купив газету у стойки, он сел на круглую банкетку в центре холла. Трое полицейских, которые следовали за ним от «Эдисона», заняли соответствующие позиции вокруг, а один из них подошел к телефону, чтобы сообщить базе, где они находятся. Главное внимание полиция уделяла Джихану, который, чувствовалось, был ключевой фигурой в этих тайных переговорах, что бы за ними ни крылось. Они были убеждены, что вся эта ситуация организована именно им, Джиханом.

«Лягушатник-один» сидел, спокойно читая прессу. Его внимание привлекла статья на первой полосе, броско поданная асом от журналистики Джимом Хораном, который рассказывал о распространении наркотиков в Центральном районе. За последующие полчаса не менее дюжины детективов и федеральных агентов собрались в холле, не

сомневаясь, что вскоре должны последовать какие-то активные действия. Некоторые из них были одеты весьма странно. Этим утром в Мэдисон-сквер-гарден должны были состояться лыжные гонки и кросс, так что отели в центральной части города были переполнены спортсменами из команд колледжей и атлетических клубов со всей страны. Для наблюдателей со стороны не могло показаться странным, что немало атлетически сложенных молодых людей, толпившихся в холле, были в кроссовках и спортивных куртках, на груди которых были наименования различных спортивных клубов и организаций, тем более, что отель издавна пользовался популярностью среди туристских групп.

«Атлеты» бродили вокруг, как и забегавшие с улицы полицейские, стараясь не выпускать Джихана из виду и в то же время не привлекая к себе особого внимания с его стороны. В половине четвертого стало ясно: что-то не так. Трудно поверить, но «Лягушатник-один» исчез у них на глазах! Никто не видел, что он сдвигался с места. Холл отеля наполнился гулом возбужденных голосов, среди которых можно было услышать выкрики: «Куда, черт побери, он делся?» и «Еще минуту назад он был здесь!» Не исключено, что еще более печальным был тот факт, что он видел их копошение вокруг, которое теперь представлялось довольно глуповатым, и понял, что находится под наблюдением.

Но ситуация оказалась не столь плохой, как показалось с первого взгляда. Джихану, в самом деле, удалось миновать двери отеля незамеченным, но на улице он попал на глаза Джимми О'Брайену и Джеку Рипе. Они последовали за ним в его прогулке по Бродвею, когда он разглядывал витрины; затем, примерно в четыре часа, он купил билет в кинотеатр «Транс-Люкс». Едва он вошел в кинотеатр, как О'Брайен поспешил в «Тафт», чтобы сообщить Сонни и остальным о местонахождении «Лягушатника», пока Рипа ждал у кинотеатра, уделяя внимание центральному входу и пожарной двери.

Небольшая компания агентов собралась у кинотеатра. Сонни, О'Брайен и Рипа вошли внутрь. Стараясь не привлекать к себе внимания в полупустом зале, они попытались найти Джихана, но так его и не увидели. Выйдя снова на Бродвей, они размышляли, что им делать дальше,

когда к ним присоединился шеф федеральных агентов Джордж Гаффни.

Гаффни был невысоким, но крепким и жилистым следователем-ветераном, который редко позволял себе впадать в отчаяние из-за кажущихся неудач. Пока Сонни и О'Брайен рассказывали о своих действиях, Гаффни прервал их:

— Давайте-ка снова зайдем туда.

Расставив остальных агентов вокруг кинотеатра, Гаффни стянул пальто, снял шляпу и, решительно направившись по центральному проходу вплоть до первого ряда, остановился там и, подобно директору заведения, двинулся обратно, поглядывая направо и налево, словно подсчитывая количество посетителей.

Присоединившись к ожидавшим его детективам, Гаффни шепнул:

— Он в шестом ряду, седьмое место справа, — после чего, надев пальто и шляпу, покинул кинотеатр.

Вскоре полдюжины агентов заняли места вокруг Джихана и углубились в созерцание премьеры в «Транс-люксе».

К тому времени, когда, наконец, «Лягушатник-один» вышел из «Транс Люкса», Эдди Иган уже присоединился к дюжине других детективов и агентов, стянутых сюда. До этого Иган проводил чету Фукка до Бруклина, где, недалеко от своего дома Пэтси зашел в спортивный магазин, а Барбара направилась в косметический салон. Когда на подмогу явился агент Джим Бейли, Иган оставил супругов на попечение его и Арти Флура, а сам вернулся в центральную часть города. Он заглянул в «Викторию» и «Аббатство», узнав от коллег, болтавшихся там, что нет ни следа и Барбье, и Морина. Другие группы детективов контролировали «Эдисон» и «Тафт», так же, как и отель «Рузвельт». Кроме того, под круглосуточным наблюдением находились не только дом и закусочная Пэтси и обиталище его родителей, но и квартира семейства Травато, что была в четырех кварталах от дома Фукка, жилище Тони в Бронксе, а также весь район вокруг Пайк-Слип. Трудно было представить, что кто-то из объектов внимания может сняться с места, не привлекая к себе внимания полиции, которая тут же отреагирует соответствующим образом. И, насколько можно было представить, такими основными объектами были Пэтси и Джихан.

Покинув «Транс-Люкс», Джихан отправился па прогулку по ночному Бродвею, залитому огнями реклам. Он представлял собой величественную фигуру, напоминая героя-любовника, вышедшего подышать воздухом перед премьерой. Иган и Сонни испытывали едва ли не восхищение перед ним, настолько он был спокоен и уверен в себе.

Они попытались представить себе, о чем он думает, когда Джихан, помахивая тросточкой, остановился на углу 49-й стрит, рассеянно поглядывая по сторонам, после чего снова двинулся сквозь толпу. Понял ли он, что находится под контролем, или же его двухчасовое пребывание в кинотеатре было всего лишь нормальной мерой предосторожности? Или же он сознательно отвлекает на себя преследователей, давая возможность двум другим французам заниматься делами? Тот факт, что Пэтси весь день был на глазах у полицейских, казалось, исключал последнюю возможность, но ведь удалось же тому на четверть часа оторваться от слежки в здании на Ист-Лэнд-авеню. Барбье и Морин могли встретиться с ним там и произвести обмен. А что относительно синего чемоданчика, который попался им на глаза прошлой ночью? Что в нем было, и куда он делся? Мучаясь неразрешенными вопросами и сомнениями, Иган и Эдди с группой агентов-невидимок проводили «Лягушатника-один» до «Эдисона».

Джихан осведомился у стойки, не было ли для него посланий, но таковых не поступало. Он посмотрел на часы: 6.45 вечера. Он вышел на 46-ю стрит и махнул рукой, подзывая к себе такси. Сонни остался в «Эдисоне», и Иган и Френк Уотерс, выскочив, кинулись в машину Френка и двинулись за Джиханом.

Его машина остановилась на Второй авеню у ресторанчика «Ла Крош д'ор». С угла Третьей авеню Иган и Уотерс видели, как Джихан вошел в него, и решили подойти поближе. Им удалось во всех подробностях, через витрину, рассмотреть уютное маленькое заведение в старо-французском стиле. Джихан в одиночестве сидел за столиком на двоих, и метрдотель с поклоном протягивал ему меню.

— Может, он тут кого-то ждет, — сказал Уотерс. — Может быть. Во всяком случае, похоже, он проведет тут время. Ты ел, Френк?

— Уже забыл, что это такое.

— Почему бы тебе не перекусить чего-нибудь? — предложил Иган. — Я недавно уничтожил сандвич и могу остаться тут.

— Думаю, что так и сделаю. До встречи, — сказал агент, возвращаясь к своей машине.

Иган прогулялся по Второй авеню, после чего мимо ресторанчика вышел на Третью; наконец, найдя себе укрытие у коричневого кирпичного здания напротив ресторана, он закурил, прикрывая ладонью огонек зажигалки.

В «Эдисоне» Сонни Гроссо тоже нашел время перекусить в кафе. Желудок стал у него побаливать, как всегда бывало, когда начинало расти напряжение в деле, которым он занимался. Бурчание в кишечнике и изжога предупредили его, что может начаться приступ гастрита, который уже несколько раз выводил его из строя. Так что он позволил себе чизбургер, салат из зелени и два больших стакана молока, припомнив слова матери, что молоко «лечит больной желудок».

В половине восьмого Сонни снова оказался в холле «Эдисона». Агенты, дежурившие в отеле, не имели никаких известий о Жане Джихане, пока не поступило сообщение от Френка Уотерса, что Эдди Иган держит его под контролем. Сонни решил присоединиться к своему напарнику. Оставив гостиницу, он направился к своему белому «Олдсмобилю». Пока грелся двигатель, он включил рацию и услышал, как кто-то сообщал о Пэтси Фукка:

— ...он в своем синем «Бьюике» на Гренд-авеню. Интенсивное движение, на улице много покупателей. Похоже, что он движется в Вильямсбург-бридж. — Голос заглушил треск статических разрядов. — Так и есть, на мост. Он снова гонит в Манхэттен. Есть кто-нибудь на Пайк-Слип? — Хор голосов заверил, что излюбленное местечко Пэтси в плотном кольце. Сонни взял микрофон:

— Кто следит за ним, ребята?

— Флур и Бейли.

— Арти, он сам по себе, так?

— Да, он один.

Агенты следовали за Пэтси через Ист-Ривер, и Сонни слышал их сообщения:

— Съезжает с моста, на Деланси-стрит. Ну и ну, он же едет направо, в верхнюю часть города. Поворачивает на Хьюстон-стрит... да, точно, едет наверх.

Обратно в «Рузвельт»? — спросил себя Сонни. Почему бы и нет? Именно там за прошедшие два дня он встречался с французами.

— Снова я. Нахожусь к западу от «Эдисона». Двигаюсь в восточном направлении. Я думаю, он снова направляется к «Рузвельту». Как только свернет с трассы, дайте мне знать.

Сонни двинулся по 48-й, и пока он выбирался из потока уличного движения, металлический голос Арти в рации продолжал сообщать о движении Пэтси:

— Мимо Четырнадцатой... мимо Тридцать третьей... — Сонни хотелось, чтобы с ним были Иган и Уотерс. — Теперь проезжает Тридцать четвертую. Едет без остановки, попал под зеленую волну. Держится левой стороны, похоже, что сворачивать будет на Сорок второй. — Сонни достиг Пятой авеню, двигаясь все по той же Сорок восьмой. — Он ждал подтверждения своего предположения. — Так и есть: по Сорок второй! — крикнул Флур. — Всем машинам поблизости! — скомандовал Сонни. — Подтянуться к «Рузвельту».

Подъехав сам к той же гостинице, он завернул за ближайший угол и притушил огни. Улица была полна прохожих, но рядом с «Рузвельтом» он не видел ни одного знакомого лица. — ... продолжает ехать на запад по Сорок пятой, — сообщил Флур. Скользнув взглядом мимо входа в гостиницу, Сонни стал присматриваться к темнеющей улице, надеясь увидеть подъезжающего Пэтси. На углу остановился автобус, закрыв перед ним вход в гостиницу.

На другом углу человек в пальто и шляпе ходил кругами вокруг занятой будки таксофона. Сонни заметил, что он нервничает, как муж, который спешит позвонить жене.

И тут же Сонни приник к окошку с левой стороны и пригляделся. *Ах, сукин сын*! Да это же «Лягушатник-три»! А в будке — Барбье. Он схватился за микрофон:

— Я на углу Сорок пятой и Мэдисон. Знаете, кого я нашел? Двух пропавших «Лягушатников»! Они, должно быть, ждут нашего мальчика.

— ...приближается к отелю «Рузвельт», — сообщил голос Арти Флура. Сонни отвел взгляд от таксофона. Ко входу в «Рузвельт» приближалась машина. Когда на нее упал яркий свет из дверей, Сонни узнал синий «Бьюик» Пэтси. В полуквартале сзади виднелись другие фары, это, скорее всего, были Флур и Бейли. Пэтси остановился у пожарного гидранта сразу же за телефонной будкой на углу. Морин постучал в ее стекло, давая знать Барбье, а потом, подойдя к «Бьюику», сел в него на заднее сиденье. Пэтси крутил головой по сторонам. Чувствовалось, что ему не хотелось стоять здесь дольше, чем необходимо, подумал Сонни. Через мгновение в будке таксофона погас свет, Барбье покинул ее и сел в машину сзади Пэтси. На светофоре вспыхнул зеленый и «Бьюик», сорвавшись с места, пересек Мэдисон и направился на запад по Сорок пятой.

Сонни быстро взглянул на машину с двумя агентами, которые следовали за Пэтси из Бруклина. Они попались ему на глаза, два только пересекли Мэдисон-авеню.

— Арти! — бросил Сонни, одновременно мигнув фарами. — Пристройтесь на то место, которое он только что оставил. Я буду сообщать вам об их передвижениях. Всем остальным оставаться на местах.

Когда Сонни повернул направо на 45-ю, «Бьюик» Пэтси перед ним ждал сигнала светофора на углу Пятой авеню. Он направлялся в даунтаун. Мигнув фарами, Сонни двинулся за ним.

— Они направляются л Мэдисон, — радировал Сонни остальным полицейским машинам в этом районе. Он прикинул, что Флур и Бейли оставили свою стоянку у «Рузвельта» и завернули за угол 44-й и Мэдисон.

«Бьюик», по всей видимости, решил крутиться на пространстве между Пятой-авеню и Мэдисон. Сонни старался не отставать от него, прикрываясь углами улиц. Наконец трое вылезли, и Пэтси запер дверцы машины. Они пересекли улицу, направляясь в бар-ресторан «Веселый петушок», известный кабачок в стиле английской пивной, где, насколько Сонни было известно, собиралась публика из увеселительных заведений в районе Гренд-Сентрал. В четверть девятого в пятницу, вечером, заведение было переполнено молодыми администраторами и менеджерами, которые напропалую флиртовали с молодыми элегантными помощницами редакторов и секретаршами. Пэтси и французы нашли свободную кабинку и заказали выпить, пока Сонни искал, куда бы приткнуться в конце стойки бара. Он заказал себе порцию белого вермута.

Компания расселась за овальным столом и, отдав должное коктейлям, погрузилась в серьезный разговор, плотно сдвинув головы. Сонни, попивая свое слабое винцо, лишь изредка поглядывал в их сторону. Гораздо больше его беспокоило, успели ли подтянуться и занять позиции полицейские машины, которые, как он надеялся, будут ждать их снаружи. Минут через пятнадцать Пэтси встал, огляделся и направился в конец бара, где размещались телефоны. Он вел разговор не менее десяти минут: Сонни видел, как он бросал в щель дополнительные монеты. Затем, вернувшись к столику, он включился в оживленную дискуссию с двумя французами. Должно быть, она принимала все более горячий характер, ибо Сонни видел, как Пэтси жестикулировал, что-то доказывая, а Барбье и Морин спокойно отвечали ему. Они прервались, чтобы заказать еще выпивку — Пэтси хайболл, а французы коньяк. Минут через десять Пэтси опять направился к телефону. «Похоже, что у них возникли проблемы, — прикинул Сонни. — Сделка пока еще не завершена».

Предположение Эдди Игана, что Жан Джихан ждет кого-то в ресторанчике на 5-й стрит между Третьей и Второй авеню, не получило подтверждения. Детектив, поначалу пристроившийся на ступеньках подъезда здания коричневого камня по другую сторону улицы, решил прогуляться вдоль квартала, не сомневаясь, что «Лягушатник-один» ждет назначенной встречи в маленьком французском ресторанчике. Но тот продолжал сидеть в одиночестве, явно отдавая дань французской кухне, с небольшой бутылочкой вина перед собой. Никто не подходил к нему, кроме метрдотеля и официанта. Только раз, примерно в восемь, он поднялся, исчезнув из поля зрения Эдди, но через несколько минут вернулся, по-прежнему один; скорее всего, он посетил туалет или ходил звонить по телефону. После того он не покидал своего места, неторопливо поглощая подаваемые блюда и запивая их вином. Вскоре после восьми появился Френк

Уотерс и сообщил, что снова удалось обнаружить Пэтси и исчезнувших французов. Они вместе стали ждать развития событий неподалеку от «Ла Крош д'ор».

Было уже без пяти девять и Иган выкурил почти полную пачку «Кэмела», когда Джихан собрался уходить. Улыбаясь и отпуская грациозные поклоны, он расплатился по счету и вышел на 52-ю стрит. Дыша полной грудью и всем своим видом выражая удовлетворение, он направился в западную сторону к Третьей авеню. Иган и Уотерс, разделившись, следовали за ним, довольные, что, наконец они хоть *куда-то* двигаются.

Но вопрос *куда*, так и остался без ответа. Ибо Джихан просто неторопливо и без определенной цели шел в сторону Вест-Сайда. То и дело останавливаясь, он разглядывал элегантные модели машин в витринах автосалонов и шикарных магазинов на 57-й стрит. У Пятой авеню он повернул и по диагонали пересек площадь, с ее огромным фонтаном и скрывавшейся в полумраке статуей светлого камня, которые размещались перед величественным отелем «Плаца».

Вот оно, подумал Иган, наблюдая за ним из-за угла: вот тут-то он и должен кого-то встретить. Он махнул Уотерсу, который был по другую сторону Пятой авеню. Но Джихан продолжил прогулку. Ну да, прикинул Иган, он направляется в «Плацу». Но «Лягушатник-один» прошел мимо входа в отель, на широких ступенях которого толпились нарядно одетые люди, ожидая своих машин, и повернул за угол, направляясь в Сентрал-Парк.

У Игана стало расти раздражение. Сколько этот щеголь собирается разгуливать? Сколько времени они собираются *меня* гонять? Когда, черт побери, произойдет существенное? Джихан довел их до следующего угла, где постоял несколько минут у отеля «Сан-Мориц», после чего двинулся по авеню Америк. Когда Иган, сделав знак Уотерсу, завернул за угол, Джихан уже пересекал 58-ю. Помедлив на тротуаре, он направил свои стопы в ярко освещенный бар в нескольких шагах от авеню. Постояв несколько секунд у витрины, он решительно зашел внутрь.

Это место называлось «Тандерберд». Со своего наблюдательного пункта по другую сторону улицы Иган, к которому теперь присоединился и Уотерс, видел, что бар почти пуст, хотя уже пробило десять часов. «Лягушатник-один» сел за стойку и заказал выпить. Единственной посетительницей, которую видел Иган, была броско одетая блондинка с пышной прической; она сидела у стойки через несколько стульев от него. Джихан тоже обратил на нее внимание и, повернувшись к ней, улыбнулся и поднял в знак приветствия рюмку.

— Это что за особа? — присмотрелся к ней Иган.

— Смахивает на обыкновенную шлюху, — сказал Уотерс.

Подождав на улице, пока в бар не вошло еще несколько посетителей и заведение уже не выглядело столь пустынным, они сами протолкнулись через двери. К тому времени Джихан уже подсел ближе к блондинке. Они были поглощены обменом любезностями и шуточками. Иган и Уотерс заняли неприметный столик у задней стенки бара, погруженной в полумрак, и заказали два ржаных виски с элем и пару булочек. Подойдя к телефону, Иган сообщил базе о местонахождении «Лягушатника-один». Ему сказали, что вот уже час Пэтси с двумя другими французами таскает за собой по центральной части города около двадцати машин, набитых детективами и федеральными агентами.

Не успел Иган вернуться к столику, чтобы познакомить Уотерс с известиями, как в дверях показалось знакомое лицо. Дик Олетта. Он сразу же заметил их и через весь бар направился к ним, пройдя за спиной француза и его собеседницы.

— Садись, — предложил Иган, когда он подошел к их столику.

— Не могу. Я просто хотел убедиться, не явился ли сюда кто-то еще — Пэтси или двое других французов.

Уотерс оцепенел:

— Только не говори мне, что вы их окончательно потеряли!

— Да нет. Мы с напарником только что расстались с ними в этом районе, и я слышал, что вы, ребята, здесь. Мы посадили им «на хвост» машин восемнадцать или двадцать. Кто-то должен их засечь.

— Куда, черт побери, они держат путь? — спросил Иган.

— Провалиться мне, если я знаю, — Олетта покачал головой. — Ну, я возвращаюсь на охоту. — Он осторожно

осмотрел бар. — Я смотрю, вы ведете старого лиса. Помощь нужна? — спросил он Игана.

— Нет. Я не представляю, что он будет делать, но оторваться он не пытается. Мы с Френком держим его.

Но Уотерс встал:

— Эдди, если ты не против, я думаю, мне стоит поболтаться немного с Диком. Попозже я присоединюсь к тебе.

Олетта и Уотерс вышли, оставив Игана одного наблюдать за Джиханом.

Сонни Гроссо испытывал возбуждение и легкую растерянность. После того как Пэтси с приятелями около девяти часов оставили «Веселого Петушка», они буквально измотали их. Завершив второй телефонный разговор, Пэтси расплатился по счету, и компания вышла к «Бьюику». Сонни тут же последовал за ними. Рядом в подъезде обувного магазина его появления дожидался специальный агент Бен Фитцжеральд; вместе с ним они поспешили к машине Сонни, стоявшей выше по улице. Румянощекий Фитц, поблескивая глазами за стеклами очков сказал ему, что район полон детективов, часть которых передвигается пешком, но большинство в машинах.

Как и предыдущей ночью, когда ему удалось на какое-то время оторваться от преследования, Пэтси погнал свой «компакт» по Мэдисон-авеню в сторону северной части города. Но на этот раз за ним держалось слишком много преследователей, чтобы даже такой лихой водитель, как Пэтси, смог обдурить их. Рация прямо раскалилась о торопливых реплик: — Вон он!.. Я взял его... Держи его на Пятой... Кто-нибудь перехватите его на Сорок четвертой... Мы держимся за ним... Кто на углу Парк-авеню и Сорок девятой?..

Частоты, на которых в случаях слежки работают полицейские рации, держатся в строгом секрете. Как-то донам мафии удалось раздобыть портативную полицейскую рацию, но у них не оказалось под рукой достаточно опытных техников-электронщиков, чтобы определить новую частоту, на которую сразу же перешла полиция, когда стало известно о пропаже рации. Поэтому полицейские, занимающиеся наркотиками, могли говорить достаточно свободно, хотя они никогда не использовали свои подлинные имена.

— Она направляется на запад по Сорок седьмой... — раздалось сообщение в эфире, и объединенные силы полиции и правительственных агентов перестроились в сложной структуре преследования. Одна машина следовала за «Бьюиком» не дальше чем в пределах одного квартала, после чего сворачивала, а на смену ей шла другая машина, вывернувшаяся из-за угла; или же, когда сворачивал сам Пэтси, полицейская машина было продолжала следовать за нею, но на смену ей уже была наготове другая именно там, куда сворачивал Пэтси, которая дожидалась своей очереди включиться в преследование. Это было непросто, но когда в дело включались опыт, инстинкт и решительность, система срабатывала. Тем не менее, Пэтси был великолепен, а временами просто восхитителен. Он гнал, словно голливудский каскадер, пролетая стриты и гоня вверх и вниз по продольным авеню; он дважды объехал целый район города. Машины преследования, все, кроме парочки дожидавшихся по перекресткам, были включены в эту гонку.

Эти сумасшедшие «скачки с препятствиями» продолжались около двух часов. Все это время Пэтси не покидал район Манхэттена, ограниченный 4-й с юга, Бродвеем с запада, 57-й с севера и Третьей авеню с востока, который включал в себя приблизительно около ста городских кварталов. В 10.45 Сонни понял, что еще немного — и он рехнется от этих гонок. В любую минуту они с Фитцджеральдом могу оказаться рядом с каждым из этих ста кварталов. Вместе с Уотерсом, который с Олеттой включился в гонку, Сонни пытался на ходу управлять слежкой. Они не теряли «Бьюик» из виду, но по мере того, как наступала ночь, их все больше и больше беспокоил вопрос о подлинных намерениях Пэтси: неужели он в самом деле пытается отделаться от *хвоста*? Или же он с напарниками просто проводил «репетицию», демонстрируя гостям, что он умеет делать на улицах Нью-Йорка? Они просто веселятся себе за счет полицейских? И его не покидали сомнения: может, они просто играют роль приманки, пока где-то в другом месте заключается настоящая сделка теми, которых полиция ни в чем не подозревает?

Пока Сонни искал ответы на эти вопросы, в одиннадцать часов, в первый раз за прошедший час, синий «Бьюик» продолжал движение в направлении больше одного квартала. С Шестой авеню Пэтси свернул по 46-й и пере-

сек Пятую, Мэдисон, Парк-авеню и Лексингтон-авеню. Как ни смешно, когда он двинул по прямой, это привело в смятение многочисленные полицейские машины, потому что они был рассредоточены в самых разных местах и двигались во все стороны, так что им оказалось не просто пристроиться за Пэтси.

На Второй авеню синий «компакт» сделал резкий поворот направо и устремился в даунтаун. Пэтси повезло проскочить под несколькими светофорами, и когда он, все еще не сворачивая со второй авеню, миновал Тридцать вторую, по отрывочным сообщениям рации Сонни и Фитц поняли, что теперь только они и другая машина, с Джимми О'Брайеном и Джеком Рипой, держатся поблизости от Пэтси и французов. Но подтягивались и остальные.

На Двадцать четвертой Сонни увидел, как Пэтси сворачивает к Ист-Ривер. Там был район старых кирпичных строений; именно там жили родители Сонни, когда он родился. Но у Сонни не было времени предаваться ностальгии. Пэтси остановил свой «Бьюик» на углу Двадцать четвертой и Первой авеню, перед больницей ветеранов неподалеку от большого больничного комплекса Бельвью. Едва только вышли его пассажиры, как хлопнула дверца «Бьюика» и он устремился вверх по Первой авеню.

— Кто возьмет Пэтси? — завопил Фитц в микрофон. Сонни остановил «Олдс» на полутемной улочке, наблюдая за двумя французами. — Он свернул с Двадцать четвертой и гонит вверх по Первой авеню!

— Мы возьмем его, — ответил Рипа, пролетая мимо их машины.

Сонни вылез из «Олдсмобиля». Барбье и Морин прошли несколько десятков ярдов вдоль 24-й стрит и вошли в небольшой бар на северной стороне улицы. Детектив держал путь по другой стороне. Он остановился у запыленной витрины бакалейной лавочки, все еще открытой в этот час, напротив бара, о местонахождении которого свидетельствовала только красная неоновая надпись над входом: «БАР». Окна его были настолько грязными, что он не мог сказать, чем там занимаются «Лягушатники» — то ли взяли выпить после столь утомительной экскурсии, устроенной Пэтси, чтобы расслабиться, то ли кому-то звонят. Внезапно припомнив, что его напарник следит сейчас за другим «Лягушатником», Джиханом, Сонни вошел в лавочку. Пахло тут типичными итальянскими запахами, совсем как дома. Он купил булочку с ванилью и попросил коки. Затем, подойдя к окну магазинчика, стал стягивать целлофановую обертку с булочки, присматриваясь к двери с вывеской «БАР».

Он успел откусить только кусок булочки и сделать глоток коки, как из дверей вышли оба француза. Они направились к углу Первой авеню. Сонни отошел в глубь магазина. Пара смотрела в перспективу улицы. Барбье держал поднятой руку и перед ними остановилось такси. Сонни бросил булочку и напиток и выскочил наружу. Махнув Фитцу, чтобы тот подхватил его, он кинулся за угол, чтобы посмотреть, куда направятся французы.

Пока Фитц вел машину, Сонни прокричал в микрофон направление их движения вслед за такси «Лягушатников» — до автобусной станции на 42-й стрит. Когда они тронулись, Фитц сказал ему, что О'Брайен вел Пэтси до самого даунтауна.

Барбье и Морин вылезли у автовокзала. Не без мрачности прикинув, что это огромное здание, с массой выходов и проходов, не раз использовалось теми, кто хотел избежать слежки. Сонни и Фитц последовали за французами. Они могли только молить Бога, чтобы им на подмогу пришла какая-нибудь другая машина. Главный зал терминала был заполнен толпами обывателей, которые, припоздниившись в пятницу вечером, стремились добраться к себе домой в Нью-Джерси на последних автобусах. Сонни заприметил, как Барбье и Морин проталкивались сквозь толпу к выходу на Сороковую. Пробившись к Фитцу, он крикнул ему: «Гони машину!», — показав на уходящих французов, и стал проталкиваться сквозь толпу, стараясь держаться к ним поближе. Но прежде, чем Сонни удалось выбраться на улицу, Барбье и Морин уже садились в другое такси.

С трудом переводя дыхание, Сонни добежал до угла Восьмой авеню, где у Фитца явно назревали неприятности, потому что он хотел погнать машину в другую сторону по улице с односторонним движением. Сонни колотило от гнева и возбуждения, он выскочил на середину улицы и, разведя руки, постарался остановить движение, чтобы у Фитца появилась возможность выскочить.

В эту минуту Сонни еще не знал, что тем успели сесть «на хвост». Услышав призыв Сонни о помощи, лейтенант Винни Хоукс успел прибыть на место почти одновремен-

но с ним и Фитцем и объехал вокруг терминала, ища выход. Возвращаясь, он увидел, как Барбье и Морин, выскочив из здания, уехали в такси. Хоукс сразу же рванул за ними, успев на ходу по рации торопливо передать известие о преследовании. Сонни узнал об этом, только когда подсел к Фитцу. Теперь им оставалось только следовать за Хоуксом, ориентируясь по его указаниям.

Такси доставило французов на вокзал Гренд-Сентрал. Хоукс держался поблизости всю дорогу. Когда объекты внимания пересекли 42-ю стрит и вошли в огромное здание железнодорожного вокзала с угла Вандербилт-авеню, лейтенант остановил свою машину под виадуком Парк-авеню и направился к входу.

Поведение Барбье и Морина давало основания предположить, они не подозревают, что находятся под наблюдением. Они остановились у табачного киоска, где обзавелись «Дейли Ньюс» и «Геральд Трибюн», а потом спустились по другому пандусу на нижний уровень. Они напоминали пару старых друзей, направлявшихся к поезду, который увезет их в пригород. Но они могут что-то почувствовать, подумал Хоукс, держась на отдалении от них — может, нам стоит поменяться в ходе слежки. Он знал, что машины съезжаются сюда одна за другой, перекрывая Гренд-Сентрал. Хоуксу пришло в голову, что груз наркотиков вполне может храниться в одной из автоматических камер хранения на вокзале. Вся эта беготня и спешка ночью могла иметь целью передачу ключа от закрытой камеры.

Тем не менее, пара не направилась ни к автоматическим камерам, ни к поездам. Они пошли к «Ойстер-бару», обширному вокзальному ресторану между основным и нижним уровнями, который пользовался популярностью у пассажиров и запоздавших путников. Хоукс несколько минут поболтался снаружи, присматриваясь сквозь его широкие окна. Французы расположились у одной из стоек и сделали заказ. У входа на нижний уровень вокзала материализовался молодой человек, который прикрывался стендом с цветами, делая вид, что читает газету — федеральный агент. О'кей. Хоукс вошел в «Ойстер-бар».

«Лягушатников» в нем не было.

Изумление владело Хоуксом всего лишь пару секунд. В конце «Ойстер-бара» была стеклянная дверь, которая вела в коктейль-холл, откуда другим путем можно было

попасть на вокзал. Но куда они делись — ну, ублюдки, выругался он про себя. Он прошел почти пустой коктейль-бар, после чего посетил и мужской туалет. Но их не было ни там, ни там.

Через некоторое время среди полицейских, рассыпавшихся по всему вокзалу и поджидающих снаружи, распространилось известие, что «Лягушатники» ухитрились проскользнуть сквозь ячейки сети, и всеми овладело уныние. Лейтенант постарался утешить Сонни:

— Мы потеряли их только на какое-то время. Они и раньше уходили. Их гостиницы плотно перекрыты. И оба они вот-вот появятся там.

— Сомневаюсь, — пробормотал Сонни.

— Ну, так у нас по-прежнему есть другой француз, и Пэтси, а они оба крупные рыбы, не так ли?

— Надеюсь. — Иган, конечно же, сидел в том баре на 58-й, рядом с Джиханом, что служило небольшим утешением. Когда Эдди шел за кем-то по следу, он чувствовал себя змеей, подбирающейся к добыче. Пэтси вроде тоже под наблюдением. Рипа и О'Брайен сообщили, что сопровождали его всю дорогу до даунтауна, где он оставил свой «Бьюик» рядом с домом своей бабушки на убогой Генри-стрит и вошел в невзрачный магазинчик, за вечно занавешанными мешковиной окнами которого, насколько полиции было известно, постоянно собирались любители по-крупному сыграть в покер. На поддержку Рипе и о'Брайену в тот район направились еще шесть машин с людьми. Пэтси все еще был внутри, во всяком случае, они были в этом уверены.

— Я думаю, что мне стоит смотаться в даунтаун и глянуть, как там дела с Пэтси, — сказал Сонни своему боссу.

— О'кей. Но будь на связи, — ответил Хоукс, дружелюбно махнув ему на прощанье.

Единственным лучом надежды для Сонни, когда он ехал по Ист-Ривер-драйв, оставалась мысль, что его напарник по-прежнему находится рядом с Джиханом.

Эдди Иган услышал об исчезновении обоих «Лягушатников» во время одного из своих периодических звонков на базу, последний из которых состоялся уже около часа ночи в субботу 13 января. Ему не хватало только этого известия — по мере того, как шло время, детектив начи-

нал испытывать все большее нетерпение. Похоже было, что в этот вечер для Джихана не было более важного дела, чем затащить себе женщину в постель, пить и тратить деньги. По подсчетам Эдди, за последние три часа «Лягушатник-один» выложил не меньше семидесяти пяти долларов в баре в дополнение к своему континентальному шарму, которым он старался обволакивать несговорчивую блондинку. Он настойчиво уговаривал ее то составить ему компанию в его отеле, то отправиться к ней. Она продолжала играть застенчивую овечку — наверно, как предположил Эдди, считая, что именно так следует завлекать пожилого француза. Если эта парочка договорится, Джихану придется основательно расплачиваться за удовольствие.

Иган с трудом мог справиться с разочарованием и усталостью, когда узнал на базе потрясающие новости об исчезновении обоих французов. Его немедленной реакцией было предположение, что Барбье и Морин направляются в «Тандерберд» на встречу с Джиханом, отчего он с удвоенным вниманием стал присматриваться к нему.

Несколько раз в течение вечера детектив переходил с места на место, то пристраиваясь у стойки, то присоединяясь к небольшой компании посетителей, что ввалились с улицы; позже он сменил столик, а потом опять переместился на другой стул у бара, стараясь свести к минимуму шансы, что «Лягушатник-один» обратит внимание на рыжего, крепко сбитого парня, который как прикованный сидит все время на одном месте.

Но Джихан почти не обращал внимания на свое окружение. В течение последующих полутора часов он постепенно погружался в сладкий туман опьянения от количества выпитого алкоголя и предвкушаемого удовольствия, пока блондинка продолжала завлекать его. За это время и Иган удостоился внимания пышной брюнетки лет тридцати пяти, которая села к стойке бара рядом с ним, явно стараясь дать ему понять, что хочет обратить на себя его внимание. Его новая соседка, которая сообщила, что ее зовут Соней, намекнула, что хотела бы пригласить его к «себе», в третьеразрядный отель на 58-й стрит. Он постарался отделаться от нее, дав понять, что ждет приятеля. Как насчет попозже? Посмотрим. Было уже около трех.

Соня сказала, что и ее ждет «встреча» в три часа, но примерно через полчасика она освободится. Они снова

встретятся и, может, тогда что-нибудь придумать? Ее глаза и рот демонстрировали хорошо отрепетированную страсть, когда она диктовала свой адрес, который Эдди нацарапал на салфетке, дабы убедиться, что он хорошо запомнил его. Она встала и прижалась к его руке мягким животом, нежно лаская пальцами внутреннюю поверхность его бедра, а между губ дразнящим движением появился кончик языка.

Иган испытал облегчение, когда она удалилась. Избавившись о нее, он приободрился. Он снова направился к телефону. База сообщила, что никаких изменений не произошло: двое французов по-прежнему еще не обнаружены, Пэтси по-прежнему торчит на Генри-стрит. Они сообщили ему, что Дик Олетта в своей машине находится у «Тандерберда», что Эдди было приятно услышать. И если Джихан с блондинкой выйдут порознь, Дик сможет взять на себя заботу о ней.

Время приближалось к половине четвертого. Надежды Игана на появление Барбье и Морина рассеялись. Джихан был в таком состоянии, что никоим образом не мог заниматься делами. Кроме Игана, Джихана и его подружки в баре оставалась только одна пара, и детектив решил, что ему лучше покинуть заведение. «Лягушатник» с трудом ворочал глазами и языком, когда разрывался между желанием допить свой коньяк или сменить бар. Иган прикинул, что к пяти часам Джихан спустил не меньше ста сорока долларов и теперь изо всех сил старался подцепить сидящую рядом с ним проститутку.

Вдруг блондинка решительно собрала свои косметические принадлежности, разложенные на стойке, и, покидав их в черную сумку, финальным жестом захлопнула ее. Практически одним движением, уложившись в пару секунд, она накинула на плечи шубку из иммитации леопардовой шкуры, потрепала по коленке старого селадона и исчезла за дверью. У Джихана не было ни времени, ни сил воспротивиться ее решению. Он так и остался сидеть, тупо глядя перед собой.

Не в силах скрыть ехидную усмешку, Иган попросил свой счет. Наконец и ему настало время уносить ноги, пока француз не оклемается и не присмотрится к нему. Проходя мимо Джихана, Иган натягивал пальто и, справившись с ним, вышел наружу. Волна холодного воздуха взбодрила его. Он осмотрелся — блондинка исчезла и не

было никаких следов Олетты, поскольку Дик, скорее всего, последовал за ней. Он пересек улицу и по ступенькам поднялся к вестибюлю старого многоквартирного дома. Через несколько минут и Джихан вывалился из бара. Оглядевшись, он с трудом определил направление и неторопливо побрел к углу 57-й и Шестой авеню. На перекрестке он махнул рукой, подзывая такси, и Игану пришлось подсуетиться, чтобы успеть сесть в другое, пока «Лягушатник-один» не исчез из поля зрения.

Без десяти четыре машина доставила Джихана на угол 47-й стрит и Бродвея, откуда он, спотыкаясь, побрел в «Эдисон». В гостинице Джихан получил ключ от своего номера, ввалился в лифт и исчез окончательно. Холл нельзя было назвать полностью пустынным, потому что в него то и дело заходили поздние гуляки, сидевшие в городских барах до закрытия. За стойкой, «помогая» портье, находился федеральный агент. Иган отозвал его в сторону и попросил сообщить последнюю информацию. Никаких известий о французах, последовал ответ, и ребята по-прежнему следят за Пэтси в даунтауне.

Теперь, когда Джихан отправился в постельку и длинная утомительная ночь подошла к концу, Эдди, наконец, почувствовал, что у него онемело все тело, а в глазах словно песок насыпан. Но, черт побери, он должен хоть *что-то* делать!

В кармане пальцы его наткнулись на скомканную салфетку из «Тандерберда». Соня? Эта мысль пришла ему в голову лишь на несколько секунд, пока он комкал салфетку в бумажный шарик, который бросил в пепельницу. Нет, лучше он отправится в своей машине на помощь другим ребятам на Генри-стрит. С тяжелым вздохом он направился к выходу.

Затем, вернувшись, он подобрал выброшенную салфетку. Никогда не знаешь, где и какие таланты могут ему пригодиться.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Сонни Гроссо и Френк Уотерс были среди той дюжины полицейских с покрасневшими от усталости глазами, которые продолжали дежурить около дома 137 на Генри-стрит. Улочка была запущенной и грязной. По обе стороны ее стояли трех-, четырехи пятиэтажные многоквартирные дома, перемежавшиеся с непритязательными магазинчиками и автомастерскими. Неприметные машины детективов заняли позиции по обе стороны квартала, в котором Пэтси видели в последний раз, когда он входил в помещение, где по-прежнему продолжалась азартная игра; остальные машины разместились в боковых улочках, которые, как Иган помнил, были в нескольких кварталах от Пайк-Слип и того района, где в ноябре он с друзьями тщетно подстерегал Пэтси у канадского «Бьюика».

Сонни и Уотерс пристроились на Пайк-стрит, за углом которой тянулась Генри-стрит. Иган забрался в их машину и с блаженным вздохом растянулся на заднем сидении.

— Ну, какие еще новости? — хрипло спросил он.

Его напарник посмотрел на него:

— Выглядишь ты ужасно.

— Еще бы, черт побери, я сидел в душегубке и весь вечер сосал джин, пока вы тут, ребята, наслаждались чистым воздухом.

— Да, воздухом они нас обеспечили, — хмыкнул Уотерс.

— «Лягушатник-один», надеюсь, в целости и сохранности? — спросил Сонни.

— Учитывая, сколько он сегодня влил в себя, ему придется приходить в себя не меньше недели. Похмелье у него будет отменное.

— А как у него дела с той блондиночкой? — ухмыльнулся Уотерс.

— Никак. Полный ноль. Бедняга Джихан. Да я бы мог скорее ее подцепить, чем он.

— Блондинку? — удивился Сонни.

— Нет. Какая-то малышка пыталась подцепить меня в баре. Всю дорогу делала многообещающие намеки. Мы было подурачились, но потом она пошла обслуживать клиента. Я пообещал, что к четырем мы встретимся.

Уотерс глянул на часы и прищурился:

— Но, уже около пяти. Так чем ты занимался последний час?

— Господи, да меня и палкой сейчас не поднять. Человече, я вымотан до предела. А что, если Пэтси все еще играет в карты?

— Мы *надеемся*, что так оно и есть, — заметил Сонни. — Он зашел туда, но никто не видел, чтобы он выходил.

— А он не мог выскочить через черный ход, а?

— Кто знает? Пока нам остается только сидеть и ждать. Но поскольку Джихан окончательно вырубился...

Иган громко зевнул.

— Почему бы тебе не прикорнуть немного? — предложил Сонни. — Ты выглядишь так, словно три ночи подряд стоял в карауле.

— Пожалуй, я в самом деле подремлю тут с вами, ребята.

— Слушай, район надежно перекрыт, — сказал Уотерс. — Мы с Сонни успели передохнуть. Давай прихвати пару часов. А потом сменишь нас.

С трудом собравшись с мыслями, Иган обдумал предложение.

— О'кей. Попозже я подменю вас, ребята, — пробормотал он и тяжело выбрался из машины. Даже легкий щелчок дверцы за спиной эхом разнесся по пустынной улице.

Хотя в голове у него стоял сплошной туман, Иган повел машину не к Манхэттенскому или Вильямсбургскому мосту, через которые он мог добраться до своего дома в Бруклине, а, повинуясь какому-то рефлексу, поехал обратно в верхнюю часть города по Ист Ривер-драй.

Темный купол неба на востоке стал чуть-чуть сереть, когда он понял, что оказался в гуще Сорок второй части города. Он свернул с трехполосной центральной стрит, решив, что через полдюжины кварталов направится к Мидтаун-туннелю, который ведет в Квинс и Бруклин. Но затем он подумал: какой смысл всего на пару часов заваливаться в постель, если вот-вот придется опять возвращаться в Манхэттен. Почему бы ему не остановиться в гостинице? Он двинулся по Первой авеню, широкой и почти пустынной в половине шестого субботнего утра, проехав мимо величественного здания Организации Объединенных Наций. Сделав еще несколько поворотов, он очутился перед зданием «Уолдорф-Астории». *А почему бы и не сюда*? Может же город сделать для него небольшое одолжение? Да пошел он, этот город... Он знал полицейского, обслуживающего этот отель.

Когда детектив Эдди Иган в 5.45 субботнего утра 13 января наконец растянулся в мягкой постели в номере «Уолдорф-Астории», казалось очень сомнительным, что он сможет подняться, даже зная, что представляет собой симпатичный гость из Парижа, который безмятежно спал в большой спальне этажом выше в той же гостинице. Иган никогда не слышал о французской телевизионной звезде Жаке Анджелвине. Но им предстояло встретиться через четыре дня, и их знакомство озарит солнцем надежды сумерки уныния, царившие в Нью-Йоркском Бюро по борьбе с распространением наркотиков.

Иган проснулся только через четыре часа и почувствовал, что не может больше спать. Его часы, лежавшие на ночном столике, показывали уже без двадцати десять. Иган медленно принял сидячее положение и в нижнем белье застыл на краю кровати, тупо глядя на зеленый ковер под ногами. Встав, он позвонил на базу. По телефону ему сказали, что, по данным наблюдения, Джихан еще не показывался из «Эдисона». Оба «лягушатника» так и не вернулись в свои гостиницы. Что же до Пэтси, то он покинул Генри-стрит в семь утра и без всяких

происшествий добрался до своего дома в Бруклине. Сонни Гроссо и Френк Уотерс тоже отправились по домам и объявятся позже.

Что теперь? Иган, направившись в ванную, выпил стакан воды и решил принять душ. Ему оставалось лишь продолжать следить за первым «лягушатником». Его должны держать под контролем. Он побрился с помощью бритвенного набора, который успел прихватить с собой из машины, натянул помятую пропотевшую одежду и, никем не замеченный, покинул «Уолдорф-Асторию». Остановившись на Седьмой авеню, он зашел в аптеку выпить кофе и апельсиновый сок. Затем он направился к «Эдисону».

Было половина первого, но в субботу днем район театров был тих и пустынен. Когда Иган подошел к главному входу «Эдисона» на Сорок седьмой стрит по обе стороны улицы он не увидел ни одного знакомого лица. Ему пришлось помедлить у вращающихся дверей, потому что из гостиницы выходил человек. Миновав их стеклянные панели и оказавшись в холле, Иган как вкопанный замер на месте. Тот человек, который только что проскочил мимо него на улицу, был Джихан. *Джихан*? Пытаясь справиться с нервной встряской, Иган быстро осмотрел тихий холл, но увидел в нем только несколько старичков, читающих газеты или предающихся дневной дремоте. Две женщины ожидали лифта, а несколько рассыльных болтали у стойки портье.

Матерь Божья! Этот сукин сын только что вышел из дверей, где его должно было ждать человек двадцать, но никого не оказалось на месте! Рванувшись, Иган вылетел сквозь вращающиеся двери, успев увидеть, что Джихан уже на углу Бродвея. Иган смотрел Сорок седьмую стрит, надеясь убедиться, что полиция принялась за дело, но увидел, как «Лягушатник-один» спокойно скрывается с глаз. Набрав в грудь воздуха, Иган последовал за ним.

Казалось, что утомительная ночь практически не сказалась на Джихане. Он легко шагал по Бродвею, направляясь к Таймс-сквер. Иган был растерян и зол. Каким образом полицейские, профессионалы, могли упустить из-под контроля этого старого ублюдка, который виден издалека, как жирафа на коровьем пастбище?

Создавалось впечатление, что Джихан без какой-то определенной цели прогуливается по «Великому Млечному Пути», великолепие которого при свете дня несколько

поблекло. Пешеходы в этот час были редки, так что Иган без труда видел перед собой высокую фигуру в черном, с седой гривой волос. Когда Джихан на пару минут остановился у витрины магазина, Иган, державшийся в квартале от него, использовал эту возможность, чтобы оглянуться в поисках подмоги. Перед «Эдисоном» мужчина и женщина садились в такси, но ему по-прежнему не попадался на глаза никто из *его* команды. Наконец он узнал двух молодых людей с непокрытыми головами и в накинутых пальто, которые пили коку у тележки уличного торговца на другом углу Сорок седьмой стрит: детективы Френк Михен и Вой Кейхилл.

Иган свистнул и, когда двое полицейских взглянули на него, яростно ткнул пальцем в том направлении, в котором удалялся Джихан. Француз только что оторвался от лицезрения витрины и продолжил свою неторопливую прогулку. Двое детективов, на лицах которых отразилось откровенное удивление, поставили стаканы и поспешили за Иганом.

На Таймс-сквер «Лягушатник-один» стал спускаться по ступенькам подземки. Ни разу на протяжении всех четырех кварталов, насколько Иган мог заметить, француз не оглядывался назад, а сейчас он уверенно спускался в метро с видом человека, направляющегося к определенной цели. Иган почувствовал прилив вдохновения: «Лягушатник», должно быть, направляется на встречу; может, им наконец повезет. Но ведь этот невозмутимый тип уже должен был бы знать, что операция провалилась, поскольку исчезли двое остальных французов. Неужели он не догадывается, что за ним идет «хвост»? Так почему же он столь раскованно спускается в подземку в субботу днем?

Оказавшись под землей, Джихан не сел в поезд, идущий на дальнее расстояние, а направился к пересадочной станции той линии, по которой курсировали поезда между Таймс-сквер и вокзалом Гренд-Сентрал. Михен и Кайхилл следовали за ним по пятам; Иган купил жетон и последовал за объектом внимания по ярко размалеванным переходам, что вели с основной платформы к «челночной». Не в пример улицам, подземка была переполнена. Шумные толпы туристов заполняли грязные и гулкие транспортные артерии Нью-Йорка. Со всех концов на субботние экскурсии в Манхэттен съезжались обитатели

города, многие из которых были с детьми. Игану пришлось с усилием проталкиваться вперед, чтобы не потерять Джихана из виду.

Платформа была заполнена горожанами и гостями, которые ждали очередного поезда с Гренд-Сентрал. Иган прикинул, что у него есть три-четыре минуты, чтобы связаться с базой. Поймав взгляды двух детективов, движением головы он дал им понять, что надо не упустить Джихана, который спокойно стоял, прикрытый группой людей, невозмутимый, как метрдотель, направляющийся на работу. Михен и Кайхилл, разделившись, направились в разные концы платформы, не спуская глаз с высокого француза.

Иган нашел будку телефона-автомата, откуда ему не было видно Джихана, и набрал номер базы:

— Я приклеился к первому «Лягушатнику», — начал он.

На другом конце ему ответил уверенный гулкий голос:

— Ага, знаем, мы плотно прикрыли «Эдисон».

— «Эдисон»? Болваны! Я вместе с ним в подземке на Таймс-сквер. Он, кажется, собирается сесть в челнок на Гренд-Сентрал. У вас есть там кто-нибудь наверху? Пришлите туда людей. Что, черт побери, происходит? Я едва успел перехватить его, когда он выходил из отеля, свободный, как птичка. Ни души вокруг. Если бы я не наткнулся на пару копов у тележки, мне пришлось бы попотеть. — Состав из двух вагонов с лязгом остановился у платформы, начав выгружать плотный груз из своих пассажиров. — Подошел поезд. Я двинулся! Пусть ребята держат Гренд-Сентрал!

Джихан разместился во втором вагоне, куда Иган еле успел втиснуться с последней группой пассажиров. Михен и Кайхилл расположились по обоим концам вагона. Джихан сидел ближе к середине, около центральных дверей. Иган, подождав, пока все пассажиры войдут, быстро втиснулся в набитый вагон. С трудом удерживаясь, чтобы не бросить взгляд на «Лягушатника-один», он проложил себе путь в передний конец вагона, где и остался, ухватившись за ременную петлю и делая вид, что всецело поглощен чтением объявлений на стенках.

Перед его мысленным взором пробежала последовательность событий, которые должны состояться в завершение короткого двухмильного пробега до Гренд-Сентрал. База сообщила, что там уже на месте несколько детективов, которые взяли под контроль автоматические камеры хранения. Два других «Лягушатника» болтались на том же вокзале накануне вечером, прежде чем оторваться от «хвоста», так что имеются предположения, что где-то там и хранится искомый груз. И теперь, скорее всего, другие полицейские в машинах мчатся к вокзалу на помощь Игану.

Единственный пришедший Игану в голову план заключался в том, что он должен первым выбраться из вагона, дав французу возможность двигаться *за* ним. С момента остановки он и двое других полицейских должны действовать предельно осмотрительно, пока не заприметят остальных полицейских. Когда поезд стал замедлять ход, Эдди начал пробираться к передним дверям и, оказавшись на переполненной платформе, неторопливо стал прокладывать себе путь по туннелю, идущему к зданию основной станции.

Прошло несколько минут, и толпа, бурно обтекавшая Игана из-за спины, стала редеть, но Джихан не появлялся. Иган рискнул оглянуться. Никто, кроме него, не вышел из поезда — ни Джихан, ни Михен, ни Кайхилл! Пораженный и удивленный, Иган кинулся обратно к двум вагонам, которые только что покинул — они уже были почти до предела заполнены возвращающимися пассажирами. Он мрачно протолкался через оба вагона, приглядываясь к каждому его обитателю. Ничего и никого. О, Боже всемогущий! Он кинулся обратно по туннелю, что вел к основной станции подземки на Сорок второй стрит. Ни на одной из платформ не было видно ни Джихана, ни одного из полицейских. Как он мог разминуться с ними? Он бегом промчался по длинному пролету лестницы, что вела на вокзал, и увидел детектива Дика Олетту, стоявшего у входа на нижний уровень, глядевшего поверх газеты. Когда взгляд его упал на Игана, Олетта опустил глаза, делая вид, что не узнает его. Но Иган, с трудом переводя дыхание, направился прямо к нему:

— Дик, ты видел «Лягушатника»?

Олетта быстро поднял взгляд на раскрасневшееся лицо коллеги и отрицательно покачал головой:

— Что случилось?

— Я потерял его, — простонал Иган, быстро оглядывая пандус, что вел к вокзалу. — Не могу себе представить,

как это случилось, но... Давай переговорим с другими ребятами.

Они торопливо обошли Гренд-Сентрал, разыскивая других полицейских, перекрывавших разные входы и выходы, но никто из них не видел ни Джихана, ни детективов Михена и Кайхилла. Иган чувствовал себя беспомощным и разбитым. Рядом с Олеттом он прислонился к выщербленной мраморной стене, подле окошечка билетной кассы, в огромном, как пещера, главном зале вокзала.

— Что ты собираешься делать? — спросил Олетта.

— Господи, если бы я знал! Мне закатили мяч в ворота. Лучше позвоню. Может быть, у кого-нибудь выявится след.

— Почему бы нам первым делом не проверить «Рузвельт»? — предложил Олетта. — Похоже, что там их любимое место встречи.

— А что, это мысль, — без особого энтузиазма признал Иган.

Они по лестнице поднялись на Вандербилт-авеню и прошли два квартала до отеля. Прошло едва ли больше часа с той минуты, как Иган наткнулся на Джихана в «Эдисоне», но ему казалось, что день длится бесконечно.

Обойдя квадратное здание «Рузвельта», Иган и Олетта разделились и поодиночке обыскали холл и нижний уровень. Все было бесполезно.

Они встретились перед отелем на Сорок шестой стрит, и Иган решил позвонить на базу. Через несколько минут он присоединился к Олетте в баре, где они заказали два пепси. Иган погрузился в размышления.

— Итак? — попытался расшевелить его Олетта.

Иган сделав глоток напитка, осторожно поставил стакан на стойку и, опираясь локтем на ее полированную поверхность, повернулся к напарнику:

— Итак, мистер «Лягушатник-один» вернулся в свой номер в отеле «Эдисон».

По пути к «Эдисону» в машине Олетты Иган припоминал все, что было ему сказано. Когда он сел в вагон подземки на Таймс-сквер и стал проталкиваться к передним дверям, сознательно отводя глаза от Джихана, француз встал со своего места и за секунду до того, как сомкнулись двери, проскользнул между их створок. К

счастью, Михен и Кайхилл успели заметить его маневр и выскочили на платформу одновременно с ним. Конечно, у них не было ни времени, ни возможности предупредить Игана, который по пути к Гренд-Сентрал продолжал строить планы организации слежки, когда окажется на месте. Тем временем удивленные полицейские проследовали за Джиханом на улицу и до гостиницы, где он сел в лифт и поднялся в свой номер на девятом этаже.

После возвращения Джихана, среди более чем дюжины полицейских из Бюро наркотиков, разместившихся вокруг гостиницы, возникло явное оживление, вызванное попыткой понять, как их подопечному удалось выбраться из отеля. Весь следующий час прошел в перебранке и взаимных обвинениях в оплошности между полицией Нью-Йорка и федеральными агентами.

Наконец дежуривший в холле получил информацию от франкоговорящего агента, который находился в соседнем с Джиханом номере, что тот только что переговорил по телефону с позвонившим ему «Лягушатником-два». Подслушивающее устройство смогло уловить только заключительные слова Джихана. Он обращался к собеседнику «мон петит Франсуа» — конечно, это был исчезнувший Барбье — и сказал ему по-французски: — Думаю, вы были правы. Лучше всего оставить все, как есть...

Внизу разгорелся новый тур горячих обсуждений услышанного:

— Что он имел в виду под словами «вы были правы»?

— Это значит, что наша слежка накрылась, болван!

— *Кто* ее завалил? Я-то сидел в холле!

Пока разгневанные и раздраженные полицейские обменивались обвинениями, Жан Джихан надел свое черное пальто и шляпу, взял тросточку и невозмутимо отправился на очередную прогулку...

Олетта высадил Игана на углу Сорок седьмой и Бродвея и уехал. Явно испытывая нехватку энтузиазма, Эдди все же попытался воспрянуть духом, снова оказавшись перед главным входом в «Эдисон». Внезапно из вращающихся дверей вышел Жан Джихан и проследовал мимо него.

Иган сделал еще два широких шага и остановился. Как уже бывало раньше, он притормозил, резко развернулся и уставился вслед высокой фигуре в темном одеянии, удалявшейся по направлению к Бродвею. «Иисус, Мария и

Иосиф — это что, сон? а что, с ума схожу?» — пронеслось у Игана в голове. Помотав головой, он повернулся к входу в отель и увидел детективов Михена и Кайхилла, которые, выскочив из дверей, устремились вслед за французом. Заметив Игана, один из них мотнул головой в направлении того квартала, вдоль которого шел Джихан. Коротким кивком головы Иган дал понять, что ему все ясно, и присоединился к слежке за «Лягушатником-один».

Джихан опять спустился в подземку на Сорок третьей. Иган, который держался в полуквартале позади, не мог отделаться от странного ощущения, что он снова переживает какой-то, уже знакомый кусок жизни. Но на этот раз Джихан проследовал не к челночной линии, а к главной платформе, спустившись еще по одному маршу на нижний уровень. Иган и двое детективов по отдельности последовали за ним. Джихан стоял в некотором отдалении от группы пассажиров, вглядывавшихся в жерло туннеля. Иган прикинул, что, скорее всего, поезд только что отошел, и, поскольку в субботу поезда ходили с большими интервалами, он предположил, что у него есть несколько минут на связь с базой, чтобы сообщить о складывающейся ситуации.

Детективы расположились по обоим концам платформы, пока Иган искал телефон. Единственная будка, которой он мог воспользоваться, не теряя Джихана из виду, находилась в дюжине ярдов от последнего. Решившись, Иган отважно пересек платформу под носом у Джихана и вошел в будку.

— Высылайте все свободные машины в западную сторону, — сказал он базе. — Выясните, где расположены все выходы на поверхность из подземки, и около каждого из них поставьте по человеку по всей трассе в нижнюю часть города. Если мы с «Лягушатником» не покажемся наверху на какой-то остановке, пусть ребята снимаются с места и занимают то же положение на нескольких станциях впереди. Мы будем держаться рядом с ним. Усекли? Так и действуйте. Поезд подходит. Посмотрим, что он будет делать на этот раз. Я должен бежать...

У платформы с грохотом остановился грязно-зеленый поезд подземки. Раздвинулись створки дверей, из которых высыпали пассажиры, и ожидавшие, раздвинувшись, дали им дорогу; Джихан же продолжал стоять неподвижно, скрестив руки на набалдашнике своей черной тросточки. Когда двери стали закрываться, на платформе продолжали оставаться только Джихан и по одному человеку с каждого ее конца. Иган сказал в трубку:

— Он не сел. Остался на месте. И мне бы не хотелось болтаться по станции.

Пришел и ушел еще один поезд, не взяв с собой Джихана, и теперь Иган, который по-прежнему торчал в телефонной будке, начал испытывать беспокойство.

— Мне это не нравится, — сообщил он. — Он ждет чего-то или кого-то... Господи, да, может, он хочет воспользоваться этим телефоном. — Иган приоткрыл стеклянную дверь и заорал в трубку:

— Я вдоволь поработал в кабаках, был и официантом, и барменом, и даже вышибалой. Я прошу лишь об одном: дайте мне возможность показать, что я умею делать! Могу я заглянуть к вам сегодня? Говорю вам, мне жутко нужна эта работа!

Он молил бога, чтобы раскаты его голоса были слышны по всей платформе, перекрывая шумы подземки, и чтобы на лице его было выражение человека, который стремится заработать на жизнь.

Еще несколько человек показались на платформе, среди которых была женщина в зеленом пальто и с желтым платком на голове; она остановилась рядом с телефонной будкой. Джихан подошел к ней, оставаясь не далее чем в шести футах от детектива. Элегантный француз приподнял свою широкополую шляпу, обратившись к женщине. Должно быть, он спрашивает, как ему ехать; подумал Иган, потому что женщина кивнула, а Джихан вежливо поклонившись, вернулся ждать очередного поезда. Иган было бросил на женщину свирепый взгляд, но понял, что она всего лишь обыкновенная пассажирка.

Еще один поезд с грохотом подошел к станции, и на этот раз «Лягушатник-один» вроде пошел к нему.

— Думаю, что мы двинулись, — пробормотал Эдди в трубку. Джихан шел вдоль поезда. — Пока, — сказал Эдди, вешая трубку.

Он выскочил из будки и поспешил в тот же вагон, что и Джихан. Михен и Кайхилл также вошли: каждый со своего конца платформы.

Джихан сидел в ближнем углу, равнодушно рассматривая объявления перед собой. Кроме Игана в купе было всего лишь пять или шесть пассажиров. Детектив занял место в середине вагона, напротив Джихана отвернувшись в сторону, он все же краем глаза наблюдал за прямой фигурой в черном. Когда поезд отошел от Таймс-сквер, Иган заметил в соседнем вагоне, сзади, Михена, скорее всего, в вагоне впереди Кайхилл тоже занял удобную для наблюдения позицию.

Поезд подошел к очередной остановке на Тридцать третей стрит. Джихан небрежно поднялся с места и, подойдя к дверям, стал изучать схему линий подземки. Иган мрачно усмехнулся про себя: Джихан просто великолепен; двери откроются, он будет ждать до последней секунды, а потом — бах! — и выпрыгнет из вагона — и, скорее всего, Игану как болвану придется остаться здесь. Ему оставалось только надеяться, что другие полицейские смогут перехватить Джихана.

Двери раздвинулись. Вошел мужчина, пройдя мимо Джихана, который не двинулся с места. Настала томительная пауза в несколько секунд. Двери с шипением стали сдвигаться. Джихан успел сунуть тросточку между резиновых прокладок и двери снова раздвинулись. Джихан быстро вышел. Иган, кинувшись через весь вагон, едва успел выскочить через другие двери. Он довольно улыбнулся.

Но радость его длилась недолго. Где же Джихан? Его нигде не было видно. Михен и Кайхилл, оказавшиеся на платформе, подошли к Игану. Поезд двинулся от станции. Втроем они остались в одиночестве. И тут в окне вагона показалась знакомая фигура, которая, как они были уверены, только что покинула вагон. «Лягушатник-один» с улыбкой отпустил им легкий поклон и вежливо помахал полицейским рукой в перчатке. Через мгновение поезд втянулся в черное жерло туннеля, унося с собой Джихана. И не было никаких оснований надеяться, что база успеет перекрыть все выходы на этой длинной линии подземки.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Когда наступили сумерки субботнего дня 13 января, стало ясно, что Жан Джихан не вернется в «Эдисон». Франсуа Барбье и Дж.Морин тоже где-то болтались. У полицейских из Бюро по борьбе с наркотиками, наблюдавшими за их гостиницами, стало зарождаться подозрение, что, встретившись где-то, они, может быть, направляются на выезд из страны.

Остальные наблюдали за Пэтси, но весь субботний день он не покидал свой дом в Бруклине. Детективы видели, как его жена Барбара направилась за покупками, а тесть Пэтси и его брат Тони хлопотали в закусочной на Бушвик-авеню. Пэтси появился на свет божий только после шести вечера, очевидно основательно отдохнув после утомительной предыдущей ночи. Оставив дом на Шестьдесят седьмой стрит, он сел в серый «Кадиллак» 1956 года, принадлежавший его другу Никки Травато. В пятницу, ночью, когда Пэтси таскал за собой полицейских в сумасшедшей гонке по Манхэттену, было замечено, что Никки, живший в четырех кварталах от Пэтси, припарковал у его дома свой «Кадиллак».

Тайна, связанная с этими перемещениями, стала еще более непонятной, потому что его собственные «Олдсмобиль» и «Бьюик» стояли перед домом, но он предпочел «Кадиллак» Никки, чтобы отправиться на Грэхем-стрит в трех кварталах от его закусочной, где он и провел остав-

шуюся часть вечера. Примерно к одиннадцати показался Никки Травато в бело-голубом «Олдсмобиле» Пэтси. Выскочив, Пэтси занял место за баранкой, оставив Тони закрывать закусочную.

Детектив Джимми О'Брайен и агент Джек Рипа, наблюдавшие за заведением из больницы по другую сторону улицы, сев в машину, последовали за Пэтси, который повернув за угол Мейер-стрит, на Грэхем-стрит передал Никки его «Кадиллак».

О'Брайену и Рипе не потребовалось много времени, чтобы понять смысл их действий. Оставив приятеля, Пэтси направился на юг по Грэхем-стрит. Детективы двинулись за ним, предполагая, что Никки последует тем же путем. Но тот даже не включил фары, оставшись в машине. Поэтому О'Брайен решил продолжить наблюдение за Пэтси, который к тому времени уже повернул за угол в нескольких кварталах от Грэхем-стрит.

Полицейские развернулись на том же углу, а через секунду за него же завернул и «Кадиллак» Никки.

— Вот сукины дети! — выругался О'Брайен. — Пэтси заставил своего приятеля следовать за ним!

— Давай-ка посмотрим, что тут будет, — спокойно отреагировал Рипа.

Они держали «Олдсмобиль» в поле зрения, пока тот не развернулся в другую сторону по улице с односторонним движением. Вместо того, чтобы следовать за ним, О'Брайен продолжил путь, минуя перекресток. Теперь детективы могли наблюдать за развитием событий только в зеркало заднего вида. Машина Никки, помедлив на перекрестке, также сделала поворот и последовала за Пэтси. О'Брайену пришлось нажать на тормоза и сделать крутой разворот, чтобы все-таки последовать за двумя приятелями.

Какое-то время они держались за «Кадиллаком». Процессия двигалась с небольшой скоростью, Никки следовал в двух-трех кварталах за «Олдсмобилем». Сомнений не оставалось: Пэтси пытался определить, нет ли за ним слежки, а Никки предстояло понаблюдать, нет ли сзади какого-то «хвоста». То ли Пэтси каким-то образом почувствовал, что пахнет жареным, то ли, не зная, что полицейские наблюдают за ним, он решил, что на этой, решающей, стадии подготовки операции необходимо предпринять какие-то действия. Может, и у Бюро дела обстоят не так плохо, как можно было предположить, судя по мрачным голосам, доносившимся из рации.

Поняв смысл игры, полицейские испытали определенное облегчение. Пэтси, которого по пятам сопровождал Никки, крутился по городу, пока не выехал на Гренд-авеню, что вела к его Бушвик-стрит. Часть пути О'Брайен и Рипа держались за «Кадиллаком», порой вырывались вперед и пристраивались за «Олдсмобилем», но, чувствуя, что Никки вот-вот начнет присматриваться, что за машина между ним и Пэтси, сворачивали в сторону, чтобы, сделав круг, снова пристроиться в конец кавалькады Пэтси.

Пэтси и Никки вернулись к закусочной уже после полуночи. Тони по-прежнему был на месте. Прежде чем потушить свет и разойтись по домам, троица потолковала несколько минут, после чего все расселись по своим машинам, среди которых был и помятый фургон Тони.

Ход расследования, сложившийся к утру 16 января, в воскресенье, не доставлял полиции ровно никакого удовлетворения. В середине утра Пэтси уже был в своем заведении, куда вскоре после полудня к нему присоединилась его жена Барбара.

К трем часам дня поступила очередная порция обескураживающих известий, которая лишь усилила и без того растущее разочарование. Во-первых, в гостинице «Эдисон» раздался телефонный звонок от мистера Жана Джихана, который сказал, что освобождает номер 909 и через день-другой по почте оплатит счет. Он попросил также, чтобы отель позаботился о его багаже и одежде, пока он не сообщит, куда переслать вещи. Оператор на коммутаторе отеля не мог определить, откуда звонят, но помощник управляющего, который и говорил с французом, припомнил, что однажды в их разговор ворвался голос оператора на линии, давая понять, что Джихан звонил откуда-то вне города. Детективы, которые обыскивали 909-й номер — им давно хотелось это сделать, их удерживали лишь опасения, что «Лягушатник-один» может вернуться в любой момент, — ничего не нашли в нем, кроме туалетных принадлежностей и личных вещей. Разочарованные, они оставили вещи Джихана точно в прежнем порядке.

Едва они успели связаться с базой, как приняли сооб-

щение, что гостиницы «Виктория» и «Аббатство», как сговорившись, получили денежные переводы — «Виктория» от Франсуа Барбье , а «Аббатство» от Дж. Морина — и распоряжение относительно занимаемых ими номеров. Каждый просил, чтобы гостиница взяла на себя заботу об их вещах до соответствующего указания. Оба денежных перевода поступили из Йонкерса, небольшого пригорода к северу от Нью-Йорка. Полиция Йонкерса занялась ими, но в отделении «Вестерно Юнион» не могли сказать больше того, что оба перевода сдавал один и тот же человек, говоривший с легким иностранным акцентом; никто не представлял себе, куда он мог направиться из почтового отделения. Тем временем агенты исследовали вещи, оставленные в гостиницах обоими «Лягушатниками». Но в обоих случаях ничего интересного обнаружить не удалось.

Все время продолжали прослушиваться оба телефона Пэтси — и дома, и в закусочной, — но толком выяснить так ничего и не удалось. Автоматическая запись производилась несколько раз в день, но каждый раз не выдавала ничего существенного — то какие-то пустые разговоры, то односложные реплики. Но в воскресенье вечером, когда все французы исчезли со сцены, любопытный разговор все же состоялся.

Подал сигнал один из телефонов в заведении Пэтси. Звонившим, вне всякого сомнения, был Гигант. При всей своей учтивости, джентльмен выказал уверенность, что полиция проявляет непозволительное внимание к деятельности Пэтси. Нервничая, Пэтси постарался развеять опасения француза: если бы опасность в самом деле существовала, Пэтси тут же стало бы все ясно, а его дядя Анджело Туминаро отстранил бы его от сделки, да и вообще от всех дел «семьи», и к тому же посоветовал бы ему убираться и заниматься другими делами — например, подметать подземку. «Лягушатник-один» предположил, что, может быть, имело бы смысл отложить сделку.

Пэтси был непомерно жаден и, почувствовав, что его положению, которое он мог бы занять в торговле наркотиками благодаря этой сделке, угрожает опасность, принял решение, которое в конце концов привело к компромиссу между торговой сетью наркодельца Туминаро и международным синдикатом, снабжавшим ее. Не жалея слов, Пэтси стал уверять Жана Джихана, что интерес

полиции к нему объясняется лишь тем, что он продавал некоторые книги в бумажной обложке, которые решением суда были признаны порнографией. Сначала француз выразил сомнение, что американская полиция будет тратить время на продавцов скабрезной литературы. Но эти книги, поспешил заверить его Пэтси, вызывают отвращение и у него самого; среди них был назван «Тропик Рака».

Наконец велеречивый французский магнат наркотиков позволил себя убедить и согласился продолжить переговоры с младшим управляющим сети Туминаро.

В понедельник утром, 15 января, в здании 1-го участка состоялась встреча штаб-квартиры Бюро по борьбе с распространением наркотиков. В кабинете лейтенанта Винни Хоукса собралась та же группа детективов и федеральных агентов, которая пять дней назад спланировала стратегию действий по уничтожению Пэтси Фукка и его сообщников. Не в силах отделаться от мрачного настроения, они тихо обсуждали, какие возможности и средства еще у них остались, чтобы продолжить это столь долгое расследование.

Теперь не подлежало сомнению, что Пэтси играл главную роль в этой сделке. Вне всяких сомнений был и тот факт, что Пэтси осуществлял все основные контакты с французскими связными. Главным вопросом оставалось выяснение, что означало внезапное исчезновение «Лягушатников» — может, сделка успешно завершена, груз передан и частично оплачен? Но, может, они испугались до того, как произошел обмен. Единственной альтернативой, из которой стоило бы исходить, было предположение, что, хотя их в самом деле напугала замеченная полицейская слежка, они *не отказались* окончательно от своих планов, а всего лишь перегруппировали силы, готовясь к окончательному обмену контрабандным образом доставленного героина на деньги мафии.

Если исходить из первого предположения, что груз уже находится в руках Пэтси, то, следовательно, поставщики, французы, пока так и не получили доллары. Полиция знала, что «модус операнди», образ действий в торговле наркотиками, исходит из принципа пирамиды. Связники, которым Пэтси передает зелье, платят ему определенную сумму за килограмм, которая предоставляется в

виде предоплаты; при получении партии связнику дается гарантия относительно количества и качества заказанного товара. Через пару дней, когда груз, расфасованный на мелкие партии, расходится по рукам уличных «пушеров» и поступает к клиентам, Пэтси получает остальную часть навара. Таким образом, наркотик совершает свой путь с самого верха до самого низа, где превращается в «никелевые» (пятидолларовые) полиэтиленовые мешочки с одноразовыми порциями.

Таким же образом Пэтси предстояло иметь дела с верхними этажами пирамиды, со своими поставщиками. Когда к нему поступал заказанный груз, Пэтси выкладывал в виде предоплаты какую-то минимальную оговоренную сумму, а после того, как он успешно передавал полученное своим доверенным лицам — обычно их было не больше пяти или шести, — то полностью расплачивался с французскими производителями. Общий доход Пэтси за такой значительный груз, который, по слухам, достигал пятидесяти килограмм, мог доходить до полумиллиона долларов по сегодняшним ценам. Пэтси мог ожидать, что ему достанется порядка половины или даже трехсот тысяч долларов. В нормальных условиях поставщик, доставив свой опасный груз, мог позволить себе расслабиться и спокойно ждать полного расчета, а если получатель пользовался высокой репутацией, он мог даже спокойно направиться домой, уверенный, что полный расчет не заставит себя ждать. Но если возникали какие-то сложности и конфликты, как, по мнению полиции, в данном случае, французы предпочли не уезжать лишь с частью денег, полученных от Пэтси, а ждать окончательного расчета. Полиции также было известно и то, что у Пэтси в последнее время были кое-какие финансовые затруднения и что некоторые из его потребителей выражали недовольство качеством последних поставок.

У Френка Уотерса появилась мысль, где стоит поискать зелье. Дело было непростым, но, по крайней мере, в его основе лежало что-то реальное, а не чистое теоретизирование.

— В прошлом ноябре, — сказал агент, — мы выслеживали некую канадскую машину, которую Пэтси перегнал на Черри-стрит и рядом с которой мы сидели. Помню, как выяснилось, она принадлежала этому типу Морису из

Монреаля, который был там крупным сбытчиком. Машина потом исчезла.

— И теперь я уверен, как, впрочем, и все, что «Бьюик» имел какое-то отношение к доставке груза из Канады. Я знаю, мы тогда упустили его и вытянули пустой номер. Но в тот вечер нам все равно ничего не удалось бы сделать. И что потом произошло? Паника улеглась. Все получили свой товар.

— Прошло два месяца, и теперь снова разнесся слух, что пришел новый груз; и люди несут навар нашему другу Пэтси — и кто появился в городе, кроме компании французов. И откуда же *они* явились, по крайней мере двое из них? Из Монреаля, из Канады.

— Так что, ты предполагаешь, что в данном случае ключ тоже может заключаться в канадской машине? — спросил Бен Фитцджеральд.

— Я так думаю, — пожал плечами Уотерс. — Может, даже *в той же* самой машине. Это, кажется, был светлый «Бьюик»?

— Коричневатый «Бьюик» 1960-го года выпуска, — уточнил Эдди Иган. — Но у меня есть другая мысль. Мне, кажется, что добро было доставлено в дом родителей Пэтси в Бруклине.

— И где же мы будем искать эту таинственную машину? — осведомился Винни Хоукс, нарушив молчание, которое наступило после слов Эдди Игана.

— Не знаю, — ответил Уотерс. — В гаражах, на улицах. Первым делом я бы порыскал в районах Черри-стрит, Саут-стрит, где-то там.

— Господи, да мы будем его искать до семидесятого года! — возразил Иган.

— Может быть, — нахмурившись, согласился Уотерс, — но что, черт возьми, нам еще здесь делать? Мы только сидим и грызем ногти — пока не ускачет последний «Лягушатник».

На загорелом лице Эдди появились морщинки, явный признак того, что он готов дать волю своему известному темпераменту. — Пока я упустил только *одного*, — с подчеркнутой вежливостью сказал он.

— Давайте кончим эту пустую болтовню! — взорвался лейтенант Хоукс. — Так или иначе, но нам этим заниматься.

— Ты так считаешь, Винни? — вмешался Бен Фитцд-

жеральд. — Может, имеет смысл дать ориентировку по таким машинам всем полицейским постам? Я знаю, это чертовски хлопотно, но...

— В любом случае, мы ничего не теряем. Кто знает, что еще может случиться? — Хоукс написал в блокноте:« В Бюллетень — ориентировка на "Бьюик"». — Что еще?

— У меня есть предложение, — наклонился вперед Сонни. — Поскольку всем теперь остается лишь сидеть и ждать развития событий — считая, что дело еще не окончательно угроблено — и, — он посмотрел на Игана, — пока мы ищем этот канадский «Бьюик», я думаю, мы должны снять слежку за Пэтси. Если уж мы так перепугали его приятелей, что они смылись, то уж Пэтси будет теперь предельно осторожен.

— Может, лучше издали незаметно чуть-чуть присматривать за Пэтси? Полностью из-под контроля выпускать его не стоит, через несколько дней он переведет дыхание, после чего предпримет какие-то действия.

— Все согласны? — Хоукс обвел взглядом присутствующих. — О'кей. Сонни, вы с Эдди и Френком разработайте предложения.

— А я по-прежнему считаю, что мы можем найти это дерьмо в доме у его папаши, Джо Фукка, — проворчал Иган.

Заместитель главного инспектора Кэри и федеральный директор Гаффни, которые с глазу на глаз беседовали в кабинете Кэри, вошли в кабинет Хоукса, и тот изложил им выработанную точку зрения.

Кэри внимательно слушал его, временами поглядывая на Гаффни, который порой кивал головой в знак согласия. Когда Хоукс закончил, Кэри стал обдумывать ситуацию, расхаживая среди собравшихся детективов. Он согласился, что в определенных рамках расследование надо продолжать еще несколько дней. Затем с серьезным выражением лица он указал, что уже понедельник, 15 января. В полночь среды, 18-го, ордер, дающий право обыска всех объектов, обнаруженных в ходе слежки, теряет свою силу. Его можно возобновлять дважды на период по десять дней, напомнил он присутствующим. Если к этому времени не произойдет ничего существенного — подчеркивая свои слова, Кэри серьезно вглядывался в лица слушателей, — ему и федеральному директору придется полностью снять людей с этой операции. Так что у них в запасе всего несколько дней, чтобы расколоть это дело или отказаться от него. Детективы и федеральные агенты в напряженном молчании проводили взглядами Кэри и Гаффни, вернувшихся в кабинет инспектора.

Позже, когда Сонни, Эдди и Френк Уотерс обсуждали порядок взаимодействия личного состава местной и федеральной службы в течение тех дней, что остались для завершения операции по делу Пэтси, Сонни испытал смутное беспокойство, ощущая нотку враждебности, которая нет-нет, но проскальзывала между его постоянным напарником и агентом Уотерсом, с обоими из которых он работал достаточно давно и спокойно.

Сонни вызвался сегодня осуществлять ту самую «легкую» слежку за Пэтси в Бруклине, а Иган решил еще раз объехать те гостиницы, в которых останавливались французы. Уотерс и детектив Дик Олетта тем временем взялись прочесывать улицы нижнего Манхэттена, на которых два месяца назад им пришлось играть в прятки с Пэтси и тем самым канадским «Бьюиком». И вот тут, примерно к четырем часам, они сделали интересное открытие — в маленьком здании гаража, принадлежавшем станции техобслуживания на Саут-стрит, недалеко от Джефферсон-стрит, полицейские увидели старый фургон «Шевроле», принадлежащий Тони Фукка. Все бюро так и не смогло разрешить загадку, что случилось с канадской машиной, когда в ноябре они на краткое время оставили ее без присмотра. Тони, который часто работал в доках на мексиканской линии, что располагалась по другую сторону Саут-стрит, откуда исчезла машина, скорее всего, и был тем самым, кто перегнал машину на другое место!

Без сомнения, то было распоряжение Пэтси в ту ночь — перегнал машину и выяснить, находится ли в ней груз или же изъят, но, конечно же, он не хотел рисковать попасть под стражу — вот для таких целей Тони и был у него подручным. Теперь стало ясно, что Тони находился в гараже в полутора кварталах отсюда, когда детективы, следовавшие за Пэтси, наткнулись на «Бьюик». Уотерс и Гроссо прикинули, что Иган, скорее всего, проехал буквально в нескольких ярдах от Тони, когда они миновали бензозаправку сразу же после того, как Пэтси с девушка-

ми пересел в другую машину. Этот мелкий шпаненок дожидался в гараже все время, пока незадолго до рассвета не убедился, что две машины с детективами снялись с места. Затем, убедившись, что они никого не оставили там на вахте, он выбрался из своего убежища и за те несколько минут, которые потребовались Уотерсу, чтобы позвонить и послать на место кого-то другого, успел перегнать «Бьюик».

Полицейские решили, что братец Пэтси заслуживает куда большего внимания, чем ему уделялось до сих пор, и заняли позицию рядом со старым гаражом, в котором стоял «Шеви» Тони.

Большую часть понедельника Пэтси и шага не сделал за пределы своего заведения в Бруклине. Детектив Джимми О'Брайен в одиночку держал его под контролем, пока к нему в середине дня не присоединились Сонни Гроссо и детектив Джек Рипа. Ожидание их продолжилось, хотя они сами толком не знали, чего они ждут от Пэтси. Время от времени один из них заходил в закусочную перехватить чего-нибудь или полистать свежие журналы, но никто не имел представления ни о намерениях, ни о мыслях объекта их внимания. Пэтси казался совершенно невозмутимым.

Сразу же после половины десятого вечера явился Никки Травато, который поставил свои старый «Кадиллак» рядом с закусочной. Через несколько минут вышедший Гэтси сел в его машину^ и они двинулись, держа путь к Вильямсбургскому мосту. Оставив О'Брайена на дежурстве, Сонни и Рипа последовали за Пэтси, чувствуя, что у них снова пробуждается оживление, потому что впервые за три дня Пэтси выразил намерение покинуть Бруклин.

Детективы держались за ними на приличной дистанции, наблюдая, как он двинулся по Йорк-авеню. Порой Пэтси исчезал из виду, но наконец они заметили серый «Кадиллак», пристроившийся на стоянке неподалеку от Семьдесят седьмой стрит. Пока они искали, где бы и им приткнуться поближе, то потеряли Пэтси. Проехав несколько кварталов вверх и поняв, что обнаружить Пэтси не удастся, они вернулись наблюдать за «Кадиллаком».

Около половины одиннадцатого на глаза им попался

Пэтси, который возвращался по Йорк-авеню к «Кадиллаку». Развернув машину, он направился в обратном направлении в даунтаун. Но что он делал эти полчаса?

Когда Сонни и Рипа сопровождали Пэтси по Ист-Ривер-драйв, Френк Уотерс и Дик Олетта пересекали Манхэттенский мост, следуя в Бруклин за фургоном «Шевроле» 1949-го года выпуска, за рулем которого сидел Тони Фукка. После того, как с терпением, удивлявшим их самих, они провели шесть с половиной часов в ожидании, Тони внезапно материализовался из темноты за маленьким гаражом и сразу же снялся с места, двинувшись через мост. Уотерс и Олетта отметили, что поездка в такой поздний час была довольно необычным делом для Тони, который жил в Бронксе с женой и двумя детьми; но в ходе этого расследования странные вещи встречались им на каждом шагу.

По автостраде Бруклин — Квинс Тони подрулил прямо к закусочной своего брата, явившись туда сразу же после одиннадцати. В заведении был только один Никки Травато. Уотерс и Олетта пристроились по другую сторону улицы у больницы и по рации получили сведения, что к Джимми О'Брайену недавно присоединился Эдди Иган. Через десять минут подъехал Пэтси в «Кадиллаке» Никки, вслед за которым в отдалении показался белый «Олдс» Сонни. Пока троица в закусочной вела разговоры, шестеро полицейских собрались по другую сторону улицы.

Пэтси выбрался на улицу около полуночи. Когда он с Никки забрались в «Кадиллак», Иган и О'Брайен решили следовать за ними. Но Уотерс предпочел остаться, потому что его куда больше интересовал Тони Фукка, который, выходя из заведения, засунул какой-то пакет в обвисший карман своего военно-морского бушлата. Уотерс в компании с Сонни пристроились сразу же за его фургоном.

С Брюкнер-бульвара Тони свернул на Вестчестер-авеню и, найдя на Саузерн-бульваре щель для стоянки между машинами, вылез и — карман у него по-прежнему оттопыривался — направился к дешевой забегаловке под названием «Дейв». Когда Гроссо с Уотерсом тоже подошли к ней, через стекло витрины они увидели, как Тони заходил в заднюю комнату этой харчевни.

Значит, Тони успел доставить зелье!

Когда Гроссо и Уотерс наконец проводили Тони в двадцать минут второго до его дома, элегантный черный «Бьюик» 1960-го года вернулся в гараж под «Уолдорф-Асторией». Утомленный, Жак Анджелвин направился к лифту. Он испытывал легкое беспокойство, потому что, несмотря на точные и недвусмысленные инструкции Франсуа Скальи, провел полдня, мотаясь по Нью-Йорку в новой машине, к которой испытывал привязанность куда большую, чем к любой из своих любовниц.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Сразу же по прибытии в Нью-Йорк Жак Анджелвин получил строжайшее указание от Скальи и Джихана не притрагиваться к своему «Бьюику», который должен оставаться в гараже отеля. Это вызвало у него крайнее раздражение. Как иначе он может осмотреть огромный город, «подобно настоящему американцу», как он обещал своей обширной телеаудитории, оставляя Париж, если по сути лишен возможности передвигаться по собственному желанию? Такси было очень дорого. Что же касается пеших прогулок — фу, вряд ли это было «комильфо». Он догадывался, какой груз содержит в себе его машина, но был уверен, что обнаружить ее содержимое невозможно. Неужели Эд Сюлливан бродил по Парижу, как простой турист?

Но почему Франсуа и его приятели не забирают доставленное, как предполагалось по схеме действий? Этим вечером минуло уже пять дней с момента прибытия Жака. Они дались ему нелегко. Арлетта, та малышка с корабля, отправилась в Чикаго, лишь за час до отъезда позволив ему удовлетворительно завершить флирт, начавшийся во время рейса. Ему пришлось оставить ее в полдень ради встречи со Скальей, что отнюдь не улучшило его настроения, пока он добирался до бара в гостинице «Тафт». Скалья ждал его там, и из бара они направились в маленький французский ресторанчик на улочке рядом

со знаменитым Бродвеем, о котором он слышал столько легенд. Неприглядный вид улицы, представшей перед ним при свете дня, был его первым разочарованием от Нью-Йорка.

Однако слова его соседей по столу вселили в него некоторую бодрость. Скалья и его спутники собирались закончить все переговоры самое позднее в субботу. Жак получил указание быть в пределах досягаемости в «Уолдорф-Астории» и ждать, когда настанет время выполнить свое единственное предназначение — доставить «Бьюик» в то место, которое ему будет указано. А тем временем, как подчеркнул корсиканец, жестко глядя на него, машина должна оставаться на месте.

Жак вежливо осведомился, сможет ли он свободно пользоваться «Бьюиком» после того, как состоится передача, и получил утвердительный ответ.

Пока длилось ожидание, Нью-Йорк стал раскрываться перед ним более привлекательными сторонами, благодаря его прекрасному гиду, обаятельной Лили Де Бек. Вечером в четверг они отдали должное коктейлям и обеду в «Кафе де ла Пэ» в гостинице «Сан-Морис». Несмотря на холодную погоду, они с Лили прогулялись по Сентрал-парку, а потом он пригласил ее пропустить посошок на дорожку в «Уолдорф-Астории». Они выпили по рюмке коньяка, но когда он предложил заглянуть к нему в номер, она без колебаний отказалась.

В пятницу Анджелвина посетили Питер Селье, французский журналист, и Поль Грене, возглавляющий Нью-йоркское отделение радио и телевидения во Франции. Они пригласили его на Эн-Би-Си осмотреть студии и встретиться кое с кем из американских продюсеров.

В этот вечер он снова встретился с Лили; первым делом они пообедали в «Плазе», а потом отправились в «Мезонетт» в отеле «Сан-Реджис». И снова мадмуазель Де Бек в одиночестве вернулась в свои апартаменты на Ист 20-й стрит, а Анджелвин, лишившись ее общества, уединился в своем номере в «Уолдорф-Астории».

В субботу Лили показывала Жаку Нью-Йорк. Анджелвин испытывал отчаянное искушение воспользоваться прекрасным «Бьюиком» для путешествия по городу, но как раз утром ему позвонил Скалья. В голосе Франсуа, хрипевшем в трубке, слышались напряжение и тревога: к

сожалению, небольшая задержка, планы несколько меняются.

— Но машина? — запротестовал Анджелвин.

— К машине не прикасаться! — прозвучал ответ-приказ, и Скалья повесил трубку.

Так что, пользуясь лишь автобусами, подземкой и такси, Жак и Лили посетили Гринич-Виллидж, Эмпайр-Стейт-Билдинг, Рокфеллер-центр и даже добрались на автобусе в верхнюю часть города, чтобы полюбоваться мостом Джорджа Вашингтона. Анджелвин был поражен системой нью-йоркского метро, с уважением оценив огромные размеры города, который оно обслуживало. Несмотря на исключительно приятный день, который они провели вместе, завершившийся изысканным обедом у «Викария», Лили все так же отказывалась разделить одиночество французской телезвезды. Этой ночью спал он плохо. Ему казалось, что причина его растущего разочарования в жизни — все тот же недосягаемый «Бьюик».

В воскресенье раздражение достигло такой степени, что он решил нарушить приказ Скальи. Спустившись в гараж, он вывел «Бьюик», подсадил Лили, и они стали кататься по Нью-Йорку; оставив машину у Баттери, они сели на суденышко, которое предоставило им возможность осмотреть Статую Свободы. Возбуждение радости свободно ездить по городу заставило его приободриться. Жак питал надежду, что посещение «Горячего джаза» каким-то образом улучшит его отношения с Лили. Но и после джазового вечера Лили отправилась домой, а Жаку опять выпала тревожная ночь.

Поскольку Анджелвин планировал утром в понедельник покинуть город, он отчаянно надеялся, что к тому времени все будет в порядке. В среду он собирался быть у Ниагарского водопада, после чего в четверг вечером рассчитывал оказаться в Монреале, где все пронизано французским духом, а девушки, как ему говорили, гораздо благосклоннее. Сегодня у него состоится еще одна встреча с Полем Грене и другими, которые помогут ему отчетливее ощутить пульс американского телевидения. Кроме того, чтобы поднять настроение, он решил, что еще раз воспользуется машиной для ознакомления с городом. Он припомнил вежливое, но недвусмысленное предупреждение Скальи, но решил, что по возвращении в Париж постарается полностью избегать встреч с ним.

После ленча в понедельник Лили встретила Жака у его отеля. Нервничая, он, не в силах справиться с владеющим им возбуждением, проводил ее в гараж к своему драгоценному «Бьюику», на котором они и выехали на улицы Нью-Йорка. Ему было пришла в голову мысль об опасном грузе, спрятанном где-то во внутренностях машины, но наслаждение от возможности вести столь прекрасную машину и присутствие обаятельной Лили рядом, которая явно стала испытывать тяготение к нему, помогли Жаку отогнать мысли об опасном преступлении, к которому он имеет прямое отношение, и об этом животном Скалье, который только и старается осложнить ему жизнь.

Они катались до девяти часов, когда Лили предложила пообедать в «Зеленой таверне». Они отдали должное и блюдам, и вину. Лили была раскованна и соблазнительна. Анджелвин рассказал о предполагаемой поездке в Монреаль в четверг и, увидев, как на ее лицо легла легкая тень разочарования, сказал, что постарается быть обратно в Нью-Йорке в воскресенье, двадцать первого.

Лили сказала, что она провела чудесный день и вечер. Когда они целовались в машине перед ее домом, Жак с гордостью подумал, что в первый раз в его распоряжении находится столь вместительный лимузин, в котором можно с полными удобствами целовать женщину. Лили пообещала позвонить ему в гостиницу и пожелать спокойной ночи, и Жак поехал в отель. «Завтра вечером все свершится», — подумал он.

И так, Жак оказался в своем номере только в половине второго. Если не считать краткий утренний адьюльтер с Арлеттой в прошлый четверг, вот уже две недели он вел монашеский образ жизни. Едва Жак в ванной облачился в пижаму, как раздался телефонный звонок. Это Лили решил он. Но взяв трубку, сразу же понял: Франсуа. Весь этот день он и не вспоминал его. Неужели они знают, что он пользовался машиной?

Голос у корсиканца был хриплым и злым:

— Я звонил весь вечер, куда, черт побери, ты делся, Жак?

— Да, да, друг мой, машина в полной исправности, стоит в гараже, — отвечал он, надеясь, что голос его звучит достаточно убедительно.

Скалья помедлил, словно в раздумье, а потом сказал:

— Завтра или даже, может быть, и сегодня... Нет, не

прерывай меня, а внимательно слушай. В половине девятого утра... — и он продиктовал точные инструкции.

Когда Скалья положил трубку, Анджелвин остался сидеть, сотрясаемый мелкой дрожью, кожа на теле покрылась пупырышками.

Ночью он не спал, а просто дремал и поднялся к семи часам. Заказав в номер легкий завтрак, он принял ванну и оделся. К восьми пятнадцати Жак уже болтался в пустынном холле, поглядывая на часы. В половине девятого спустился в гараж и нашел свой «Бьюик». Когда дежурный подал его, Жак быстро осмотрел интерьер салона: все, вроде, в порядке; никому и в голову не придет, что за эти дни он осмелился нарушить приказ. Затем он фыркнул, решив отделаться от снедаемого его беспокойства. Каким образом, пусть даже он ездил в машине с девушкой, кто-то может предполагать, что таким образом он выдал хранящиеся в ней тайны?

Следуя указаниям Скальи, он повернул направо на Парк-авеню и влился в неторопливое утреннее движение, двигаясь в северную часть города; он внимательно присматривался к обозначениям улиц, мимо которых проезжал, благодаря муниципалитет за столь простую нумерацию. На Семьдесят девятой он повернул в сторону реки. Последняя улица налево перед выездом на трассу вдоль набережной и была той, что он искал: Ист-Энд авеню.

Поворачивая налево, он почувствовал, что ладони у него вспотели. Многоквартирное строение было на углу Восемьдесят первой стрит. Жак подвел машину к зияющему проему въезда в гараж в середине квартала и еще раз проверил адрес: номер 45 по Ист-Энд авеню. Спустившись по пандусу, он остановился у маленькой конторки, стеклянный куб которой был освещен неоном. Дежурный, худой человек средних лет с песочного цвета волосами, выйдя, уставился на «Бьюик», а потом пристально посмотрел на Жака.

— Когда выезжать будете? — спросил он с заметным кельтским акцентом, на что Жак беспомощно пожал плечами. — О'кей, — сказал мужчина. — Мы позаботимся о машине.

Вернувшись в конторку, он оторвал билетик и протянул его Жаку. Беречь этот билетик пуще зеницы ока, велел ему Франсуа. Жак аккуратно уложил желтый прямоугольничек в бумажник и, повернувшись, поднялся по

рампе на улицу, чувствуя, что дежурный уставился ему в затылок.

Оказавшись на Ист-Энд авеню, Жак помедлил несколько минут, приходя в себя от напряжения, пока в поле зрения не показалось такси. Он попросил подбросить его в «Уолдорф-Асторию».

Пока Жак доставлял «Бьюик» в гараж на Ист-Энд авеню, Пэтси Фукка оставил свой дом в Бруклине и в сером «Кадиллаке» своего приятеля Никки Травато опять двинулся в путь, сопровождаемый на почтительном расстоянии федеральными агентами Арти Флуром и Биллом Караццо. Но через несколько минут полицейские потеряли из виду «Кадиллак», когда он свернул на Шестьдесят пятую, направляясь к западу. На первых порах они решили, что вот-вот их или другая команда обнаружит Пэтси и восстановит контакт с ним. Но ни им, никому другому так и не удалось снова засечь его — ни рядом с его закусочной, ни с его излюбленным местопребыванием в Манхэттене. И по мере того, как шли утренние часы, полиция испытывала все большее волнение, что ее единственная связь с деятельностью преступников окончательно исчезла.

Утром 16 января детективу Эдди Игану следовало явиться в суд в нижней части города и предстать перед большим жюри Манхэттена в связи с предыдущим делом по наркотикам, в котором он произвел несколько задержании. Освободившись незадолго до полудня, Эдди узнал об исчезновении Пэтси, которое очень обеспокоило его. Ему было сказано, что нет никаких его следов и детективы обшаривают все уголки города, к которым Пэтси когда-либо имел отношение.

Из муниципального гаража рядом с Фолли-сквер Иган вывел свой «Корвейр». Сев за руль, он автоматически протянул руку, чтобы включить рацию, но тут вспомнил, что отдал ее в ремонт. Ему не хватало ее. Для полиции рация была куда полезнее, чем револьвер. Даже в тех редких случаях, когда он не участвовал в активных действиях и мог, казалось бы, немного передохнуть и расслабиться, он не без удовольствия слушал переговоры на всех полицейских каналах, воспринимая на слух торопливую скороговорку своих друзей по всему городу, что пойман «горячий след» или что «объект обнаружен».

Почему у него в голове постоянно крутится какая-то мысль, кажется, имеющая отношение к Пэтси? Нет, он не думает ни о той девушке на Пайк-Слип, ни о том, как они рыскали по всем местам, разыскивая исчезнувших «Лягушатников». Его потуги скорее напоминали стремление припомнить имя, которое крутится на кончике языка — вот-вот оно придет на ум. И дело было не только в «Кадиллаке» Травато, которым пользовался Пэтси...

И внезапно его озарило! Прошлым вечером Сонни и Рипа следили за Пэтси в той же машине, на которой он добрался до угла Семьдесят седьмой и Йорк-авеню. Както в пятницу Иган и сам следил за Пэтси и его женой, направлявшихся в это же место! Он ясно вспомнил таинственный визит Пэтси в шикарный дом по Ист-Энд авеню, 45; он был всего в четырех или пяти кварталах от упоминавшегося угла. Не там ли он сейчас? Почему бы и нет?

Развернувшись, он двинулся по тому же пути, по которому в прошлую пятницу преследовал «Олдсмобил» Пэтси. Неужели это было четыре дня назад? Ему казалось, что прошло несколько месяцев.

Едва лишь повернув на Ист-Энд авеню, в двух кварталах впереди он увидел серый «Кадиллак», стоявший двумя колесами на тротуаре у въезда в подземный гараж, который, как он знал, размещался в доме номер 45. Он с трудом поверил собственным глазам, что видит «Кадиллак» Никки. Вот он, Пэтси! Он вышел точно на него. О, Матерь Божья, неужто и ирландскому копу подвалила удача?

Вывалившись из машины, Эдди двинулся ко входу в гараж. «Кадиллак» медленно съезжал по рампе. Водитель вылез и протянул ключи дежурному. В полумраке он разглядел, что это *не* Пэтси; он вообще не знал этого человека. Он подошел сзади поближе к «Кадиллаку», доставая блокнот. Он *смахивал* на машину Травато, но то была не его машина.

Он уже было собрался возвращаться на улицу, когда чей-то голос остановил его:

— Могу ли я помочь вам, мистер?

Резко повернувшись, Иган увидел молодого негра в се-

рой униформе дежурного по гаражу. Улыбнувшись, детектив смахнул выступившую между бровей испарину:

— Ну, парень, ты меня и перепугал. — Он показал дежурному свой полицейский значок. — Полиция. Слушай, тут двое каких-то типов ограбили магазин напитков в двух кварталах отсюда и умотали в красном «Додже». Тебе не попадалась на глаза такая машина?

Парень почесал в затылке:

— Нет, хотя я только что вернулся после ленча. Спрошу в конторе.

Иган вообще не хотел тут особенно засвечиваться и тем более превращать свой краткий визит в шоу. Но поскольку он тут оказался, надо постараться разрешить эту шараду. Может, он узнает нечто, что послужит ему в будущем, во всяком случае, будет иметь представление об этом гараже.

Следуя за дежурным, он зашел в небольшое помещение, по-прежнему держа наготове свой значок. Склонившись над высокой узкой конторкой, роясь в бумагах, стоял мужчина лет пятидесяти с волосами песочного цвета. В дальнем углу, справа от дверей, спиной к ним черноволосый моложавый мужчина в комбинезоне механика рылся в куче дорожных карт.

— Да, сэр... — начал было белый дежурный.

— Копы, — прервал его негр.

Иган показал бляху:

— Тут недалеко был налет. И я ищу красный «Додж».

Темный силуэт мужчины в углу повернул голову и быстро принял прежнее положение. И Иган понял, что смотрит в спину Пэтси.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Кто-нибудь пострадал? — спросил человек из-за конторки.

Иган вернулся к своей роли:

— Ну, в общем-то пара типов совершила налет на водочный магазин, но никого не ранили. — У него перехватило дыхание. — Видели, что уехали в красном «Додже» 1960 года, четырехдверный седан. Так что мы проверяем все гаражи тут по соседству. Вам не попадалась на глаза такая машина или какие-нибудь незнакомые люди?

Человек опустил глаза на груду бумаг перед собой, словно прикидывая, как лучше ответить, а потом покачал головой:

— Нет, ничего такого, пока я тут на месте. Ты что-нибудь видел, Джимми? — спросил он у своего черного помощника.

— Я только что ему сказал, что выходил на ленч и ничего не видел.

Засовывая блокнот в карман, Иган чувствовал, что у него трясутся руки. Он с трудом удерживал себя от желания уставиться на Пэтси, который старался раствориться в темном углу.

— О'кей, — начал было Иган и покраснел, услышав свой неестественный тонкий голос. Стараясь обрести спокойную и в то же время официальную интонацию, он откашлялся. — Ну в общем, держите ушки на макушке,

ладно? И приглядывайтесь. Если кто-то из вас заметит такую машину, сразу же звоните в участок, о'кей? Ну, пока. Выйдя из конторки, Иган поднялся по рампе, засунув руки в карманы, чтобы не выдать своего возбуждения.

Первым чувством, охватившем Игана, был страх, что Пэтси узнал его. Но, оказавшись на улице, он стал рассуждать более сдержанно: шансов на опознание было один к ста, если не к тысяче, что Пэтси видел его раньше, тем более, опознал его в роли *копа*. За последние четыре месяца, пока велось наблюдение из больницы Святой Екатерины, он забежал в закусочную лишь раз, представ перед Пэтси, в роли медика из больницы. Знания Эдди о сути человеческой натуры подсказывали ему, что весьма сомнительно, чтоб Пэтси обратил внимание на него *среди* прочего персонала, облаченного в белые халаты. И если даже Пэтси видел его, невозможно представить, что он опознал в деловитом копе, который ищет угнанную машину в подземном гараже в Манхеттене, «доктора» в белом халате из своей закусочной.

Иган заторопился к своей машине, стоящей в полуквартале в стороне. Как бы там ни было, он должен связаться с базой и предупредить, что нашел Пэтси Фукка. Но, глянув из-за плеча, он увидел фигуру в сером комбинезоне, полускрытую входом в подземный гараж. Помедлив, Иган решил как можно убедительнее изобразить полисмена, который, стоя на углу, прикидывает дальнейшие действия в расследовании вооруженного грабежа. Фигура у входа ушла поглубже в тень. Так, отлично, он наблюдает за Иганом. Это был тот самый, с песочными волосами.

Эдди быстро прикинул, что если он тут же покинет поле действия, у Пэтси появится основание подозревать, что полиция засекла его, и он снова исчезнет. Значит, остается лишь делать вид, что он ищет угнанную машину. Иган деловитым шагом пересек Восемьдесят первую и спустился в гараж по другую сторону улицы.

Там он убедительно повторил свою версию об ограблении магазина и угоне машины дежурному и опять, выйдя на улицу, остановился, пережидая поток машин, и направился в еще один подземный гараж, в здании напротив. Тип из 45-го дома вышел наружу и сейчас стоял на углу.

Иган почти физически ощущал, как он провожает его глазами, когда полицейский спускался в третий гараж.

Дежурный с песочными волосами по-прежнему маячил снаружи, когда детектив оказался на свежем воздухе. Иган прикинул, что с этого типа станется заглянуть в другой гараж и проверить, что за историю рассказывал полицейский. Пусть идет; может заглянуть еще в один. «Если выдумка с «Доджем» удержит Пэтси от непродуманных действий, я буду счастлив. Но в любом случае, какого черта он тут болтается?» Иган взял на заметку, что надо проверить этот гараж в 45-м доме — кто его владелец, кто им пользуется и так далее.

Зайдя в магазин канцелярских принадлежностей в полутора кварталах отсюда, детектив обнаружил в нем телефонную будку, стоя в которой он по-прежнему мог наблюдать за зданием с гаражом. Он ждал, что вот-вот из него выскочит серый «Кадиллак» Никки, и был готов тут же сесть ему на, «хвост». Он набрал номер базы. Ему ответил Бен Фитцджеральд.

— Фитц, я нашел Пэтси! — крикнул в трубку Иган.

— Где?! — изумился Фитцджеральд.

Через полторы минуты Иган дал полный отчет о своих действиях, которые родились из смутных предположений. Внезапно он насторожился:

— Подожди, Фитц. Выезжает какая-то машина. Может, это Пэтси.

Наступило молчание, пока Иган присматривался к происходящему за квартал от него. Но это был незнакомый «Кадиллак» 1956 года, а черный «Бьюик-Инвикта», который, выехав на авеню, повернул к северу.

— Нет, машина Травато по-прежнему в гараже, — сказал он в трубку.

— Ты *уверен*, что в самом деле видел Пэтси? — настоятельно спросил дежурный агент.

— Уверен ли я? Я что, не знаю Пэтси? Слушай, свяжись с Сонни и Уотерсом, с другими ребятами и гони их сюда!

Пока Иган продолжал слушать, Фитцджеральд включил связь с радиофицированными машинами и дал указание всем, кто находится в этом районе, стягиваться к дому 45 по Ист-Энд авеню.

— Фитц, — сказал Иган, припомнив, с какой лихостью любят подлетать на место действия некоторые полицей-

ские, — скажи им, чтобы они не очень лихачили и не болтались прямо вокруг дома. Я пристроюсь где-то поблизости.

— Думаю, что ты прав, Лупоглазый, — возник в трубке несколько насмешливый голос Фитцджеральда. — А какого черта Пэтси там болтается?

— Не знаю. Но именно тут я его и засек в прошлую пятницу.

— Да? А я не знал...

— Слушай, мне пора идти, — прервал его Иган. — Поговорим позже. Ох, подожди. Глянь-ка, не можешь ли ты мне дать список жильцов и арендаторов по Ист-Энд авеню, 45, о'кей?

Покинув магазин, Эдди пристроил свои «Корвейр» на углу, откуда мог видеть всех, кто входит и выходит из 45-го дома. Выключив двигатель, он откинулся на спинку сиденья, полагая, что рано или поздно Пэтси покажется из гаража.

Долго ждать подмоги не пришлось. В половине второго Иган заметил Сонни Гроссо, который шел по Ист-Энд авеню. Опустив стекло окна, Эдди свистнул, и, подойдя к нему, Сонни забрался в машину.

К двум часам все улицы в округе были перекрыты сотрудниками наркобюро, часть из которых разместилась в неприметных машинах, а часть была просто на ногах. Возглавлял эту группу слежки лейтенант Хоукс. Примерно к трем часам Сонни, незадолго до того покинувший машину Игана, вернулся, сохраняя еще более сосредоточенное выражение на своем и без того серьезном лице. Получив информацию по своей исправной рации, Сонни не сообщил Эдди последние новости. Группа слежки, стянувшаяся к дому номер 45, серьезно сомневалась, что Иган в самом деле видел Пэтси, как доложил ему Сонни.

Небрежной походкой подойдя к машине Игана, агент Уотерс открыл заднюю дверцу и скользнул в салон. Когда он излагал свои сомнения, что Пэтси вообще может оказаться в этом районе, Эдди увидел скептическое выражение в глазах напористого маленького агента. Игану оставалось лишь изо всех сил сдерживаться, пока тот подкалывал его.

К четырем часам появился Дик Олетта: лейтенант Хоукс хочет видеть Лупоглазого. Иган устало вылез из машины и двинулся за Олеттой в небольшое кафе на углу.

Хоукс, высокий и подтянутый, чуть смахивающий на Гэри Купера, готовящегося к съемкам, стоял в дверях. Его не покидало ошибочное убеждение, что он зря сорвал с места большую часть состава Бюро, причиной чему было утверждение Игана, что он видел Пэтси. Это он и выложил.

Иган же продолжал настойчиво утверждать, что он в с а м о м д е л е видел Пэтси, и предложил отправить кого-нибудь в гараж, чтобы проверить, нет ли на месте «Кадиллака» Никки Травато, за рулем которого в последний раз видели Пэтси. Хоукс вслух стал прикидывать, кто мог бы отправиться в гараж на «инспекцию» и под каким предлогом.

— Санитарная проверка? Контроль арендной платы? Социальная помощь? — предложил Эдди.

Хоукс хмыкнул:

— Социальная помощь? Здесь? Кому?

— Вы правы, — согласился Иган, испытывая легкое облегчение при виде улыбки на мрачном лице лейтенанта. — А как насчет пожарной инспекции?

Хоукс, преисполнившись немедленного энтузиазма, припомнил, что отчим Игана — главный пожарник города. Через десять минут Дик Олетта уже направлялся на ближайшую пожарную станцию на Семьдесят пятой, готовясь стать одним из инспектирующих «пожарных».

Было около пяти часов, кое-где уже стали зажигаться уличные фонари, когда из-за угла вывернулась красная пожарная машина, остановившись в трех кварталах от гаража. Под пессимистическими взглядами группы слежки, из красного фургона высыпали пожарные в резиновых полусапожках и стали обследовать гараж за гаражом на Ист-Энд авеню. В половине шестого трое из них вошли в гараж 45-го дома, появившись оттуда через десять минут. Испытывая напряжение и беспокойство, Иган видел из окна своей машины, стоящей в полутора кварталах, как в пожарную сели только двое инспектирующих, а третий пошел за тот угол, где в ожидании стоял Хоукс. После пяти длинных, томительных минут рядом с машиной Игана появился лейтенант и сел в нее.

— Ну? — буркнул Иган. — Я облажался?

Выражение лица Хоукса смягчилось:

— Ты был прав, Эдди. «Кадиллак» Никки стоит там.

Обмякнув, детектив уставился на лейтенанта: — Ну, ребята, говорил же я вам!

— Можешь повторить: «Я вам говорил!»

Но Эдди не обратил внимания на дарованное ему отпущение грехов.

— Какой в том толк? — Затем он улыбнулся и добавил: — И все же я говорил это — еще раньше.

— Машина загнана в самый конец на нижнем уровне, как сообщил Олетта. И, похоже, она стоит тут уже некоторое время.

— Подходит. А что Пэтси?

— В гараже нет и следа его, — вздохнул Хоукс. — Конечно, он может быть где-то в здании.

— Смахивает на тот раз, когда я его тут видел. Он поднялся на лифте. Вы узнали что-нибудь о здании или о его обитателях?

— Да. С самим *зданием*, похоже, все в порядке, да и жильцы нормальные, уважаемые люди — ты знаешь, тут живет тот самый актер Дон Амичи? — но вот гараж — довольно интересное заведение.

— Он сдан в концессию, — продолжил Хоукс, — и управляет им некий тип Сол Фейнберг, который несколько раз задерживался по подозрению, ну, скажем, в не совсем законной деятельности, включая явный интерес к зелью.

— Надо же! — расплылся в улыбке детектив.

— Нам так и не удалось как следует прихватить его, да и сейчас он чист, — продолжил Хоукс. — Но у него есть деловой партнер, который тоже имеет долю от всех этих операций, и кроме того, ему принадлежит другой коммерческий гараж, в Бронксе. И к тому же он более чем серьезно подозревается в крупных правонарушениях, среди которых есть и дела с наркотиками ... Так что, теперь ты чувствуешь себя получше?

— Прекрасно! — воскликнул Иган. — И знаете, думаю, что еще снова скажу вам.

— Что скажешь?

Иган ухмыльнулся:

— Что я вам уже говорил.

Возвращаясь на свои пост, Хоукс сказал Игану, что, как только Олетта сообщил о «Кадиллаке» в гараже, Сонни Гроссо занял наблюдательный и командный пункт в здании напротив. Лейтенант помог Сонни договориться с одним из жильцов здания. — И Сонни попросил передать, тебе вот какие слова, — добавил лейтенант, — «Держись, Ирландия!»

Внезапно Иган ощутил острый приступ голода. Было уже около половины седьмого вечера, а он ничего не ел с самого утра. В компании Хоукса он отправился за угол в ту закусочную, где несколько часов назад чувствовал себя совершенно подавленным, слушая выговор шефа. Теперь же он шагал легко и свободно, воодушевленный вернувшимся к нему доверием, что он и отметил, заказав два ростбифа и две бутылки «Пепси», которые прихватил с собой в машину.

Поиски Пэтси были самым важным делом за прошедшие два дня. Трое французов по-прежнему не давали о себе знать, а несколько часов тому назад в «Эдисон» пришла, рукописная записка от Жана Джихана, к которой был приложен чек на восемьдесят два с половиной канадских доллара в оплату его счета. В записке излагалась просьба отправить его вещи по монреальскому адресу. Но даже сейчас Иган и его друзья не исключали возможность, что в любое время за эти дни своего отсутствия Пэтси преспокойно мог встретиться с французами для завершения сделки.

Чтобы выяснить это, оставалось только одна возможность — ждать появления Пэтси или любого из его тайных дружков, что могло случиться в любой момент. Жуя сандвич, Эдди расслабился, не теряя, впрочем, готовности к любому развитию событии.

Под свист ветра, дувшего с Ист-ривер, неторопливо прошли еще два часа. Иган был благодарен машине, которая укрывала его от холода, но он стал чувствовать озноб и ломоту в суставах. Он не мог себе представить, что все это время делал Пэтси. В голове у него крутились различные предположения и варианты, но единственными реальными фактами были те, что «Кадиллак» Травато по-прежнему находится в гараже и что Пэтси не выходил из здания. Но когда-нибудь он должен появиться.

И Пэтси возник через пять минут. Но не из дома номер 45. Он шел с дальнего конца Ист-Энд авеню по направлению от Семьдесят девятой стрит.

Иган уставился на него, не веря своим глазам: Пэтси по-прежнему был в том же комбинезоне и, перейдя Во-

семьдесят первую, внимательно огляделся и спустился в гараж.

Матерь Божья! Должно быть, его не было тут *весь* день с полудня. Иисусе! Иган прикинул, когда Пэтси мог скрыться: должно быть, в то время, пока Иган посещал остальные гаражи в окрестности или, может быть, в те несколько минут, когда он говорил по телефону с базой, или же, когда он заворачивал за угол, где и занял позицию, чтобы наблюдать за зданием. То есть, практически Пэтси пользовался полной свободой действий в те двенадцать часов, что не был под наблюдением.

Чертовски неудобно быть без рации, выругался про себя Эдди, когда прошло первое потрясение от этого открытия. Он рывком распахнул дверцу машины и побежал по Ист-Энд авеню, размахивая руками и указывая на дом номер 45. В дверном проеме показалась высокая фигура Винни Хоукса, который махнул Эдди в ответ. О'кей, по крайней мере кто-то будет в курсе. Он вернулся к своей машине и включил двигатель.

Через пять минут из гаража показался серый «Кадиллак» и на несколько секунд замер, готовясь выехать на мостовую. Иган был готов преследовать Пэтси хоть на край света, если понадобится. Тут же распахнулась дверца справа и в машину ввалился агент Луис Гонсалес. У него была в руках портативная рация.

— Молодец, амиго! — вскричал Иган и схватил микрофон: — О'кей, говорит Лупоглазый. Я следую за птичкой, *куда бы* она не направилась!

Пэтси повернул направо на Ист-Энд, проехал мимо Игана и сигнальными огнями показал, что собирается сворачивать налево, на Восемьдесят третью. Иган сорвал с места «Корвейр», пока Гонсалес сообщал по рации их маршрут.

Пэтси по Первой авеню двинулся в верхнюю часть города. Иган, Гонсалес держали его в виду, когда на Ист-Ривер драйв он повернул на трассу, ведущую в нижнюю часть города. — Господи, он все еще продолжает свои игры! — посетовал Иган.

— ... кто-нибудь выезжайте на Семьдесят девятую и перехватите нас на трассе! — коротко бросил в микрофон рации Гонсалес.

Когда они проезжали обозначенный угол, им бросилась в глаза поджидавшая их машина. Вслед за ними она влилась в поток движения, но Пэтси уже сворачивал в Семьдесят третью. Сделав еще несколько поворотов, он опять выбрался на Йорк-авеню и опять устремился в верхнюю часть города. На Восемьдесят второй Пэтси в очередной раз повернул направо и не далее чем в ста ярдах от места, где еще недавно его восемь часов ждал Иган, притер свою машину к тротуару.

— Он припарковался на Восемьдесят второй, — сообщил Гонсалес. — Нам придется проехать мимо него. Возьмите его кто-нибудь, ребята.

— Видим его, — раздались слова Сонни Гроссо.

Иган остановился посередине квартала, прямо напротив гаража, из которого Пэтси выехал четверть часа назад.

— Ну и ну! — снова раздался голос Сонни и на этот раз в нем было неподдельное веселье. — Угадай, что мы нашли.

— Что случилось? — рявкнул Иган в рацию.

— Пэтси встретил на тротуаре некоего типа, и они беседуют. И это ни кто иной, как мистер Морин — «Лягушатник-три»!

Значит игры *еще не кончены!* — возликовал Иган.

Прошло несколько минут, и эфир взорвался голосами полицейских в других машинах, обсуждающих на ходу полученное известие. Обмен мнениями прервал Сонни: — Эта парочка садится в «Кадиллак». Они уезжают.

Свернув за угол, «Кадиллак» проехал мимо «Корвейра» с Иганом и Гонсалесом в нем. Иган подождал, пока он не удалился на несколько кварталов, и двинулся вслед. По Семьдесят девятой Пэтси повернул на Йорк. Когда сменился сигнал светофора, он сделал широкий разворот налево, и «Кадиллак» остановился у юго-западного угла перекрестка. Морин вылез и двинулся на запад по Семьдесят девятой. Пэтси продолжил движение, направляясь в даунтаун.

— ... «лягушатник» вышел! — сообщил Гонсалес.

Иган следовал за Пэтси до Шестьдесят третьей стрит, где он снова выехал на скоростную трассу. На хорошей скорости они двигались к нижней части города, когда разнеслось известие, что Морину удалось раствориться в ночи.

— Только что он был здесь, а в следующую минуту исчез, — обескураженно сообщил Винни Хоукс.

Пэтси привел за собой «хвост» до своей закусочной в Бруклине. Его тесть торчал на месте, и Пэтси отослал его домой.

К Игану и Гонсалесу вскоре присоединились и другие машины, включая машины Сонни с Уотерсом и Дика Олетты. Гонсалес пересел в машину последнего, и они уехали. Наконец в одиннадцать вечера Пэтси стал закрываться. Преследуемый оставшимися полицейскими, он в «Кадиллаке» проследовал по трассе Бруклин — Квинс и двинулся на юг. Но вместо того, чтобы направиться прямо к себе домой, он объехал квартал и остановился перед домом Никки Травато на Шестьдесят шестой стрит. Заперев машину, Пэтси вошел в дом.

Снова появился он через десять минут. Пройдя по улице, Пэтси сел в машину, стоящую на углу ярдах в пятидесяти от дома Никки Травато. Сонни опознал в ней собственный синий «Бьюик-компакт» Пэтси.

Поставив его в гараж, он вошел к себе домой. Фонарь над портиком крыльца погас. Шестьдесят седьмая погрузилась в тишину.

На другом конце квартала в двух машинах в молчании и темноте сидели трое усталых детективов.

— Кто будет спать первым? — раздался голос Эдди Игана из рации.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Вторник для Пэтси Фукка оказался нескончаемым утомительным днем. Он глянул на свою юную жену Барбару, которая спала на кровати рядом. Он должен вдолбить ей в голову одну вещь — если она брякнет хоть слово, с ним будет покончено, и слава Богу, если он найдет себе место подметальщика в подземке.

Пэтси не спалось. Он выкарабкался из постели, накинул шерстяной халат и босиком подошел к окну. Барбара повернулась на другой бок. Он пожал плечами. В общем-то, она неплохая малышка, подумал он. Когда вокруг столько навару, он не может ее ругать, что она швыряет деньгами. Сколько она взяла? несколько тысяч? На самом же деле его волновало, сколько ему отломится от той поставки, что привезли французы. За пятьдесят или пятьдесят один килограмм ему причитается не меньше половины, около двухсот семидесяти пяти тысяч долларов. Так что он может себе позволить спустить на сторону пятьдесят тысяч. Денежки потекут к нему от клиентов. Разве он плохо ведет дела? Интересно, что сказал бы дядюшка Энджи?

Ему придется задурить голову французам. В памяти всплыли последние семь дней. Всего неделю назад у него раздался звонок от Гиганта с просьбой встретить его в гостинице «Рузвельт». Пэтси еще не был готов к встрече, ему было нужно около недели, чтобы поступили все от-

сроченные платежи. Перед ним предстал высокий пожилой денди. Держится, как шомпол проглотил, старый щеголь! Мамма миа, да одного его наряда достаточно, чтобы полицейские вылупились на него! Но он действительно знает себе цену, этот Гигант — спокоен и невозмутим. Остальные два француза могут сорвать всю операцию, едва только почувствуют, что пахнет жареным. Но только не Гигант; он просто сказал, ложись, мол, на дно, сделка слишком крупная, чтобы так просто ее похерить, никто и не прикоснется к нам без доказательств, а кто знает, где хранится товар?

Закон меньше всего беспокоил Пэтси. Может, за ним следят, а может, и нет. Он *всегда* исходил из предположения, что копы крутятся где-то поблизости; в такой ситуации ты не можешь позволить себе быть слишком беззаботным. Где они болтались прошлой ночью; когда это было — в пятницу? Он не знал. Но быстро сообразил, что к чему, и посоветовал французам съехать из их отелей: таким образом они не только оторвутся от копов, если те в самом деле сели им на «хвост», но и ход операции замедлится на несколько дней, и он успеет собрать необходимые деньги.

В ходе первых двух встреч французы говорили, что хотят закончить все дела к субботе. И соглашаясь с ними, и в то же время боясь признать, что ему нужно дополнительное время для полного расчета, в пятницу он даже отправился на Ист-Энд авеню проверить, все ли в порядке. Потом пришлось устроить гонку по городу, якобы отрываясь от «хвоста», и Пэтси понял, что ему повезло и он получил отсрочку. Французы пристроились в мотеле в Йонкере, а у него был весь уик-энд, чтобы поднять всех связников.

Ухмыльнувшись, он воздал себе должное за быстроту реакции, ибо, когда позвонил Гигант, он догадался сказать ему, что пахнет паленым и им лучше на какое-то время прервать с ним связь. Эти копы, Лига Благопристойности или как там она называется, которых прислали городские цензоры якобы изъять какие-то грязные книжонки в грязных бумажных обложках, колоссально сыграли Пэтси на руку. Мог ли он придумать себе лучшее оправдание и обеспечить алиби?

Пэтси так и не мог понять, почему они нервничают. В субботу вечером он решил поездить с Никки и проверить,

нет ли за ним «хвоста», но вроде все было спокойно; во всяком случае, они ничего не заметили. У него не было никаких хлопот, когда в намеченное время он вывел «Бьюик» этого актера. И кроме того, когда с расчетами будет покончено, он всегда сможет отбрехаться от копов.

Гигант, должно быть, забрал с собой и двух других французов, потому что в понедельник они снова дали знать о себе, говоря, что машину надо освободить от груза на следующий день. По сути, Пэтси надо было еще несколько дней, но он предпочел согласиться. Если он так и не получит весь ожидаемый навар к тому времени, когда машина будет чиста, он выплатит все, что ему удастся собрать, и попытается договориться об отсрочке на остальную сумму... Он сказал своему брату Тони, чтобы в понедельник тот был в гараже в Бронксе, где им предстоит распотрошить машину, а Тони Феола из авторемонтной мастерской в даунтауне затем приведет «Бьюик» в порядок, как это было сделано в ноябре. Этой ночью в «Кадиллаке» Никки — копы не успели его заметить в нем — он снова побывал на Ист-Энд авеню и проверил, все ли в порядке. Морин встретил его, и они еще раз обговорили расписание на вторник. Морин даже дал ему образчик товара — *мадонна!* — вот это вещь, высшего качества! — который он великодушно преподнес Тони. Его братишка заслуживает небольшого дополнительного заработка.

Глядя из окна спальни на сплетение уличных теней, он прикинул, наблюдают ли копы за его домом. В течение двух дней ему предстоит переместить самую большую порцию героина, которая когда-либо поступала в город. Вот это и будет самый опасный день, подумал он.

Натянув утром грубую рабочую одежду, он выехал из дома в машине Никки и добрался до Бронкса. В гараже Шульмана рядом с Кротона-парком его встретил Тони. Все было готово: они оборудовали прекрасное уединенное местечко на задах мастерской, чтобы заняться «Бьюиком». Между двенадцатью и часом тут они встретятся с Морином.

Добравшись до гаража под строением на Ист-Энд авеню, он загнал в него «Кадиллак», в самый конец. Но тут он столкнулся с препонами: хотя с французским «Бьюиком» все было в порядке, но у Пэтси не было квитанции об оплате стоянки, и дежурный продолжал настаивать, что только босс, Фейнберг, может дать ему право взять

машину. Фейнберг появился через несколько минут с ключами от «Бьюика» в кармане. Пэтси маялся от растущего нетерпения, пока тот неторопливо шел к конторке дежурного.

Когда явился тот рыжий коп и стал размахивать своим значком, Пэтси чуть не отключился от ужаса. Он не понял, узнал ли его этот парень. Коп, как и полагалось, скользнул по нему взглядом, который задержался на нем не больше секунды, да и то, наверно, лишь потому, что Пэтси не смог скрыть своего удивления. Он расслабился лишь тогда, когда вернулся дежурный, который проследил за действиями копа, и сказал, что тот направился в другой гараж искать угнанную машину. Тем не менее, сейчас было не то время, когда можно было позволить себе беспечность. Когда через несколько минут появился Фейнберг, Пэтси вывел французский «Бьюик» и прямиком направился в Бронкс. Копы на глаза ему больше не попадались.

Тони и Морин уже ждали его в гараже Шульмана. У Тони был большой непромокаемый мешок, который он нашел в подвале своего дома. Внутри его были два потрепанных саквояжа. Морин прихватил с собой синий чемодан. У Пэтси же была черная кожаная сумка для инструментов. Расположившись под высоким кронштейном с лампой на дальней стенке гаража, Морин развернул на капоте «Бьюика» аккуратную схему потайных мест в машине.

Им потребовалось около трех часов, чтобы изъять стодесятифунтовых пластиковых пакетов с героином плюс еще пару дюжин пакетиков поменьше с белым порошком из самых разнообразных емкостей в шасси и под днищем «Бьюика» — всего больше пятидесяти килограммов чистейшего героина. Тони стал набивать ими свои саквояжи, пока Пэтси с мрачным лицом сосредоточенно отряхивал руки и колени от пыли и ржавчины. Морин проверил содержимое мешков. Количество сходилось, как и было обещано, грамм в грамм.

Затем они с французами приступили к расчетам. Из сумки для инструментов Пэтси извлек двести двадцать пять тысяч долларов в крупных купюрах. Он сказал, что полностью рассчитается в четверг. Сколько сейчас он может прихватить с собой? Морин прикинул, что около сорока килограммов. Они отсчитали восемьдесят восемь пакетов и дюжину мешочков поменьше из содержимого саквояжей Тони; затем Морин уложил оставшиеся двадцать три пакета и дюжину мешочков по одной унции вместе с толстой пачкой денег в свой синий чемодан.

— Понимаете ли, — задумчиво сказал Пэтси, глядя на синий чемоданчик, — имеет смысл обсудить судьбу и этой доли. Лучше сразу расфасовать и пустить в дело все количество. Неужели ему не доверяют?

Француз сказал, что должен переговорить с Гигантом. Не могут ли они встретиться сегодня вечером, когда Пэтси избавится от «Бьюика» — скажем, в девять часов на Восемьдесят второй? Пэтси согласился подхватить Морина, когда вернется в гараж за «Кадиллаком» Никки.

Тем временем Морин удивился: неужели Пэтси собирается держать весь товар при себе? Это уж наше дело, подмигнул Пэтси брату.

Тони кинул свой мешок с саквояжем в багажник «Бьюика», куда Пэтси отправил и сумку для инструментов. Было уже около половины пятого, когда они выбрались из гаража. Пэтси проводил Морина до оживленной Вестчестер-авеню, и они с братом пронаблюдали, как он с синим чемоданчиком в руках остановил такси и уехал. Затем они, проехав шесть кварталов, оказались рядом с домом Тони на Брайаент-авеню. В сгущающихся сумерках братья по бетонным ступенькам спустились в подвал, где открыли дверь кладовки. Расчистив место на самой дальней полке, они засунули саквояж в старый котел. Найдя кусок мела, Тони написал на черной поверхности печатными буквами: «А. ФУККА — 5/С». После этого они поднялись наверх, где пропустили по коктейлю с женой Тони Маргарет, а Пэтси поиграл с двумя своими племянниками. К семи часам в «Бьюике» он уже направился к автомастерской Антони.

Он оставил машину рядом с ней, положив ключ зажигания под коврик на полу. Мастерская была уже закрыта. Завтра, в среду, Феола примется за сварочные работы, приводя машину в порядок, после чего опять оставит ее на улице, где ее и заберет Пэтси. Им придется заляпать днище машины целым ведром грязи, специально доставленной из Франции. Затем он поставит «Бьюик» обратно в тот же самый гараж на Ист-Энд авеню, откуда в четверг актер заберет его, и все будет кончено.

На такси Пэтси добрался до угла Семьдесят девятой и

Йорк-авеню. Отсюда ему оставалось только два квартала до гаража. Когда он выезжал из него в «Кадиллаке» Никки, ему опять попался на глаза тот самый коп, что недавно шнырял тут. У него оставалось всего пять минут до встречи с Морином; поэтому, двинувшись к Девяносто шестой стрит, он сделал несколько поворотов, пока не убедился, что никто не следует за ним. Вроде, все было чисто. Морин уже ждал его на Восемьдесят второй. Они крутились между кварталами, пока француз излагал ему точку зрения Гиганта: остаток груза может быть передан Пэтси, если к четвергу тот рассчитается с суммой предоплаты. Надо сказать, что и его лично, и его организацию они считают ценными клиентами. Пэтси высадил Морина на углу Йорк-авеню и Семьдесят девятой и в прекрасном расположении духа направился домой. Эльдорадо было на расстоянии вытянутой руки.

Значит, остается только один день. Пэтси отошел от окна и сквозь мрак спальни пошел к своей кровати. Только один день. Что плохого может случиться в течение всего лишь одного дня?

После бесконечной зябкой неуютной ночи в машине у дома Пэтси детективы Эдди Иган и Сонни Гроссо и агент Френк Уотерс, промаргиваясь, смотрели, как на льдистом синем небе над Бруклином восходит январское солнце. Была среда, 17 января. Потягиваясь и покряхтывая, они лишь ругались сквозь зубы — говорить пока было не о чем. Сонни зарос темной щетиной до горла; от него самого несло потом, и, сморщившись, он приоткрыл окно машины. Уотерс связался с базой, но там не было никаких новостей. Динамик в рации Эдди похрипывал, и Сонни посоветовал вырубить его, на что Иган пробормотал: «Я бы лучше сам вырубился» — и про себя обругал неподатливую технику.

С помощью набора отмычек, имевшихся у Уотерса, ночью они вскрыли «Олдсмобил» Пэтси, но ничего в нем не обнаружили. Уже миновало восемь часов, и из аккуратных ухоженных домиков на Шестьдесят седьмой стрит на улицу высыпали стайки щебечущих школьников, которые с книжками в руках спешили на Двенадцатую авеню. Трое полицейских, съежившись, сидели в машине, чувствуя себя полными идиотами.

Пэтси вышел в половине девятого, в длинном до пят пальто, и сел в свой «Олдс».

— Почему бы вам вдвоем не взять его? — предложил по рации Эдди Иган своим напарникам по дежурству. — Я поболтаюсь вокруг закусочной и буду в ней на тот случай, если он оторвется от вас.

Но Пэтси направился не в свое заведение. Вместо этого он пересек Манхэттенский мост и, оказавшись в центре Нью-Йорка, поехал к универсаму на углу Хьюстон и Форсайт-стрит. Сонни и Уотерсу пришлось ждать до половины первого, пока Пэтси переворачивал склад магазина, закупая товары для своей закусочной: сигареты, прохладительные напитки, бумажные стаканчики, салфетки, конфеты и печенье, канцелярские принадлежности. Несколько раз он перетаскивал к машине объемистые свертки, и, когда она снялась с места, все заднее сиденье было завалено товарами. Оказавшись у закусочной к часу, Сонни и Уотерс, присоединившиеся к Игану в помещении больницы, в течение сорока пяти минут наблюдали, как Пэтси со своим братом Тони, появившимся около одиннадцати, неторопливо разгружали «Олдсмобил».

В два часа Пэтси вышел и снова в одиночку направился к центру Нью-Йорка. На этот раз он воспользовался Вильямсбургским мостом; повернув на Диленси и Алленстрит, он оказался в районе Восточного бродвея. Иган и Сонни вдвоем наблюдали, как он сбросил скорость в центре квартала и, сделав поворот, направился к авторемонтной мастерской, вывеска над двустворчатой дверью которой оповещала, что она принадлежит Антони. Детективы переглянулись, испытывая растущий интерес. Именно здесь той ноябрьской ночью останавливались Пэтси с женой и ее подружкой Мэрилин, откуда Пэтси уехал в канадском «Бьюике», который потом оставил на Черри-стрит.

Пэтси оставался у Антони минут двадцать. Когда без пятнадцати три он возвращался к своей машине, он нес нечто смахивающее на черный кожаный саквояж, что-то вроде докторского, или сумку с инструментами. Затем, сопровождаемый заинтересовавшимися полицейскими, которые держались от него на почтительном расстоянии, Пэтси снова направился к Вильямсбургскому мосту.

В середине дня в Бруклин ехало множество машин, и «Олдс» Пэтси отделяло от «Конвейра» Игана несколько

автомобилей. Пробираясь в потоке движения, Сонни приоткрыл правую дверцу и, привстав, пытался не упускать из виду синий «компакт». Когда поток машин замер на месте, он возмущенно фыркнул и, распахнув дверцу, выбрался наружу.

— Я пройдусь вперед, чтобы не терять его из виду, — крикнул он напарнику. Но через пару минут поток возобновил движение, и Иган настиг Сонни, который рысил по мосту. — Мы так никогда его не достанем, — выдохнул Сонни, падая в машину. — Он в пяти или шести корпусах перед нами и, судя по тому, как он ведет автомобиль, успеет съехать с моста и исчезнуть, когда мы только сползем с него.

— Ну, будем надеяться, что он направится к своему заведению,— сказал Иган. — Сообщим по рации постам у закусочной и у дома Пэтси, что они должны быть наготове в ожидании появления объекта.

Сами они направились к закусочной, но, когда до нее оставалось восемь кварталов, Френк Уотерс сообщил по рации, что Пэтси только что вернулся и сейчас находится внутри вместе с братом Тони и отчимом Барбары.

Детективы решили продолжить наблюдение из больницы. Визит к Антони, а также прихваченная Пэтси черная сумка подогрели их воображение. Если подтвердится предположение Уотерса, что, как и в ноябре, «Бьюик» из Канады является составной частью в замыслах Пэтси, то авторемонтная мастерская, конечно же, становится существенным звеном в расследовании. Что же касается содержимого сумки, их теории варьировались от специального набора инструментов для разборки таинственной машины до самого зелья и до охапки денег, с помощью которых будет произведен окончательный расчет.

Ровно через тридцать два часа ордер на производство обыска, выданный Бюро наркотиков, терял силу. Но неопределенное теоретизирование, которым еще недавно предавались в полиции, сейчас обрело почву под ногами, благодаря неустанной слежке и продуманным выводам. Но они были бы ошеломлены, узнав, насколько их сделанные с ходу предположения близки к действительности. Эмоции и безошибочный инстинкт подсказывали им, что надо немедленно приступать к действиям, брать Пэтси, пока не будет слишком поздно — и все же они решили повременить. Может быть, и так слишком поздно; в таком

случае ничего уже не имеет значения. Но в глубине души они лелеяли надежду, основанную на проверенной практикой интуиции, что развязка еще придет; и непродуманные действия, предпринятые пусть даже с опережением всего на час, могут лишить их последних остающихся шансов. Они должны быть рядом с Пэтси и ни на секунду не упускать его из виду.

В четыре часа Пэтси с Тони, покинув закусочную, сели в «Олдсмобиль». Снова Пэтси двинулся к мостам, ведущим в Нью-Йорк, но потом вывернул на скоростную автотрассу Бруклин — Квинс и помчался в южную сторону. Слежку продолжала свежая пара федеральных агентов, явившихся им на подмогу. Уотерс в белом «Олдсе» и Сонни с Иганом в «Корвейре» — все они следовали за братьями Фукка. Те и привели их в район дома Пэтси, где тот припарковал свою машину, и пара завернула за угол Двенадцатой авеню — здесь они разместились в стоящем у обочины сером «Кадиллаке» Никки Травато. Что-то зреет, обменялись мнениями полицейские.

Пэтси и Тони продолжили путь по скоростной трассе. Теперь они направлялись в Нью-Йорк, и по развязке Манхэттенского моста Пэтси выбрался на Канал-стрит, после которой, проехав вдоль веки, остановился на Пайк-Слип. Тони вылез и вошел в бар. Пэтси отогнал «Кадди» поближе к Бродвею.

— Он собирается возвращаться в мастерскую Антони, — предположил Иган.

Но за квартал до Бродвея Пэтси развернулся на Генри-стрит.

— Тут вот мы и следили за ним, когда он отправился играть в карты, — сказал Уотерс. — Хотя довольно рановато для...

— Не забывай, — уточнил Сонни, — что на этой же улице живет и его бабушка.

Опасаясь по узкой улочке двигаться вслед Пэтси, Иган и Сонни продолжали ехать по Пайк-Слип, держа под контролем поворот на Генри-стрит, Уотерс обогнул несколько кварталов, чтобы перекрыть выезд с нее.

Но к тому времени, когда троица заняла посты по обе стороны Генри-стрит, «Кадиллака» на ней уже не было видно. Пока Сонни и Уотерс ждали каждый на своем углу, Иган быстрым шагом прошел квартал между улицами Пайк-Слип и Рутгерс. «Кадиллак» исчез. Единственным

объяснением было, что, пока они крутились поблизости, Пэтси то ли напрямую проскочил Генри-стрит или же повернул на какую-то другую улицу. И теперь он мог быть где угодно. Забравшись в свои машины и первым делом объявив всеобщую тревогу, они поехали к авторемонтной мастерской Антони. Серого «Кадди» нигде не было видно. Сонни зашел в гараж и осмотрелся. Его встретил итальянец-механик, и Сонни сказал, что у него пробивает сальник, который необходимо сменить. Механик сказал ему, что они закрываются, так что ему лучше приехать завтра. Выйдя, Сонни отрицательно покачал головой: машины Никки тут не было.

Вернувшись к бару на Пайк-Слип, Сонни зашел в него. Вернувшись через несколько минут и заняв место рядом с Эдди, он мрачно проворчал: — И Тони тоже смылся.

По Генри-стрит они направились к Бродвею. Ничего. Пусто. Пэтси еще раз проскользнул у них меж пальцев. И судя по тому, как он удрал от них, они потеряли последнюю возможность расколоть его.

К половине шестого вечера лабиринт узких улочек, окружавших здание 1-го участка, погружался в темноту и жизнь на них замирала. По ночам нижняя часть Манхэттена была одним из тех районов города, в котором не чувствовалось пульсации бурной ночной жизни. И теперь по периметру всего района вдоль Саут-стрит густо, одна к одной, стояли машины, наконец нашедшие себе ночной приют на парковке, а над виадуком бампер к бамперу продолжал двигаться поток машин, спешащих на паром к Стейтен-Айленду и ко входу в туннель Бруклин — Баттери; но улицы внизу уже несколько часов были пусты и безмолвны. Порой на пустынных их просторах эхом отдавались шаги случайного прохожего, и единственным признаком жизни служил скользнувший по темным стенам отсвет фар. В половине шестого даже на Олд-Слип, где находились дежурные подразделения городских служб, светились лишь высокие застекленные двери пожарной части и светло-зеленый стеклянный шар над слабо освещенным входом в 1-й участок.

Внутри его тоже царила тишина. Слышалось лишь тиканье часов, шипение паровых радиаторов и какое-то позвякиванье. Сержант в форме в одиночестве читал за высокой конторкой. Двое молодых патрульных с расстегнутыми воротничками, без поясов с кобурами и патронташами, с головы до ног все в синем, выглядели довольно странно, когда стояли у доски объявлений, переговариваясь приглушенными голосами. Смена, что дежурила от четырех до двенадцати, полтора часа назад покинула помещение, и пройдет несколько часов, пока начнет подтягиваться полуночная вахта. На втором этаже в кабинете один детектив сидел в кресле-качалке, читая журнал, а другой, в белой рубашке и коричневом галстуке, корпел за столом, что-то старательно записывая на линованной бумаге.

На верхнем же этаже, наоборот, царило странное ощущение целенаправленности действий, хотя тут никто не спешил и не суетился. Там находилось несколько человек, сидевших в освещенной камере справа от лестничной площадки, и они хранили молчание; большая часть помещения была в тени. Кабинет шефа Кэри в дальнем конце был погружен в темноту, но из двери рядом пробивалась полоска света. Тем не менее Хоукс предпочел не сидеть за своим столом. Он и пятеро других человек с мрачными лицами расположились за длинным столом для совещаний в небольшой комнате на другом конце этажа, которая была предоставлена в их распоряжение.

Каждый по-своему борясь с усталостью, с Хоуксом за столом были Эдди Иган, Сонни Гроссо, агент Френк Уотерс, а также сержант Джек Флемминг и детектив Джек Гилдеа.

Несколько минут все хранили молчание. На осунувшемся лице Эдди выступила рыжеватая щетина. На нем была плотная фланелевая рубашка в сине-желтую клетку, черная длинная кожаная куртка висела на спинке стула. Сонни оттянул воротничок своей черной водолазки, он тоже был небрит, глаза у него припухли и покраснели. На остальных были привычные рубашки с галстуками, но воротнички у всех были расстегнуты, галстуки распущены, рукава закатаны до локтей. Пиджаки висели на дверных ручках или были брошены на стол. Позади остался долгий нелегкий день. Они собирались подводить итоги по делу Фукка, но пока сказать было нечего. Как ни обидно, но ясно и понятно, что они окончательно провалили слежку за Пэтси Фукка.

Хоукс откашлялся:

— Ну-с, что мы имеем?

Раздался шорох, когда все, нервничая, стали ерзать на стульях, но никто не решился первым взять слово. Наконец подал голос Френк Уотерс: — С точки зрения моей конторы, я бы сказал, что дело явно провалено. Что у нас есть на руках? Французы исчезли, а теперь вот и Пэтси. И похоже, что сегодня он сознательно оторвался от нас. — Его взгляд остановился на Игане.

Детектив, который неловко устроился на стуле с высокой спинкой, криво усмехнулся. Уотерс начинал действовать ему на нервы. Вроде, все слова агента смахивали на критику в адрес полиции как таковой, или касались Сонни и его — или же только е г о?

— Но чем-то он же занимается, — тихо сказал Сонни.

Иган распрямился: — Он каждый день «чем-то занимается». И я бы сказал, что пора воспользоваться ордерами на обыск и обшарить все места, где он бывает, — проворчал он.

— *Кого* искать и *что?* — спросил Уотерс. — Мы никого и ничего не засекли!

— Он прав, Эдди, — тихо сказал Хоукс. — Мы знаем, что Пэтси нет ни дома, ни в закусочной. Тони не у себя дома, а в заведении брата. Травато у себя дома, его машины нет, но это ничего не значит, пока мы не засечем Пэтси. Французы... кто знает, *где* они? Кого ты будешь задерживать?

— Ордера на обыск теряют срок годности завтра в ночь, — продолжал настаивать Иган.

— В нашем распоряжении по-прежнему больше двадцати четырех часов. — Сонни, которому обычно был свойствен пессимистический подход, удивил напарника столь бодрым предположением.

— Мы не должны терять надежду, что нам повезет, — сказал Уотерс.

— Чтобы ни случилось, завтра мы всегда можем воспользоваться ордерами, — уточнил Хоукс.

— Пусть даже шансов у нас немного, — продолжил Уотерс, — мы должны до последней минуты не пускать ордера в ход. Их появление будет означать, что все наше дело...

— *Наше* дело — оно Сонни и мое, Нью-Йоркского департамента полиции, а не федеральных властей! — взорвался Иган, тут же, впрочем, пожалев о своей несдержанности.

— Так мы далеко не уедем, — вступил в разговор Джек Флемминг.

Сонни встал и потянулся:

— Ну, пока у кого-то родится свежая идея, я скажу вам, что собираюсь делать. Я уже три недели подряд по вечерам не играл в боулинг. И вместо того, чтобы крутиться опять по городу, думаю, пойду и покатаю шары. Вы всегда можете меня найти...

Джим Гилдеа хмыкнул: — А я уже и забыл, когда у меня был свободный вечер. Меня собственные дети перестанут узнавать.

Иган резко встал: — Ну, я надеюсь, что вы, ребята, отлично отдохнете и развлечетесь сегодня вечером. — Прихватив куртку, Иган сбежал по лестнице и вышел из помещения 1-го участка.

Было 6.35 вечера. По темной Олд-Слип Иган направился к своей машине. В памяти у него всплыла Кэрол Кэлвин. Сегодня она должна дежурить. Он не видел ее вот уже больше недели. Сегодня ему предстоит хороший вечер.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Заведение, в котором работала Кэрол Кэлвин, было расположено на углу Нассау и Джон-стрит, всего в пяти кварталах к северу от Нью-Йоркской фондовой биржи. Оставив помещение 1-го участка, Эдди Иган решил проехаться по узким улочкам с односторонним движением до сердца финансового района. Он оставил свой «Корвейр» на Саут-стрит — сейчас она была почти пустынна, если не считать нескольких грузовиков с прицепами — и собирался по Фултон-стрит добраться до Нассау. Он был полон усталости и тупого разочарования и не хотел больше думать ни о каких сложностях бытия. Сегодняшний вечер он хочет посвятить только Кэрол.

Вряд ли, конечно, это у него получится легко и непринужденно. Он не общался с ней с Нового года. Она по-прежнему не скрывала интереса к богатому покровителю из Джерси и не могла понять, почему Эдди так яростно восстает против того, что могло дать благополучие им обоим. Но в те краткие минуты расслабления, которые выпадали ему в ходе этих сумасшедших недель, Эдди приходило в голову, что он уже потерял ее. Правда, мысль о ее золотистом теле, покоящемся в его руках, пронзала его до мозга костей. Но и она же заставляла его задумываться: неужели их влечет друг к другу только физическое наслаждение? Ну что ж, если даже это и так,

глупо не воспользоваться им. Сегодня вечером он постарается полностью уделить внимание Кэрол.

Лишь когда перед ним замаячил силуэт Бруклинского моста, Иган понял, что он уже проскочил несколько кварталов мимо поворота на Фултон-стрит. В полумиле впереди был знакомый Манхэттенский мост, рядом с которым были и Пайк-Слип, и Генри-стрит — площадка, на которой Пэтси Фукка водил их за нос. Вот что значит сила привычки, хмыкнул он про себя. Ну коль скоро он очутился тут, хотя бы для отчета стоит еще раз оглядеться. Времени добраться до «Таверны Нассау» у него выше головы. Только без пятнадцати семь, а Кэрол никуда не денется до одиннадцати.

Он свернул налево и двинулся на Генри-стрит. Кварталы были тихи и спокойны. Мастерская Антони промелькнула справа от него: рядом с ней был единственный проем в ряду припаркованных машин. Она была закрыта на ночь, и в ней было темно.

И тут он увидел серый «Кадиллак» Никки Травато, припаркованный за две машины от въезда в мастерскую.

Иган машинально чуть не ударил по тормозам, но тут же взял себя в руки и продолжал двигаться до пересечения с Пайк-стрит. Пэтси и его приятели могут болтаться где-то поблизости, приглядываясь, не клюнет ли на «Кадиллак» какой-нибудь любопытный коп. Описав круг вокруг квартала, он приткнул «Корвейр» на углу, позади какой-то другой машины.

Выключив двигатель и потушив фары, он потянулся за рацией. — Это Лупоглазый, вызываю базу... Кто-нибудь слышит меня, прием!

— Мы вас слышим.

— Я только что нашел машину, в которой ездил наш друг, серый «Кадиллак».

— Повторите. Ваша волна уходит. Что там о «Кадиллаке»? Повторите, пожалуйста.

Иган повернул тумблер громкости на предельную мощность. — Я говорю, что нахожусь рядом с «Кадиллаком», который мы потеряли сегодня днем. Я на Восточном Бродвее, недалеко от угла Канал-стрит. Машина, этот «Кадиллак», припаркована рядом с мастерской Антони, на полпути между мной и Пайк-стрит, на той же стороне, что и я. Я собираюсь сидеть здесь и дожидаться, кто при-

дет за ней. Кто может придти мне на подмогу? Вы слышите, прием!

Наступило молчание, заполненное шипением статических разрядов, и Иган, шепча ругательства, уже был готов снова связываться с базой, как она ответила:

— Секундочку. Да, мы вас поняли, хотя у вас очень слабый сигнал. Понимаете, почти никого нет на месте. Все отправились по домам или где-то болтаются...

— Так найдите *кого-нибудь!* — взорвался Иган. — Мы не можем рисковать, что нас снова поимеют! В Нью-Йорке столько агентов...

— О'кей, о'кей. Кого-нибудь подошлем. Мы дадим вам знать.

— Пока.

Уже минуло семь часов. Иган едва различал вход в мастерскую Антони. С того места, где он находился, Эдди не мог видеть очертания «Кадиллака», но он прикинул, что тот находится примерно в двадцати пяти футах за линией строений рядом с автомастерской. Кроме этого ограниченного пространства, он заметил бы любое движение в этом районе. Он больше не чувствовал ни усталости, ни подавленности и забыл о Кэрол. Он снова с головы до ног был копом.

В половине восьмого рация ожила:

— Лупоглазый! Говорит Рипа. По Парк-Роу двигаюсь к Восточному Бродвею. Ты на том же месте? Дай знать.

— Принял, — ответил он. — Ты один?

— Со мной Эдди Гайс. Что с нашим приятелем?

— Пока ничего. Пусто. слушай, постарайся оказаться на другом углу Восточного Бродвея и Пайк-стрит, тогда «Кадди» будет между нами. Кто-то обязательно объявится. Слава богу, что вы, ребята, со мной.

— Ясно. Эй, кстати, мы плоховато слышим тебя. Сигнал то возникает, то пропадает.

— Да я знаю. Надеюсь, что наладится. Пока.

Иган позволил себе несколько расслабиться, зная, что два федеральных агента прикроют другой конец улицы. Откинувшись на спину сиденья, он закурил «Кэмел». Не успел он докурить сигарету, снова прорезался Рипа:

— Все в порядке, мы по другую сторону Пайк-стрит. Что нового?

— Пока все то же, — ответил Эдди.

— Ясно.

Детективы, вглядывавшиеся вдоль Бродвея, едва успели переключить внимание на светло-синюю с белым двухдверную машину, что медленно проплыла мимо них. Иган дернулся, словно его ткнули иглой. На переднем сиденье было трое, и один из них — Пэтси Фукка.

«Шевроле», которому было как минимум от шести до семи лет, притормозил. Один из задних сигнальных подфарников у него не работал. Иган прижал микрофон рации к губам:

— В середине квартала бело-синий «Шевроле». И он в нем!

Эдди высунулся из окна, чтобы проследить, куда направится «Шевроле». Он остановился как раз напротив того места, где, по его прикидке, стоял «Кадиллак».

— Он вылезает, — сообщил он остальным агентам по рации.

— Мы берем его... но мы еле слышим тебя.

— Он говорит с мужиками в машине, — продолжал Иган. — Подходит к «Кадиллаку»... Теперь обходит сзади другую машину... — Иган втянул голову в салон. — Оглядывается. Не заметил ли кто-то из них меня? — Он попытался осторожно еще раз выглянуть из окошка. — Ага! Обходит машину и собирается сесть на место водителя. Этому ублюдку что-то надо.

«Шевроле» стал отъезжать с места стоянки.

— Следите за ними, следите! — предупредил Иган агентов. — Они направляются в вашу сторону.

Он вывел свой «Корвейр», переключил сцепление и погнал по Восточному Бродвею.

— Вроде сворачивают налево, на Пайк, — предупредил Джек Рипа.

Иган нажал на акселлератор. Оказавшись на перекрестке, он гаркнул в микрофон:

— Если вы слышите меня... вы, ребята, оставайтесь на месте и не спускайте глаз с «Кадиллака». Я беру его...

— Ты собираешься следовать за ним? — у Рипы был взволнованный голос. — И хочешь, чтобы мы сидели рядом с «Кадиллаком»?

— Именно так! — рявкнул Эдди. — Теперь они от меня не оторвутся. — Он был на углу Пайк-стрит. Проезжая, он яростно замахал рукой, обращая на себя внимание коллег.

— О'кей, кончаю связь, — отозвался Джек Рипа. — «Шеви» поворачивает на Генри-стрит.

Иган с визгом тормозов развернулся туда же. Другая машина, о присутствии которой говорил лишь единственный хвостовой огонек, была в квартале от него. Теперь у Игана практически не оставалось сомнений, что Пэтси, который мастерски водил машину, чувствует за собой слежку. «Шеви», продолжавший ехать в трех кварталах впереди по Генри-стрит, резко повернул направо, на Клинтон-стрит. Иган успел оказаться за углом вовремя, чтобы увидеть, как на Черри-стрит исчезает огонек, словно водитель возвращался по тому же направлению, с которого явился. Он продолжал следовать за Пэтси, держа расстояние не больше квартала; играть с ним в прятки уже не имело смысла, слишком поздно. По Джефферсон-стрит «Шевроле» направился в сторону реки. Иган, ударив по тормозам, остановился на углу. На следующем перекрестке «Шеви» остановился и из него вылез один человек, который двинулся к следующему углу. Это был не Пэтси.

«Шеви» стремительно снялся с места — теперь на переднем сиденье оставались только двое — и быстро направился в сторону Саут-стрит. Иган, прибавив скорости, держался за ними. Но не доезжая Уотер-стрит, на перекрестке какая-то машина развернулась и направилась в лоб ему навстречу. «Ну, подонок!», — заорал Иган, вдавливая педаль тормоза. Это был ярко-зеленый «Валиант», примерно 1961-го года; Иган знал и его, и водителя, одного из подручных Пэтси, ошивавшихся в баре на Пайк-Слип, по имени Солли ди Браско, по кличке «Брасс», громила, который, как подозревала полиция, исполнял роль одного из связников Пэтси.

Иган с силой нажал на клаксон. «Валиант» продолжал перегораживать ему дорогу. Иган подал «Корвейр» несколько влево и снова двинулся вперед, прижимаясь к левой обочине. Ди Браско же поставил свою машину так, чтобы лишить его всякой возможности проехать перед его передним бампером. « Ах ты, грязный!..» — захлебнулся Эдди.

Он схватил микрофон:

— Говорит Иган. Меня заблокировал один из его дружков, пока Пэтси пересаживался в другую машину. Это сознательная помеха полиции! В машине, должно быть, находится груз наркотиков! Если кто-то слышит меня — *возьмите* этого сукиного сына! — отчаянно взмолился он, забыв о том, что при радиообмене нельзя позволять себе ругательств.

— Где ты? — прорезался голос Джека Рипы. — Мы движемся к тебе!

Задыхаясь от гнева, Иган дал направление. Рывком он снова подал машину назад. Двинувшись вперед и вправо, он выхватил левой рукой из кобуры свой 36-й калибр и, высунув руку в окно, навел его на «Валиант».

— Дай мне проехать, ублюдок! — гаркнул он на «Брасса». — Или получишь вот это!

Размахивая револьвером, другой рукой Иган управлял машиной и, протиснувшись мимо «Валианта», оказался на свободном пространстве мостовой.

Джефферсон-стрит, конечно, была пуста. Бормоча проклятия, Иган резко повернул за угол Саут-стрит. Впереди маячили только два красных огонька единственной удалявшейся машины. На Пайк он помедлил и повернул к Ист-Бродвею.

Поворачивая за угол, Иган уже понимал, что потерпел поражение. Рядом с автомастерской Антони зияло пустое пространство, где ранее стоял серый «Кадиллак».

Иган не стал медлить. Не снижая скорости, он снова погнал машину по Клинтон-стрит к реке. Может, ему удастся накрыть сообщника Пэтси. Но, добравшись до угла Джефферсон и Уотер, он увидел пустой припаркованный «Валиант» там, где он был и раньше. Ди Браско нигде не было видно.

Все еще кипя от возмущения, Иган кинул в микрофон рации: — Нам бы лучше встретиться.

Контора Бюро по борьбе с распространением наркотиков США была расположена в огромном квадратном здании федеральных служб на Черч-стрит, 90, которое отделял от Бродвея всего лишь один длинный квартал. Через три квартала к западу протекал Гудзон. Рядом к востоку были Сити Холл и «Плаза». Хотя улицы были тут куда пошире и здания куда внушительнее, по ночам этот район был почти так же пустынен, как и Олд-Слип в восточной части Манхэттена.

Несколько лифтов, действовавших по ночам в этом здании, управлялись ночным дежурным. На шестом этаже, в углу, была стеклянная дверь под номером 605, на

которой было выведено: «Федеральное Бюро по борьбе с распространением наркотиков». За дверью размещалась приемная со скромной обстановкой: с двумя креслами и столом в дальнем конце; за загородкой стоял столик секретарши. Дальше тянулась длинная комната, разделенная на шесть отсеков, каждый из которых предназначался для размещения одного из шести отделов, из которых состояло Бюро в Нью-Йорке. Каждая группа в нормальных условиях включала в себя двадцать агентов, у каждого из которых была своя секретарша-стенографистка и своя рация. В каждом отсеке размещалось восемь или больше обширных столов, которых, как правило, хватало, чтобы дать приют тем агентам, которые в данный момент находились в Бюро. Атмосфера простора и уюта составляла разительный контраст с запущенностью и теснотой в Бюро по делам наркотиков департамента полиции Нью-Йорка. И когда детективам города представлялся случай посетить своих коллег из федеральных служб, они испытывали смущение и недовольство, которое оставалось с ними и когда они покидали здание на Черч-стрит, 90.

Эдди Иган, как правило, испытывал те же самые чувства, которые сегодня особенно обострились, потому что за последние несколько дней дела шли из рук вон плохо. Игана все еще трясло при воспоминании о наглости, с которой подручный Пэтси помешал ему. Сол «Брасс». Но, в конце концов, он знает, где найти Солли, когда все будет кончено — а финал уже близится.

Уотерс был старшим в четвертой группе, и в половине десятого он собрал семнадцать других агентов, встревоженный сообщением Рипы, полученным от Игана. Единственным из офицеров наркополиции Нью-Йорка, который отозвался на вызов с базы, был детектив Дик Олетта. Двадцать человек группы собрались в отделе — кто сидел на столах, кто расселся на стульях, остальные стояли. Появились кофе и сандвичи. Снова были скинуты пиджаки и распущены галстуки. Все были усталыми.

Иган, Рипа и Эдди Гей стали прикидывать, как Пэтси и на этот раз удалось уйти от слежки.

— Я уверен, что в машине, за рулем которой вечером сидел Пэтси, была партия груза, — объявил Иган. — Бросив этого панка мне навстречу и преградив путь, он совершил *открытое* нарушение закона. И я считаю, мы должны тут же нагрянуть к Пэтси в дом, к его старикам

и во все другие места, на обыск которых у нас есть ордера, или нам придется поставить крест на всей операции!

— Эдди, я понимаю, в каком ты состоянии, — сказал Уотерс, — но мы все это уже обдумали в вашей конторе. Если бы ты накрыл Пэтси *сегодня* вечером с грузом наркотиков, это было бы великолепно. Но он снова унес ноги, и сетования тут не помогут.

Телефон на столе Уотерса звякнул. — Четыре-семь-ноль. — Послушав несколько секунд, он сказал: — О'кей. Кто-нибудь есть рядом с ним? О'кей. Спасибо. — Положив трубку, он повернулся к остальным: — Пэтси только что вернулся домой — в своем собственном автомобиле, в «Кадиллаке».

— Он опять где-то обменялся машинами с Травато, — сказал Иган. — И я по-прежнему считаю, что мы должны тут же накрыть его.

— Послушай, — возразил Уотерс, — да это полный бред — считать, что он притащил зелье к себе домой, если даже он его получил сегодня вечером. И мы не знаем, где он останавливался в тот промежуток времени, когда, оторвавшись от тебя, вернулся домой.

— Знаю, знаю, — отмахнулся Эдди, — ты считаешь, что нам снова надо ходить вокруг и около. Но вот что я считаю: честно говоря, мне кажется, что с этим делом мы оказались в заднице. Сомневаюсь, чтобы нам довелось увидеть французов, которые являются ключевыми фигурами. Думаю, что они завершили все свои дела и смылись. Может, даже они отложили сделку, когда решили, что пахнет паленым, но сомневаюсь. Исходя из всего, что нам известно, сделка более чем крупная. Толпа *нуждается* в этой поставке. Ладно, значит, придется обойтись без французов. Но Пэтси? Вот кто должен нас заботить. И его зелье беспокоит меня. И я говорю, если мы не подсуетимся, чтобы тут же накрыть Пэтси и все его убежище, завтра зелье разойдется по потребителям, и мы снова останемся с носом. Мы не можем больше ждать!

Телефон снова ожил. Уотерс сорвал трубку.

— Игана? Кто говорит? Минутку. — Подмигнув, он протянул трубку детективу: — Это «приятель» — то есть, дама. Одна из твоих подсадных пташек?

Взяв трубку, Иган спиной к Уотерсу сел на край стола.

— Привет, Кэрол! — Он застыл в напряжении. — Подожди-ка! — Иган резко повернулся к Уотерсу: — Это не

подсадная утка. Есть тут другой отвод, которым можно пользоваться? — Перейдя к телефону на другом столе, Уотерс нажал кнопку и поднес трубку к уху.

Иган продолжил разговор.

— О'кей, я слушаю. Так что у тебя за новости? Господи, да я просто рвался увидеть тебя вечером. Я не шучу, я уже ехал к тебе, когда мне снова пришлось ввязаться в историю...

— Милый, — прервала его Кэрол, — я тоже ужасно хотела бы тебя увидеть, поговорить и все такое — но, думаю, лучше сначала скажу, почему я искала тебя. Позвонила тебе в кабинет, но мне сказали, что ты по этому номеру. Не знаю, но мне кажется, что это может быть важным...

— Так в чем дело?

— Не так давно сюда пришел один мужчина, и мне показалось, что я узнала его. Он бывал тут и раньше, и я знала, что он приятель того парня, которым ты занимаешься — ну, знаешь, Пэтси...

— Откуда ты говоришь? — спросил Иган.

— Все в порядке. У меня перерыв. Никто не слышит. Этот парень, с виду типичный итальянец, сидит у бара с другими типами. Они взяли выпить, и он со смехом рассказывает, как он сегодня вечером сделал мартышку из копа. И, милый, похоже, что он говорит о тебе!

— Почему обо мне?

— Ну, по сути, он никого точно не описывает. Но он сказал, что была пара машин, а он выскочил на полосу и заблокировал этого копа — тот был ирландцем, он сказал — который чуть не ободрал ему бампер. Но внимательно я стала прислушиваться только тогда когда он упомянул Пэтси.

— Что он сказал?

— Что, мол, Пэтси «оторвался», а дальше я не поняла, но так как я знаю, что ты интересуешься этими делами, то подумала, что они могут тебе пригодиться.

— Ну и? — Иган напрягся.

— Он сказал... вот что он точно сказал: «Они гонялись за ним по всему городу, и не знали, что он чист, как стеклышко».

— Чист?

— Он веселился, считая, что отколол большую хохму. Но подожди. Он сказал кое-что еще. Мол, завтра утром, к девяти часам Пэтси и кое-кто еще завершат сделку. Конечно, я не знаю, о чем они там говорили.

— Завтра в девять? Но где, бэби? Он сказал, *где?*

— Нет.

— Черт!

— Большое тебе спасибо. Я так старалась тебе помочь, а ты...

— Нет, нет, я не имел в виду *тебя*! Это просто... не обращай внимания... Ты просто молодец! Я ужасно хочу увидеться с тобой. Может, сегодня вечером?

— Возможно.

— Слушай, малыш, я умираю от желания переговорить с тобой, но ты и так колоссально помогла нам, а сейчас мне надо заняться делами. Увидимся попозже, ладно?

— Я бы хотела увидеть тебя...

Когда Иган изложил полученную информацию, началось ее оживленное обсуждение.

— Ну теперь, я бы сказал, картина несколько проясняется, — объявил Френк Уотерс. — Значит, завтра в девять утра у Пэтси состоится встреча, скорее всего, с французскими друзьями. Значит, мы еще можем накрыть их!

— Великолепно, — сказал Иган, — но... где?

Уотерс, который уже расположился за своим столом, с сожалением посмотрел на стоящего перед ним детективом.

— *Где?* А где они всегда встречались? В отеле «Рузвельт»!

Иган нахмурился: — Нет... Я думаю, что ты ошибаешься.

Все собравшиеся обступили их.

— А где же еще? — с вызовом спросил Уотерс

— Я ставлю на Ист-Энд авеню, — твердо сказал Иган.

— Ист-Энд авеню? *Почему?* Единственный раз, когда мы застукали Пэтси там, мы весь день сидели у него на «хвосте», а он преспокойно направился к себе домой.

— А я вот предчувствую...

— Послушай, единственный неопровержимый факт во всем этом запутанном деле таков, что, когда Пэтси встречался с французами, мы засекли их в «Рузвельте». И это единственное место, куда мы должны направиться!

— Нет, — Иган не без усилий контролировал выражение голоса. — Скорее всего, именно в «Рузвельте» мы и погорели. Но вот этот номер 45 на Ист-Энд авеню... мы

видели там Пэтси, там же другим вечером он встретился с одним из «лягушатников», он ставил машину в этот гараж и выводил ее отсюда и, как мне кажется, он считает, что мы не подозреваем о нем.

— Ты со своими предчувствиями! — фыркнул Уотерс. — Может, я и не должен этого говорить, но именно твои предчувствия и загнали нас в угол сегодня. Если бы ты действовал как часть группы, а не как частный детектив...

— *Какой* группы? — заорал Эдди. — *Твоей?* Ради бога, эта компания была у нас с Сонни в заднем кармане, когда вы только рыскали по городу! Кто, черт побери, спугнул французов? Твоя команда, которая работала по горячим следам! Твои ребята ничего не понимают в слежке, они могут только орать и хватать!

Уотерс сжал кулаки, но, сдержавшись, лишь откашлялся.

— А я говорю — «Рузвельт».

Иган навис над столом, упираясь обоими кулаками в столешницу. — Френк, ты можешь делать все, что захочешь — отправляйся, куда хочешь, и бери с собой любого, кого хочешь. Что же до меня, я не сомневаюсь, что есть лишь одно место, где состоится встреча, и место это на Ист-Энд авеню. Вот туда я и отправлюсь, пусть даже и сам по себе. И учитывая, как вы действовали, я буду чувствовать себя куда в большей безопасности, если твоя команда будет держаться подальше от меня.

Уотерс вскочил со стула и врезал Игану по левой скуле. Детектив сделал шаг назад. Уотерс был ниже его ростом, но по массе тела не уступал высокому Игану. Он вылетел из-за стола, но наткнулся на жесткий удар по губам, который остановил его. Иган отвел было правую руку, чтобы нанести Уотерсу сокрушительный удар под ложечку, но тот оправился и левой рукой врезал Игану по другой скуле. Они сцепились в беспорядочной схватке. Остальные полицейские, которые в первые секунды, поразившись, отпрянули назад, кинулись к ним; несколько человек схватили Уотерса за плечи и руки, а остальные оттягивали Игана.

Тяжело переводя дыхание, стараясь вырваться из удерживавших их рук, двое соперников смотрели друг на друга. На губах Уотерса проступило пятнышко крови. На скулах Игана розовели пятна, куда пришлись удары

Уотерса. Наконец он освободился и аккуратно снял куртку со спинки стула.

— О'кей, Френк, — сквозь сжатые зубы процедил он, — значит, будет вот так. Завтра утром мои копы отправляются на Ист-Энд авеню, а вы можете катиться хоть к чертовой матери. Только не попадайтесь нам на дороге!

Иган накинул куртку и направился к дверям; подойдя к ним, он обернулся. Все не сводили с него глаз.

— И если хоть один коп, — он смотрел прямо на Дика Олетта, который, не в силах придти в себя от удивления, стоял среди агентов, — решит пойти с *вами*, он будет отвечать перед Сонни и мною. — Произнеся эти слова Иган вышел из кабинета Федеральной службы.

Когда Пэтси Фукка вернулся домой, его все еще колотило после этой гонки в даунтауне. Ну и сволочи, эти копы! Что ему, черт побери, нужно было у мастерской Антони? Неужто они знают о нем? В первый раз он испытал страх. Может, они знают о 45-м номере по Ист-Энд авеню? В таком случае завтра он прямиком вляпается в ловушку. Но ведь когда он ставил на место французский «Бьюик», вокруг не было и следа копов.

Пока все шло без сучка и задоринки. Он убедился, что никто не висит у него на «хвосте», когда двинулся в Нью-Йорк с Тонни после того, как получил сообщение от Антони, что все заделано и «Бьюик» в полном порядке. Первым делом, он пересел в «Кадди» Никки Травато. На Пайк-Слип он выпустил Тони у «Блейра» и двинулся по Генри-стрит.

На углу Рутгерс-стрит его ждал Солли. Пэтси вылез из «Кадиллака» и двинулся по Восточному Бродвею, а «Брасс» забрался в машину и пригнал ее обратно к «Блейру». Там ею завладел Тони. Он покрутился по улицам, а когда Антони закрыл свою лавочку, оставил его у гаража. Они не хотели пользоваться ярко-зеленым «Валиантом» Солла — он слишком бросался в глаза, — так что Солли пришлось воспользоваться услугами другого приятеля, Джонни Фраска, в мятом «Шевроле» которого он и поехал дальше.

Наконец Пэтси вывел французский «Бьюик» из мастерской Антони и в сопровождении Солли и Фраска загнал его в подземный гараж на Ист-Энд авеню. В машине

Фраска, поджидавшей его, они заехали в бар на углу Шестьдесят третьей и Йорк-авеню, где пропустили по рюмочке, а потом не спеша добрались в даунтаун, где Пэтси пересел в «Кадиллак» на котором и вернулся домой.

Но Солли заметил в квартале от гаража Антони того типа, который сам по себе сидел в маленькой красной машине. Его присутствие крепко смахивало на засаду. Придя к этому убеждению, Пэтси решил проверить, так ли это. Конечно же, этот сукин сын потянулся за ними, что ему явно не понравилось. Неужто он таскался за ними повсюду и видел их в верхней части города? Пэтси должен был уносить ноги, ему необходимо время все обдумать. Может, это и глупо было заставлять Солли перегораживать улицу, но, по крайней мере, у него появилась возможность перебраться в «Кадиллак» и унести ноги.

Никто не следовал за ним до дома, в чем он был уверен. И вокруг дома никто не ошивался. Если за ним действительно установили слежку, именно здесь он ожидал встретить кого-то. По почему у Антони?

Когда он вошел, Барбара спросила его, что случилось, но он сказал, что ничего особенного, все в порядке. Рассевшись перед телевизором, он налил себе неразбавленного виски и стал перебирать в памяти последние события. То, что он наткнулся на того копа, могло быть просто дурацкой случайностью. Может, коп просто заподозрил в чем-то Пэтси с приятелями, решив, что они странно ведут себя. Может даже, он следовал за ним от «Блейра». Но он не мог подозревать ни о существовании мастерской Антони, ни о всей операции — нет, это невозможно себе представить.

Пропустив еще порцию виски, Пэтси окончательно расслабился, убедив себя, что его страхи совершенно беспочвенны. И в состоянии легкой эйфории, которая окутывала его мозги, он прикидывал, как пойдут дела завтра, когда состоится окончательный расчет.

Поздним вечером Жак Анджелвин вернулся в свой новый номер в отеле «Коммодор». Он с удовольствием пообедал в компании Жака Саллиберта, который принял от Поля Грене руководство нью-йоркским бюро радио и телевидения Франции. Маленькая запущенная комната в «Коммодоре» угнетающе действовала на него, но обед,

вино и хороший мужской разговор запомнились теплом и сердечностью. Это был уже второй вечер, что он не виделся с Лили.

И все же Жак испытывал разочарование. Рухнули все его планы использовать телевидение в Нью-Йорке. Он даже не мог сообщить Лили, что на следующей неделе они не встретятся, и, что хуже всего, он получил приглашение на встречу от представителей Дэвида Рокфеллера в «Чейз Манхэттен банк» на половину третьего 22 января. Но в среду утром позвонил Скалья и приказал после окончательного завершения всех дел в четверг отправляться вместе с ним в Монреаль.

Должно быть, Франсуа был неподдельно обеспокоен. Жак должен будет встретиться с ним в гараже в десять утра, откуда они и двинутся в Монреаль. Он, действительно, планировал после Нью-Йорка посетить Французскую Канаду, но, конечно же, не таким образом. Новые планы заключались в том, что они должны встретиться с друзьями Скальи в отеле «Куин Элизабет» в Монреале и на следующее же утро вылететь в Париж. «Бьюик»? Франсуа сказал, что кто-нибудь в Монреале позаботится о нем.

Он обвел взглядом неряшливый номер, в который перебрался из «Уолдорф-Астории». Обстановка просто подавляла его, она была невыносима. Хотя Скалья и его знакомые тоже выехали из своих гостиниц. Должно быть, им угрожала серьезная опасность со стороны полиции. У Жака защемило в груди, когда он с сожалением подумал, что позволил себе втянуться в эту сумасшедшую историю. Он продолжал уверять себя, что полиция никоим образом не могла обратить внимание на *него*. Но вот что относительно завтрашнего дня? Если Скалья в самом деле оказался в затруднительном положении, Жак в первый раз должен будет подставиться.

Он вынул из шкафчика полпинты коньяка и сделал основательный глоток прямо из бутылки. Коньяк обжег горло и прочистил мозги. Его чемодан так и лежал нераспакованным. Скалья настоял, чтобы он не брал с собой даже одежды: никто не должен предполагать, что они оставили Нью-Йорк. В Монреале у них будет время обзавестись новыми вещами, пообещал Франсуа.

В общем-то эта неделя не доставила ему удовольствий, подумал Анджелвин. Во вторник вечером Лили была за-

нята, и он пообедал со своим приятелем Пьером Оливье. Днем во вторник он нанес визит мистеру Декку из конторы по обмену валюты, чтобы точно договориться об обмене большой суммы долларов на французские франки. В Нью-Йорке курс обмена был более выгоден, чем в Париже.

Анджелвин основательно поиздержался и попытался, впрочем безуспешно, взять в долг у Скальи в счет тех денег, которые он должен получить, когда будет окончательно завершена сделка с американцами.

В среду Анджелвин пригласил Лили на ленч. Позже он, продрогший, грустный и раздосадованный, добрался до «Уолдорфа», опечаленный тем, что Лили отвергла его мольбы разделить с ним сьесту. Он знал, что, вздремнув днем, ему придется рассчитываться в «Уолдорф-Астории» и перебираться в «Коммодор». В свой номер он явился уставшим, продрогшим и слегка выпившим. В нем была горничная, убиравшая ванну. Как я хочу п и п и, с отчаянием подумал он. Кроме того, он хотел женщину, но горничная выглядела лет на сто. Все было из рук вон плохо.

Позже он расплатился по счету в отеле, выложив двести двадцать восемь долларов и семьдесят один цент, и перебрался в «Коммодор». Денег у него осталось всего ничего, хотя завтра он должен будет получить обещанные ему десять тысяч долларов.

Жак допил остатки коньяка и в одежде повалился на свое новое ложе, на котором ему и предстояло дожидаться утра.

18 января он проснулся с похмельем и с острым ощущением беспокойства и тревоги. Чтобы взбодриться, он сел за стол и сделал оптимистическую запись в дневнике: «Сегодня вечером я уже буду в отеле "Куин Элизабет" в Монреале... тьфу-тьфу, не сглазить!» Жак еще не знал, что это были его последние слова в дневнике.

Примерно в десять вечера в среду Сонни подозвали к телефону у стойки в боудинг-центре в Бронксе. На другом конце был Френк Уотерс.

— В чем дело? — спросил Сонни.

— Это все твой приятель Иган, — с места в карьер начал агент. — Он только что ушел, и вел себя как последний дурак.

— Неужто? — усмехнулся Сонни.

— Я говорю совершенно серьезно. — С лица детектива постепенно сползала улыбка по мере того, как Уотерс в резких безжалостных выражениях описывал ему то, что произошло в Федеральном Бюро. — Я сыт им по горло, — завершил изложение агент. — Он вообще ведет себя омерзительно, считая, наверно, что он Господь Бог или что-то в этом роде, а когда он стал крушить все вокруг, это было уже чересчур!

Под рокот шаров, катящихся по дорожкам боудинга, Сонни задумался.

— Вот что я скажу, — он приложил согнутую ковшиком ладонь к трубке, — пусть даже вы и не сошлись во мнении с моим напарником, но он детектив от Бога, и, откровенно говоря, я думаю, он прав относительно действий на завтра.

— И ты отправишься с ним?

— И больше того, — мрачно продолжил Сонни, — кто ты, собственно, такой, чтобы, черт побери, таким образом вести себя с моим напарником. Как бы тебе понравилось, если бы я дал по физиономии одному из *твоих* людей?

— Ладно, ладно, — поспешил успокоить его Уотерс.— Но что ты собираешься делать?

— Я собираюсь быть вместе с ним, как и все наши ребята. Слишком часто раньше он бывал прав, чтобы подводить его в этот раз. А ты со своими агентами можете отправляться, куда хотите.

Эдди Иган провел беспокойную ночь. Его настолько мучила и давила неопределенность, что он начисто забыл о возвращении к Кэрол. Может, он *в самом деле* был резковат, но этот многомудрый осел Уотерс кого угодно мог вывести из себя! Вернувшись домой, он было собрался позвонить Сонни в боулинг-центр, но затем решил, что не стоит портить ночь и е м у. Утром он первым делом переговорит с ним. Утром он готов взять на себя роль Одинокого Рейнджера, если все остальные решат присоединиться к федеральным агентам. Частный детектив, как его назвал Уотерс.

В половине седьмого утра его разбудил звонок будильника. Сделав кофе, он принял душ, побрился и оделся

потеплее. В пять минут восьмого, натянув шляпу с круглой плоской тульей, загнутыми полями, и сине-белый свитер грубой вязки под кожаную водительскую куртку, он уже сидел в своем «Корвейре», направляясь в Манхэттен. Всю ночь он боролся с искушением с самого утра двинуться прямо к дому Пэтси и там-то уж взять его за шиворот. Таким образом он свел бы на нет все споры, как продолжать играть в прятки с этим мордоворотом и его приятелями. Но он решительно отбросил эту идею. Вот что ему сейчас надо делать: отправиться в свое Бюро, собрать там всех, кого только можно, и расположиться вокруг дома 45 на Ист-Энд авеню, дожидаясь предполагаемого появления Пэтси, который должен явиться сюда на встречу.

Он двигался в западную сторону по Мартл-авеню. Несколько раз он договаривался с агентом Луисом Гонсалесом, что будет подхватывать его тут по утрам и доставлять в город. Луис был симпатичный невысокий крепыш, который с истовым рвением относился к своим новым обязанностям, но пока еще не обзавелся своей машиной. Прошлым вечером, еще до начала стычки, Луис намекнул, что был бы очень признателен, если бы Иган утром снова подсадил его. Хотя после того, что случилось, Луис, конечно же, не станет его дожидаться.

Но едва только Иган повернул за угол, как увидел силуэт пуэрториканца, ждущего его у рампы. Вид у него был явно, как у уголовника: шапочка с козырьком, надвинутая до бровей, черный вязаный свитер под ношеной армейской курткой, мешковатые брюки и черные сникерсы. Иган подрулил к нему, и агент устроился рядом.

— Вот это номер... — с удивлением начал было детектив. На лице Гонсалеса блеснула белозубая улыбка. — Чего ты, черт побери, скалишься? — спросил Иган.

— На ирландца опять свалилась удача, — загадочно усмехнулся агент.

— Что это значит?

— Это значит, что ты выиграл.

— Выиграл? Что выиграл?

— Прошлым вечером, — сказал Гонсалес, — все все-таки согласились, что ты был прав. Так что все двинутся перекрывать Ист-Энд авеню.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В четверг утром оставалось шестнадцать часов до окончательного завершения силами Бюро по борьбе с наркотиками того дела, которым столь истово занимались Эдди Иган и Сонни Гроссо. Стратегия этого дня была проста, но требовала точности и неукоснительности. Как только Пэтси оставил свое жилище в Бруклине, об этом сразу же стало известно; как и ожидалось, он двинулся на скоростную автотрассу Гованус и визуальная слежка была сведена до минимума. Вместо этого на обочине трассы расположилась полицейская машина без опознавательных знаков с поднятым капотом; она стояла неподалеку от основной развязки, по которой транспортный поток направлялся то ли к туннелю Бруклин-Баттери, то ли поворачивал направо к трассе Бруклин-Квинс. Реши Пэтси выбрать путь через туннель, что вряд ли произошло бы, информация опередила бы его, и при выезде в Манхэттен его уже ждали бы детективы, готовые и дальше следовать за его машиной. Если же Пэтси не свернет с трассы, полицейский у «поломанной» машины, проводив его взглядом, должен тут же сообщить базе, куда двинулся объект — на Бруклинский ли мост, Манхэттенский или прямиком до Вильямсбургского. Для большей надежности одна машина присматривала за закусочной Пэтси, а другая — за домом его родителей на Седьмой стрит в Бруклине. В Манхэттене у съезда каждого из мостов из

Бруклина стояло по радиофицированной машине. Одна машина патрулировала Пайк-Слип, особое внимание обращая на авторемонтную мастерскую Антони. Другая прикрывала отель «Рузвельт» на тот случай, если Френк Уотерс все же окажется прав. Остальная команда держала под наблюдением район вокруг Восемьдесят первой и Ист-Энд авеню. Ожил наблюдательный пост в кабинете управляющего магазином на третьем этаже здания по другую сторону от дома номер 45 по Ист-Энд авеню, и там располагались Сонни Гроссе, лейтенант Винни Хоукс, сержант Джек Флемминг и Уотерс.

По всей команде был отдан приказ: не давить. Пусть Пэтси пользуется полной свободой действий. Где бы ни состоялась встреча, она, скорее всего, должна быть последней, и блюстители закона не могли позволить себе переусердствовать, дабы не встревожить Пэтси и других действующих лиц, пока не состоится окончательное завершение сделки. Тогда и только тогда они вступят в дело. На этот раз им должна сопутствовать *уверенность*. Сомнительно, чтобы им представилась еще одна возможность завершить операцию.

Остальные детективы уже покинули здание 1-го участка или направлялись на выход. Тут кипела бурная деятельность, потому что вахта о полуночи до восьми сдавала смену и подтягивались дневные патрульные. После того как все схемы и варианты действий были окончательно утверждены, Иган и Гонсалес в половине девятого тоже снялись с места, направляясь по Саут-стрит к Бруклинскому мосту, стоя рядом с которым они должны были получать известия о передвижениях Пэтси. Это положение позволяло им быстро переместиться к любому из трех мостов, который тот изберет. Иган хотел первым перехватить Пэтси, каким бы путем тот не въехал в город. Пэтси был *его* добычей.

Примерно в 8.45 рация тревожно хрипнула: Пэтси, оставив дом, в своем синем «Олдсмобиле» движется к северу по Говернус-Экспресс. Иган и Гонсалес внимательно вслушивались в донесения. Пэтси проехал разворот в туннель и, скорее всего, нацелился на Бруклинский мост.

— Вот оно, малыш! — воскликнул Эдди, обращаясь к молодому агенту. Он переключил сцепление и помчался по Пирл-стрит и дальше, мимо здания муниципалитета, высокого Сити-Холла. Здесь был прекрасный наблюдательный пункт. Все машины, съезжающие с Бруклинского моста, не могли миновать этой точки и, более того, любая из них, которая собиралась после моста выбираться на Ист-Ривер драйв, должна была разворачиваться как раз напротив стоянки.

Меньше чем через десять минут Иган узнал маленький синий «Олдсмобиль», который, спустившись с моста, как раз и решил следовать этим маршрутом. Они с Гонсалесом снялись с места, о чем Иган и сообщил слушателям по всему городу. Иган держался далеко позади от Пэтси только, чтобы не терять его из виду. Сейчас на этом этапе им надо было лишь выяснить, в какой точке Пэтси свернет со скоростной трассы вдоль реки. Если это произойдет у 42-й стрит, то цель его назначения — отель «Рузвельт», и, значит, им придется перебрасывать все силы, стянутые к Ист-Энд авеню, к этой гостинице. Единственным возражением против разработанного плана действий могло быть то, что встреча произойдет в каком-то *другом* месте, по каковой причине и было совершенно необходимо, чтобы Иган и Гонсалес не упускали Пэтси из виду.

Объект продолжал безмятежно ехать вперед, скорее всего, и не подозревая о слежке. Хотя день выдался холодным и зябким, над рекой висела легкая дымка утреннего тумана, а поскольку движение было не особенно напряженным, двое полицейских без большого труда следили за машиной Пэтси. Проезжая мимо Четвертой стрит, Гонсалес сообщил всем машинам быть в готовности двигаться, но Пэтси не выразил намерения сворачивать в нее.

— О'кей, он проехал, — сообщил агент. — Следующий разворот на Шестьдесят первую.

Он уже вставлял микрофон в зажим, когда рация каркнула:

— Вы говорите, что он сворачивает на Шестьдесят первую, ребята?

Снова потянувшись к микрофону, Гонсалес удивленно посмотрел на Игана:

— Я ведь этого не говорил, верно? — растерянно улыбнулся он.

Иган хмыкнул:

— Да нет... это все чертов передатчик. Прошлым вечером он все время барахлил, и я забыл тебе сказать.

— Повторяю, — твердо сказал агент в микрофон, —

объект *не*, повторяю, *не* сворачивает, а следует дальше к северу; если он повернет на Шестьдесят первую, мы сообщим. Вы меня слышите?

В ответ послышалась неразборчивая сумятица голосов, наконец прорезался один:

— ...У вас очень слабый сигнал. Если сообщение не пробьется, у нас будет куча хлопот...

Гонсалес лишь мрачно выдохнул:

— Ясно. 10-4.

Иган, помотав головой, выругался: «Вот черт!» Его глаза не отрывались от маленького «Олдсмобиля», который был примерно в четверти мили перед ними.

— Он держится левой стороны. Похоже, что целится на Шестьдесят первую, так, все нормально. Точно, он сворачивает! Сообщай им!

— На Шестьдесят первую, на Шестьдесят первую! — закричал агент, прижимая микрофон ко рту. — Объект сворачивает на Шестьдесят первую! Вы слышите меня?

— На Шестьдесят первую. 10-4.

Гонсалес и Иган обменялись улыбками. Но они не могли позволить себе потерять Пэтси. У них еще не было полной уверенности, что местом встречи в самом деле окажется угол Восемьдесят первой стрит и Ист-Энд авеню, ибо она могла состояться в любой точке в этой округе. По счастью, неподалеку от въезда на Шестьдесят первую стояла машина с детективами, которые заметили, каким путем двинулся Пэтси. Но Иган по-прежнему хотел лично следовать за ним до окончательной развязки.

Его «Корвейр» уже ехал по Шестьдесят первой, когда рация сообщила:

— Объект повернул наверх по Йорк...

— По крайней мере приемник хорош, — с удовольствием заметил Гонсалес.

— Да, хоть он... Ну что ж, Луис, похоже, что мы все рассчитали правильно.

В половине десятого четверо офицеров, занявших позиции в конторе магазина на третьем этаже здания по другую сторону Ист-Энд авеню, с изумлением увидели, как рядом с 45-м домом материализовались двое из трех исчезнувших французов — Франсуа Барбье и Дж. Морин.

Никто из наблюдателей не видел, откуда появились французы; они не имели представления, откуда те пришли и явились ли они по отдельности или вместе. Все их внимание было приковано к рации, по которой Эдди Иган сообщал о передвижениях Пэтси и получал информацию. Порой кто-то из них подходил к окну, обозревая улицу внизу, но делалось это от случая к случаю, пока не было получено подтверждение, что Пэтси движется к северу по Йорк-авеню и вот-вот будет в поле их зрения, после чего все внимание оказалось прикованным к зданию напротив. И внезапно *перед ними* оказались «Лягушатники» — первый и второй.

— Эти птички исчезают и появляются, словно у них волшебная лампа Аладина, — удивился Уотерс, а Сонни по рации предупредил всех поблизости быть наготове. Все и так застыли в ожидании по всей округе от Ист-Энд авеню и по всем прилежащим улицам, от Семьдесят девятой до Восемьдесят шестой, и к западу вплоть до Второй авеню. Даже четверо в кабинете не имели полного представления, кто где или, точнее, кто есть кто. Они догадывались, что многие просто прогуливаются в окрестностях дома — строительные рабочие, клерки из магазинов, отцы с колясочками, аккуратно одетые коммивояжеры. Другие, сидя в машинах, занимали ключевые посты, на которых могли сразу же получать сообщения от «пешеходов». Поблизости находилась даже парочка специальных машин, смахивающих на такси. Со своей стороны, Сонни, натянувший кожаную куртку, плотные брюки и высокие ботинки, уже договорился с владельцем магазина напитков поблизости, что в случае необходимости он одолжит у него велосипед. Уотерс в деловой тройке мог изображать кого угодно.

Но их обязанности, продолжали они напоминать себе, заключались лишь в наблюдении. Они не могли сдвинуться с места, пока не появятся веские основания для производства ареста, например если состоится передача из рук в руки подозрительных предметов.

Барбье и Морин стояли перед зданием минут пятнадцать, болтая и то и дело поглядывая по обоим концам улицы. Сонни наблюдал за ними в бинокль. На обоих была одежда солидного консервативного образца: черные пальто, темные деловые костюмы, белые рубашки и одноцветные галстуки; на Морине была серая широкополая шля-

па; а не непокрытой голове Барбье ветер ерошил густую прическу. Чувствовалось, что они кого-то ждали — но кого иного, кроме Пэтси?

От Игана ничего больше не было слышно; в последнем сообщении он проинформировал, что Пэтси движется по Йорк-авеню. И тут рация снова ожила:

— Объект от Семьдесят девятой едет по Ист-Энд, едет медленно.

Полицейские столпились у окна на третьем этаже. Наконец они увидели машину Пэтси. Приближаясь к Восемьдесят первой стрит, она замедлила скорость и неторопливо сделала широкий разворот налево. По другую сторону улицы Барбье коснулся руки Морина, и оба уставились на противоположный угол; Барбье жестом дал понять, что узнал Пэтси. «Олдс» продолжал оставаться в поле зрения полицейских.

—Объект движется на запад по Восемьдесят первой,— отметил кто-то.

— Кто его там берет? — прорезался другой голос.

Уотерс перехватил микрофон:

— Кто-нибудь их видит?

Через несколько секунд в эфире появился голос:

— Да, он свернул направо с Йорк-авеню. Там кто-нибудь есть, на Йорк?

— Эй, гляньте-ка! — позвал от окна Винни Хоукс.

Двое французов было двинулись через улицу к тому углу, за которым скрылась из виду машина Пэтси. Но посередине мостовой они остановились, обменялись несколькими словами, после чего Морин повернулся и рысцой побежал к 45-му дому, где и скрылся в проеме дверей гаража. Барбье продолжал движение к противоположному тротуару. Завернув за угол, он внимательно осмотрел Восемьдесят первую стрит, после чего неторопливо пошел к Восемьдесят второй стрит, держась так близко к стенам домов, что из окна наверху его не было видно.

— Кому-нибудь стоит спуститься прежде, чем они снова испарятся, — предложил Джек Флемминг.

Сонни и Уотерс скатились по лестнице. Прислонившись спиной к стене примыкающего дома, Барбье не сводил глаз с 45-го номера. Уотерс двинулся по Восемьдесят первой стрит, а Сонни тут же нырнул в соседние двери магазина напитков. Через минуту он появился оттуда с пакетом коричневой бумаги и аккуратно уложил его в

проволочную корзинку на багажнике трехколесного велосипеда, стоящего у обочины. Затем, подчеркнуто не обращая внимания на человека в черном, стоящего от него не дальше чем в пятидесяти футах, Сонни взгромоздился на седло и стал вращать педали, двинувшись вверх по Ист-Энд. Миновав пару кварталов до Восемьдесят третей стрит, где его скрыл от взглядов грузовик, он соскочил с велосипеда, и теперь все его внимание было обращено вниз по улице.

Уотерс тем временем фланировал по Восемьдесят первой стрит, не видя никого, кто напоминал бы ему француза. Небрежной походкой вернувшись на угол, он убедился, что «Лягушатник-два» по-прежнему стоит у соседнего дома. Уотерс продолжал ждать развития событий. Через пару минут по пандусу гаража поднялся «Лягушатник-три» и пошел через дорогу. На этот раз он тащил с собой синий чемоданчик той же модели — а может, и тот самый, — который Жан Джихан прихватил на встречу с Пэтси неделю назад. Уотерс подумал: а не покажется ли сегодня и «Лягушатник-один»?

Перейдя улицу, Морин присоединился к Барбье. Переговорив, они двинулись к Восемьдесят второй. Уотерс следовал за ними, видя, как с верхнего конца улицы возвращается Сонни на велосипеде. Французы повернули на Восемьдесят вторую. Когда Уотерс сворачивал за угол, Сонни, вращая педали, гнал неуклюжий велосипед вверх по склону.

Посередине квартала, между Ист-Энд и Йорк авеню, стояла припаркованная маленькая синяя машина. Когда Барбье и Морин поравнялись с ней, водитель перегнулся направо и приоткрыл дверцу, а когда он вновь принял сидячее положение, Уотерс узнал в нем Пэтси. Когда Барбье и Морин, по-прежнему держащий в руках синий чемодан, садились в машину, мимо на велосипеде проехал Сонни. Уотерс продолжал идти своей дорогой мимо машины. Мимо него проехал «Олдсмобил», направляясь к Ист-Энд. Где Джихан? Уотерс и Сонни двигались дальше по улице, провожая взглядами синий «компакт», который, повернув на Ист-Энд, направился в верхнюю часть города.

Луис Гонсалес и Эдди Иган, сидящие в машине последнего, тоже видели припаркованный «Олдс» Пэтси в середине квартала; они наблюдали как в него сели двое поя-

вившихся мужчин. У одного из них был в руках какой-то чемодан. С этого расстояния полицейские не могли визуально опознать их, но из сообщения по рации узнали, что это были второй и третий «Лягушатники» и что у Морина с собой чемодан; они пронаблюдали, как машина свернула на Ист-Энд. Голос в динамике рявкнул, что «Олдс» снова выруливает налево, на Восемьдесят третью, держа путь к западу. Иган подъехал к следующему углу. Справа приближалась невзрачная синяя машина. Импульсивно Иган тут же развернулся и направился в западную сторону. Они уже были почти у Первой авеню, когда Гонсалес, смотревший в заднее окно, сообщил, что «Олдс», которому пришлось задержаться у светофора, пересек Йорк-авеню и движется по Восемьдесят третьей.

Иган неторопливо поехал вверх по Первой. На углу Восемьдесят пятой он остановился под красным сигналом светофора. «Олдс», в котором сидели Пэтси и двое французов, пока так и не появлялся в зеркальце заднего вида.

В рации булькала перебранка, полная смущения и непонимания. «Где же они сейчас?» «В последний раз их видели на Восемьдесят третьей...» «Кто-нибудь перехватил их?» «Да видит ли их *хоть кто-нибудь*?»

— Луис, попробуй еще раз, — сказал Иган. — Сообщи им, *где мы*.

Агент громко прокричал несколько слов в микрофон и замолчал, прислушиваясь. Из переговоров было ясно, что их никто не слышит. Повернувшись к Игану, Гонсалес нахмурился.

Детектив мрачно уставился на забарахлившее устройство.

— Эх, вот уж, действительно, шило в задницу! — пробормотал он.

Внезапно Гонсалес сполз с сиденья и скорчился на полу:

— Внимание... только не оборачивайся!

— В чем дело? — оцепенел Иган, по-прежнему глядя прямо перед собой.

— Это они! Как раз справа от тебя! Ждут светофора. Ну, парень, тебе слишком часто подваливает ирландское счастье! Теперь они *все* в машине — и самый крупный «Лягушатник» тоже!

Джихан? Игану приходилось делать чуть ли не физическое усилие, чтобы не поворачивать голову. « Они, должно быть, подсадили его где-то между Первой и Йорк», подумал Иган.

Они двинулись.

Светофор мигнул, и «Олдс» Пэтси направился в верхнюю часть города. Иган схватил микрофон:

— Здесь Лупоглазый. Кто-нибудь следует за ними? — В тоне его слышалось отчаяние. — Они направляются на север по Первой. *Кто-нибудь* следует за ними? — Он щелкнул тумблером, переходя на прием и голоса других полицейских заполнили салон. Все спрашивали друг друга, не видит ли кто-нибудь «Олдс».

— Неужели меня никто не принимает? — взмолился Эдди.

Синий «компакт» впереди повернул направо на Восемьдесят шестую стрит.

— Ну, Луис, похоже, что мы остались предоставлены сами себе, — он освободил ручной тормоз, и «Корвейр» прыгнул вперед. Они увидели, как «Олдс» опять поворачивает на Йорк, теперь направляясь в даунтаун. — Давай попробуем, — сказал детектив Гонсалесу. — Пробуй все время связаться — авось, кто-нибудь да услышит.

Пока напарник сообщал маршрут их движения, Иган разрывался, стараясь держать в поле зрения синий «компакт» и поглядывая на пролетающие мимо улицы в надежде получить помощь. Казалось просто невероятным, что в присутствии столь крупных полицейских сил, перекрывших относительно небольшой район, заговорщикам удалось без труда оторваться от слежки, и если бы не он с Гонсалесом, они могли бы совершенно свободно уехать куда угодно. «Ирландское счастье». Все полицейские радиочастоты были забиты хором взволнованных голосов.

«Олдс» притормозил у северо-западного угла Восемьдесят второй стрит. Второй «лягушатник», Барбье, вылез из него. Машина снялась с места, а Барбье пересек Йорк-авеню, направляясь в сторону реки. Гонсалес практически уже орал в микрофон. Но по-прежнему не было никаких подтверждений, что их слышат.

Через несколько минут на углу Семьдесят девятой «Олдс» опять притерся к обочине. На этот раз вылез третий «лягушатник», Морин. Чемодана теперь у него с собой не было. Он постоял на углу, пока Пэтси дожидался зеленого сигнала, а после того, как машина продолжила свой путь в даунтаун, направился в западную сторону.

— Еще один смывается, — с горечью простонал Иган. — Если поблизости нет кого-то из наших ребят, мы не увидим никого из этих пташек! Черт побери! — с силой хлопнул он по баранке.

Гонсалес отчаянно пытался установить связь, но из доносящихся переговоров было ясно, что никто их не слышит и что никто, кроме них, не увидел Морина.

— Вот он снова, второй «лягушатник»! — прорезался возбужденный голос Сонни. — Он один, и пересекает Ист-Энд, идет к Сорок пятой ... Его тут кто-то ждет. А где Пэтси и другой «лягушатник»? Кто-нибудь следует за ними?

Иган вырвал микрофон у Гонсалеса:

— Облачко? Тут Лупоглазый! Я *следую за ними*! Ты меня слышишь? Я следую за типом из Бруклина, и с ним первый «лягушатник»! Облачко, ты меня слышишь?

— ...«Лягушатник-два» и другой парень садятся в машину, которую подогнали из гаража! — воскликнул Сонни, явно не слыша молящего голоса своего напарника. — Черный «Бьюик» — седан, примерно шестидесятого ... эй! Да у него же иностранный номер! Восемнадцать семьдесят пять, повторяю, — один-восемь-семь-пять ... — Вдруг его голос заглушили другие взволнованные возгласы.

Игану и Гонсалесу не оставалось ничего другого, как следовать за Пэтси и Джиханом. Во всяком случае, они были ключевыми фигурами, сказал себе Иган. И что, может быть, важнее всего, — синий чемоданчик продолжал оставаться в машине ... Но синий «Олдс» уже пересекал Семидесятую. У пересечения с Шестьдесят третьей стрит Пэтси подрулил к тротуару и остановился. Пока он провел несколько минут за разговором с Джиханом, Гонсалес отчаянно пытался добиться ответа от рации. Затем дверь «Олдса» открылась и из машины вышел «Лягушатник-один». Под мышкой он держал черную сумочку; она смахивала на кожаный футляр для инструментов, с которым день тому назад заприметили Пэтси. Прикрыв двери, Джихан поклонился Пэтси, вежливо приподняв свою щегольскую шляпу и, снова приняв невозмутимую королевскую осанку, повернул за угол и исчез, направляясь в западную сторону по Шестьдесят третьей стрит.

— О, Господи! — взмолился Иган, стоящий в двух кварталах от них. — У нас на глазах уходит главная фигура, и у него с собой в черной сумке весь навар, могу

ручаться! Иисусе, Мария и Иосиф! — он грохнул кулаком по рации.

— И Пэтси тоже снимается, — добавил Гонсалес. — Он повернул налево и направился в даунтаун. Что будем делать? Джихан уходит с гонораром, но синий чемодан по-прежнему у Пэтси и, может быть, там и есть зелье.

Иган покачал головой:

— Так и так у нас нет выбора. Мы должны держаться за Пэтси, — он прибавил скорости, направляясь по Йорк к Шестьдесят третьей. — Мне жутко не хочется терять француза, но все дерьмо в руках у Пэтси. Вот *его-то* мы и должны, наконец, накрыть.

— Лупоглазый! Если ты слышишь меня, гони обратно на Ист-Энд, *быстро*! — Это был Сонни, в голосе его явно чувствовалось волнение.

Иган с отчаянием заорал в свой окончательно вышедший из строя аппарат:

— Сонни, я *не могу*! Мы с Луисом следим за Пэтси! Синий чемодан по-прежнему в машине!

— Лупоглазик, *прошу*, если ты слышишь меня, приезжай! Мы накрыли двух французов!

— О, нет! — взорвался детектив. — Их не стоило брать! Они скрутили не тех! *Черт побери*!

— Похоже, у них там какие-то неприятности, — убежденно сказал Гонсалес.

— Да имел я их! — рявкнул Иган. — Так что нам теперь делать? Бросать Пэтси? Только потому, что они там паникуют?

Они были уже на углу Шестьдесят третьей.

— Но, может быть, им нужна помощь, — продолжал настаивать агент.

Сморщившись от раздражения, Иган посмотрел на него. С тяжелым болезненным вздохом он пробормотал: «Ну, ладно» — и развернул «Корвейр», намереваясь возвращаться в верхнюю часть города. «Олдс» Пэтси исчезал в противоположном направлении.

Полицейских, наблюдавших сверху за 45-м домом, сначала охватило неверие в происшедшее, сменившееся чувством гнева и унижения, а потом, когда из эфира окончательно исчез Иган, они испытали настоящую панику по мере того, как все отчетливее осознавали, что

теперь-то они *все завалили*. Сонни и Уотерс, понаблюдав, как машина Пэтси с двумя французами-пассажирами двинулась на север по Ист-Энд, поспешили оба на командный пункт, где Хоукс и Флемминг рассказали им, что «Олдс» был замечен на Восемьдесят третьей стрит. А затем — ничего. Ноль. Детективы в машинах и пешком перекрывали каждый перекресток, кое-кто располагался между ними вплоть до Второй авеню и все же как-то совершенно необъяснимо машина объекта незамеченной смогла проскользнуть мимо сети наблюдения!

По сути, они-то знали, что в ее исчезновении нет ничего таинственного. Подобные ситуации случались с каждым из них и при самой густой сети наблюдения, мимо которой, казалось, ничего не могло проскользнуть. Эффективность наблюдения зависела от внимательности задействованных в нее полицейских и от точности передачи сообщения о передвижениях объекта на следующий пост наблюдения. И в это время могла случиться любая непредусмотренная неожиданность: какая-то команда детективов могла отвлечься буквально на те несколько секунд, когда их миновал автомобиль с объектом слежки. Или, может быть, помешала накладка в расчете времени: пеший патруль как раз в это время менял позицию или же получал информацию от проезжающей радиофицированной машины как раз в тот момент, когда мимо них промелькнул Пэтси с пассажирами. Как бы там ни было, если контакт был нарушен в одном звене цепи, по всей линии стремительно начинала нарастать неопределенность. Когда план действий давал сбои, полицейские теряли ориентиры, не зная, где искать исчезнувших, при таких условиях часто не обращая внимания даже на то, что представало их глазам.

С каждой минутой все отчетливее становилась убийственная реальность: в их руках были трое из четверых основных подозреваемых, да и последний был под жестким контролем, и внезапно все рассыпалось. Вскоре после десяти часов рация сообщила:

— Один из «лягушатников» возвращается — второй! Он один, движется вниз по Восемьдесят второй к Ист-Энд...

Офицеры опять столпились у окна. Через несколько минут в глаза им бросился элегантный человек в блестящем черном кожаном пальто, который, явно дожидаясь

кого-то, ходил перед 45-м домом; но если не считать замечания Флемминга, что «у этого парня какой-то иностранный вид», его присутствие не привлекло их особого внимания. Поблизости более чем хватало респектабельных джентльменов и модно одетых женщин. Но вот на глаза им попался Барбье, вынырнувший из-за угла Восемьдесят второй стрит и прямиком направившийся к незнакомцу. Обменявшись рукопожатием, они углубились в беседу.

— Еще один! — воскликнул Уотерс, не спускавший с этой пары окуляров бинокля. — Это что за тип, черт побери? Мы его никогда раньше не видели. Примерно пяти футов десяти дюймов, выглядит лет на сорок. — Уотерс передал описание нового персонала и тем, кто патрулировал в этом районе. — Крепкого сложения, на голове коричневая шляпа.

Барбье вынул из кармана небольшой клочок бумаги и передал его своему спутнику. Уотерс заметил, что он напоминал какую-то квитанцию, может быть, и из гаража. Незнакомец двинулся к проему гаража в 45-м доме. Через мгновение появившийся негр-дежурный взял у него эту квитанцию или билетик и спустился по пандусу.

— Мне это не нравится, — посетовал Уотерс. — Они явно хотят выводить оттуда машину. Барбье собирается в дорогу. Мы не можем снова упустить их!

— Давай посмотрим, — выдохнул Сонни из-за спины. Из тени у входа в гараж показались очертания автомобиля. Наблюдая за ним, Сонни держал палец на кнопке рации, описывая все происходящее детективам, дежурившим снаружи.

Барбье и незнакомец влезли в седан, и незнакомец сел за руль.

— Френк! — вскричал Сонни. — Да это *тот самый* иностранный «Бьюик»! Помнишь, канадский...

— Господи, ну-ка на улицу! — вскинулся Уотерс. — Может, в нем состоится передача!

Они вдвоем скатились по лестнице. Когда они вылетели на тротуар, черный «Бьюик» уже направлялся в верхнюю часть города. Белый «Олдсмобил» Уотерса был припаркован на углу Восемьдесят первой стрит, развернутый в сторону даунтауна. Они расселись в нем, и, еще не успев захлопнуть дверцы, агент включил двигатель; рванув с места, автомобиль сделал резкий разворот. «Бьюик»

уже был в районе Восемьдесят третьей улицы и набирал скорость.

— Мы же пока не собираемся их брать... — полуутвердительно, полувопросительно бросил реплику Сонни.

— Посмотрим, как пойдут дела, — неопределенно ответил Уотерс.

— Они гонят на всех порах, — заметил Сонни. — Проскочили под красный свет на Восемьдесят четвертой!

— Барбье оглядывается. Смотри, он явно говорит второму, чтобы тот прибавил скорости.

«Бьюик» приближался к другому красному сигналу на Восемьдесят пятой, но вместо того, чтобы притормозить, большой седан вырвался вперед.

— Ты только глянь! — вскричал Уотерс.

— Они хотят оторваться! Должно быть, у них *что-то* есть в машине!

— Барбье по-прежнему наблюдает.

Уотерс вжал акселлератор.

— Будем брать?

— Не знаю.

— Если мы будем просто держаться за ними, они нас черт-те куда заведут...

— Не нравится мне, что в такой спешке... черт, лучше будем брать!

Резко прибавив скорость, «Олдсмобил» проскочил под запрещающими сигналами светофора на Восемьдесят четвертой и Восемьдесят пятой, стремительно приближаясь к «Бьюику». Они миновали еще два перекрестка. Чувствовалось, что Барбье возбужден, видя догоняющую их белую машину. На пересечении Восемьдесят восьмой капот «Олдса» Уотерса чуть не врезался в задний бампер «Бьюика». Уотерс с силой нажал на клаксон, предупреждая остальные машины, чтобы они уступили дорогу. Сонни, высунувшись из окна, махнул рукой водителю, давая понять, чтобы тот остановился. «Бьюик» резко остановился, и Уотерс, визжа тормозами, притер его к обочине как раз перед Восемьдесят девятой стрит.

Сонни уже кричал в рацию:

— Лупоглазый! Если ты слышишь меня, гони обратно на Ист-Энд, *быстро*! Мы накрыли двух французов.

Лишь когда полицейские, высокие, с револьверами наготове, взяли «Бьюик» в клещи, они заметили, что вся сцена развертывается перед резиденцией мэра Грейс-

Мэншен. Водитель был перепуган и что-то тараторил по-французски. Его спутник, Барбье, мрачно смотрел на полицейских.

— Все в порядке, успокойтесь, — сказал Сонни. — Дайте-ка глянуть на ваши права. *Ваши права*! — Детектив, открыв бумажник, показал свой значок. — Права, у вас обоих! — повторил он. Водитель полез во внутренний карман — Сонни держал его под прицелом своего 38-го калибра — и медленно вытащил бумажник, который протянул полицейскому. — Нет, положите его: вон туда, — уточнил Сонни, показывая на плоскость над приборной панелью. Сходным жестом Уотерс дал указание Барбье. Одна за другой подъехало еще несколько машин, и вокруг них столпились детективы.

— Жак Анджелвин, — Сонни медленно стал разбирать французский текст в одном из документов, который, нервничая, вынул из бумажника водитель. — Смахивает на какого-то французского телевизионного деятеля. Он таскает с собой даже вырезки.

— И никак тут наш друг месье Барбье, — прокомментировал Уотерс, — который на деле вовсе не Барбье? Его паспорт гласит, что он носит фамилию Скалья, Франсуа Скалья.

Скалья уставился на агента:

— Вы меня знаете?

— Он еще говорит! — воскликнул Уотерс.

— Я плохо понимаю по-английски, — хрипло сказал француз, — но, пардон, каким образом вы меня знаете?

— Мы знаем о тебе более чем достаточно, парень, — сказал Сонни, приглядываясь через другое окно. — И ты это сам знаешь.

Скалья бросил несколько резких слов Анджелвину. Затем повернулся к Сонни:

— Мы подданные Франции. По какому праву вы задержали нас? Мы арестованы?

Сонни искоса глянул на Уотерса, глаза которого обшаривали интерьер машины. У них не было ордера на обыск машины, так же, как не было права на личный досмотр задержанных; в таком случае все полученные доказательства не будут признаны судом. Уотерс с мрачным выражением покачал головой:

— Вы дважды проехали под красный сигнал светофора,

— объяснил Сонни. — И мы вынуждены задержать вас для дачи объяснений.

— Мы хотим воспользоваться услугами переводчика, — потребовал Скалья.

— Ну как же, конечно...

Таково было развитие событий, когда подъехавшие Эдди Иган и Луис Гонсалес протолкались сквозь толпу федеральных агентов и городских полицейских, собравшихся со всех сторон. Эдди локтями проложил себе путь к Сонни:

— Что случилось? — заорал он. — С вами все в порядке?

— Эдди, — схватив Игана за руку, Сонни оттащил его подальше от захваченной машины и поведал, что произошло.

— Ну, и что вы у них нашли? — озабоченно спросил Эдди.

Лицо Сонни омрачилось:

— Ничего.

— Ничего? Ты оторвал меня от Пэтси из-за *ничего*...?

— «От Пэтси»? Ты был *с ним*?

Обогнув машину, к ним присоединился Уотерс.

— Не только с Пэтси, но и со всеми ними! — объявил Эдди. — Я засек даже «Лягушатника-один»!

— Рехнуться можно, — изумился Уотерс. — С Пэтси же было только двое французов.

— Ну, в промежутке, когда вы, ребята, потеряли их, а я нашел, они подсадили и Джихана. И вся четверка была вместе. Я пытался сообщить вам, но мой передатчик окончательно сдох.

— Но где же вы были? — вытаращив глаза, настаивал на ответе Сонни.

Иган коротко описал ему ход преследования машины Пэтси и свои мучения, когда он видел, что подозреваемые один за другим исчезают, никем не преследуемые.

— Я видел, как упорхнула эта пташка, — кивнул он в сторону Скальи, — а потом Морин и, наконец, Джихан, и чуть не отдал концы от огорчения, но, в конце концов, оставался Пэтси с французским саквояжем в машине. И тут ты завопил, словно тебя насилуют, и я оставил Пэтси.

Я заслуживаю звания первого идиота года! — он с отвращением сплюнул в уличную грязь.

— Но откуда мы могли знать?.. — простонал Сонни.

— Понятия не имею. Я тоже не могу понять, каким образом столько федеральных и полицейских могли преспокойно упустить их. И вообще, — Иган посмотрел на часы, на которых было 10.20, — не имеет смысла болтаться тут и чесать языки. Я отправляюсь искать Пэтси.

— Где? — осведомился Уотерс.

— Пока не знаю, но я найду его и возьму. Может, уже слишком поздно, но обещаю, что пущу в ход ордер на обыск еще до конца дня.

— А что, по-твоему, *нам* делать? — просительно обратился к нему Сонни.

Иган обвел взглядом толпу, клубившуюся вокруг французского «Бьюика», и в упор посмотрел на Уотерса:

— Начните с того, что объясните задержанным, что, мол, это совершенно обычная процедура, когда семнадцать копов облепили машину, задержанную за нарушение правил движения.

Пока Иган и Гонсалес разворачивали свой «Корвейр», Уотерс и Сонни препроводили двух французов к машине Уотерса. Поставив охрану у «Бьюика», они доставили Анджелвина и Скалью к дому номер 45. К тому времени лейтенант Хоукс уже перевел свою временную штаб-квартиру в офис гаража.

— Вам нужен переводчик? — спросил сержант Флемминг.

И Анджелвин, и Скалья мрачно кивнули.

Отойдя в сторону, Флемминг, Гроссе и агент Уотерс посовещались о Хоуксом. Лейтенант мрачно покачал головой:

— Не знаю. Мы задержали двух французских подданных, но у нас на них ничего нет. Могут быть неприятности.

— Мы еще не обшарили машину, — заметил Уотерс.

— Если мы сделаем это без ордера на обыск, то увязнем еще глубже, — проворчал Хоукс. — Но давайте помаринуем их как можно дольше.

Уотерс кивнул:

— Я позвоню в наш офис и попрошу прислать переводчика.

— И скажи ему, чтобы он потянул время, — предупредил Хоукс.

— Естественно, — бросил Уотерс, снимая трубку. Связавшись с Федеральным Бюро, он попросил к телефону агента Мартина Ф. Пера, переводчика с французского. — Теперь послушайте, как до нас добраться, Пера. — Уотерс составил для переводчика такой маршрут, следуя которому он должен был спуститься в нижнюю часть Манхэттена, через Бруклин добраться до его конечного района Джамайки, обратно через Квинс, мимо аэропорта Ла Гуардиа и оттуда — снова в даунтаун. — Если заблудишься, звякни, и мы поможем тебе выбраться, — подчеркнуто сказал Уотерс. Сонни со своей стороны лишь мрачновато усмехался, представляя себе этот кружной маршрут.

— О'кей, — сказал Уотерс, вешая трубку. Он устало перевел дыхание. — Я так и знал, что не стоило брать этих типов.

— Что ты имеешь в виду? — взвился Сонни. — *Ты же сам* решил их брать!

— Черта с два я решал, — возразил Уотерс. — Это *тебе* хотелось их взять.

— Прекратите! — остановил их Хоукс. — Лучше подумаем, как спасти это провальное дело.

Тем временем Эдди Иган и Луис Гонсалес добирались в даунтаун по Ист-Ривер Драйв. Иган был зол, но у него еще теплилась надежда. Теперь надо все тщательно просчитать в уме. Значит, Пэтси опережал их минут на 15 - 20 и времени избавиться от товара у него было более чем достаточно. Оставалась лишь надежда, что Пэтси, чувствуя себя легко и раскованно, ни о чем не догадывается и не очень спешит избавиться от приобретения. Но все же надежда на такой поворот событий была слабовата, учитывая те предосторожности, которые они до этого предпринимали.

Иган решил, что первым делом надо проверить заведение Блейра на Пайк-Слип. Похоже, что именно туда направлялась вся эта публика расслабляться, когда дела у них шли на лад. Кроме того, оттуда можно было без труда выбраться к любому из мостов, ведущих в Бруклин. Если Пэтси не окажется у «Блейра» или где-нибудь поблизости, остается только рвать в Бруклин и обыскивать все места, поскольку срок действия ордеров на обыск скоро кончится.

Было без четверти одиннадцать, когда он, попетляв по узким улочкам, подогнал «Корвейр» к заведению на Пайк-Слип. В дневном свете округа имела совсем другой вид, чем ночью: набережная была запружена небольшими грузовиками и огромными фургонами, которые разгружали груз или принимали его; прицепы порой перегораживали чуть ли не половину улицы. По ночам тут было тихо и спокойно, а теперь на набережной кипела бурная жизнь и в воздухе висели рыбные запахи.

Иган притормозил за углом и осторожно развернулся.

Гонсалес удивленно выдохнул.

— Ну, ты даешь! — прохрипел он.

На крыльце заведения стоял Пэтси, болтая с барменшей Инес. Его синий «Олдсмобил» был припаркован в нескольких футах.

Иган не мог сдержать улыбки, проезжая мимо него.

— Сукин сын! — сглотнул он комок в горле. — Вот сукин сын! — Через два квартала он притерся к обочине. — Не гляди на него, — предупредил он Гонсалеса. — Я вижу его в зеркальце.

— Ты думаешь, что товар еще с ним? — осведомился агент.

— Он мог оставить его и здесь, да и в любом месте по пути. Если мы сейчас возьмем Пэтси с пустыми руками, мне останется лишь поцеловать его в задницу. Нам надо лишь держаться поблизости от него, в надежде, что с его помощью все станет ясно. В этом деле нас мотает то вверх, то вниз, то вверх, то вниз, как на Русских горках, — признал Иган.

Через пару минут Пэтси сел в свою машину и, махнув девушке, все еще стоящей на ступеньках заведения, направился к Ист-Бродвею. Еще пара минут, и они окончательно потеряли бы его, пробормотал про себя Иган.

Но Манхэттенскому мосту они проследовали за Пэтси, направлявшимся в Бруклин. Гонсалес продолжал возиться с рацией, надеясь, что электронный бог сжалится над ними и она заработает. От возбуждения они забыли обменять ее на исправную, а теперь для этого не было времени.

Пэтси направился домой. Когда он развернулся на Ше-

стьдесят седьмую, Иган еще раз попробовал оживить рацию: « Говорит Лупоглазый. Если кто-то принимает меня, я только что проводил Пэтси до его дома в Бруклине. Кто-нибудь слышит меня? » Ответа не было.

— Никакого толка, Луис. Слушай, на Шестьдесят восьмой есть гараж. Почему бы тебе не подскочить до него и не сообщить базе, где мы находимся, пока я посижу тут и посмотрю за домом?

— Хорошо. — Гонсалес выбрался из машины и быстро двинулся за ближайший угол.

И в тот же момент Иган понял, что Пэтси так и не вылез из машины. Она по-прежнему стояла на дорожном полотне, притеревшись к обочине. И тут же Иган увидел Барбару, которая, в меховой куртке, спускалась по ступенькам, после чего заняла место на переднем сиденье рядом с мужем. Детектив приковался взглядом к Двенадцатой авеню в поисках Гонсалеса, но агент уже повернул за угол. Пэтси, подав задом машину, двинулся в восточную сторону по Шестьдесят седьмой. У Игана не оставалось выбора: он должен был следовать за ним в одиночку.

Теперь Пэтси ехал к северу. Иган держался поближе к нему, прикидывая варианты действий. Синий «компакт» направлялся к дому родителей Пэтси!

Он нашел место, где приткнуть свою машину, всего в нескольких ярдах от входа в дом номер 245. Иган успел увидеть его с Барбарой, когда те вылезали из машины. Он медленно проехал мимо них, подходивших к парадным дверям. У Пэтси *не было* с собой синего чемодана, который «Лягушатник-один» два часа тому назад оставил в его машине. То ли он успел где-то скинуть его за те двадцать минут, что был вне поля зрения, прикинул Иган, то ли он все еще в машине. Иган подрулил к пожарному гидранту по другую сторону улицы.

Прошло пятнадцать минут, потом двадцать, и детектив в нетерпении ерзал на сиденье. Он испытывал неодолимое желание взломать машину Пэтси и обыскать ее, на что он в соответствии с ордером имел право. Если он обнаружит там героин, то вломится в дом, в одиночку представ перед преступниками. Но правила игр, в которых участвовали наркотики, предписывали, чтобы не меньше чем двое офицеров производили задержание и арест, дабы обеспечить присутствие свидетеля. В то же самое время растущее беспокойство побуждало его добраться до какого-нибудь общественного телефона — он видел его стеклянную будку у гаража недалеко от угла Четвертой авеню. Но в конце концов предусмотрительность одержала верх — он решил не сводить глаз ни с машины, ни со входа в дом, пока Пэтси не предпримет какие-то действия.

Наконец он увидел, как Пэтси выходит из дома — не из парадных дверей, а поднимаясь из подвального этажа. В рубашке с закатанными рукавами, он подошел к своей машине, внимательно осмотрев улицу перед тем, как открыть салон. Он нырнул в задник машины, а когда выпрямился, в руках у него был синий чемодан. Закрыв левую дверцу, Пэтси опять огляделся и исчез в подвале.

Иган, в возбуждении, выскочил из машины и помчался к телефонной будке. Так как 246-й дом частично скрылся из виду, он, нервничая, торопливо набрал номер телефона базы.

— Это Иган. Как дела?

— Все носятся как сумасшедшие, пытаясь спасти хоть что-то, — ответил оператор.

— Как французы?

— Нет ни следа.

— А где все? Все еще толкутся на Ист-Энд?

— Да. Они устроили в том гараже временную штаб-квартиру. А где вы? Позвонил агент Гонсалес, а потом еще раз, сказав...

— Пэтси снялся с места. Я не мог ждать Луиса. Я сижу рядом с домом стариков Фукка на Седьмой в Бруклине. Мне нужна подмога. Я думаю, что Пэтси только что занес товар в дом. Гони сюда ребят! И, слушай, у тебя есть номер Винни Хоукса? Я хотел бы переговорить с ним.

В доме стариков Фукка не было заметно никаких признаков жизни. Иган набрал номер гаража под домом на Ист-Энд авеню. Он рассказал лейтенанту Хоуксу, что с ним приключилось, где он, и попросил подкрепления. Также, попросил Иган, пусть кто-нибудь притащит ему исправную рацию. Затем он спросил:

— Как дела у Сонни и у Уотерса?

— Боюсь, что мне придется разводить их по углам, — мрачно ответил лейтенант Хоукс. — Они дерутся как два кота, пытаясь выяснить, кто ответствен за задержание двух французов.

— Скажите им, чтобы они не торопились выцарапывать глаза друг другу. Их шкуры мне еще понадобятся.

— Побереги свою собственную.

Иган вернулся к своей машине. Было четверть первого. Слабые лучи солнца пытались пробиться сквозь густую пелену облаков. Седьмая была тиха и пустынна; вдоль молчаливых кварталов прогуливалось лишь несколько прохожих. Иган разместился справа на переднем сиденье «Корвейра» и положил подбородок на левое предплечье, лежащее на спинке сиденья — так он мог наблюдать за домом и маленьким синим «Олдсмобилем» у его крыльца. Пальцы правой руки играли с застежкой кобуры револьвера 38-го калибра «полис-спешиал», висящей на бедре.

За следующие двадцать пять минут мимо проехало достаточное количество машин, но только без двадцати час Иган обратил внимание на одну из них, которая неторопливо проезжала мимо дома семейства Фукка. В ней сидели детектив Дик Олетта и агент Арти Флур. Ухмыльнувшись, Иган перегнулся через сиденье водителя и, дурачась, прижал нос к стеклу, вытаращившись на них как клоун. Олетта, проезжая мимо, заметил его и широко улыбнулся. Флур собрался было остановиться рядом, но Иган махнул им, чтобы они проехали чуть дальше. Он двинулся к ним по мостовой, каждые несколько шагов оглядываясь на дом номер 245.

Флур поставил машину почти на углу. Когда Иган с широкой улыбкой влетел в нее, Олетта приветствовал его:

— Ну, никак у нашего малыша был трудный день?

— И не спрашивай, — хмыкнул Иган. — Ну и чехарда, подумать, только вы знаете, что у меня рация вышла из строя! Ну, Иисусе!

— Все твои тревоги позади, — ухмыльнулся Флур. — Мы притащили тебе новую.

— Прекрасно! — Иган сел боком, чтобы в очередной раз приковаться долгим взглядом к дому. Повернувшись к спутникам, он сказал: — Хотя пока еще не берусь утверждать, что все наши проблемы кончились. — Он посвятил их в выводы из своих наблюдений и предположений.

— Значит, как будем играть? — спросил Олетта. — Идем и тут же берем их за шиворот?

— Я было думал об этом, — сказал Иган. — И решил подождать, пока Пэтси снова не покажется. Я хотел бы удостовериться, что чемоданчик у него по-прежнему с собой. В таком случае мы разделимся, и вы, ребята, следуйте за ним. Если он выйдет пустой, мы берем их. И я бы хотел, чтобы поблизости на всякий случай был еще кто-нибудь. Никогда не знаешь, что тебя может ждать, как пойдут дела.

— Внимание! — прервал его Флур, приковавшись взглядом к заднему стеклу. — Пэтси и Барбара... они выходят. — Трое полицейских пригнувшись, не сводили глаз с пары, которая на другой стороне подходила к «Олдсу». Синего чемодана в руках у Пэтси не было.

— Ну, парни, вы оказались на месте как раз вовремя! — воскликнул Иган. — Слушай, Арти, мы их пропустим, а потом вы вдвоем последуете за ними. Я же останусь у дома. Первым делом, я должен достать из своей машины ордер на обыск. Дайте-ка мне рацию на случай, если нам придется поговорить.

Флур протянул ему плоский серый угловатый корпус уоки-токи. Все попытались пригнуться пониже, скрывшись из виду, когда синий «компакт» Пэтси проехал мимо них и скрылся за углом.

Иган подождал, пока «Олдс» не повернул направо, на Четвертую авеню, после чего, выбравшись, помчался к своей машине. За его спиной проскрежетали шины машины Флура, когда он с Олеттой повернул за угол, устремившись за четой Фукка. Вытащив из кармана ключик, детектив торопливо открыл бардачок и стал рыться в куче бумаг, скопившихся в нем. Нетерпеливо фыркнув, он засунул несколько из них во внутренний карман куртки. С рацией под мышкой и с револьвером, спущенным с предохранителя, Иган направился через улицу к дому номер 245.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

На звонок Игана открыл Джозеф Фукка — невысокий хмурый старик с растрепанными седоватыми волосами и щетиной на подбородке, в пропотевшей белой рубашке с закатанными до локтя рукавами. — Ну? — с подозрением уставился он на рыжеволосого здоровяка, выросшего в дверях.

Свободной рукой Эдди протянул ему свой значок. — Офицер полиции. У меня есть ордер на обыск вашего дома. Вы Джозеф Фукка?

— Полицейский? Да чего вы хотите? Я не ... — у Фукка приоткрылся рот и он замолчал, увидев в другой руке Игана револьвер.

— Не волнуйтесь, все спокойно и все пройдет как по маслу, — серьезно сказал Иган, протискиваясь мимо него в прихожую. — Итак, вы Джо Фукка, так? — Старик по-прежнему не отводил взгляда от револьвера. — Есть еще кто в доме? — спросил детектив. Фукка только молча покачал головой. — О'кей. — Иган засунул револьвер в кобуру под кожаной курткой. — Вот так лучше?

Сверху вниз он оглядел невысокого хозяина дома. Его бесформенные мятые серые брюки в пятнах старой краски, но среди них виднелись вроде следы какой-то белой пыли. Так же чем-то беловатым были припорошены его старые коричневые туфли. — О'кей, старина, — скомандовал он. — Пошли-ка внутрь.

— Я нет нич-чего вы хотите, — запротестовал Фукка. — Что вы приходить ...

— Говорит Флур, — пропищал голос из-под подмышки Игана. Фукка так и подпрыгнул от удивления.

Ухмыльнувшись, детектив поднес рацию ко рту. — Вы взяли их?

— Мы взяли их.

— Были хлопоты?

— Никаких.

— Тащите их сюда.

— 10-4.

Подталкивая Фукка перед собой, Иган прошел в переднюю гостиную. Мебель была старомодной, большей частью потертой и изношенной; выцветшие чехлы скрывали подранные подлокотники и изголовья кресел, а пол был покрыт истертым зеленым линолеумом. Тут было довольно убрано, но в воздухе стояла какая-то затхлая атмосфера. Иган безошибочно почувствовал аромат итальянских специй.

— Где ваша жена? — спросил он.

— Она уйти.

— Очень плохо. Мы ждем гостей — вашего сына Пэтси и его жену.

— Что вы говорить, они только уехать. — Теперь старик уставился на Игана. — Почему вы так делать? Я нет нич-чего тут!

— Ну, кое-что у вас тут есть, — рявкнул на него Иган. — И когда через несколько минут мы это найдем — вот тогда, мистер, у вас и начнутся серьезные неприятности.

Звякнул дверной звонок. — Стоять! — приказал детектив. Он подошел к дверям. За ними были детектив Джим Фарли и агент Джек Рипа. — Привет, компания! — приветствовал их Иган. — Входите. Вроде у нас тут вечеринка.

— Мы услышали по рации, — сказал Рипа. — Остальные ребята еще не показывались?

— Еще нет.

— Сюда подтягиваются и другие. Думаешь, именно здесь?

— Так я думаю, — сказал Иган, — но скоро мы окончательно выясним. Начинаем обыск. — Пока он стоял в дверях, впуская внутрь полицейских, подъехала еще одна машина. В ней были Флур и Олетта со своими пленни-

ками. — Ну, — воскликнул Иган, — вот и самые дороги гости!

Погруженный в полную мрачность, Пэтси пересек тро туар, за ним шествовали Барбара и Олетта, а замыка процессию Флур. Человек, по пятам за которым напарни ки следовали несколько месяцев, за каждым перемещени ем которого наблюдали и анализировали его, человек, ко торый нередко доставлял им столько хлопот, наконец в плоти и крови предстал перед детективом, и в его облик не было ничего зловещего. В глазах Пэтси, которых он старался не поднимать на присутствующих, было насто роженное выражение. Его движения напоминали повадки попавшего в ловушку животного, которое чувствует, что его конец близок но которое еще может сделать последнюю отчаянную попытку вырваться на свободу, едва только для этого представится малейшая возможность.

Иган втолкнул Пэтси в гостиную; по пятам за ним следовала Барбара, в съехавшем на бок парике, не переставшая жевать резинку. Вошли Олетта и Флур. Еще две машины остановились на улице и к ним присоединились еще четверо детективов. они начали осматривать дом.

Иган оказался лицом к лицу с Пэтси. — Ты можешь значительно облегчить нам задачу, если прямо выложишь, куда ты сунул товар.

— Какой товар? — буркнул Пэтси. — Что тут вообще, черт побери, происходит? Вам бы лучше . . .!

Иган помахал перед его носом пачкой документов. — У нас есть ордера на обыск и у тебя и практически во всех тех местах, где ты бывал за последние три месяца. Тебя, твоей жены, твоего дома, твоих двух машин, твоего заведения, у Травато, их машины, у твоего брата Тони,у него в доме и, конечно же, у твоих родителей ... — он сделал паузу, не без удовольствия наблюдая, что Пэтси заметно побледнел и заморгал, не в силах скрыть изумление, — и даже у твоих французских друзей, что сейчас в Нью-Йорке!

Несколько секунд Пэтси был не в силах выдавить из себя ни слова. Покачав головой, он наконец поднял глаза. — Каких французских друзей? Я не знаю никаких французов — кроме Дениз Дарсель ...

— Да? Ну тогда у тебя нет причин волноваться, что все они арестованы — сразу же после того, как сегодня расстались с тобой.

— Я понятия не имею, о чем вы там говорите. — Он попытался приободриться. — Что вы от меня хотите?

— Ты занес в этот дом груз зелья, — выдвинул против него обвинение Иган, в какой-то мере играя наудачу, потому что он не был . уверен, что Пэтси не успел где-то сбросить груз героина и чемодан, который он занес в дом, мог быть совершенно чист.

— Что за зелье? — с совершенно невинным видом спросил Пэтси.

Иган уперев руки в бедра и расставив ноги, с нескрываемым отвращением уставился на невысокого человечка перед собой, тщательно осматривая его с головы до ног. На черной коже ботинок виднелся беловатый налет, точно, как у его отца. Детектив еще раз присмотрелся к обуви старого Фукка, а затем, не отрывая взгляда от Пэтси, кинул старику: — о'кей, папаша, так что у вас в погребе? — Во взгляде Пэтси скользнуло мгновенное замешательство, что укрепило его в своем предположении.

С явной неохотой Джо Фукка показал им дверь в узком коридоре, соединявшем гостиную с остальной частью дома. — открывай! — скомандовал Иган. Внизу стояла темнота. — Свет!

Фукка щелкнул выключателем сразу же за дверью. Иган посмотрел вниз. Лестница сразу же упиралась в цементный пол, и рядом с ней лежал синий чемодан. Он посмотрел на старика, а потом на сына, и на губах его стала расползаться усмешка. — Если придется, мы разберем этот дом по кирпичику, пока не найдем то, что нам надо. — У Пэтси было совершенно бесстрастное лицо. Его отец тупо глядел перед собой. — Не хотите? О'кей. Подержите их наверху. — сказал он Олетте и другим детективам, спускаясь вниз по деревянным ступенькам.

В помещении внизу царила та же аккуратность, что и в гостиной. Подвал был узким и несколько угловатым, протянувшись от той стороны дома, что выходила на улицу до тыльной его стенки. В нем была выходившая к фасадной стороне дверь и два взнесенных к потолку оконца. Два других окна высоко в тыльной стене, выходили на задний двор. С этого конца подвал был разделен деревянными перегородками на три отсека, скорее всего, для складирования разного добра. В одном углу, рядом со старой пожелтевшей ванной, была электрическая стиральная машина и сушилка, а в другом углу — котел и нагре-

ватель. Поверху тянулись почерневшие трубы, часть из которых, по которым подавалась горячая вода, были в асбестовой обшивке. Пол местами был выщерблен, но чист, что казалось несколько странным в таком неухоженном подвале, подумал Иган.

Он встал на колени у открытого чемодана. Тот был пуст, но по углам он заметил слабые следы какой-то порошкообразной субстанции. Собрав их на кончик указательного пальца, он лизнул его, почувствовав острую горечь. Первый пест на присутствие героина.

Усмехнувшись, Иган посмотрел на Пэтси, стоящего на верхней ступеньке лестницы. лик Олетта придерживал его за плечо. — Да вот только *здесь* хватает дерьма, чтобы выдвинуть обвинение. С таким послужным списком тебе светит не меньше десяти лет. Но вот что я тебе скажу: для *тебя лично* я постараюсь. чтобы срок был троекратным! Одень на него наручники, Дик.

Сидя все в той же позиции на корточках, Иган обратил внимание на большие темные пятна на потолке как раз над лестницей. Поднявшись, он встал на несколько ступенек и поскреб ногтем одно из пятен. оно было сырым, словно тут недавно накладывали штукатурку. Здесь было четыре таких пятна, все разной формы, одно из которых было больше, чем в фут в поперечнике. И в первый раз он заметил пятна копоти, словно протянув шланг от древней газовой плиты, тут старались скорее высушить сырую штукатурку.

— Ну-ну! — опять усмехнулся Иган, по мере того, как Пэтси все мрачнел. Забравшись в один из отсеков, детектив нашел старый деревянный ящик и, поставив его на плиту, взгромоздился на него, после чего стал тщательно исследовать влажные пятна, стараясь вдавить палец в их податливую субстанцию. И наконец, закатав рукава до локтей, он решительно засунул руку в провалившуюся пустоту. Его пальцы нащупали увесистый сверток. Это был пластиковый мешочек, по форме и очертаниям напоминавший пакет с рисом, но когда он вытащил его. то увидел, что тот заполнен белым порошком. Он весил чуть больше фунта — полкило героина!

— Дик! — крикнул он Олетте. — У тебя есть походный тестер?

— У Арти есть весь набор.

— Попроси его опуститься. Думаю, мы нашли золотую жилу!

Флур скатился по лестнице. Он лишь присвистнул, когда увидел пакет в руках Эдди. — С ума сойти!

— Давай-ка протестируем.

Флур вынул небольшую коробочку, напоминающую облатку от пилюль и извлек из нее стеклянный пузырек с прозрачной жидкостью. Свинтив крышечку, он протянул его Игану. Флакончик содержал несколько капель серной кислоты и формальдегида, смесь. которую химики, имеющие дело с производными опиума называли реагентом Марке. При соединении с любым производным опиума, смесь приобретала пурпурную окраску, интенсивность которой зависела от качества или «чистоты» образца наркотика. Иган засунул палец в пакет, который только что извлек из-под потолка и высыпал несколько крупинок в стеклянную трубочку. Почти мгновенно раствор обрел темно-красный, интенсивный пурпурный цвет.

— Боже небесный! — выдохнул федеральный агент.— Ты когда-нибудь видел такую реакцию?

— Никогда, — с изумлением пробормотал Иган. — Да это чистейший состав, который когда-либо вообще был на свете!

Мрачный Пэтси Фукка и его жена Барбара, которая скрывала свою растерянность, демонстративно жуя резинку и отпуская непристойные реплики в адрес полицейских, были отведены агентом Биллом Бейли и детективом ликом Олеттой к машине Бейли, которая и доставила супружескую пару к их дому на 67-й стрит, где тоже предстояло провести обыск.

Эдди Иган возбужденно взбежал по шаткой лестнице в кухню, где старого Джо Фукка допрашивали детективы Джим Харли и Джимми Гилдеа. Фукка сидел за кухонным столом, на котором возвышалась основательная бутылка виски, пока детективы пытались выжать из него все, что он знал о содержимом синего чемодана. Иган бросил на стол перед стариком два пакета, каждый из которых содержал по полкило героина. — Значит, в доме ничего нет, да, Фукка?

Глянув на мешочки, Фукка заорал:

— Это динамита! Паскуале говорить, что мне, что эта *динамита!*

Брезгливо фыркнув, Иган снял трубку телефона, висевшего на стене кухни и набрал номер временной штабквартиры полиции в конторе гаража. ответил сержант Джек Флемминг.

— Я у Фукка на Седьмой стрит в Бруклине. у меня на руках уже килограмм, и под потолком еще вдовль этого дерьма. Свяжись с шефом Кэри и попроси, чтобы он позвонил мбе сюда. — Иган сообщил номер телефона Фукка и уточнил, что Кори должен позвонить два раза, повесить трубку, затем еще один звонок — и опять повесить трубку.

Иган вернулся в подвал. Запуская руку в отверстие в потолке. Он стал извлекать один мешочек с героином за другим. Затем к своему удивлению, он коснулся пальцами холодного металла. На свет появился автомат.

— Эй, Джо, — крикнул он наверх, — у тебя есть синьки твоего строения? Чертеж? А то от него не останется ни стен, ни потолка. когда мы тут все разберем по кирпичику.

Телефон на кухне издал пару звонков, замолк, позвонил еще раз и опять замолчал, после чего стал звонить безостановочно. Иган взлетел по ступенькам, прихватив с собой очередное полкилограмма. Бросив их на стол, он сорвал трубку с рычагов. — Слушаю.

— Что ты там обнаружил. Эдди?

— Пока шесть килограмм, автомат — и это еще не конец.

Кэри присвистнул. — Шесть килограмм? И считаешь. что есть еще?

— Де тут может быть все *сорок* шесть! Нам нужна тут целая команда с ломами и молотами.

— Сам приеду, — бросил Кэри.

— Да, сэр. — Повесив трубку, Иган повернулся к Фукка и двум его следователям. — Собственной персоной сода приезжает большая шишка. Так что приведите джо в норму. — Мясистая рука Игана прошлась по столу, смахнув бутылку с виски.

— Давай мой выпивка! — в ярости заорал Фукка, который, пошатываясь пытался встать на ноги. — Вы есть грязный копы! Ломать мой дом! — он попытался ударить Игана в лицо. Тот коротким тычком заставил его переле-

теть через стол. Фукка шлепнулся на пол и остался лежать; он тяжело дышал и из угла рта тянулась струйка слюны.

Сонни Гроссо и Френк Уотерс мрачно слонялись по холлу гостиницы «Коммодор», примыкающей к вокзалу Гренд-Сентрал. Не в силах отделаться от опасений, что упустят обоих подозреваемых, движимые внезапным импульсом, они рванулись сюда, но не нашли ничего, что можно было бы инкриминировать и теперБ они находились в крайнем смятении, предполагая, что их торопливость может доставить бюро определенные неприятности и со стороны Министерства иностранных дел.

Франсуа Скалья и Жак Анджелвин, продолжавшие протестовать против их незаконного задержания, попрежнему находились в гараже на положении подозреваемых, ожидая прибытия переводчика. Агент Мартин Ф.Пера уже дважды терял дорогу и звонил в гараж. но пока так и не прибыл к дому номер 45 по Ист-Энд авеню.

Единственное, что могло представить интерес и для Барбье и для Анджелвина, были два счета из гостиницы, изъятые из кармана телезвезды, который с трудом удерживая слезы, продолжал уверять, что все это чистое недоразумение. Один из счетов был из «Уолдорф-Астории»; на неразборчивой копии все же можно было разобрать, что дата прибытия была 10 января 1962 года. Другой счет, не такой скомканный, был выдан в «Коммодоре», свидетельствовавший, что по нему рассчитались 17 января, не дальше, чем вчера.

После задержания двух французов, Сонни и Уотерс отправились в «Уолдорф», где удостоверились, что Анджелвин жил тут несколько дней. Машина его стояла в гараже гостиницы, и он съехал утром во вторник, рассчитавшись наличными. Потом детективы отправились в «Коммодор». Помощник управляющего открыл им номер Анджелвина, дешевую неприглядную спальню, все пространство которой занимало двуспальное ложе. Француз распаковал лишь часть своей одежды и туалетных принадлежностей. Здесь же было несколько писем из РТВ Франции и нью-йоркской фирмы телефильмов, пронизанная симпатией записка от какой-то женщины Лили Де Берк; не-

сколько туристских справочников и карта города, копия короткого послания от Анджелвина в «США-Лайкс» относительно планируемого возвращения в Гавр на борту «Америки» и билет на этот рейс. Они так же нашли небольшой дневник, заполненный сокращенными французскими словами. Среди прочих вещей не было ничего, что могло бы представлять в данный момент интерес. Спустившись вниз. полицейские поинтересовались машиной Анджелвина, но портье сообщил, что со стороны персонала гаража к джентльмену не поступало никаких претензий.

Позвонив Хоуксу на Ист-Энд авеню, они сообщили, что в «Коммодоре» вроде, вытащили пустой номер. И, не получив конкретных указаний как действовать дальше, они стояли у конторки помощника управляющего, мрачно прикидывая. куда отправляться дальше.

— Мы не должны были их задерживать, — посетовал Сонни. — Теперь бы мы всех накрыли.

— Так я *уже* сам сказал, что их надо брать, — заметил Уотерс.

— Я *сказал?* Да это же т ы. тупой идиот, захотел их взять! Я боялся, что...

— Офицер? — К ним обратился управляющий отелем. — Звонят детективу Гроссо...

Это был Хоукс. который орал в трубку.

Сонни прямо подпрыгнул с криком: — Шесть килограмм и еще осталось! — Он стал танцевать вокруг стойки, едва не сбросив аппарат на пол. — Лупоглазый! Фантастика! Ну и добыча! О'кей, мы сейчас будем на месте.

Бросив трубку, Сонни повернулся к Уотерсу; на его бледном и утомленном лице сейчас расплывалась сияющая улыбка. — Лупоглазику повезло! он взял Пэтси и его старика!

Агент вытаращил сияющие глаза.

— Где?

— В погребе у старика! И выволакивает еще из тайника под по толком!

Уотерс прямо подпрыгнул. хлопнув Сонни по плечу.

— Ну, ребята! *Ну, ребята!*

— Ну, что скажешь? — орал Сонни, тиская маленького агента. — А мы-то думали, что все прахом! — Он приобнял Уотерса за плечи и стал хлопать его по спине. Не в силах сопротивляться, Уотерс только дрыгал ногами в объятиях Сонни. — Значит, мы взяли Пэтси и француза! — Уотерс, не обращая внимания на удивленных постояльцев гостиницы, сделал пируэт в центре холла.

— Хорошо, что мы успели взять их, — бросил Сонни.

— Что я тебе все время и стараюсь доказать, — засмеялся Уотерс

— Ты? Да ты все время хотел отпустить их!

— Я? Ты что шутишь? Да я все время только и хотел задержать их!

— Да это я сказал, что пора их брать! — Сонни не мог скрыть восторга. — Двинулись, Френк!

В два часа, переговорив с Эдди Иганом, Кэри позвонил главе детективов Джеймсу «Лефти» Леггету в штаб-квартиру нью-йоркского департамента полиции, на Сентер-стрит 240 и сказал, что, по его мнению, необходимо Провести обыск в квартире дома 245 на Седьмой стрит в Бруклине. Необходимость этой процедуры объяснялась тем, что из города исчез Жан Джихан, «Гигант», с суммой, которая, как полиция позже подсчитала, должна была составлять около полумиллиона долларов мафии. Она хранилась в черной кожаной сумке, которая была под руками у Джихана в первой половине дня. Эти деньги должны были поступить в фонд вдов полицейских, если их удастся обнаружить.

У шефа всех детективов была прямая линия с пресс-службой и через несколько минут после звонка Кэри все газетные, теле- и радиорепортеры кинулись к дому Джо Фукка. Радио и вечерние издания газет изложили историю во всех подробностях. Можно было предположить, что Джихан, услышав новости, сразу же покинул город, хотя детективы неустанно рыскали в районе 60-х и 70-х улиц от Йорк-авеню до Ист-Энд в поисках респектабельного француза, который был близок к высшим эшелонам власти преступного синдиката.

Когда через полчаса после разговора с Иганом шеф Кэри сам явился в дом Фукка, вокруг него уже столпились радио- и телерепортеры. Стараниями детективов в погребе Фукка высились груды щебенки, среди которых лежали не только мешочки с героином, извлеченными из-под потолка, но и ружья, пистолеты, штыки и несколько ручных гранат. Шеф Кэри, пройдя на кухню, с отвращением

посмотрел на пьяного Джо Фукка и спустился в погреб. Лавируя среди груд мусора, он подошел к Эдди Игану.

— Одиннадцать кило героина — а оружия и боеприпасов хватит, чтобы уничтожить целую «семью» соперников, шеф, — с удовлетворением выдохнул Эдди.

Кэри, не веря своим глазам, покачал головой. — Самая большая добыча, которую мы накрыли разом!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

К тому времени Дик Олетта и Билл Бейли препроводили Пэтси и Барбару Фукка к их дому. Удивленная и испуганная горничная, которая сидела с детьми, с ужасом наблюдала, как двое полицейских начали тщательно обыскивать дом; Пэтси и Барбара, накаляясь яростью, мрачно следили за их действиями. Прошел час, но обыск не дал никаких результатов. Агент Бейли, рыскавший в поисках тайников, которые они, может быть, пропустили, поймал себя на том, что смотрит на кроватку хнычащего малыша. Кивнув в ту сторону, он попросил Барбару взять ребёнка на руки. Барбара было отказалась и Олетта двинулся к кроватке с явным намерением самому заняться ребенком. Барбара торопливо подхватила его на руки.

Олетта осторожно стянул одеяльце и поднял матрас. В дощатом дне была дырка диаметром в палец; подняв дно, Олетта увидел два 38-калиберных револьвера. Он ухмыльнулся, Бейли, который, кинув взгляд, расплылся в широкой улыбке. Полицейские повернулись к Барбаре и Пэтси, который хранил мрачное молчание.

Когда Олетта позвонил в дом к старику Фукка, его попросили оказать помощь в обыске дома Никки Травато. Иган сказал, чтобы он отправлялся туда, и те детективы, которых он сможет выделить, встретят его там.

Через несколько минут обыск в неряшливой квартире

Травато, в четырех кварталах от Шестьдесят шестой стрит, принес первые результаты: в карманах пальто Барбары Травато, висевшем в закрытом гардеробе, были найдены два пакетика с героином, по унции каждый. Никки выругался, увидев наркотик, и детективы вполне согласились с ним, что жена достойна осуждения за такую беспечность.

— Эй, Никки, — саркастически улыбнулся Олетта, когда они провожали коренастого грузчика вниз к машине. — Что бы сказал Малыш Энджи, если бы узнал, что вы с Пэтси из-за пары унций пустили ко дну весь семейный бизнес? — Страх, которым исказилось лицо Травато, красноречиво ответил на вопрос.

В доме стариков Фукка на Седьмой стрит Эдди Иган вручил Джиму Харли ордер на обыск дома Тони Фукка в Бронксе, который еще несколько часов сохранял свою силу.

Харли позвонил в квартиру Тони и ему ответила его жена. Тони не было дома. Он был им нужен — существовала возможность, что Пегги Фукка не догадывалась о занятиях мужа, и один только ордер не мог тут помочь. Полицейский, не представляясь, повесил трубку. По рации Харли связался с машиной, которая, предположительно, дежурила у закусочной Фукка. Да, Тони был там, по всей видимости не подозревая о развитии событий.

Через двадцать минут Харли с двумя другими детективами проехал через Квинс в Бронкс и остановился у дома Тони. Им пришлось просидеть тут около двух часов, беспокоясь, успеет ли Тони явиться домой до того, как к полуночи ордер потеряет силу; наконец рация из машины около закусочной сообщила, что Джой Десина только что подменил Тони и тот направляется домой.

Еще через двадцать минут глазам детективов предстал Тони, который, заперев машину, поднимался по лестнице дома на Брайант-авеню. Подождав в машине еще минут пятнадцать, детективы снялись с места. Проникнув в дом через нижнюю дверь, они поднялись на пятый этаж и постучали в дверь квартиры 15-С. Когда Тони Фукка открыл двери, детективы мгновенно оказались в прихожей.

Пока Харли предъявлял ордер на обыск насупившемуся Тони и совершенно ошеломленной Пегги Фукка, остальные начали методичный поиск. После того как были тщательно обысканы шкафы, столы и кладовки, они принялись за мебель. Внутри мягкой обивки дивана был найден заряженный револьвер 38-го калибра, три пакетика героина и пластиковый пакетик с полуунцией наркотика.

— Значит, Пэтси и тебя втянул в свой дешевый бизнес, — фыркнул Харли. — Довольно опасно, не так ли, Тони?

Видно было, что Пегги Фукка неподдельно изумлена этими открытиями. Тони, не в силах опровергнуть появившиеся доказательства, постарался отвести от жены всякое подозрение, и детективы согласились, что она, подобно Барбаре Травато, в самом деле не имела представления о творящихся вокруг тайных делах.

Тем временем другие детективы отправились брать отчима Барбары Фукка, Джо Десину. А в Манхэттене отряд федеральных и городских полицейских продолжал рыскать в районе Ист-Энд авеню в поисках Жана Джихана.

Иган продолжал триумфально рушить стены и пол в подвале, когда сверху его позвали:

— Эдди, тут тебе звонят.

Минуя пыльные кучи щебенки, Эдди поднялся наверх. При виде рыжеволосого детектива, злобное бурчанье Джо Фукка достигло крещендо в своей враждебности. Эдди махнул на него рукой и снял трубку. Звонил Винни Хоукс.

— Слушай, мы по-прежнему пытаемся найти нашу большую шишку. И тут мы выяснили, что на пятнадцатом этаже дома 45 по Ист-Энд обитает еще один француз.

— Эй! — Эдди припомнил, как в первый раз проследил Пэтси до этого дома и пронаблюдал, как тот в лифте поднялся до 15-го этажа. — И что вы от меня хотите? — спросил он.

— Гони в даунтаун, раздобудь ордер на обыск квартиры 15-С и возвращайся.

— Я еще не кончил разбирать этот дом, — запротестовал Эдди. — Почему именно я?

— Ты специалист по обыскам. А там, может, придется обнаружить что-то важное. Пусть остальные ребята закончат разваливать дом без тебя, — тон лейтенанта был властным и безапелляционным.

— О'кей, Винни, — пробормотал Иган, смиряя свое недовольство. — Кстати, мы тут набрали уже одиннадцать килограммов...

Когда Иган покидал дом Фукка, пространство перед ним уже было запружено машинами с радио- и телеаппа-

ратурой, репортерами, зеваками и полицейскими. Эту историю газеты подадут на весь разворот, подумал Иган, прокладывая путь к своей машине. Шеф Кэри вознесется на вершину славы.

Добравшись до бюро на Олд-Слип, Иган забрался в свой отсек и написал заявление, в котором обосновывал необходимость обыска по подозрению в квартире 15-С в доме 45 по Ист-Энд авеню. Текст он составил продуманно и тщательно. Есть все основания считать, писал он, что присутствует прямая связь между обитателем квартиры 15-С и Паскуале Фукка, который, как только что выяснилось, имел в своем распоряжении одиннадцать килограммов героина. Фукка был под наблюдением, в ходе которого выяснилось, что он поддерживал отношения с некими французами, которые подозреваются в контрабандном ввозе героина в Соединенные Штаты из Франции. Имеются доказательства, что Фукка как минимум один раз наносил визит в вышеупомянутую квартиру, занимаемую французом.

Игану потребовалось сорок пять минут, чтобы последовательно изложить основания для выдачи ордера, после чего он торопливо позвонил судье Верховного Суда штата Мишелю Швейцеру и осведомился, будет ли его честь в своем кабинете еще несколько минут. Судья согласился его подождать. Но к тому времени, когда Иган покинул помещение 1-го участка, было уже половина шестого вечера, и судья Швейцер выходил из лифта, собираясь домой. Иган торопливо изложил важность дела, и судья, сдерживая нетерпение, вернулся к себе и подписал ордер на обыск. К шести часам Иган уже мчался на Ист-Энд авеню.

Переводчик агент Мартин Пера наконец явился во временный штаб полиции в гараже и стал опрашивать Анджелвина и Скалью. Флемминг и Хоукс горячо жали руки Игану, поздравляя его. Сонни и Уотерс восторженно хлопали его по плечам, словно он только что сделал победное вбрасывание. Иган передал Флеммингу ордер на арест и они направились к управляющей домом, женщине, которая и проводила их до квартиры 15-С.

Обитатель ее был в Мексике в отпуске; отсутствовал он уже больше недели. Полицию заинтересовало, что в предыдущий раз джентльмен был в отлучке как раз в ту неделю ноября, когда Иган и Гроссо проследили Пэтси до

даунтауна и обнаружили «Бьюик», принадлежавший канадскому связному наркосети Морису Мартину.

Тщательный обыск роскошных апартаментов не выявил ничего интересного, пока Иган на обратил внимания на коробочку из-под спичек, ледащую на ночном столике. На ней была фирменная марка «Ла Крош д'Ор». В ночь на прошлую пятницу он проследил Джихана как раз до этого фешенебельного французского кафе. Вглядевшись в находку, он заметно оживился: заднюю стенку коробочки составляла маленькая сувенирная фотография. На ней были двое мужчин, одним из которых был Гигант. Он показал снимок управляющей домом. Гиганта опознать она не могла, но во втором мужчине она узнала хозяина квартиры. Стараясь не проявлять растущего возбуждения, Иган положил коробочку к себе в карман.

Несколько успокоившись, он решил не беспокоить женщину. Извинившись, он направился в богато оборудованную ванную, где, вынув из кармана пачку «Кэмела» и спички, он закурил и несколько минут пускал клубы дыма. Неужели они наткнулись на *настоящего* босса и организатора сей операции? *Сюда* ли поднимался Пэтси в тот день? Должно быть, так и было, о чем свидетельствовала фотография Джихана. О'кей. Игра сделана. Он вернулся в гостиную. В ней заканчивался обыск, в ходе которого не было найдено ничего предосудительного. Вслед за управляющей детективы покинули квартиру, спустились на лифте и вышли на улицу.

— Ну, хоть *кое-что* мы нашли, — сказал Иган, роясь в кармане в поисках коробка спичек.

— Что? — обескураженно спросил лейтенант Хоукс.

— Может, весьма значительную вещь. Во всяком случае, ее хватит, чтобы задать этому парню несколько вопросов. — Иган обыскал один карман и полез во второй. Спичек и там не было. Содрогнувшись, он вспомнил, что оставил их в ванной. И теперь он уже не мог вернуться в апартаменты. Ордер на обыск уже был использован, и он понимал, что второго получить ему не удастся — во всяком случае, пока кто-то не окажется в этой квартире и не станет свидетелем того, что полиция тут что-то искала... и обнаружит спички в туалете. Как не раз в ходе этого расследования, он ощутил томительный ком в желудке, но на этот раз он ничего не мог поделать.

Хоукс, связавшись с Бюро по наркотикам, убедился,

что все подозреваемые по данному делу отправлены на Олд-Слип для допросов. Он оставил несколько полицейских на месте продолжать поиск Джихана, после чего в компании Флемминга, Игана, Гроссо и Уотерса направился на Олд-Слип.

Ко времени их появления в Бюро по борьбе с наркотиками, там царил сущий бедлам, в котором двое стенографистов тщетно пытались записывать бессвязные высказывания. Первыми из арестованных сюда доставили Пэтси и Барбару Фукка. Из их дома чету отвезли сначала в 61-й участок в Бруклине, а затем в середине дня они оказались в 1-м участке. Когда жена Джо Фукка, Натали, вернулась домой, обнаружив его окруженным толпой зевак и репортеров, ее присоединили к мужу. Пару пожилых итальянцев удалось вывести из дома с некоторым трудом, потому что всю дорогу до Олд-Слип в полицейской машине она истерически вопила и рыдала. В участок по месту жительства доставили и Тони Фукка с Никки Травато, но обеим их женам было разрешено остаться дома. Скалья и Анджелвин были доставлены в 24-й участок на Шестьдесят восьмой стрит в Манхэттене для официального задержания, после чего и их отвезли в даунтаун. Со времени своего основания, Бюро еще не видело такого сборища. Подозреваемым была представлена в виде доказательства самая большая партия героина, которую до сих пор удавалось конфисковать в Соединенных Штатах.

Иган со своей группой явились около девяти вечера, когда им пришлось проталкиваться сквозь толпу фотографов, телеоператоров и репортеров, все из которых требовали каких-то известий в связи с данными арестами. Добираясь на третий этаж старого здания 1-го участка, они слышали возмущенные крики старого Джо Фукка. На площадке между вторым и третьим этажами Фукка оттолкнул сопровождавшего его детектива и ткнул фотографа, который только что снял его. Удар выбил камеру, и та с грохотом разбилась о мраморный пол в пролете лестницы. Иган было рванулся к старому итальянцу, но тот, завидев угрожающее движение рыжего ирландца, съежился и затих.

Полицейские из Бюро наркотиков постарались разделить подозреваемых, разведя их по отдельным отсекам. Сотрудники, которые активно участвовали в расследовании дела, ходили из одного отсека в другой, опрашивая

задержанных и стараясь собрать факты воедино. По зданию разносились истерические вопли Натали Фукка. Они достигали самых высоких нот, стоило ей только бросить взгляд на жену сына, Барбару, которая продолжала играть роль «крутой бабы» — она жевала резину, покачивала бедрами и презрительно оглядывала окружающих.

— Она есть шлю-ха, дешевая шлю-ха! — вопила Натали. — Ты нас втащить в эти неприятности! Паскуале, почему ты жениться на этой дешевой потаскуха?

Иган и Гроссо наконец затащили Барбару и Пэтси в свой отсек и стали допрашивать их. Как и ожидалось, расколоть Пэтси оказалось непросто.

— О чем вы тут толкуете? — орал он. — Знать не знаю никаких французов. Почему бы вам не ловить убийц вместо того, чтобы вешать на меня разную чушь?

— Только не рассказывай нам, что в «Кадиллаке» Никки Травато ты не болтался вокруг дома на Ист-Энд авеню, — рявкнул на него Иган. — Помнишь, как ты увидел меня в конторке гаража?

Пэтси уставился на детектива:

— То-то я вижу, что вы мне *знакомы*.

— А как насчет докторов? — поддразнил его Иган.

— Ах, сукин сын! — вырвалось у Пэтси. — Значит, вы, ребята, забегали ко мне из больницы! — он повернулся к Барбаре. — Я всегда думал: есть что-то странное в этих долбаных типах!

Но как бы Пэтси ни был поражен доскональными знаниями полиции о его действиях, он ничего не признал. Детективы представили ему убедительные доказательства, что в данный момент Никки обвиняет его, но он так и не пал духом. Детективы переходили от одного задержанного к другому, пытаясь из каждого вытащить хоть крупицу полезной информации — но без больших успехов.

Наконец шеф Кэри созвал всех, принимающих участие в расследовании данного дела, в большой передней комнате. Всего тут оказалось чуть не девяносто детективов из городских сил и все федеральные агенты, что были под рукой. В течение часа шеф терпеливо оценивал разрозненные данные, пытаясь понять, куда сунуть Анджелвина; полицейские, один за другим доложив, что им известно и что они собираются делать, покидали собрание. И вот остались только пятеро: детективы Иган и Гроссо, лейтенант Хоукс, сержант Флемминг и агент Уотерс.

— О'кей, — в завершение объявил Кэри, — теперь мне все ясно. Внизу ждут два помощника окружного прокурора, Боб Уэлш из Бруклина и Ирвинг Ланг из Манхэттена. Мы должны представить им общую картину дела и послушать, какие они сделают выводы.

Кори со спутниками спустились вниз, где их ждали работники окружной прокуратуры. Уже близилась полночь. Не меньше часа оперативники излагали все подробности дела. Внимательно выслушав их, Ирвинг Ланг сказал, что, по его мнению, дело недостаточно обосновано, чтобы его могли принять к слушанию в Манхэттене. У полицейских опали физиономии.

Тем не менее, Роберт Уэлш сказал, что, действуя от имени прокурора округа Кингс Эдварда Силвера, он *берется* принять дело к рассмотрению в Бруклине. В возбуждении Иган, Гроссо, Уотерс и их начальство поднялись на третий этаж, где занялись формальностями по отношению к подозреваемым, которые отныне официально стали считаться «задержанными».

Так как Сонни официально был детективом второго класса, ждавшим получения первого, было решено, что официально он возьмет на себя арест Пэтси и Барбары Фукка, а Иган официально арестовывал только Скалью. Остальные детективы распределили между собой задержания Никки Травато, Джо Фукка, Тони Фукка и Джо Десины. Анджелвин остался в роли свидетеля.

Смертельно уставшим детективам пришлось трудиться всю ночь восемнадцатого и утро девятнадцатого, чтобы завершить допросы и определить по местам заключения задержанных. Бумаг было бесконечное множество. Мало того, каждый задержанный должен был быть отправлен для содержания под стражей в тот район города, в котором его арестовали.

В десять часов пятничного утра шесть из них были доставлены обратно в Бруклин — все, кроме Тони Фукка, возвращенного в Бронкс, — где все они предстали перед судьей Рубеном Леви из суда по уголовным делам округа Кингс. Все обвиняемые были выслушаны составом суда, собравшимся на предварительное слушание. Первым на свидетельское место вышел детектив Эдди Иган и выдвинул формальное обвинение против Франсуа Скальи: заговор с целью контрабандного ввоза и продажи запрещенных наркотиков. Сонни Гроссо в свою очередь выдвинул

обвинение против Пэтси Фукка: участие в заговоре и хранение наркотиков. Затем каждый из полицейских, производивших арест, выходя вперед, излагал формулу своего обвинения: против Джо Фукка, как соучастника преступных деяний; против Никки Травато, владевшего наркотиками; против Барбары Фукка, соучастницы. Что же касалось Жака Анджелвина, помощник окружного прокурора из Бруклина Уэлш рекомендовал суду в настоящее время рассматривать его как свидетеля в деле против Скальи и семейства Фукка.

Чтобы вынести решение, потребовалось не более пятнадцати минут. Анджелвин должен был содержаться в Гражданской тюрьме в Манхэттене, известной под именем «клетка для алиментщиков». Барбара Фукка была отослана в Манхэттенскую женскую тюрьму предварительного заключения, и ей предстояло для освобождения внести залог в пятьдесят тысяч долларов. Пэтси Фукка, его отец, Скалья и Травато нашли пристанище в тюрьме в Бруклине на Раймонд-стрит, и всем им, кроме старика, предстояло внести залог по сто тысяч долларов. Залог за старого Фукка составлял пятьдесят тысяч долларов.

В пятницу днем, по завершении столь долгой охоты, Эдди Иган и Сонни Гроссо отправились по домам, решив не просыпаться до субботы.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

В субботу утром Иган был вызван к шефу Кэри, чтобы проводить полицейского фотографа до дома семейства Фукка и помочь ему сделать снимки подвала, где были обнаружены героин и оружие. К удивлению Игана, огромные кучи отбитой штукатурки и щебенки были убраны столь тщательно, что единственными следами разгрома, происшедшего два дня назад, остались лишь ободранные стены и развороченный потолок. На полу не было ни пятнышка. Иган прикинул, что, должно быть, сюда явились какие-то доны глянуть, что, может быть, полиция чего-то и упустила из виду. Он выругал себя за небрежность: надо было поставить охрану к дому.

Пока фотограф был занят своими делами, в дальнем углу подвала Иган заметил большую деревянную крышку, на которую не обратил внимания раньше. Подняв ее, он увидел у своих ног яму примерно двух футов глубиной, размерами напоминающую могилу. Она была пуста. Но Игану пришло в голову, что в этом объеме могло храниться куда больше героина, чем те двадцать четыре фунта, что были найдены в потолочном тайнике. Черт побери, ведь где-то тут было куда больше героина! Может, он наткнулся на тот «банк», откуда и доставлялся наркотик, пока не был весь исчерпан.

Дело было в том, что до сей поры расследователи не

могли отделаться от скептического ощущения, что Пэтси и французские наркобароны вряд ли стали бы подвергать себя такому риску, жертвой которого они и стали, ради сравнительно незначительных одиннадцати килограммов зелья. По-прежнему оставались неразрешенными вопросы, сколько зелья они ввезли в страну и сколько у них было подручных. В чем заключалась роль французского телевизионщика Анджелвина, у которого не было никакого криминального прошлого; для чего он был им нужен? И что представляли собой те двое «лягушатников», до которых пока так и не удалось добраться?

Так и не было пока найдено никаких денег. Полиция подсчитала, что на сегодняшний день оптовая цена за килограмм «Г» составляла от десяти до двенадцати тысяч долларов; так что, предположительно, где-то плавало около сто двадцать тысяч долларов или же они ушли в чей-то карман. После «разделения» этого объема, переходя от посредника к посреднику и наконец попадая к непосредственным потребителям, стоимость этого количества наркотика возрастала примерно в тридцать раз. И мало того, все продавцы кричали, что работают чуть ли не себе в убыток.

Но где же хранился остальной наркотик? Разошелся ли он уже по рукам? Это было *вполне возможно*. Времени у объектов слежки было более чем достаточно, около недели, в течение которой товар мог разойтись по различным связникам. И тем не менее, исходя из материалов слежки и своего опыта, расследователи сомневались в этом. Полицейские информаторы пока и словом не обмолвились, что на улицах появилась новая порция «джанка»; паника продолжала царить.

Если бы им удалось выяснить, каким образом «лягушатники» доставили товар, это могло бы дать ключ к поиску места его хранения. В таком случае удалось бы доказать, что иностранцы участвовали вместе с Пэтси в незаконной деятельности, и предъявить им обвинение. Пока не удалось доказать, что они владели объемом наркотика и собирались его продавать, Барбье, ныне опознанный как Скалья, и Анджелвин, лишь подозреваемый в участии в данном заговоре, продолжали находиться под стражей. Но ни крошки героина при них не было найдено. И оба продолжали настаивать на своей полной невиновности.

В понедельник 22 января, отменно выспавшись за две предыдущие ночи, Сонни Гроссо разбирался в вещах и предметах, изъятых в номере Анджелвина в «Коммодоре». Среди бумаг были копии его переписки с пароходной компанией. В декларации Анджелвин заявил вес своего багажа и машины равным 4685 фунтов. Вскоре после своего появления в «Уолдорфе» он получил подтверждение на заказанный билет для возвращения на лайнере «Америка», а также просьбу уточнить, не произошли ли изменения в декларации. Хотя до Америки Анджелвин добирался в туристском классе, обратно он собирался плыть только в первом классе. Его ответ в пароходную компанию, от которого он заботливо сохранил копию, немедленно вызвал подозрительность у насторожившегося Сонни. Подтверждая свое желание вернуться упомянутым рейсом, Анджелвин добавил, что ошибся, оценивая вес автомобиля и личных вещей, и что на деле «Бьюик» и прочее весят 4573 фунта — на 112 фунтов меньше, чем он первоначально предполагал. Как правило, когда владелец автомобиля берет его с собой в заморскую поездку, он сразу же заполняет декларацию в оба конца. Теперь же он требовал меньшей суммы оплаты за обратную доставку груза. Разница для французской телезвезды, как подсчитал Сонни, должна была составить 33 доллара.

Но почему его груз потерял 112 фунтов? Разве большинство визитеров не возвращаются с *увеличившимся* за счет покупок и сувениров грузом? Все остальное в декларации соответствовало первоначальным записям. Каким образом владелец машины мог отметить изменение ее веса за неделю до отплытия?

Сонни был просто ошеломлен, когда прикинул самый реальный вариант. Если эти 112 фунтов составляли подлинный вес героина, который был контрабандно ввезен в США, то это, значит, был самый большой объем наркотика, когда-либо доставлявшийся в Нью-Йорк. И это означало, что предстояло найти еще 88 фунтов, около 40 килограммов героина, который, по самым скромным подсчетам, тянул на 25 или 26 миллионов долларов. Конфискацией такого груза международной сети наркодельцов мог быть нанесен сокрушительный удар, и вот почему было исключительно важно выдвинуть обвинение против главных действующих лиц.

Пустая яма в подвале дома Фукка подкрепила предположения, появившиеся при лицезрении второй декларации Анджелвина относительно веса его машины, и привела свидетелей к выводу, что доставка осуществлялась при помощи автомобиля телезвезды. В четверг 25 января Сонни получил ордер на его обыск — по иронии судьбы, именно в этот день Анджелвин должен был подниматься на борт «Америки». Не полагаясь на надежность запоров полиции, детективы укрыли «Бьюик» в старом заброшенном гараже на Микер-авеню в Бруклине. Найти его там мафия никак не могла.

Как только ордер обрел официальную силу, механик отделения автомобильного транспорта департамента полиции Ирвинг Абрахамс дюйм за дюймом обследовал «Бьюик», шов за швом проверил все панели и скрепления. Во всей конструкции он не обнаружил ни следа наркотиков и никаких тайников.

На помощь ему были призваны инженеры-специалисты по конструкции «Бьюиков», и вот они-то и нашли то, что искала полиция. Под передним бампером был ряд болтов, заляпанных сцементировавшейся грязью, которые, казалось, целый век никто не отвинчивал. Но когда удалось отколупать и изучить образцы этой грязи, выяснилось, что они представляли собой не смесь дорожной пыли и прочих конкреций, как можно было ожидать, а специальную липкую смесь, напоминавшую по консистенции свежую грязь. Образцы подверглись изучению в полицейской лаборатории, которая установила их французское происхождение. И, что было куда более важно, днище машины было замазано ею сравнительно недавно, примерно неделю-другую назад.

Инженеры принялись трудиться над болтами, которые крепили какую-то панель, отходящую от радиатора. Они не поддавались никаким усилиям. Пришлось связываться с заводом в Детройте, откуда поступило уточнение, что данная модель «Бьюика» принадлежит к тем образцам «Дженерал моторс», на которых некоторые болты можно откручивать или завинчивать только при включении электросистемы в машине. Было включено зажигание, и необычные болты наконец поддались.

Первой была снята тонкая пластинка, прикрывавшая емкость с левой стороны. Она оказалась достаточно внушительной — детективу удалось засунуть туда чуть ли не

всю руку, не встречая никаких препятствий. Тайник, чувствовался, тянулся по всей длине машины. С другой стороны машины, под фарами, удалось выявить еще несколько потайных мест. Там хватало пространства для укрытия даже больше 112 фунтов героина в небольших расфасовках.

С помощью пылесоса полицейские прочистили внутренность тайников и изучили образцы. Они представляли небольшое количество белой пыли, общим объемом не больше кучки пепла на конце сигареты. Тест Марке убедительно доказал, что это — производное опиума.

Теперь Сонни Гроссо и Эдди Иган имели хотя бы первое представление, с чего начинать поиски все еще не найденных 80 фунтов зелья. Несколько раз в ходе слежки они наблюдали за Пэтси, который или болтался поблизости от гаража Антони, или же заходил в него. Может быть, именно там и сбрасывалось недостающее количество героина или же там передавались деньги — или и то, и другое вместе.

27 января они, храня на лицах суровое выражение блюстителей закона, заявились к Антони, хотя, по сути, они не могли ему предъявить никаких обвинений, кроме того, что одна из ключевых фигур в этом деле, как известно, посещала автомастерскую. Такой стиль допроса принес свои плоды, и перепуганный Антони Феола, владелец автомастерской и механик, нервничая, признал, что Пэтси заплатил ему 50 долларов за то, что он ставил на место нижнюю панель и замазал болты грязью из банки, которую ему вручил Пэтси. Затем Феола отвел машину на Ист-Бродвей и оставил там. Но эта информация не дала практически ничего, кроме легкого удовлетворения, что еще несколько деталей головоломки встали на место.

Тщательное обследование гаража в доме 45 по Ист-Энд авеню тоже ничего не прояснило, кроме подтверждения, что «Бьюик» Анджелвина в самом деле стоял тут несколько дней. Он был поставлен 16 января «каким-то иностранным типом» (Анджелвином) и 18-го он же забрал его. За это время приехал Пэтси Фукка в «Кадиллаке» Травато, оставил его, сел в «Бьюик» и куда-то уехал; он был в отлучке весь день и вернул машину лишь во второй

половине следующего дня, но куда он ездил, пока оставалось неизвестным.

Полиция пришла к выводу, что вряд ли Сол Фридман, владелец гаража, пользовавшийся репутацией хитрой осторожной личности, пошел на риск разрешить перегружать у себя такое большое количество наркотика, тем более, что у него и раньше были довольно напряженные отношения с законом. Тем не менее, практически не было сомнений: Фридман *знал*, что у него делается — хотя, опять-таки, выдвинуть против него обвинение в участии в преступном сговоре было почти невозможно. Но детективы пришли к выводу, что гараж на Ист-Энд авеню был только передаточной станцией в схеме операции. Пэтси отогнал «Бьюик» в какое-то другое место, где его и разгрузили.

Роясь в досье, они установили, что у Фридмана был малозаметный партнер, Эрни Шульман, некий громила, который имел отношение к делам с наркотиками. Шульман получал свою долю от доходов с этого гаража и сам был владельцем другого коммерческого гаража на Тримонт-авеню в Бронксе, к которому Фридман не испытывал интереса. А вот этот-то гараж отстоял всего в шести кварталах от местожительства брата Пэтси — Тони Фукка.

Иган и Гроссо поехали в Бронкс. Вооружившись снимком машины Анджелвина, они небрежно зашли в гараж, где обнаружили старика-механика, трудившегося над помятым задом чьей-то машины. Показав ему снимок, они осведомились, была ли такая машина в гараже. Пока механик разглядывал изображение, Игану показалось, что в глазах у него мелькнула искорка — но на первых порах от него ничего нельзя было добиться. Иган насел на него и через несколько минут жесткого давления механик припомнил, что вроде неделю назад такой «Бьюик» пригнали трое мужчин, один из которых, как ему кажется, живет где-то по соседству. Прибывшие трудились над машиной почти весь день, а потом уехали на ней. Иган успокаивающе потрепал старого механика по плечу, и, подмигивая друг другу, они с Гроссо удалились.

Теперь детективы направились к дому Тони Фукка. Они не тешили себя надеждой, что Тони представляет собой важную шестеренку в механизме Анджело Туминаро. Как и приятель Пэтси Никки Травато, докер Тони был

грубоват, неотесан, необразован и, насколько полиции было известно, не одарен какими-то способностями. Хотя приводов у него не было. Большую часть времени он болтался вокруг Пэтси, подсобляя тому управляться со своей закусочной в Бруклине по уик-эндам. Даже после того, как в ходе обыска в его квартире было обнаружено три с половиной унции героина и заряженный револьвер, полиция продолжала оценивать роль Тони всего лишь как мускульной силы, хотя вполне возможно, что и осведомленного соучастника, но вряд ли мафия могла ему доверить отвечать за товар.

Но теперь Игану и Гроссо пришлось пересматривать свои предположения. Они припомнили перехваченный в ночь перед арестом разговор между Пэтси и «дядей Гарри». Говоря вроде о какой-то одежде, приобретенной Пэтси, «дядя Гарри» посоветовал ему «одновременно пускать в ход только несколько предметов» и что он должен «хранить остальное» в кладовке. «Только несколько предметов» могли быть теми одиннадцатью килограммами, найденными в подвале Джо Фукка, которые от имени Малыша Энджи поступили местной организации, управляемой Пэтси. «Остальное» должно было храниться в каком-то подходящем месте, откуда ему и предстояло появляться в связи с потребностями рынка.

Пэтси заверил «дядю Гарри», что «все остальное» хранится отдельно. Но кроме нескольких случайных унций, ни в собственном доме Пэтси, ни в его закусочной, так же, как в квартирах Никки Травато и Тони Фукка, ничего больше не было найдено. Но тут один из детективов, производивших арест Тони, вернулся после краткого отпуска и припомнил, что в ночь ареста обыскивалась *только* квартира Тони; остальная часть здания осталась неосмотренной. Это известие дало новый толчок мыслям Игана и Гроссо. Дом Тони был недалеко от гаража Шульмана, в котором, в чем они не сомневались, и состоялась передача груза из «Бьюика» Анджелвина.

Тони Фукка со своей женой Пегги и двумя маленькими дочерьми в доме 1171 по Брайант-авеню в нижнем Бронксе в здании, которое в случае пожара могло быть просто ловушкой. Оно представляло собой обветшавшее пятиэтажное строение потемневшего кирпича, неотличимое от таких же соседних домов или, точнее, от всех таких зданий в бедных кварталах Нью-Йорка. Тротуары и мостовые тут были покрыты мусором и обрывками бумаги. В свое время эти районы были заселены большей частью итальянцами и еврейскими иммигрантами из Восточной Европы, но теперь тут был наплыв пуэрториканцев и осталась лишь малая часть евреев и итальянцев. Тони и был одним из немногих оставшихся итальянцев. Он с семьей жил в квартирке из трех с половиной комнат на верхнем этаже.

Пока Иган осматривал окрестности дома, Гроссо пошел к смотрителю. С боковой стороны дома был покатый спуск на аллею, отделявшую этот дом от соседнего. Отсюда шаткая деревянная дверь со стеклянными панелями в верхней части вела в подвал. Внутри узкий коридор от входа вел в бойлерную, где Сонни и обнаружил смотрителя, возившегося у нагревателя. Тощий остроглазый человек лет пятидесяти бесстрастно принял появление полицейского, когда тот представился. Сонни объяснил, что недавно тут поблизости произошла серия ограблений, и полиция, не поднимая большого шума, осматривает окрестные дома в поисках укрытия, где могли бы храниться похищенные вещи.

— Мы не утверждаем, что они именно в этом здании, — сказал детектив, — но^ на всякий случай, мы хотели бы уточнить, куда жильцы складывают вещи, если их понадобится скрыть от посторонних глаз?

Смотритель повел Сонни по коридору.

— Тут есть чуланчик для емкостей с краской, кладовка для старых чемоданов и сундуков, — у него был легкий немецкий или славянский акцент, — и помещение для колясок, ну, понимаете, детских колясок. Но я не думаю...

— Можете ни о чем не беспокоится, — тепло улыбнулся Сонни. — Мы не доставим вам никаких хлопот. Просто аккуратно и тихонько все обследуем. Вы нам только помогайте, и все пройдет прекрасно. И нам бы не хотелось, чтобы *кто-нибудь* знал о нашем появлении здесь — договорились?

Тощий человек кивнул и тут же вытаращил светло-голубые глаза.

Через час Гроссо и Иган, перепачкавшись в пыли, выволокли из так называемой «комнаты для колясок»

тяжелый закопченный, мятый и обтянутый паутиной, паровой котел, который лежал на трухлявой полке в шкафу рядом со входом в погреб. На его закопченной поверхности было мелом нацарапано «Фукка». Они вместе опустили находку на пол и попытались открыть его. В нем находились два потрепанных саквояжа. Иган и Гроссо извлекли их и, когда открыли, буквально задохнулись при виде своей находки. Саквояжи были доверху наполнены пластиковыми пакетиками с белым порошком. Они насчитали 88 пакетиков, по фунту каждый, и если героин был столь же чистый, как и партия, найденная в доме старика Фукка, его стоимость в сто раз превышала такой же вес золота.

Иган стал выгружать пакетики, пока Сонни, выскочив на улицу, по рации из своей машины связался с Бюро наркотиков. Через час в компании Уотерса прибыл лейтенант Хоукс, и, посовещавшись, они решили оставить все, как было, и поставить наблюдение, пока кто-то не придет за этим грузом. За *таким* количеством кто-то должен бы придти.

В этот же самый день в Неаполе шестидесятилетний Чарли (Лакки) Лучано, депортированный итало-американец, вице-король мафии, который, как предполагалось, продолжал исполнять роль босса в Соединенных Штатах даже из своего дворца в изгнании, потерял сознание и умер от внезапного инфаркта.

Лучано мог или не мог знать, что в это самое время американские и итальянские агенты по борьбе с распространением наркотиков с помощью французской полиции, готовятся арестовать его по обвинению в контрабандной доставке наркотиков в США, на сумму больше чем 150 миллионов долларов, что поступили в страну за предыдущее десятилетие.

Но во всяком случае сомнительно, чтобы Пэтси и Тони Фукка, которые по отдельности сидели в камерах нью-йоркских тюрем, дожидаясь обвинения, могли представить себе, что провал их операции окончательно содействовал международному содружеству, направленному против сети Лучано и, может быть, даже довел их *капо* до могилы.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Все члены семьи Фукка находились под арестом, а теперь найденные в машине следы героина прямо обвиняли Анджелвина, который числился как «свидетель» заговора, пока не будет доказано его непосредственное участие в нем. Помощник окружного прокурора Мишель Гальяно, представлявший своего шефа Эда Силвера, дал указание представить дело для оценки и рассмотрения перед большим жюри.

Прежде чем дело по уголовному обвинению идет в суд, большим жюри округа должен быть составлен обвинительный акт. Большое жюри состоит из двадцати трех граждан — двадцати двух младших членов жюри и одного старосты. Квалификация членов такого жюри должна быть более высокой, чем у жюри суда присяжных. Их список составляется главным образом из добровольцев, большей частью действующих профессионалов или вышедших в отставку солидных людей, и, в общем и целом, они обладают значительно более широким умственным кругозором, чем «призванные по списку» члены суда присяжных. Из двадцати трех его членов — из которых должно быть не менее шести женщин — должен составиться кворум не меньше чем из шестнадцати человек и, чтобы вынести обвинительное заключение, за него должны голосовать не меньше шестнадцати. В случае, если голоса делятся одиннадцать к одиннадцати, голос старосты становится

решающим. В Бруклине каждый состав избранного большого жюри должен был посвящать заседаниям не меньше месяца каждые два года. Тем не менее, приступая к рассмотрению какого-либо дела, состав присяжных продолжал заседать, пока не был утвержден обвинительный приговор, или же признавалось, что собранных доказательств недостаточно для вынесения такого решения.

Большое жюри Бруклина собиралось в строго изолированном помещении на шестом этаже древнего здания Верховного Суда округа Кингс. На все это время члены жюри были надежно ограждены от влияния общественного мнения и возможных неприятностей. Специальный лифт поднимал членов жюри с нижнего этажа здания суда до их совещательной комнаты, доступ к которой был закрыт для публики. Во время слушания доступ туда имели только окружной прокурор или его помощники; жюри последовательно выслушивало одного свидетеля за другим. Судьи тут не было. Поскольку единственной целью слушания было стремление составить представление обоснованности обвинения, свидетели должны были являться без советчиков, и перекрестный допрос им не устраивался. Тем не менее, свидетелям — кроме обвиняемых — гарантировался иммунитет против самообвинений, и пусть даже кто-то признался бы перед большим жюри в убийстве, это не было бы использовано против него. Что же до обвиняемых, то мало кто из заключенных представал непосредственно перед большим жюри, потому что в таком случае он не пользовался определенными гражданскими правами, как и правом на иммунитет, и его адвокат также не имел права участвовать в слушании.

Помощник окружного прокурора округа Кингс Мишель Гальяно, понимая всю важность обоснованного обвинительного заключения по делу Фукка, не без удовольствия убедился, что первый состав большого жюри еще продолжает сессию, которая, правда, уже приближалась к концу. Старостой этого состава был Джек Шампань, человек, к чувству справедливости которого и вдумчивости Гальяно питал большое доверие. Шампань сам пятнадцать лет был в различных составах большого жюри и, насколько Гальяно было известно, состав, который он ныне возглавлял, состоял из на редкость опытных присяжных.

Во второй половине дня 7 февраля, на которую было назначено слушание этого дела, Гальяно успел торопливо

добраться до здания суда и перехватить старосту, который как раз выходил из лифта, спустившегося из зала для слушания. Гальяно узнал, что Шампань уже был готов вот-вот распустить свой состав жюри. Помощник окружного прокурора торопливо объяснил суть дела старосте, крепкому коренастому мужчине под шестьдесят лет, с густой шапкой седых волос, который, слушая, внимательно вглядывался в собеседника сквозь толстые стекла очков. Шампань ныне занимался строительством, но в свое время он был офицером в системе исправительных учреждений города и штата, а порой даже исполнял отдельные поручения офиса окружного прокурора в таких сложных делах, как расследование деятельности гангстеров, исполнителей наемных убийств. Шампань сразу же проявил интерес к этому делу о наркотиках и его международному размаху, так что они с Гальяно вернулись в лифт большого жюри. На шестом этаже в коридоре рядом с залом для слушаний они наткнулись на большинство членов жюри, которые уже собрались уходить. Со всей наивозможной убедительностью, Шампань быстро уговорил коллег, что перед ним предстанет самое «горячее» дело о наркотиках, с которым когда-либо предстояло сталкиваться большому жюри. И сложность в том, объяснил он, что делом предстоит заняться немедленно, потому что на следующий день предстоит заседать другому большому жюри. К шести часам члены первого состава большого жюри снова собрались в своем зале.

Гальяно открыл дело, представив рассказ детектива первого класса Эдварда Игана о том, как он 19 января арестовал Франсуа Скалью. Иган в подробностях изложил суть своего обвинения. Итак, судьба дела теперь перешла в руки первого состава большого жюри, в которых ему и надлежало пребывать, пока не будет вынесено то или иное решение.

С задержания 18 января и вынесения на следующий день постановления об аресте Пэтси Фукка был очень озабочен судьбой своей жены и отца. Мысль, что они вынуждены находиться в заключении, наконец заставила его обратиться к детективам Игану и Гроссо с согласием на сотрудничество, если они позаботятся об освобождении Барбары и старого Джо. Пока детективы не

дали ему никаких обещаний. В самом ли деле Пэтси *разговорится*? Пэтси в какой-то мере ответил на их сомнения, сообщив, что вечером дня ареста, 18 января, он собирался встретиться с французом, с Жаном Джиханом в баре «Внутренний круг». Он также указал, что у Гиганта должна быть с собой большая сумма денег. Иган и Гроссо, надеясь на благополучный исход, позвонили старосте большого жюри Шампаню и помощнику окружного прокурора Гальяно, чтобы они присутствовали при допросе.

Но быстро стало ясно, что это — вся помощь, которую Пэтси мог оказать закону. Отвечая на прямые вопросы людей, которые за последние четыре месяца отслеживали едва ли не каждое его движение, он оказался не в состоянии добавить хоть какую-то новую информацию к тому, что уже было им известно. В то же время он отказывался отвечать на опасные для себя вопросы или откровенно врал. Наконец, когда Шампань надавил на него, требуя ответа относительно его личной активности в широких операциях мафии с наркотиками, Пэтси дрогнул.

— Да вы что, шутите? — захныкал он. — Если я буду отвечать на такие вопросы, можете считать меня трупом. Да если они вообще узнают, что я разговариваю с вами, меня прикончат!

Поняв наконец, что желание Пэтси «сотрудничать» с самого начала было притворством, староста большого жюри, улыбаясь, встал, подошел к окну и, повернувшись к заключенному, объявил:

— В таком случае, можешь сразу же прыгать отсюда!

Когда начались слушания большого жюри, Бюро наркотиков получило анонимное письмо из Франции. Его автор сообщал, что мафия и синдикат с большим отчаянием восприняли сообщение о потере такого груза героина и они настолько уверены, что Скалья, Фукка и Анджелвин заговорят, что уже выдан контракт на их устранение. Сообщалось, что наемным убийцей будет метрдотель одного из самых шикарных и дорогих ресторанов Нью-Йорка, название которого в письме не приводилось.

После этого загадочного предупреждения, Скалью тут же перевели в тюрьму самого старого режима в Кью-Гарденс в Квинсе, а Анджелвина в тюрьму такого же режима в западной части Нью-Йорка. Поскольку Скалья, по всей видимости, был первым кандидатом на устранение, полиция исходила из предположения, что любой киддер, знакомый с системой тюремного заключения в Нью-Йорке, будет исходить из предположения, что Скалья продолжает сидеть в тюрьме в Манхэттене, поскольку было принято содержать человека в том же районе, где он и был арестован. По той же самой причине, Пэтси, которого арестовали в Бруклине, был переведен в Манхэттен на Уайтстрит, 125, заведение на которой было лучше известно под названием «Могила».

В течение первого месяца, пока длилось слушание перед большим жюри, детективы Иган и Гроссо так и носились между зданием суда в Бруклине и домом Тони Фукка в Бронксе. С тем героином, найденным в колясочной, общее количество обнаруженного наркотика точно равнялось 51 килограмму или примерно 112 фунтам: точно та самая разница в весе, которую столь тщательно подсчитал Жак Анджелвин, собираясь в обратный путь во Францию.

Не было никаких сомнений в том, что общий объем перехваченного наркотика составлял самое большое его количество, когда-либо задержанное правоохранительными органами Соединенных Штатов; он перекрыл предыдущий рекорд, установленный пятнадцать месяцев тому назад, когда некий южно-американский дипломат из миссии при ООН был перехвачен со ста фунтами героина, принадлежащими лично ему. Но с точки зрения офицеров, занимавшихся наркотиками, оставался один неудовлетворительный аспект в деле Фукка. При всем уважении к найденным сорока килограмам, как они определят, кому они принадлежат? Шла некая игра, кто кого «пересидит». И семейство Фукка, и два француза продолжали пребывать в тюрьме, и Эдди Иган убеждался, что «никого не осталось прихватить этот груз». Эта мрачная оценка имела в виду и Тони Фукка, поскольку, хотя и не подлежало сомнению, что именно он укрыл чуть ли не полцентнера наркотиков в кладовой своего дома, этот факт еще предстояло доказывать.

Тем временем полицейские информаторы по всему го-

роду начали сообщать, что «вокруг» начинает расти беспокойство. Мелкие наркоманы, пушеры и связники низшего ранга начали ощущать нехватку героина. Но, что было куда более важно, оптовые распространители тоже начали ворчать и, по всей видимости, собирались предпринять кое-какие действия, чтобы уберечь, если вообще не вернуть обратно свои вложения капиталов. В их число входили и «деловые» гангстеры, которые платили Пэтси обусловленные суммы за постоянство поставок, а ныне они заставляли себя ждать.

Полиция предполагала, что рано или поздно кто-то из разочарованных связников мафии попытается достать те самые восемьдесят восемь фунтов из подвала дома Тони Фукка. Поэтому и было принято решение оставить эту находку нетронутой в подвале по Брайант-авеню, 1171. И подвал, и само здание, и вся округа были взяты под круглосуточное наблюдение. Полицейским из Бюро наркотиков оставалось лишь ждать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В воскресенье 4 февраля 1962 года, через семнадцать дней после первых арестов началась постоянная вахта у дома Тони Фукка в Бронксе. Она состояла из восьмичасовых смен, в каждой из которых были два нью-йоркских детектива и три федеральных агента. Предметом внимания продолжал оставаться все тот же погреб, где на полке в шкафу лежал груз героина. Это помещение было рядом с выходом из погреба, который был обращен к аллее. Слева от входа в погреб была лестница, которая вела в холл здания. Неподалеку от колясочной располагался чулан, который служил местом хранения бидонов с краской. Слева от колясочной, не видимое от входа, было запущенное пыльное помещение, заваленное выцветшими портьерами из квартир сверху, ломаной мебелью, матрасами, игрушками, тряпьем и продавленными чемоданами. Еще дальше, свежевыбеленный коридор вел в бойлерную на задах, где было вдосталь агрегатов, труб и клапанов. Тут было единственное теплое место во всем погребе, и в бойлерной находили себе приют те, кому требовалось хоть немного вздремнуть во время долгих зимних бдений. Рядом с жужжащим водяным котлом, на бетонный пол был брошен старый матрас. Дежурившие полицейские обладали арсеналом, который включал в себя автоматы, пистолеты, гранаты со слезоточивым газом и вдоволь обойм с боеприпасами. Никто не представлял,

какая банда явится извлекать спрятанный груз «джанка». Надежной информации о том, что может произойти, практически не было; тем не менее, напряжение чувствовалось.

Иган, Гроссо и агент Уотерс то и дело выходили из здания в примыкающую аллею, обмениваясь информацией и корректируя действия, которые соотносили с теми немногими указаниями, получаемыми от лейтенанта Хоукса и сержанта Джека Флемминга. К Игану и Гроссо приставили детективов Дика Олетту и Джимми О'Брайена; Уотерс возглавлял сменявшуюся группу из двенадцати федеральных агентов. Перспектива днями, а то и неделями сидеть в затхлом запущенном подвале не радовала даже самых выносливых защитников порядка и, как мрачно отметили полицейские, федеральные агенты совсем приуныли, поскольку не обладали таким опытом. Если не считать закаленного Уотерса, все остальные из них были молоды и нетерпеливы.

Как потом выяснилось, засада из таких комбинированных сил испытала от коллег из полиции больше неприятностей, чем их ждало бы даже при столкновении с серьезным противником. Следователи решили не информировать местный полицейский участок о своей миссии, потому что считали, что лишь полная секретность может гарантировать ее успех. И это решение почти сразу же повлекло за собой осложнения.

В понедельник, на второй день засады, когда команда была расслаблена и благодушна, в подвале появился тощий мрачный пожилой человек в запятнанном белом комбинезоне и шапочке профессионального маляра. Двое детективов находились в небольшом углублении за колясочной, при слабом свете лампочки играя в джин-рамми. Третий расположился на матрасе на полу в бойлерной. Сначала маляр не заметил никого из троицы. Несколько минут он старательно растирал замерзшие на морозе руки, а потом, раскурив старую изогнутую трубочку, направился в малярку. Едва только открыв двери, он испуганно отпрыгнул назад, словно наткнулся на обнаженный электрический провод, и его трубка брякнула о пол. Тут, уставившись на него, с книгой в бумажной обложке в одной руке и огромным пистолетом в другой, сидел какой-то странный рыжий незнакомец.

Эдди Иган был не в силах вымолвить ни слова: он только сидел и смотрел. Перепуганный маляр выкатился в коридор, что вел к бойлерной. Здесь он увидел двух мужчин в свитерах: они сидели верхом на старом паровом котле. Побросав карты, они тоже уставились на него. Маляр попытался было что-то выдавить из себя, но смог лишь вытаращить глаза и открыть рот. Рядом с незнакомцами, прислоненные к стене, стояли два автомата. Один из мужчин встал. На поясе у него висел объемистый патронташ. В проходе за бойлерной послышалось какое-то движение, и на пороге появился еще один человек, который, остановившись, молча уставился на маляра. Полный ужаса и недоумения, старик лишь переводил взгляд с одного на другого. Спиной он попятился к дверям, выходившим в аллею, толчком открыл их и вывалился наружу.

Картежники переглянулись, а Иган, зевнув, улыбнулся:

— Я думаю, это был местный маляр, — сказал он.

— Он чертовски перепугался. Наверно, Гроссо придется излагать начальству какую-то легенду.

— Так он и сделает. Управляющий забыл предупредить маляра. Мужик он толковый.

— Не знаю, — покачал головой агент. — Как бы он нам свинью не подложил, этот трусишка.

Предположение, что местная полиция скоро заинтересуется их бдением, оправдалось. В течение дня недоверчивый старый маляр еще дважды заглядывал в погреб, словно желая проверить обоснованность своих страхов. И каждый раз, снова и снова теряя дар речи, натыкался на четырех вооруженных молчаливых мужчин, а когда вечером он заглянул в последний раз, его встретила уже другая команда. Детективы стали даже испытывать сочувствие к бедному старику, ибо он был вне себя от страха и беспокойства. И когда вечером он в последний раз покинул погреб, по-прежнему не услышав ни слова, чувствовалось, он был просто в потрясении.

А через несколько часов и третья команда охотников за наркотиками впервые столкнулась с теми осложнениями, к которым могла на деле привести их чрезмерная сдержанность. В погребе стояла полная темнота, если не считать полоски света из-за дверей малярки, в которой сидел федеральный агент, разгадывая кроссворд. Остальные были в бойлерной и в примыкающем помещении, борясь с зябким утренним холодком. После последнего ви-

зита маляра, они решили поставить хотя бы примитивную предупредительную систему против неожиданных посетителей: от верхней кромки дверей поверху был протянут провод, который по коридору тянулся в бойлерную, и к нему было подвешено ведро соскребов штукатурки. Когда дверь в аллею открывалась, тяжелая бадья опускалась на цементный пол; звук этот не был слышен тому, кто входил в погреб, но давал детективам возможность приготовиться к встрече.

Только что миновало два часа ночи вторника, когда агент, занимавший позицию в переднем чулане, услышал снаружи легкие шаги. Притушив свет, он приоткрыл двери своего убежища, положив руку на револьвер. Дверь в погреб открылась с легким скрипом, впустив струю холодного ночного воздуха, и агент напрягся, стараясь расслышать, как стукнуло ведро о пол, но не был уверен, что устройство сработало. Дверь тихонько прикрылась. Легкий скрип подошв по цементному полу давал понять, что вошли двое. Они бесшумно миновали малярку и остановились у входа в коридор, ведущий в заднюю часть помещения. Один вошел внутрь, и движения посетителя дали понять, что он ищет выключатель лампочки. Внезапно вход в погреб залило ярким светом и чей-то голос гаркнул:

— Всем стоять на месте! Полиция! Кто там внизу?

Это были двое патрульных, массивных в своих толстых синих куртках, с револьверами и фонариками в руках. Один из них резко повернулся, когда из скрипнувших дверей малярки показался агент, держа на отлете револьвер.

— Кто вы такой, мистер, черт бы вас побрал? — вопросил патрульный.

Тот не успел ответить, потому что второй коп заорал:
— Внимание! Сюда!

Из тени появились еще два агента с револьверами наизготовку. Удивленные копы сгрудились, готовясь к схватке. Но из темноты бойлерной прозвучал резкий голос:

— Да успокойтесь вы, ради Бога! Мы *все* тут полицейские! — Через мгновение на задах погреба зажегся свет и появился Джимми О'Брайен из Бюро наркотиков с золотой бляхой в руке.

Пришлось объяснять патрульным, которые получили

по рации из 41-го участка сообщение, что в подвале дома 1171 по Брайант-авеню таятся какие-то странные люди: они выслеживают наркотики — хотя и не входя в подробности операции в целом. Дело было достаточно деликатное. Сначала патрульные не знали, как им поступать, но, по рассуждении, согласились оставить засаду в покое.

На следующий день в подвал вторгся патруль муниципальной полиции,но был решительно выставлен оттуда с настоятельными указаниями забыть все, что предстало их глазам. За последующие сорок восемь часов состоялось еще два визита: первый — полицейских в штатском, которых отчаявшийся маляр встретил на соседней улице. Он выложил им ошеломляющее известие, что в соседнем подвале круглые сутки идет азартная игра. Затем в подвал ввалился инспектор службы санэпидстанции, поскольку настойчивый старик искал кого-нибудь в форме. Каждый раз обитателям подвала приходилось придумывать какую-нибудь версию, выставляя гостей. «Тайна» рассыпалась на глазах.

Может быть, что было хуже всего, сами полицейские ощущали растущее нервное напряжение. Как-то ночью во время первой недели сидения в подвале детектив Джимми О'Брайен очнулся из полузабытья в угольно-черной тьме бойлерной, потому что увидел уставившийся на него чей-то тлеющий красный глаз. О'Брайен оцепенел: кто-то стоял над ним в темноте, куря сигарету. — Сонни? — тихо спросил он. — Уотерс? — ответом ему было только гудение бойлера. С громким криком О'Брайен скатился с матраса на пол, выхватывая револьвер. Послышались бегущие шаги и вспыхнул свет. С оружием наготове у входа в бойлерную стояли Сонни Гроссо, Фрэнк Уотерс и Джек Рипа.

— Что тут, черт возьми, случилось? — спросил Сонни.

— Здесь кто-то был, — все еще сидя на полу, объяснил О'Брайен. Он удивленно смотрел на своих коллег.

Они осторожно и внимательно обследовали все темные углы и закоулки.

— Тебе, должно быть, приснилось, — наконец сказал Сонни, засовывая револьвер в кобуру. — Тут никого нет.

Свет погас. О'Брайен снова расположился на матрасе. Но через мгновение он снова заорал: — Вот он! — Снова шум бегущих ног, свет и снова тут не оказалось никого, кроме четырех взбудораженных детективов.

Сонни уставился на бойлер. Он подошел к его угловатому корпусу и глянув сверху вниз на О'Брайена, ухмыльнулся: — Вот твой куряка. — Он ткнул пальцем в маленький красный огонек на уровне глаз, индикатор работы механизма.

Каждый день в тесном подвале росло напряжение. Полицейским приходилось постоянно держать себя в руках и, что более важно, бороться с желанием тут же выхватывать оружие при каждом подозрительном звуке. Вахта за вахтой сторожила восемьдесят восемь фунтов добра стоимостью во много миллионов долларов донов мафии, и они не могли представить себе, когда банде итальянцев вздумается ворваться в подвал, чтобы забрать их.

Время от времени до них доходили обрывки информации, которые стоило обсудить. Самая интересная поступила от лейтенанта Хоукса во время его очередного посещения засады. Он обнаружил Эдди Игана на его привычном месте в малярке.

— Эй, Лупоглазый, помнишь тот автомат, что ты вытащил из-под потолка в доме Фукка? А что, если из этой самой хлопушки убили охранника и ранили полицейского во время налета на «Лафайетт Нейшнл» на Кинго-хайуэй?

Иган возбужденно вскочил на ноги.

— Я проследил Пэтси как раз дотуда за два дня до налета! Помню еще, что в то время думал, будто он прицеливается к этому месту.

— Чувствуется, что наш малыш Пэтси не сидел без дела. Не удивлюсь, если выяснится, что такой тип сдавал в аренду автоматы и другое оружие, — лейтенант саркастически усмехнулся.

Периодически в подвал заходил управляющий зданием, но он не обращал никакого внимания на засаду, да и полицейские почти не говорили с ним. От него исходила мрачность, которая усугубляла и без того тяжелую атмосферу. Как-то утром он спокойно взял толстую деревянную планку и положил ее на козлы. С силой переведя дыхание, он постоял над ней и с внезапным вскриком рубанул по ней ребром ладони, разломав планку посредине.

И без того натянутые нервы полицейских отреагировали мгновенно, и на каратиста уставились пять стволов. Удивленный, он мог лишь переводить глаза с револьвера на два автомата и два ружья. Постепенно стволы опустились, и больше управляющего в подвале не видели.

В течение тех долгих дней и ночей, что детективы сидели рядом с героином, невозможно представить, чтобы им в голову не приходили мысли о ценности белого порошка, хранившегося в шкафу Тони Фукка. Куда как просто было бы продать мафии «джанк», скажем, за миллион долларов. Он стоил в десять раз дороже. Эту партию еще не подвергали анализу, но не было никаких сомнений, что она обладает столь же высоким уровнем очистки. Все они испытывали это искушение, с соблазном которого рано или поздно сталкивается каждый офицер, занимающийся наркотиками.

Этими фантазиями тешился и Иган. Он понимал, что роскошная жизнь лежит от него на расстоянии руки. Кэрол Кэлвин объявила Игану, что уходит из его жизни, потому что не может больше ни приспосабливаться к его дурацкому расписанию, ни к его скромному доходу копа. И стоит ему только взять это добро... и тут его мечты, как и всегда кончались: он был *копом* и, скорее всего, всегда им будет — вот и все.

Прошло две недели, и не было сделано никаких попыток добраться до груза или хотя бы узнать о его судьбе. Кроме визитов бдительных полицейских, в подвал несколько раз спускались жильцы дома, чтобы взять из хранилищ какие-то домашние принадлежности. (В такие минуты участникам засады приходилось играть роль ремонтников, электриков или механиков в бойлерной, что они с удовольствием и делали, потому что такие посещения нарушали монотонность существования.) Но не было никаких примет того, что кто-то пытается приблизиться или проявить какой-то интерес к героину. В колясочной вообще никто не показывался: из-за холодов детей предпочитали не выпускать на улицу.

Кроме редких выходов за покупками Пегги Фукка, жена Тони, неизменно пребывала на пятом этаже рядом со своими двумя маленькими дочками. Она не показывалась рядом с погребом и, кажется, даже не подозревала о присутствии в нем полицейских.

Становилось очевидным, что, скорее всего, только братья Фукка знали о местонахождении сокровища, так

что до него никто не сможет добраться, пока кто-то из них не окажется на свободе. Через своих людей полиция получила информацию, что возбуждение среди боссов преступного мира относительно исчезнувшего груза стало стихать за последние несколько дней. Это позволяло предполагать, что из тюрьмы поступило сообщение, может быть, через родственников заключенных, что груз в безопасности и будет передан в соответствующие руки, как только кто-нибудь из действующих лиц освободится. Сомнительно, что таковым оказался бы Пэтси, который, как и его отец и два француза, мог быть отпущен только под залог в 100000 долларов. Полиция считала, что такой залог был слишком высок и мог вызвать подозрения, если бы даже организация Туминаро и пошла на то, чтобы внести его за временное освобождение Пэтси.

Тони Фукка тоже была определена такая же сумма залога за участие в заговоре плюс еще дополнительные 22500 долларов за владение наркотиками, и адвокат, нанятый, чтобы представлять интересы семьи Фукка, тщетно добивался уменьшения суммы залога. Наконец полиция решила, что имело бы смысл разрешить Тони освободиться из заключения, чтобы можно было последить за его передвижениями. По соглашению с окружным прокурором залог в 100000 долларов был отменен, и за Тони осталось внести только двадцать две с половиной тысячи.

В понедельник 19 февраля Бюро наркотиков было проинформировано, что залог за Тони Фукка внесен и он вот-вот выйдет на свободу. Немедленно в Бронкс на помощь засаде были посланы дополнительные силы.

В то же утро полицейский осведомитель сообщил по телефону, что местная группировка может сделать попытку, не входя в контакт с Фукка и Туминаро, перехватить Тони и похитить груз героина, чье существование стало темой последних сплетен на «улицах».

К середине утра 19 февраля детективы Эдди Иган, Сонни Гроссо, Джимми О'Брайен, Джим Гилдеа и Джим Харли, а также федеральный агент Джек Рипа приступили к своим надоевшим обязанностям в подвале дома 1171 по Брайант-авеню в Бронксе. Полдюжины других полицейских наблюдали за домом снаружи или небрежно прогуливались поблизости. Еще двое расположились на крыше здания; они проверяли дополнительную сигнальную систему, которая должна быть задействована к тому времени, когда Тони вернется в свою квартиру на верхнем этаже. Еще один полицейский занял позицию на площадке между пятым этажом и чердаком, и когда бы Тони или его жена ни оставили квартиру, детектив снаружи должен был бросить консервную банку с крыши, звяканье которой в аллее внизу должно было предупредить детективов в подвале, что их может ждать визит. В запущенном подвале внезапно воцарилось напряженное ожидание.

Иган приткнулся в привычном углу, в малярке рядом со входом. Он не любил играть в карты, как большинство других полицейских, и хотел быть ближе к месту действия, когда придет его черед. Этим утром четверо его спутников расположились спиной к бойлерной, переговариваясь приглушенными нервными голосами.

Когда скрипнула дверь, выходящая на аллею, Иган вздрогнул, отложил книгу, которую пытался читать, и схватился за служебное оружие. Он надеялся, что остальные услышали, как ведро со штукатуркой брякнуло о пол за бойлерной: несколько раз им уже приходилось убеждаться, что в течение дня устройство действует не очень эффективно, потому что громкий гул бойлера заглушал звуки его падения. Иган приотворил дверь малярки на пару дюймов, только чтобы наблюдать.

У него перехватило дыхание и по спине поползли ледяные мурашки, когда он увидел двух низко пригнувшихся вооруженных мужчин, которые бесшумно пробирались мимо его укрытия к колясочной. Их намерения не оставляли сомнений. Он начал было осторожно приоткрывать двери, как вдруг кто-то третий резко распахнул их и ткнул револьвером ему едва ли не в рот. Громкий голос рявкнул:

— Выходите наружу, сукины дети, или вы все будете мертвы!

Иган замер в полусогнутом положении не в состоянии пошевелиться, загипнотизированный зрелищем револьвера у лица. В долю секунды по телу прошла дрожь, и он почувствовал, как близка смерть.

— Брось оружие! — приказал хриплый голос. Остальные двое повернулись к ним.

Иган перевел взгляд на пистолет в опущенной руке. Он снова стал соображать. Выпрямившись, он с силой бросил

пистолет в проход, ведущий к бойлерной, и изо всех сил заорал:

— Да что тут такое происходит? Кто вы такие, черт бы вас побрал?

Он услышал движение в задней части подвала, быстрые шаги и шорох подошв. Нападавшие тоже услышали их и приготовились открыть стрельбу. Войны явно было не избежать, и он оказался в центре ее. Взгляд его метнулся к полутемному углублению. Там был его единственный шанс, хотя и очень сомнительный. Если только он сможет увернуться от очереди из автомата. Когда он понадежнее уперся ногами в бетон, приготовясь отшвырнуть плечом соседа и нырнуть в помещение, кто-то сзади вошел в подвал.

— Эй, лейтенант, не стреляй! — крикнул голос. — Это же Иган! Он коп — из подразделения по наркотикам!

— Коп? Всем оставаться на месте — тут полиция! — закричал в глубину погреба человек рядом с Иганом.

Представившись и выяснив, что произошло, все обмякли от схлынувшего напряжения. Оказывается, «нападавшие» были детективами 41-го отряда из отделения на Симпсон-стрит неподалеку. Старый маляр все же явился и туда и изложил душераздирающую историю о «банде хулиганов и гангстеров», оккупировавшей его рабочее место в подвале, где они «замышляют убийство». При всей неправдоподобности его рассказа, как-то надо было его проверить. И хотя в участке некоторые из полицейских в штатском были проинформированы о существовании засады, никто не позаботился сообщить о ней детективам. Так что пятеро из них направились в погреб, перекрыв окна и выход. И хотя все были надежно вооружены, огневой контакт, скорее всего, привел бы к тяжелым жертвам с обеих сторон.

Приходя в себя после недавно пережитого потрясения, Иган потерял свой привычный оптимизм. Когда он звонил своему начальнику лейтенанту Хоуксу и описывал происшествие, он подчеркнул, что готов кое-кому переломать кости, когда будет объясняться в местном участке. « Или мы пристрелили бы кого-нибудь или нас бы прикончили, » сказал он.

Хоукс вполне посочувствовал ему, но сказал:

— Мы уже близки к развязке. Лупоглазый, она уже на кончиках пальцев. Теперь, когда Тони на свободе, должен наступить перелом. Почему бы тебе не взять денек отдыха? Ты будешь чувствовать себя куда лучше.

— Черт, да я повешусь, если тут что-то произойдет, пока я буду дрыхнуть, — был ответ Игана.

В первые несколько дней пребывания дома, Тони не проявлял ровно никакого интереса к подвалу. Раз за разом усиленный наряд в подвале замирал в напряжении, когда в очередной раз звякала об асфальт сброшенная с крыши банка, но Тони выходил из квартиры только, чтобы посетить соседние лавочки. В четверг он направился в доки на Ист-сайде, где коллеги встретили его появление с наигранным энтузиазмом. Поработав часть дня, он вернулся домой после полудня, сделав остановку в соседской бакалейной, после чего поднялся наверх с небольшим свертком в руках. Но он и близко не подходил к погребу.

В пятницу у него был точно такой же распорядок. Вернувшись домой довольно рано, он продолжал оставаться наверху в кругу семьи. Никто из полицейских в округе вот уже несколько дней не видел ни жену Тони, ни его детей, и после того, как Тони несколько раз посетил аптеку по соседству, стало ясно, что кто-то из детей или сама миссис Фукка больны.

Можно ли было допустить предположение, что Тони, надежная, хотя и несколько тупоголовая часть аппарата Малыша Энджи, был лишен доверия и *не оповещен*, какой ценный груз спрятан в его подвале? Этот вопрос не давал покоя полиции, ждущей развития событий. Все же даже для Пэтси и его дяди такой подход был бы слишком изощренным. Тем не менее, кончалась третья неделя неустанного наблюдения за домом Тони Фукка. Прошло пять недель после обыска в Бруклине, и большое жюри округа Кингс продолжало слушания. Но на Брайант-авеню в доме 1172 ничего не происходило.

В субботу 24 февраля Сонни Гроссо взял отгул. Его близкий друг, недавний убежденный холостяк, попросил Сонни быть шафером на его свадьбе в соборе Святого Патрика. « Такого события я пропустить не могу, пусть даже оживет сам Лучано и начнет давать показания, » сказал Сонни Игану. Около полудня того же дня Иган, сидевший в малярке в подвале дома Тони Фукка, задремал. Он чув-

ствовал себя настолько пропотевшим, грязным и измотанным, что было сущим удовольствием хоть во сне увидеть чистых веселых людей, которые скоро соберутся у собора Святого Патрика на прекрасной Пятой авеню. Перед его взором плыли длинные, вымощенные мрамором проходы, розовое лицо невесты в белом платье, цветы в ее руках, длинный шлейф платья, улыбающиеся лица и серьезный служка у алтаря. Он попытался представить себе Сонни, ожидающего появления своего друга — он нервничает, он чуть ли не в панике; он выбрит, выскоблен и аккуратно причесан, на нем элегантный костюм, подходящий для такого случая, ботинки сверкают. Иган с трудом мог припомнить, когда в последний раз видел Сонни отдохнувшим и вылощенным — да и он сам не лучше...

Снаружи о стену брякнула сброшенная с крыши жестянка. Тони снова вышел из дома. Агенты и детективы притаились в темноте кладовок. Тихо скрипнув, приоткрылась дверь подвала. Иган услышал, как на пороге замерли чьи-то шаги. Затем они неслышно прокрались мимо малярной. Сквозь чуть приоткрытую дверь Иган видел угловатую фигуру в мешковатом сером свитере и бесформенных брюках. Тони!

У детектива гулко колотилось сердце, когда он видел, как Тони приостановился перед деревянной дверью колясочной и несколько мгновений вглядывался в темноту слева от себя, в полуосвещенный коридор, который вел в глубь погреба. Иган закусил губу: теперь только для пущего счастья не хватает, чтобы какой-нибудь идиот из засады чихнул или кашлянул. Тони продолжал внимательно вглядываться в сумрак подвального помещения. Его лицо было обращено к Игану, и даже слабого света, падавшего из застекленной панели над входной дверью, было достаточно, чтобы Эдди пригляделся к его чертам. У Тони была квадратная челюсть и толстые губы, над которыми нависал широкий нос; как и у многих личностей, не отличающихся большим интеллектом, глаза у него были спокойные и невыразительные. Тони повернулся спиной к колясочной и, отодвинув запор на дверях, канул в ее темноте внутри.

Иган вглядывался изо всех сил, но мог различить только еле заметное движение в помещении. Похоже было, что Тони вскарабкался на какое-то возвышение и остался в таком положении минуту-другую; спрыгнув на пол, он стал рыться в темном чулане, что-то разыскивая. Выйдя, он прикрыл и запер двери. В одной руке он держал предмет, смахивающий на короткий ломик, точнее, кусок тормозной рессоры. Помедлив, он опять стал глядеть в сторону бойлерной. Наконец, миновав Игана, он вышел наружу, откуда донесся веселый мотивчик, который он стал насвистывать.

— Он чертовски хорошо знает, где лежит все это добро, — изложил Иган остальным свою точку зрения после того, как поступило сообщение, что Тони вернулся в свою квартиру. — Он просто проверял, все ли в том виде, как он его оставил. Я прикидываю, что он готов перетащить груз. И лучше, чтобы тут с нами было еще несколько человек.

Иган по рации сообщил, что, по их прикидкам, они ожидают скорого перемещения героина. Миновал час дня.

Около половины четвертого, когда слабый свет зимнего дня, пробивавшийся в погреб, стал постепенно меркнуть, на подмогу явились четверо, включая лейтенанта Винни Хоукса и Дика Олетту, которых сопровождали двое федеральных агентов, дежуривших прежде на улице.

Иган остро ощущал отсутствие рядом Сонни. Его напарник *должен* был бы быть здесь. Иган вызвался пойти за сандвичами. Ему пришлось отмахать пару дюжин кварталов, пока он нашел устраивающий его торговый центр. Там он зашел в еврейский магазинчик деликатесов и заказал десять сандвичей ржаного хлеба с ветчиной и пачулями и побольше пепси. Пока готовился заказ, он подошел к телефонной .будке.

Ему потребовалось дважды набирать номер и пускать в ход мелодраматические интонации, с которыми он говорил, что это «срочный вызов из полиции», но через несколько минут в трубке раздался удивленный голос Сонни Гроссо, которому взволнованный служка в соборе Святого Патрика протянул шнур телефонного удлинителя.

— Это детектив Гроссо из Бюро по борьбе с наркотиками? — небрежно спросил Иган.

— Лупоглазик!

— Ага. Ну, как там дела? — до него доносились отдаленные звуки огромного органа.

— Марти кричит, чтобы я передал тебе привет и вешал

трубку, он должен идти венчаться... — Затем Сонни понизил голос и приник к микрофону: — Что-то надо? Что-то случилось у вас?

— Когда ты можешь освободиться? — мягко спросил Иган, перестав дурачить приятеля.

— Что-то произошло?

— Я думаю, что финал близится. Может, сегодня вечером. Наш малыш уже спускался вниз и проверял свое добро. И он обязательно вернется.

— *Сейчас* я не могу уйти. Может, освобожусь к пяти часам. Я должен быть и на приеме. Мне предстоит произносить главный тост.

— Повторишь его для нас. И, как сможешь, приезжай. Я забронирую для тебя местечко рядом.

В угол бойлерной более-менее аккуратно смели промасленную бумагу, пустые банки из-под пепси, остатки пикулей и сандвичей. В половине шестого стали сгущаться сумерки, и шестерых мужчин, толпящихся около нагревателя или прислонившихся к стенам и поддерживавших тихий разговор, освещал лишь слабый свет лампочки под потолком. Коридор, что вел к парадным дверям, был погружен в темноту, но над самыми дверями горела лампочка. Иган занял свой пост в малярке. Два федеральных агента сидели в помещении для грузовых отсеков, где не было света, рядом с колясочной.

Детективы, занимавшие позиции в задней части, встрепенулись, когда ведро со штукатуркой звякнуло о пол. Свет наверху померк, и они прижались к стенам. Темная фигура в пальто с поднятым воротником показалась силуэтом в проеме дверей.

— Лупоглазый? — раздался хриплый шепот.

Кто-то засмеялся. В бойлерной вспыхнул свет и все вышли навстречу Сонни Гроссо, который встретил их со смущенной улыбкой. Он так и примчался в торжественном одеянии.

— Вот идет невеста... — кто-то запел.

— Я сам отправлюсь за ней, — вставил другой.

— Тут что-то не то. Он *явно* не коп.

— Во всяком случае, не в штате. Типичный частный детектив.

Улыбка Сонни все расплывалась, когда он смотрел на друзей:

— Ну, не могу сказать, что такое уж удовольствие посещать вас в погребе... — сделав гримасу, он наморщил нос, — когда я настолько чист!

— Ах вот *кто он* такой! — воскликнул кто-то. — Мистер Чистюля!

Тем не менее, охватившая их радость скоро увяла, и знакомый дух уныния и усталости снова воцарился в погребе. Было уже около половины девятого, когда тихое звяканье жестянки, упавшей с крыши, прозвучало подобно выстрелу из малокалиберки, вслед за которым раздалось хлопанье двери, выходящей на боковую улицу. Все разобрались по своим местам. Единственный источник света остался у входа.

Прошло пять минут. Гудение бойлера по ночам стихало, и были слышны только звуки дыхания и скрип кожаных подошв, когда кто-то переминался на месте. Десять минут. Наконец они услышали шаги спускающегося из холла здания. Дверь снова скрипнула. Затем наступило молчание, словно вошедший застыл на месте, прислушиваясь. Дверь тихонько закрылась. Затем человек — это *должен был быть* Тони — окончательно вошел внутрь. Двигался он очень медленно и бесшумно. На фоне дверного проема мелькнула тень. Затем появился коренастый силуэт.

Тони снова помедлил у входа в коридор; он стоял неподвижно, настороженный и сжатый как пружина. Затем его плечи обмякли, словно он выпустил собранный в груди воздух, настороженность исчезла, и мягким легким движением он потянул на себя дверь колясочной. Оказавшись внутри, он сразу включил свет. Теперь Тони чувствовал себя уверенно.

Наступает момент истины, подумал Иган; Тони выведет их на те крупные фигуры, которые и платили за «джанк».

Тони распахнул кожаную куртку и вытащил из-за пояса кусок тормозной рессоры. Вскарабкавшись на опрокинутую детскую коляску, он из дальнего угла полки подтянул аккуратно обернутый старый котел, в котором содержались два саквояжа с героином, и осторожно опустил их на пол. Рефлекторно оглянувшись, он концом рессоры вскрыл крышку емкости. Иган, наблюдавший за ним из

малярки, взмолился, чтобы Тони не заметил следы вскрытия защелок.

Вытащив один саквояж, Тони водрузил хранилище на прежнее место. Держа груз в руке, он потушил свет, закрыл за собой двери и легко пошел к лестнице, что вела наверх в холл. Притаившиеся детективы дали ему пройти, приготовившись последовать за ним. Сыщикам был нужен не столько Тони, сколько его связники.

Детектив Дик Олетта скрывался на площадке лестницы над квартирой Тони и через несколько минут после того, как Тони вышел из своих апартаментов, бесшумно двинулся за ним. В главном холле Тони не оказалось. Олетта прошел через вестибюль к ступенькам главного выхода. Агент, стоящий по другую сторону Брайант-авеню, покачал головой — из дома Тони не выходил. Олетта прокрался к ступенькам, уходившим в подвал. Очень тихо приоткрыв двери, он вперился взглядом вниз. Там в полутьме он услышал шорох шагов. Что происходит?

Олетта заглянул за угол. К своему ужасу, он уперся взглядом в насупленного уголовника, который был всего в нескольких шагах от него, поднимаясь наверх. Он тащил с собой саквояж. Тони быстро оправился от удивления. Выхватив из-за пояса рессору, он с рычанием кинулся на Олетту. Тот поднырнул под удар, но напор Тони заставил его споткнуться на ступеньках, и Тони навис над ним с явным намерением размозжить ему голову. Олетта снова увернулся от замаха, но все же получил могучий удар в плечо, который вынудил его скатиться к дверям, разбив их стеклянную панель.

С проклятьем Иган перепрыгнул через распростертого Олетту и кинулся вверх по ступенькам вслед за преступником.

— Тони! — крикнул Иган и выстрелил, целясь мимо его уха. Грохот выстрела 38-го калибра разнесся по всему холлу. Тони как вкопанный остановился на верхней ступеньке. Набитый героином саквояж, выскользнул из его пальцев, покатился вниз по лестнице к ногам появившихся полицейских.

К лучшему или к худшему, но все было кончено.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Лишь в понедельник 2 апреля 1962 года, два с половиной месяца спустя после серии арестов в Бруклине, первый состав большого жюри округа Кингс подтвердил обвинение против Пэтси и Джо Фукка, Франсуа Скальи и, наконец, против Жака Анджелвина.

Неделю тому назад, 26 марта адвокат Анджелвина Роберт Касанофф, нанятый для его защиты объединенными усилиями французского консульства и друга Анджелвина Жака Саллеберта из РТФ, попытался пустить в ход положéние «хабеас корпус». Он потребовал, чтобы телевизионный журналист был освобожден из заключения на том основании, что государство не выдвинуло против него никаких обвинений, а поскольку Анджелвин продолжает находиться под арестом, это представляет собой «злостное и намеренное злоупотребление властью».

Помощник окружного прокурора в Бруклине Френк Ди Лалла объяснил суду, что в настоящее время Анджелвин остается «материальным свидетелем», но в том обвинении, которое будет поддержано большим жюри, ему уже будет отведена роль обвиняемого. Француз продолжал оставаться под замком. И последующие решения большого жюри устранили всякую двусмысленность относительно статуса Анджелвина: он больше не был ключевым свидетелем, а стал обвиняемым в участии в заговоре.

4 апреля главные обвиняемые, появившись в уголовном суде округа Кингс, не признали себя виновными в хранении наркотиков и/или участии в совместном заговоре с целью распространения одиннадцати килограммов героина. Поименованные в обвинительном заключении двое других обвиняемых не присутствовали на слушании и официально были признаны «неопознанными»: пропавшие французы Жан Джихан и Дж. Морин.

Тони Фукка, конечно же, находился в заключении в Бронксе, где и предстал перед судом по обвинению в хранении сорока килограммов героина. Против Никки Травато тем временем было выдвинуто обвинение в хранении куда меньшего количества, и он был судим отдельно от остальных в Бруклине. Выдвинутое же обвинение против Барбары Фукка, беременность которой ныне не оставляла сомнений и которая в январе была освобождена под залог, было «временно отложено» — и ясно было, что государство больше не будет преследовать ее.

Через неделю после выдвинутого обвинения поручитель внес за Пэтси Фукка залог в 100000 долларов. Но Пэтси пребывал на свободе меньше месяца. Возможно, у него прошло несколько серьезных и, скорее всего, достаточно нервных разговоров с дядей Анджело Туминаро и/или с другими членами «семьи», ибо в начале мая он, обратившись в суд, попросил вернуть стотысячный залог и оказался в относительной безопасности втюрьме строгого режима, где и стал ждать начала суда.

В то же самое время и Малыш Энджи — на ком лежала конечная ответственность за провал своего племянника — наконец объявился во Флориде. Чувствуя, что он находится в положении жертвы, за которой идут по пятам, он сдался патрульному, новобранцу, который приступил к несению службы лишь несколько недель назад, признавшись, что два года назад сбежал из нью-йоркской тюрьмы. Он был тут же выдан властям штата. Скорее всего, учитывая все обстоятельства, Малыш Энджи прикинул, что в данной ситуации два года пребывания в тюрьме строгого режима пройдут куда лучше, чем жизнь на свободе, когда будущее столь неопределенно.

Различные процедуры, предусмотренные законом, длились все лето 1962 года, так что даже осенью дата суда

так и не была назначена. Защитники подсудимых — Роберт Касанофф у Анджелвина, Морис Эдельбаум у Фукка и Генри Ловенберг у Скальи — предприняли ряд законных маневров, стараясь опорочить обвинение с технической точки зрения.

Первым делом, Касанофф выдвинул тезис, что обвинение, поддержанное большим жюри, является «ошибочным», поскольку не содержит конкретных доказательств, что героин, найденный в доме Фукка, имеет отношение к машине Анджелвина. Если это возражение будет удовлетворено, с Анджелвина будет снято обвинение, что, в свою очередь, может привести и к освобождению Скальи, ибо корсиканец имел самое тесное отношение к Анджелвину и его «Бьюику».

Первого ноября из офиса окружного прокурора сообщили, что слушание, в связи с протестом Касаноффа, назначено на 14 ноября. Помощник окружного прокурора Мишель Гальяно повторно изучил обвинение вдоль и поперек и решил, что связь машины Анджелвина с заговором, действительно, прослеживается недостаточно четко — формула обвинения была не совсем точна, и ее можно было счесть ошибочной. Чтобы укрепить обвинение, ее надо было изменить — и сделать это как можно быстрее. В его распоряжении оставалось меньше двух недель, и Гальяно спешно связался со старостой большого жюри Джеком Шампанем, который отдыхал в Аризоне. Тот сразу же прервал свой отпуск и вылетел в Нью-Йорк, где собрал первый состав большого жюри, который и пересмотрел формулу обвинения.

В 10 часов утра 14 ноября Анджелвин и его адвокат, не привлекая к себе внимания, явились в Верховный Суд Бруклина. Анджелвин, полагаясь на энтузиазм своего адвоката, с которым тот рассказал об обнаруженной им слабине в обвинении, прихватил с собой небольшую сумку со своими вещами, не сомневаясь, что вылетит в Париж этим же вечером.

Как и предполагалось, судья Майлс Ф. Макдональд поддержал протест защиты в адрес ошибочного обвинения, сказав, что у него нет иного выхода, как отбросить часть обвинительного заключения, имеющую отношение к Анджелвину.

Но пока оживившийся Анджелвин уже представлял себя на борту лайнера «Эйр Франс», помощник окружного

прокурора Френк Ди Лалла вскочил на ноги и передал судье другую редакцию обвинения, в котором содержались дополнительные доказательства связи машины французского телеведущего с системой заговора.

Следующие три часа судья Макдональд провел в своем кабинете, изучая документ. В два часа дня, к разочарованию не только Касаноффа и Анджелвина, но и всех остальных обвиняемых и их защитников, судья отменил свое предыдущее решение, и Анджелвину пришлось нести свою сумку с вещами обратно в «Могилу».

Через два месяца, в январе 1963 года — прошел почти год после арестов в Бруклине — Касанофф предпринял еще одну попытку помочь Анджелвину. Он потребовал проведения так называемого «сокращенного» слушания, в ходе которого защита может постараться доказать суду, что определенные доказательства против обвиняемых, может, и убедительные, не имеют силы, потому что были получены без соответствующего оформления. На этом этапе Касанофф решил доказать, что автомобиль Анджелвина должен быть исключен из списка доказательств на том основании, что, во-первых, полиция в то время не имела ордера на обыск «Бьюика» и действовала с нарушением закона, когда остановила Анджелвина и Скалью на Ист-Энд авеню по обвинению в нарушении правил движения 18 января 1962 года; и, во-вторых, они так и не установили личность неизвестного информатора, который спустя неделю после ареста (как свидетельствовала сама полиция) предоставил информацию, в связи с которой подкреплялась обоснованность ордера на обыск.

Дело, конечно же, было в том, что «информатором» был сам детектив Сонни Гроссо, единственный, чья догадливость позволила полиции взять под подозрение машину Анджелвина, вслед за чем последовал и арест. В ходе допроса выяснилось, что информатор лишь намекнул Гроссо, который, в свою очередь, попросил детектива Джима Харли обзавестись ордером на обыск. Защита пыталась доказать, что Харли действовал на основании информации, полученной из вторых рук, в то время как обвинение утверждало, что информация имеет первозданный характер и получена непосредственно от коллег.

Сокращенное слушание, на котором председательствовал судья Альберт Конуэй, длилось с 14 по 16 января, и когда оно подошло к концу, ни одна из сторон не была уверена, что ей удалось убедить суд в своей правоте. И полиция и офис окружного прокурора, при всей своей уверенности в убедительности доказательств против обвиняемых, не исключали, что какая-то техническая накладка заставит судью исключить «Бьюик» из списка доказательств на суде.

Но 15 апреля судья Конуэй отказался удовлетворить протест защиты. Суд наконец был назначен на 14 мая, то есть через шестнадцать месяцев после ареста Фукка и французов.

Тем временем офис окружного прокурора не терял времени, готовясь к процессу. Специальным распоряжением детективы Иган и Гроссо были освобождены от всех прочих обязанностей и до конца процесса прикомандированы к прокуратуре для содействия в подготовке судебного следствия. Помощнику окружного прокурора Френку Бауману, поддержавшему обвинение, и Игану с Гроссо был отведен небольшой кабинет в здании Бруклинского муниципалитета в Боро-Холле, где они и приступили к работе по выверке каждой детали, начиная с того момента, когда в тот памятный вечер октября 1961 года два детектива заглянули в «Копакабану». Все стены были обвешаны картами и схемами, изготовленными техниками департамента полиции. Все точки, в которых Пэтси и его сподвижники были замечены с января 1962 года, отмечались на карте и находили себе место в календаре. В офис были доставлены все записи перехваченных разговоров и радиообмена полицейских — они прослушивались снова и снова.

Сразу же после решения судьи Конуэя, помощник окружного прокурора Френк Бауман вылетел во Францию, чтоб проверить там детали некоторых доказательств.

Вскоре после его отбытия в конце апреля, один из наиболее серьезных тайных полицейских информаторов доложил удивительную и, по мнению Игана и Гроссо, жизненно важную информацию: мафия заключила контракт на уничтожение обоих детективов до начала процесса. В сообщении даже уточнялось, что киллеру будет заплаче-

но 50000 долларов — половина при заключении контракта, а вторая половина по выполнении работы.

Информатор сообщил и о личности «специалиста», подобранного для Игана и Гроссо: жестокий уголовник из Цинциннати по прозвищу «Тони-Грязь», о котором было известно, что он медленно умирает от рака. Такой подход, насколько полиция знала, был довольно привычным для мафии, когда она подбирала наемных убийц для уничтожения полицейских. Если такой человек, которому уже нечего было терять, успешно справлялся с заданием, он знал, что его семья, какая бы она у него ни была, в дальнейшем будет обеспечена.

К Эдди и Сонни была приставлена круглосуточная охрана. Им было запрещено вместе выходить из здания Бруклинского муниципалитета, вместе ездить в одной машине и не ходить в гости друг к другу, не позаботившись о защите.

Информация о «Тони-Грязи» полностью соответствовала истине, и между департаментами полиции Нью-Йорка и Огайо установилось сотрудничество. Когда стало известно, что Тонни куда-то двинулся из Цинциннати, за его поездкой тщательно следили. Иган, Гроссо и их товарищи приготовились к его появлению в Нью-Йорке.

Но как-то вечером в начале мая к западу от Нью-Йорка, в штате Нью-Джерси «Тони-Грязь» попал в автомобильную катастрофу, которая кончилась для него фатальным исходом. Его машина слетела с автодороги США N 1 и, перекувырнувшись через кювет, занялась пламенем. С заезжим убийцей было покончено.

Иган и Гроссо расслабились. Они пришли к выводу, что их враги не предпримут второй попытки уничтожить их.

Процесс начался в четвертом зале Верховного Суда Бруклина. Председательствовал судья Самуэл Лейбовиц, что отнюдь не обрадовало защиту. В судейских кругах Нью-Йорка у Лейбовица было прозвище «Судья-Вешатель». Его ненависть к закоренелым преступникам стала легендой. Мало кто из юристов знал специфику уголовного мышления лучше, чем он: в свое время Лейбовиц был одним из самых известных в стране адвокатов по уголовным делам, среди его клиентов был даже знаменитый Аль Капоне. Но подобно вылечившемуся алкоголику или новообращенному сектанту, Лейбовиц подверг осуждению годы, проведенные им на месте защитника, и теперь определял самые суровые наказания тем нарушителям закона, которых он в свое время защищал.

Суд открылся в десять часов утра 14 мая 1963 года. Первое заявление было сделано Морисом Эдельбаумом, защитником Пэтси Фукка. От его имени Эдельбаум признал своего подзащитного виновным по трем статьям: хранение наркотиков, заговор с целью получения наркотиков и заговор для продажи наркотиков. Пэтси находился в суде не более получаса. Признание его было принято, и он был отправлен обратно в тюрьму ждать приговора.

Следующим признал себя виновным в преступлении отец Пэтси — Джо Фукка, который продолжал оставаться на свободе под залог.

Теперь Фукка были выведены из дела. И процесс принял к рассмотрению обвинение против двух французов — Франсуа Скальи и Жака Анджелвина.

Состязательности сторон практически не было. У защиты не оказалось свидетелей, которых она могла бы представить суду. Обвинение же вызывало свидетеля за свидетелем — технических экспертов полиции, персонал гостиниц, детективов, принимавших участие в долгой неотступной слежке, — плетя надежную сеть доказательств вокруг двух обвиняемых.

Утром шестого дня, 22 мая, Жак Анджелвин и его защитник Касанофф встретились с судьей Лейбовицем и обвинителем Бауманом в рабочем кабинете судьи. Анджелвин хотел сделать признание о виновности.

Почти все утро Лейбовиц допрашивал Анджелвина в своем кабинете, стараясь извлечь информацию, позволяющую опознать высшие эшелоны власти в наркосиндикате и определить роль Скальи в этом героиновом кольце. Анджелвин был откровенно перепуган. Телекомментатор указал, что он тут же будет приговорен к смерти, если обмолвится о Скалье или об остальных, имеющих отношение к контрабандной доставке героина, в которой он признал себя виновным.

Наконец, судья дал понять Анджелвину, что его своевременное признание может обеспечить ему более легкий приговор и объявил дату его вынесения — 13 сентября.

Вернувшись в зал суда, Лейбовиц подчеркнуто объяс-

нил жюри присяжных, что долгое отсутствие обвиняемого Анджелвина ни в малейшей мере не имеет отношения к оправданию или осуждению Скальи. Каждого члена жюри, одного за другим, он заставил сделать следующее заявление: «Отсутствие обвиняемого Анджелвина не имеет никакого отношения к обвинению против Скальи».

Тем не менее, Лоуэнберг попытался внести еще один протест, на том основании, что отделение в ходе процесса Анджелвина от Скальи является предосудительным. Протест был отклонен.

На следующее утро Бауман выступил перед присяжными с речью. Обвинение полностью установило ход заговора, в котором Скалья был связан с Фукка; он представил технические доказательства, что именно в автомобиле Анджелвина в страну был доставлен героин, найденный в подвале дома Фукка. Защите было нечего возразить. Лоуэнбергу оставалось лишь просить о снисхождении.

В этот день судья Лейбовиц выдал напутствие присяжным, после чего они отправились выносить решение.

Через восемьдесят минут вернувшееся жюри вынесло свой вердикт относительно Скальи: виновен по всем трем пунктам обвинения.

Служба окружного прокурора немедленно потребовала, чтобы Скалья был водворен в тюрьму — и никакого освобождения под залог.

Судья Лейбовиц согласился с ним:

— Подонки такого рода, которые заполняют страну гнусным зельем, не заслуживают снисхождения. Наша страна буквально затоплена нашествием этих крыс, от которых страдают те несчастные, кого они приучают к наркотикам. И речь идет не о мелком толкаче, который продает толику героина, чтобы самому обзавестись порцией. Это крупные дельцы. И он может не сомневаться, что почувствует тяжесть могучей руки закона; и пусть мысль об этом не покидает его все то время, что он будет дожидаться приговора.

Вынесение решения было назначено на 13 сентября.

Выйдя из здания суда, Эдди Иган и Сонни Гроссо оказались на жарком солнце последних весенних дней. Сонни только что было присвоено звание детектива пер-

вого класса, бейсбольный сезон был в разгаре — все в этом мире было хорошо и прекрасно.

— Что теперь будем делать? — спросил Сонни.

— Может, стоит отпраздновать событие. Пойдем посмотрим. А что ты скажешь, если вечерком мы снова закатимся в «Копакабану»? Там теперь новая гардеробщица.

Сонни остановился на полпути с лестницы и недоверчиво уставился на своего напарника:

— В «Копу»? Ты что, шутишь?

ЭПИЛОГ

13 сентября 1963 года судья Лейбовиц вынес приговор Жаку Анджелвину и Франсуа Скалье. И Лоуэнберг, и Касанофф просили о снисхождении. Касанофф напомнил суду о двух несовершеннолетних детях Анджелвина и о его престарелых родителях, которые обратились к судье: «У нас есть только один сын. Наша жизнь близится к завершению, и мы хотели бы, чтобы у нас была возможность помочь ему начать жизнь заново». Он также процитировал письма, поступившие в защиту Анджелвина от Мориса Шевалье, Ива Монтана и Симоны Синьоре.

Лоуэнберг также просил о снисхождении, напирая на то, что во время второй мировой войны Скалья в подполье дрался против нацистов. Он сказал, что Скалья «раскаивается и...»

Судья прервал его:

— О, ваш подзащитный весьма далек от раскаяния. Он отказывался говорить с администрацией тюрьмы и объявил, что обжалует решение суда.

Определив Анджелвину срок пребывания в Синг-Синге от трех до шести лет, судья Лейбовиц повернулся к Скалье:

— Вы одно из самых омерзительных созданий, которые когда-либо стояли перед этим судом. Вы не заслуживаете снисхождения — ровно никакого; и пусть известие о вашей судьбе дойдет во Франции до всех торговцев смертью, одним из которых вы являетесь; если *они* попадутся в этой стране, и им во всей мере придется почувствовать суровость закона.

С этими словами судья Лейбовиц вынес приговор корсиканцу: после пребывания в Синг-Синге Скалья будет переведен в тюрьму штата в Аттике, где ему предстоит отбыть срок от семи с половиной до пятнадцати лет и от трех с половиной до семи лет, то есть он может отсидеть все двадцать два года. Это было самое суровое наказание, когда-либо вынесенное подсудимому.

Через три месяца, в январе 1964 года, Пэтси Фукка наконец явился выслушать свой приговор. Как и его брат Тони, уже осужденный в суде Бронкса, Пэтси получил от семи с половиной до пятнадцати лет. Касательно же старого Джо Фукка, отца Пэтси, приговор к трехлетнему заключению был ему отменен, и он отправился домой к своим бутылкам и к горьким размышлениям.

В мае 1967 года Сюртэ наконец вышло в Париже на таинственного Жана Джихана. В силу преклонного возраста последнего, французская полиция отклонила просьбу Федерального Бюро по борьбе с распространением наркотиков о выдаче Джихана, и престарелый грешник бульвардье продолжал в относительной безопасности пребывать во Франции, под бдительным надзором национальной полиции.

Скорее всего, Джихан был единственным, который мог поведать о судьбе выплаченных за героин денег — предположительно, больше полумиллиона долларов, — которые так никогда и не были найдены. Также он был единственным, который знал, что произошло с тем фигурантом в деле Фукка, которого так и не удалось найти — с таинственным Дж. Морином.

Что же касается Жака Анджелвина, он был освобожден из заключения весной 1968 года и немедленно вернулся во Францию, где его ждала полная неопределенность дальнейшей судьбы — хотя он использовал возможность заработать какую-то наличность, опубликовав в журналах свои воспоминания о пребывании в американских тюрьмах. Он утверждал, что, в целом, нашел их даже более комфортабельными, чем некоторые французские отели.

И в заключении, интригующее и несколько странное сообщение.

В августе 1968 года полиция штата Нью-Йорк сообщила о находке в северной части штата тел двух громил, скорее всего, казненных в ходе гангстерских разборок. Известно было, что в свое время они занимали довольно высокое положение в героиновом кольце Анджело Туминаро, действовавшем в районе Бруклина.

Одним из погибших был сорокалетний Френк Туминаро, младший брат Энджи. После ареста Пэтси Фукка в 1962 году он взял на себя управление тайной сетью своего брата. Но перед лицом все усиливающегося давления со стороны правоохранительных органов, которые использовали данные, полученные в деле Фукка, операции Френка были еще более неудачными, чем у его племянника, и в феврале 1965 года он и семнадцать других подручных были обвинены в распространении наркотиков. Это был еще один серьезный удар по рассыпающейся организации Туминаро.

Малыш Энджи, который оставался вне досягаемости до его освобождения из тюрьмы в 1966 году, был на похоронах своего брата. Детективы, которые наблюдали за похоронной процессией, сообщали, что наркобосс, которому минуло пятьдесят восемь лет, был очень опечален.

СОДЕРЖАНИЕ

Джеймс Кан

ИНДИАНА ДЖОНС И ХРАМ РОКА 5

Робин Мур

ФРАНЦУЗСКИЙ СВЯЗНОЙ 179

СОВМЕСТНОЕ ИЗДАНИЕ

Издательство «ЭРИКА»
Издательство «ГЕОЛИТ»
Издательский дом «ДРОФА»

Художник — *В. Зорин*
Корректор — *Т. Сологуб*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 17.12.93.
Формат 84×108/32.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 24,36. Тираж 100 000 экз.
Заказ 1741. С 50.

Издательство «ЭРИКА»: 115408, Москва, а/я 10, «ЭРИКА».
Издательство «ГЕОЛИТ»: 115408, Москва,
Борисовские пруды, д. 30.
Издательский дом «ДРОФА»: 109172, Москва, Новоспасский пер., д. 7.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»
Мининформпечати РФ. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Издательство «ЭРИКА» создает сеть региональных книготорговых представительств по России и ближнему зарубежью и приглашает распространителей к участию в конкурсе.

Ждем Ваших предложений по телефонам:

(095) 288–39–77
(095) 342–61–61

